

**ББК 63.3 (5каз)
Ж 91**

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

М. К. Койгелдиев (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
**С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков**

Составление, транскрипция скорописи XVIII в.,
историографический очерк и комментарии
И. В. Ерофеевой

Специальное редактирование текстов и составление указателей
Г. С. Султангалиевой

Научный редактор
Б. М. Сужиков

**Ж 0503020905
00(05)-05**

ББК 63.3 (5каз)

ISBN 9965-699-77-1

© Ерофеева И. В., транскрипция, 2005
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2005

Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759 гг.)

В XVI–XVII вв. взаимоотношения Российского государства с казахскими ханствами занимали второстепенное место во внешнеполитической стратегии царского правительства и имели в целом нерегулярный характер. В России основными источниками информации о географии и социально-политической жизни азиатских стран, лежащих к югу за Уралом, являлись эпизодические «отписки» сибирских воевод о важнейших событиях, происходивших в сопредельных восточных государствах; «статейные списки» немногочисленных русских посольств, изредка совершавших поездки в Казахскую степь, Джунгарию и среднеазиатские ханства; «распросные маршруты» и «сказки» (показания) так называемых «бывалых людей» и среднеазиатских купцов, прибывавших в Сибирь из Центральной Азии через Степь и посещавших российские приграничные центры. Ввиду крайней скудости всей совокупности этих документальных материалов, их жанрово-видового однообразия и тематической ограниченности географические и историко-этнографические знания россиян о Казахстане и казахском народе были до конца первой трети XVIII в. очень дискретными, локальными и поверхностными.

Качественно новый этап в накоплении разносторонних знаний о Казахстане в России начинается с 30-х гг. XVIII в., когда в результате принятия в 1731–1732 гг. российским подданства частью ханов, султанов и влиятельных родоправителей Младшего

и Среднего жузов территория региона стала более доступной для изучения русской и европейской наукой. Расширение дипломатических и культурных связей Российского государства с европейскими при Петре I и его преемниках, активизация его восточной политики и модернизация социально-политических институтов внутри самой империи также явились важными факторами, способствовавшими более основательному изучению казахских земель в России и во всем европейском мире.

Становление процесса систематического изучения Казахстана и казахского народа в России непосредственно связано с личностью крупного российского дипломата и администратора первой половины XVIII в., одного из наиболее ярких и талантливых «птенцов гнезда Петрова», первого в истории страны генерала-мусульманина генерал-майора мурзы Кутлу-Мухаммеда Мамешеви́ча (рус. — Алексе́я Ива́новича) Тевкелева (1674/75—1766). Значительная часть его жизни, не считая небольших перерывов, прошла в Оренбургском крае на северо-западной границе Казахской степи, где он успешно проявил себя не только в качестве талантливого и самостоятельного дипломата, но и оригинального исследователя истории, современного ему общественно-политического положения, быта и культуры казахов.

Кутлу-Мухаммед-мурза Тевкелев был почти ровесником Петра I и прожил долгую, насыщенную драматическими событиями жизнь, пережив своего главного венценосного патрона и идейного вдохновителя на целые сорок один год. Он принадлежал к одному из наиболее видных мусульманских дворянских родов Российской империи, возводившему свои династийные корни к XVI веку.

Происхождение рода Кутлу-Мухаммед-мурзы Тевкелева до сих пор в исторической науке окончательно не выяснено. Судя по лаконичным данным родословной дворян Тевкелевых, представленной в 1789 г. в Дворянское собрание Уфимского наместничества женой единственного сына генерал-майора Юсуфа (ум. в 1771 г.) Дарьей Алексеевной Тевкелевой и крепостным актам нескольких поколений его предков, основоположником этого дворянского рода считается некий знатный выходец из татарских мурз Среднего Поволжья Уразлей Тевкелев, принявший в XVI в. российское подданство. В эпоху завоевания Московским государством соседних тюркомонгольских государств Уразлей, как и многие другие его тюркоязычные соплеменники, добровольно или при-

нудительно (?) сменил прежних наследственных патронов своего рода из династии чингизидов на православного «белого царя», но при этом несмотря на типичное для того времени неприязненное отношение московских властей к «бусурманству» и российским подданным-«бусурманам», остался убежденным мусульманином [1]. В последующем почти все мужские потомки этого полулегендарного «ордынского» пращура, включая самого генерал-майора К.-М. Тевкелева, сохранили преданность вере своих предков. Поэтому широко бытующий в исторической литературе тезис о якобы имевшем место отказе Тевкелева от ислама и обращении в православие, как убедительно показано в специальных исследованиях последних лет, не имеет ничего общего с реальной действительностью. Кутлу-Мухаммед Тевкелев никогда не принимал крещения и до конца своих дней оставался последовательным мусульманином [2]. При этом его русское имя — Алексей Иванович, как, впрочем, и русские собственные имена его ближайших потомков, являются всего лишь данью российской официальной эпонимической традиции, побуждавшей царских чиновников-иноверцев (мусульман, католиков, протестантов, буддистов и т. д.) иметь двойные имена: русские — на государственной службе, а тюркские, монгольские или немецкие — в повседневном обиходе и личных контактах с родственными им по культуре сослуживцами и знакомыми.

Сыном Уразлея был мурза Ураз-Мухаммед (Ураз-Мамет), а сыном последнего — мурза Давлет-Мухаммед (Давлет-Мамет), прадед будущего генерал-майора К.-М. Тевкелева, получивший в свое время статус кормового поместного иноземца в будущей Ярославской губернии [3].

Отец Кутлу-Мухаммеда Тевкелева — мурза г. Касимова Мамеш Тевкелев — был старшим сыном Давлет-Мухаммеда, имевшего четырех сыновей: Мамеша, Булуша, Сафера и Мамета. В отличие от своих ближайших предков и прочих сородичей Мамеш Тевкелев являлся уже полноправным российским помещиком, владея земельными угодьями с крепостными крестьянами в Касимовском уезде будущей Нижегородской губернии, Владимирском уезде Московской губернии и Керинском уезде Казанской губернии, которые унаследовал от своего деда с отцовской либо материнской стороны [4].

Генеалогические сведения, имеющиеся в крепостных актах потомков генерал-майора К.-М. Тевкелева о других старших пред-

ставителях его рода, крайне малочисленны и фрагментарны. В то же время все они в целом вполне определенно свидетельствуют о том, что поместные дворяне Тевкелевы уже в XVII — начале XVIII в. сумели приобрести устойчивое доверие к себе со стороны царского правительства и в большинстве своем почти постоянно находились на дипломатической службе России в качестве профессиональных переводчиков. В частности, переводчиком Посольского Приказа был двоюродный дядя генерал-майора Тевкелева Рамазан Абдрахманович Тевкелев, а позднее переводчиком Коллегии иностранных дел — сын последнего Муртаза Рамазанович, получивший в 1754 г. чин коллежского асессора [5]. С должности переводчика «ориентальных языков» Коллегии иностранных дел началась блестящая служебная карьера и самого выдающегося представителя дворянского семейства Тевкелевых генерал-майора Кутлу-Мухаммеда Мамешевица Тевкелева.

Кутлу-Мухаммед-мурза Тевкелев, называвшийся в источниках еще Кутлумаментом, Кутлумбет-мурзой, Мамет-мурзой или официально по-русски Алексеем Ивановичем, родился в 1085 г. хиджры, а по европейскому летосчислению — в 1674—1675 году [6]. Его карьера с самого начала службы была тесно связана с дипломатическим ведомством России — Коллегией иностранных дел. Свою профессиональную деятельность в сфере российской дипломатии К.-М. Тевкелев начал в качестве переводчика с тюркских и персидских языков еще в ранней молодости до начала правления Петра I и закончил уже будучи глубоко пожилым человеком в екатерининскую эпоху. Это был, безусловно, широко образованный для своего времени человек, в совершенстве владевший несколькими восточными языками: татарским, башкирским, казахским, узбекским, персидским, позднее — калмыцким; и свободно изъяснявшийся в письменной форме на литературном среднеазиатском (чагатайском) тюрки. Помимо восточных он знал также и некоторые европейские языки, которые успешно освоил, видимо, в процессе своей повседневной практической деятельности на дипломатическом поприще [7]. По свидетельствам большинства современников, К.-М. Тевкелев отличался гибким умом, находчивостью и красноречием. В самой России и среди правящей элиты соседних азиатских государств он имел устойчивую репутацию тонкого знатока образа жизни, культуры, быта и особенностей менталитета восточных народов Российской империи.

Впервые о службе Тевкелева упоминается в источниках в связи с его участием в драматическом Прутском походе 1711 г., где молодой энергичный чиновник-мусульманин, выполняя обязанности «переводчика ориентальных языков», обратил на себя особое внимание русского царя. Петру I он показался «человеком надежным», способным вполне самостоятельно и твердо отстаивать интересы России в критических ситуациях [8]. Не исключено, что именно эта во многом случайная встреча оказалась в определенном смысле судьбоносной для служебной карьеры потомственного татарского мурзы, который несколько лет спустя стал довольно часто привлекаться царем к выполнению сложных дипломатических поручений в различных азиатских странах.

Так, в 1716 г. по личному указанию Петра I К.-М. Тевкелев был включен в состав экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву и по дороге получил от него приказ отправиться в Иран и Индию с поручением собрать разнообразные сведения о посещенных странах, в первую очередь, о месторождениях «песошного золота», а затем вернуться в отряд через Китай и Бухару. Однако на полпути к Индии, оказавшись в Астрабаде, он попал в плен к иранскому наместнику и был освобожден только благодаря усилиям русского посланника при сефевидском дворе А. П. Волинского. Узнав о гибели А. Бековича, К.-М. Тевкелев возвратился в Россию [9], где продолжал выполнять различные поручения царя и Коллегии иностранных дел. В 1719 г. он был направлен последней в астраханские степи к волжским калмыкам для обучения калмыцкому языку, а затем послан к хану Аюке (1646–1724) [10].

В 1722–1723 гг. К.-М. Тевкелев участвовал в роли «старшего переводчика по секретным делам» в Персидском походе Петра I и стоял у самых истоков зарождения знаменитой петровской идеи о «Казацкой орде» как «ключе и вратах ко всем азиатским странам и землям» [11]. Позднее именно К.-М. Тевкелев оказался тем единственным из оставшихся в живых идейных прародителей казахстанского вектора восточной политики России (другими консультантами царя по этому вопросу были астраханский губернатор А. П. Волинский, сибирский губернатор А. Д. Черкасский и, возможно, калмыцкий хан Аюка) [12], кто письменно засвидетельствовал крылатое высказывание российского самодержца о транзитном геополитическом значении Казахстана для российской внешней экспансии в Центральной Азии.

В середине 1720-х гг. он совместно с И. И. Неплюевым, Т. П. Шафировым и А. П. Вольнским участвовал в переговорах с турецкими посланниками на Немировском конгрессе, заменив там отсутствовавшего австрийского переводчика [13]. Однако в полной мере незаурядные дипломатические таланты и большой исследовательский потенциал К.-М. Тевкелева раскрылись в период его пребывания на территории будущего Оренбургского края и Казахской степи. Со временем он приобрел в этих регионах настолько большую популярность, что казахи «поставляли его за такого умного, который больше человеческого разум имеет» [14].

Преждевременная смерть Петра I отодвинула на несколько лет исполнение честолюбивых надежд А. И. Тевкелева на предначертанную ему самой судьбой и высочайшей волей приоритетную роль в предстоящем деле практического воплощения в жизнь грандиозного восточного проекта Петра I, намеревавшегося посредством привлечения казахов в российское подданство проложить через Казахскую степь надежный сухопутный путь к овладению сказочными богатствами Индии и соседних стран «Полуденной Азии». Свою собственную историческую миссию как главного исполнителя идейных заветов Петра ему удалось реализовать только в начале царствования императрицы Анны Иоанновны, когда весной 1731 г. по высочайшему повелению он был впервые направлен в Казахскую степь для приведения местных ханов, султанов и старшин к присяге на верность Российской империи.

Непосредственным поводом для снаряжения этой дипломатической миссии явился официальный визит 28 августа 1730 г. в Москву и в начале сентября — в Петербург посольства старшего хана казахов Абулхайра (1710—1748) в количестве 11 человек во главе с бием племени керей Среднего жуза Сеиткулом Койдагуловым и батыром поколения алимулы Младшего жуза Котлумбетом Коштаевым с письменным прошением казахского правителя о принятии его вместе с подвластным народом в российское подданство [15]. При императорском дворе желание хана Младшего жуза получить «протекцию» русской императрицы было воспринято как очень приятное, хотя и неожиданное, событие, поэтому казахское посольство встретило в Петербурге самый благожелательный прием. Прошение Абулхайра было передано на рассмотрение Кабинета министров, который 14 марта 1731 г. вынес по нему свой одобрительный вердикт [16].

Для приведения казахов к присяге на верность российскому престолу императрица распорядилась направить в кочевья Младшего жуза специальное посольство во главе с опытным дипломатом, свободно владевшим казахским разговорным языком. Переводчик Коллегии иностранных дел К.-М. Тевкелев, безусловно, был наиболее подходящей фигурой для этой ответственной миссии. Поэтому вполне закономерно, что Анна Иоанновна остановила свой выбор именно на нем.

В специальной «Инструкции», подготовленной в феврале 1731 г. для А. И. Тевкелева Коллегией иностранных дел, посланнику императрицы были четко предписаны политические условия, на которых казахский хан и подвластное ему население должны быть приведены к присяге на подданство. Царское правительство возлагало на Абулхаира обязанность охранять русские торговые караваны в степи, платить ежегодно ясак шкурами животных, давать заложников (аманатов), жить в мире с российскими подданными и подчиняться основным законам Российской империи. В том случае, если казахский хан по тем или иным причинам «к платежу ясака и даче на Уфу аманатов будет весьма несклонен», то российский посланник должен был его согласия «не домогаться, а только стараться, чтоб он, Абулхаир-хан, с прочими начальными пунктами подписали и жили в верности» [17].

Ввиду отсутствия к тому времени в Коллегии иностранных дел сколько-нибудь точных и обширных знаний о географии Казахстана, общественном устройстве, быте, внутривнутриполитической и социально-культурной жизни казахов, Тевкелеву особо предписывалось в 9-м пункте Инструкции по всем этим вопросам «о киргисцах усматривать и разведать, а особливо о начальном их киргис-кайсацком Абулхаир-хане, какова состояния он есть». Было признано также целесообразным использовать поездку в казахские кочевья для более основательного изучения пограничных с ними башкирских земель, которые долгое время оставались почти недосягаемыми для чиновников Уфимского воеводства Казанской губернии. В этой связи вышеупомянутый 9-й пункт Инструкции включал в себя достаточно подробный перечень географических и историко-этнографических вопросов о Башкирии, интересовавших российское правительство [18]. Кроме того, с целью своевременной письменной фиксации всего увиденного и услышанного в казахских аулах Коллегия иностранных дел вменяла в

обязанность Тевкелеву регулярно вести полевой журнал своего пребывания в Степи, а для составления подробного топографического описания и карты пройденных мест определила ему в помощь геодезистов Алексея Писарева и Михаила Зиновьева, отправленных из Уфы [19].

30 апреля 1731 г. российское посольство вместе с посланниками Абулхаира выехало из массивных ворот восточной окраины Петербурга и двинулось в направлении Уфы. Конкретные исторические обстоятельства его путешествия по башкирским и казахским кочевьям и двухлетнего пребывания в Степи подробно отражены в пяти донесениях [20], специальном «Журнале» Тевкелева [21] и топографическом описании маршрута движения его отряда, составленном геодезистами А. Писаревым и М. Зиновьевым [22], которые в совокупности позволяют в деталях воссоздать историю этой важнейшей дипломатической миссии.

Согласно указанным историческим документам, путешествие Тевкелева от Петербурга до Уфы продлилось два месяца и три дня. С 4 июля по 26 августа 1731 г. посольство находилось в Уфе, где совершались последние приготовления к трудной поездке по неизведанным местам в северо-западные кочевья казахов и собирались предварительные сведения о политической ситуации в приграничных с Юго-Восточной Башкирией степных районах казахского края. Через три дня после прибытия К.-М. Тевкелева с сопровождавшими его людьми в Уфу к нему явился знатный башкирский тархан Ногайской дороги Алдар Исянгельдин (ум. в 1740 г.) с приближенным Абулхаира влиятельным в Степи представителем суфийского мусульманского духовенства Мухаммадом-кожа, приходившимся родным племянником некоему общепризнанному пиру казахского народа из Туркестана. Они сообщили российскому посланнику точное местонахождение степной ставки хана Младшего жуза. При этом Алдар предложил Тевкелеву в целях обеспечения безопасности его проезда по приуральским кочевьям казахов оповестить хана Абулхаира о скором прибытии к нему из Башкирии российского посольства. Для извещения Абулхаира башкирский тархан направил в Младший жуз своего сына Мансура, башкира Кидряса Муллакаева и казаха Рысбая. 22 августа Кидряс Муллакаев возвратился из казахских кочевий в Уфу и привез с собой четырех представителей от хана Абулхаира и его зятя султана Батыра (ум. в 1771 г.) во главе с батыром Среднего

жуза Суюндуком [23]. Последний передал Тевкелеву письмо своего патрона, подтверждавшее его прежние намерения в отношении России и уверявшее главу посольской миссии в том, что монархи Бухары и Хивы, градоправители Ташкента, Туркестана и другие казахские ханы признают Абулхаира своим повелителем и желают, так же как и он, стать российскими подданными. Все эти заверения были преднамеренной мистификацией с целью повышения интереса А. И. Тевкелева к начатому делу [24].

После получения указанных сведений К.-М. Тевкелев начал усиленно готовиться к скорейшему отправлению в Казахскую степь. В Уфе его свита была укреплена группой опытных служилых людей в количестве 70 человек. Для того, чтобы еще больше повысить безопасность посланника «белой императрицы» и придать ему соответствующий внешний имидж в глазах степняков, уфимский воевода П. И. Бутурлин выделил в распоряжение Тевкелева вооруженный конвой из 10 драгунских солдат и почетный эскорт в составе 10 уфимских дворян, 10 яицких казаков и 30 знатных башкир во главе с тарханом Алдаром Исянгельдиным [25]. 26 августа 1731 г. К.-М. Тевкелев со своей вооруженной свитой и вооруженным конвоем покинул Уфу и отправился через кочевья башкир в казахские степи.

Путешествие российского посольства от Уфы до кочевий хана Абулхаира длилось полтора месяца. За это время оно проделало долгий, почти тысячеверстный путь. Больше месяца посольский отряд с остановками передвигался по Башкирии в направлении на юго-восток, а 23 сентября, переправившись выше Яицкого городка через реку Яик в ее среднем течении, вступил в приграничные кочевья Младшего жуза. В последующие 13 дней маршруты Тевкелева пролегал, как и прежде, в юго-восточном направлении: сначала по левым притокам Яика к степной речке Ерыкли и ее притоку Сары, оттуда — к речке Терекли, а от последней — до речки Камышлы, стекающей с тех же гор, что и крупные реки Ирғиз и Тобол, и впадающей в Орь. Затем посольство направилось к Нетле — правому притоку Камышлы, от него — к речке Акташ, впадающей в правый приток Ирғиза Бакшайш; затем — по Акташу «степными местами» вниз к Бакшайшу, а от него — через степь к Ирғизу и далее вниз по течению этой реки [26].

2 октября в низовьях Ирғиза российского посланника встретил сын Абулхаира султан Нуралы (1710/11—1790) в сопровож-

дении знатных казахских батыров и старшин. В этом месте Тевкелев сделал двухдневную остановку на отдых, чтобы должным образом поприветствовать старшего отпрыска ханского семейства и специально подготовиться к скорой официальной встрече с его отцом [27].

Простояв лагерем почти двое суток в низовьях Иргиза, посольство Тевкелева вместе с сопровождавшими его казахами 4 октября вновь двинулось в путь. За полтора суток оно прошло лесостепными участками и песчаной степью по правому берегу Иргиза расстояние в 42 версты и 5 октября достигло ниже устья р. Шет-Ирғиз каменных гор Манитюбе, простиравшихся в эту прибрежную степь от верховьев Ори. Здесь, в живописном урочище с таким же названием, располагалась одна из летних ставок хана Абулхайра [28]. В «Журнале» А. И. Тевкелева за 1731 г. по этому поводу отмечается: «Октября 5 числа прибыли в урочище Манитюбе, стали при реке Ирғиз, а 6-го дня того ж октября... Абулхайр-хан приказал встретить ево, Тевкелева, в 2-х верстах» [29].

В ханской ставке К.-М. Тевкелев был сразу же взят под стражу «тайным караулом» приставленным к нему старшинами Младшего жуза, и вынужден с 6 по 10 октября только тайно общаться с ханом, являясь в юрту Абулхайра переодетым в «худое платье кайсацкое» по ночам. Во время этих ночных встреч между российским посланником и Абулхайром состоялся обстоятельный разговор, касавшийся в основном побудительных мотивов обращения хана к царскому правительству с просьбой о подданстве.

Абулхайр признался К.-М. Тевкелеву, что написал русской императрице один, без совета с другими казахскими ханами и старшинами. Он объявил, что сознательно пошел на эту ложь, так как опасался, что императрица, узнав всю правду, оставит его прошение без ответа. Он пояснил свое желание получить российское подданство тем, что рассчитывал с помощью России урегулировать взаимоотношения казахов Младшего и Среднего жузов с башкирами и калмыками и обеспечить себе безопасный тыл для дальнейшей борьбы с джунгарами с целью возвращения под свой контроль ранее утраченных в ойрато-казахской войне 1723–1730 гг. Туркестана, Сайрама и прочих присырдарьинских городов [30].

В то же время, отвечая на вопрос А. И. Тевкелева о причине его самовольного обращения за подданством без одобрительной санкции подвластных султанов и старшин, Абулхайр был на пер-

вых порях менее откровенным со своим собеседником. Поскольку хан тогда еще не имел достаточных оснований доверять российскому посланнику и не знал, как тот поведет себя в совершенно неожиданной для него экстремальной ситуации, он предпочел до конца не раскрывать ему свои политические замыслы и лишь косвенно намекнул на то, что не мог рассчитывать при проведении в Степи жизненно важных для его страны, но непопулярных среди кочевой знати преобразований на широкую поддержку со стороны жестко соперничавших с ним за власть степных султанов и своих «подлых знатных биев». «Киргиз-кайсацкая орда, — говорил он Тевкелеву, — люди дикия; вдруг их в путь наставить невозможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей» [31]. До курултая народных представителей Младшего жуза Абулхайр ни словом не обмолвился при общении с ним о своем намерении установить в Степи автократический тип ханского правления при опоре на военно-административные ресурсы самодержавной России, и лишь две недели спустя, когда посланник императрицы выдержал первое испытание на прочность, он полностью раскрыл ему свои далеко идущие планы относительно преобразования традиционного института ханской власти у казахов [32]. В ходе тайного общения с Тевкелевым Абулхайр, хорошо знавший социальную психологию казахов-кочевников, посоветовал посланнику проявить терпимость и осторожность при объяснении цели своей миссии разгневанным старшинам. Он рекомендовал Тевкелеву не скупиться на подарки и щедро одаривать разными вещами наиболее влиятельных старшин.

7 октября Тевкелев поставил в известность старшин о предстоящем принятии им присяги на верность русской императрице, раздал подарки и назначил день проведения собрания с присутствием Абулхайра. Однако к вечеру стало известно, что враждебность большинства родоправителей по отношению к нему и хану резко возросла, что последние подозревают его в шпионаже в целях подготовки военного наступления России на казахские жузы и намерены убить всех членов посольства, а их имущество разграбить.

Тогда Тевкелев призвал к себе в юрту знатных башкир Алдара Исянгельдина, Таймаса Шаймова, Косемиша Бекходжина, Орадая Обозина, Кидряса Муллакаева, Шиму Кадырчикова, Козяша Рахманкулова и Ака-муллу и обратился к ним за сове-

том, как следует ему поступить в создавшейся тревожной обстановке. Башкирские батыры предложили главе русской миссии начать с приобретения расположения наиболее авторитетных и влиятельных старшин, таких, как батыры Младшего жуза Букенбай, Есет и Кудайназар-мурза, на поддержку которых Абулхаир опирался многие годы. Хан помог посланнику при содействии батыра Таймаса отыскать Букенбая и организовал его свидание с Тевкелевым [33].

В ходе взаимного обмена мнениями по вопросу о подданстве Букенбай пообещал Абулхаиру и Тевкелеву помочь им одержать верх над остальными старшинами. Действительно, знаменитый батыр остался верен своему слову и в течение всего времени пребывания российского посольства в Степи постоянно поддерживал Тевкелева в самые трудные для него моменты общения с казахами.

10 октября 1731 г. российский посланник был вызван на представительный курултай казахской аристократической элиты и старшин Младшего жуза. Там его допросили «с великой яростью и гневом» о цели прибытия в Казахскую степь. К.-М. Тевкелев объяснил старшинам, что прислан к ним русской императрицей по просьбе хана Абулхаира для принятия его с подвластным народом в российское подданство. После этих слов старшины перенесли свой гнев на Абулхаира. Они стали возмущенно спрашивать хана: «Для какой причины просил он «подданства российского один без согласия их, киргизских [прав. — казахских. — И. Е.] старшин» и при этом обвиняли своего патрона в самовольном «приведении» их в «неволю», а также в превышении им своих полномочий, узаконенных традициями степного права. Характерно, что Абулхаир в ответной речи обвинителям не стал ссылаться в свое оправдание на враждебные отношения казахов с иноплеменными соседями и военное превосходство окружавших их «со всех сторон» внешних врагов, о чем он незадолго до собрания говорил с глазу на глаз с Тевкелевым. Сознывая исключительную сложность и опасность того положения, в которое он сам себя поставил проявленной инициативой, Абулхаир, тем не менее, предпочел прямо и откровенно заявить, что просил российского подданства, чтобы обладать реальной политической властью, а не просто почетным титулом, когда «он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными ни жадной не имеет и живет как между скотом». Сравнив свою жизнь среди казахов с положе-

нием дикой бесхозной лошади, «которую люди бьют и звери ловят», Абулхаир убежденно говорил, что «подобно тем зверям, он, хан, не имеет себя оборонителя и изобрел, яко лучшее есть, иметь подданство великого монарха, и желает видеть свету; и лучше от них убиен будет, нежели страшно живот терпеть». Жестко возражая оппонировавшим ему «противным старшинам», Абулхаир не сделал ни малейшей попытки завуалировать свои истинные политические замыслы, так как был уверен, что они уже в той или иной степени стали известны его оппонентам и настало время бросить открытый вызов судьбе. Казахские старшины, в свою очередь, продолжали настаивать на том, что «советовали» хану отправить посланцев к русской императрице «токмо затем, чтоб с Россиею быть в миру, а в подданстве быть не желают» [34]. Подобные возражения сопровождались недвусмысленными угрозами в адрес российского посольства, что побудило К.-М. Тевкелева вмешаться в разгоревшийся спор.

Сообразив по ходу жаркой дискуссии, что проблема миротворческого участия России в разрешении военных конфликтов казахов с их северными соседями — башкирами, калмыками, яицкими и сибирскими казаками — была одинаково актуальной как для сторонников Абулхаира, так и для «противной партии» казахских старшин, он решил воспользоваться этим важным козырем в интересах порученного ему дела и добиться нужного для цели миссии соотношения сил. Используя свои неординарные артистические способности и большой ораторский талант, опытный российский дипломат заявил собравшимся с театрально выдержанным высокомерным пафосом, что «присоветованный» ими год назад своему хану договор о мире с царским правительством никак не совместим с военным могуществом и высоким международным престижем такой великой державы, как Россия, и просто «неприличен» для достоинства «славной в мире» русской императрицы, «ибо Российская империя от киргиз-кайсаков никакого опасения не имеет, и в них нужды нисколько нет, а им, киргиз-кайсакам, от подданных Российской империи великая опасность есть...»

Обрисовав собравшимся сложное внешнеполитическое положение казахских жузов и бессилие казахов против внешних врагов, российский посланник завершил свой хорошо продуманный живописный монолог жестким бескомпромиссным заявлением,

что в случае отказа казахских старшин поддержать прошение Абулхаира о российском подданстве, он принуждать их к этому не будет, но и «чинить» мирный договор с ними также не согласится, ибо «такого бесславия Российской империи он, Тевкелев, не принесет» [35].

После этой впечатляющей ораторской тирады с краткой речью к своим соплеменникам обратился знатный старшина Букенбай. «При всем собрании, выступая из всех», батыр говорил, что «он ... с Абулхаир-ханом в подданстве российском быть желает и в том будет присягать». Его поддержали хан Абулхаир и батыр Есет. Вслед за этими речами присягу в верности российской императрице принесли на Коране хан Абулхаир, батыры Букенбай, Есет, Кудайназар-мурза, а «потом и из знатных старшин присягали 27 человек» [36].

В течение декабря 1731 г. и весь следующий год К.-М. Тевкелев вместе с семейством хана Абулхаира неоднократно совершал перекочевки по западной части Казахской степи в направлении с северо-запада на юго-восток и обратно на север, в течение которых постоянно общался со многими авторитетными представителями правящей элиты казахов: султанами, биями, батырами и старшинами, а также с рядовыми кочевниками. В ходе этих интенсивных контактов ему удалось склонить к принятию российского подданства хана Среднего жуза Семеке (ок. 1724–1737/38), влиятельного султана Младшего жуза Батыра (ум. в 1771 г.) и некоторых других казахских правителей и старшин обоих жузов. Однако к осени 1732 г. борьба двух партий казахских старшин вокруг идеи принятия российского подданства еще больше обострилась, и поэтому ближайшие сторонники хана Младшего жуза и сам Абулхаир предложили Тевкелеву покинуть Степь и уехать в Петербург.

За время пребывания российского посольства в казахских кочевьях между Абулхаиром и Тевкелевым установились теплые доверительные отношения, чему в немалой степени способствовало глубокое знание последним нормативно-бытовой культуры степных номадов и свободное владение казахским языком. Хорошее взаимопонимание и доброжелательное отношение друг к другу казахский хан и российский дипломат сохранили на всю оставшуюся жизнь. Более того, история распорядилась так, что с 1731 г. дружеские связи татарского мурзы и его потомков с дина-

стией казахского чингизида Абулхаира уже не только никогда надолго не прерывались, но и со временем переросли в кровное междинастическое родство двух этих генеалогических линий.

24 ноября 1732 г. российское посольство в сопровождении представителей хана Абулхаира отправилось в обратный путь из урочища Найзакескен. Вместе с К.-М. Тевкелевым находились второй сын Абулхаира султан Ералы (ок. 1721–1794), двоюродный брат хана султан Нияз (род. ок. 1682), старшины: Кудайназар-мурза, Садык-бий, Мурзагельды-батыр, Тугельбай-батыр и некоторые другие лица. 2 января 1733 г. посольство прибыло в Уфу, а некоторое время спустя отправилось отсюда в Петербург [37]. В столицу России оно прибыло 4 января 1734 г. [38], продлившись, таким образом, более двух с половиной лет.

10 февраля 1734 г. султан Ералы был принят в торжественной обстановке при императорском дворе Анной Иоанновной. В Петербурге он и другие представители казахского посольства принесли вторичную присягу на верность России [39]. В ходе русско-казахских переговоров были окончательно закреплены условия российского протектората по отношению к казахам Младшего и Среднего жузов. В связи с этим важным историческим событием мурза К.-М. Тевкелев за удачно выполненную им дипломатическую миссию в казахских кочевьях с 1731 по 1733 гг. 8 мая 1734 г. был пожалован императрицей в «полковники с армейским полным жалованьем» [40].

Как правило, все историки, осмысливая историческое значение миссии К.-М. Тевкелева для развития русско-казахских отношений и кочевого общества казахов вообще, предпочитают говорить главным образом об ее определяющей роли в становлении процесса утверждения российского присутствия в регионе. При этом мнения специалистов о последствиях присоединения Казахстана к России для казахского народа с давних пор существенно расходятся друг с другом [41], хотя в последнее время стала явно доминировать более взвешенная точка зрения о большой внутренней противоречивости этого исторического процесса и неоднозначном характере его влияния на социально-экономическое, политическое и культурное развитие казахов [42].

В отличие от главного политического результата посольства Тевкелева, допускающего диаметрально противоположные по смыслу авторские оценки и суждения, отношение профессиональ-

ных историков к доставленным им в Россию исследовательским материалам о казахском народе всегда было и до сих пор остается однозначно положительным по его основополагающим критериям. По общему мнению всех дореволюционных, советских и современных исследователей истории Казахстана, четко выраженному как в специальных историографических трудах и разделах диссертаций, так и косвенным образом — в форме многократного использования извлеченных из работ Тевкелева исторических знаний, созданные им документальные источники имеют непреходящую познавательную-практическую ценность для исторической науки, так как являются плодом тщательного эмпирического обследования большей части территории и населения Казахстана и содержат в себе уникальную конкретно-историческую информацию по широкому кругу самых различных аспектов социально-политической и культурной жизни казахов первой половины XVIII столетия.

Собранные российским посольством в 1731–1732 гг. полевые данные о недавнем прошлом и современном ему положении казахского народа были изложены членами миссии в нескольких официальных документах, специально подготовленных для Коллегии иностранных дел. К ним относятся: пять донесений Тевкелева из Степи высшим сановникам империи, его особый посольский дневник или «Журнал», охватывающий весь период пребывания дипломатической миссии на территории Западного Казахстана; подробное текстовое описание путевого маршрута русского отряда и географическая карта пройденных мест, которые составили геодезисты А. Писарев и М. Зиновьев. В этой группе источников наибольший интерес для современных историков представляет написанный скорописью XVIII века «Журнал бытности в Киргиз-казацкой орде переводчика Маметья Тевкелева» за 1731 — начало 1733 г. объемом около 140 листов рукописного текста, где содержится множество оригинальных фактических сведений по истории Казахстана первой половины XVIII века. При этом следует иметь в виду, что данный «Журнал» является фактически единственным аутентичным источником информации о конкретных исторических обстоятельствах принятия ханом Абулхайром и другими политическими лидерами казахов-кочевников российского подданства в 1731 году. Его особая ценность заключается также в том, что здесь впервые приведены четкие и однозначные

свидетельства о давнем существовании на территории региона трех казахских жузов: Старшего, Среднего и Младшего — и конкретно обозначены исторические названия каждого из них («Большая», «Средняя» и «Малая» или «Меньшая» «орды»), которые отсутствуют во всех более ранних (как русских, так и восточных) источниках по истории казахов.

Основное внимание автором «Журнала» по понятным причинам было уделено освещению внутренней социально-политической обстановки в Степи в начале 30-х гг. XVIII в. и драматическим коллизиям междоусобной борьбы различных группировок казахской знати «черной кости» («кара суйек») вокруг идеи принятия российского подданства. Столкнувшись в казахских кочевьях лицом к лицу с острой конфронтацией пророссийской и так называемой «противной партией» местных старшин, Тевкелев проявил себя в этой экстремальной ситуации не только как талантливый самостоятельный дипломат, но и как тонкий наблюдатель. Все сложнейшие перипетии увиденной им и испытанной на себе жесткой внутривосточной борьбы отражены в его дневнике очень подробно и детально [43], что позволяет современным историкам точно установить конкретные даты и последовательность чередования многих исторических событий, составить относительно объективное представление о сложившейся к тому времени в кочевом обществе расстановке политических сил и на данной основе более или менее полно реконструировать действительную историческую картину начала вступления казахов Младшего и Среднего жузов под российский протекторат.

Вместе с тем в трудах советских ученых, посвященных истории русско-казахских отношений, нередко можно встретить критическое утверждение о том, что К.-М. Тевкелев при неоднократных упоминаниях в «Журнале» о грозившей ему большой опасности со стороны «противной партии» казахских старшин будто бы сильно преувеличивал и драматизировал накал политических страстей в Степи вокруг проблемы российского подданства, рассчитывая тем самым подчеркнуть свои особые заслуги в порученном ему деле перед российским престолом и получить за свои труды достойную награду от русской императрицы [44]. Этот априорный тезис мне представляется достаточно уязвимым с научной точки зрения, так как кроме двухлетнего дневника главы российской дипломатической миссии других аутентичных источников

информации о посольстве Тевкелева к хану Абулхаиру нет. Поскольку же при отсутствии иных, чем его собственная, авторских версий развития указанных событий мы не только не можем достоверно установить конкретные факты проявления у Тевкелева подобных гипотетических «искажений» и «преувеличений», но даже сколько-нибудь убедительно доказать тот факт, что они действительно у автора есть, то, следовательно, «должны брать свидетельства его «Журнала» именно такими, каковы они есть на самом деле» [45] и не пытаться сглаживать по конъюнктурно-идеологическим мотивам описанную в нем довольно сложную и противоречивую историческую ситуацию в Степи.

В общем контексте описания внутривосточной обстановки в регионе в начале 30-х гг. XVIII в. в «Журнале» Тевкелева приведены обширные разнообразные сведения о традиционных правящих элитах казахского общества и их наиболее видных представителях того периода (ханах Абулхаире и Семеке, султанах Нуралы, Батыре, Ниязе и др.; батырах Младшего жуза Букенбае, Есете, Кудайназар-мурзе и т. д.), что в комплексе дает возможность более или менее точно выявить основные статусные характеристики социальных групп султанов, биев, батыров и старшин; функциональную роль в системе управления кочевым обществом каждой из них и характер взаимоотношений всех этих привилегированных сословно-корпоративных группировок между собой и с рядовыми общинниками-казахами. Важность этих фактических сведений состоит также в том, что все они емко и колоритно характеризуют цивилизационные особенности института ханской власти у степных кочевников региона и свидетельствуют о традиционной ограниченности властных полномочий казахских ханов в условиях перманентно-подвижного образа жизни скотоводческого населения и обширности ареала его кочевания.

Помимо сведений о внутренней социально-политической обстановке на территории Казахстана в первой половине XVIII в. в «Журнале» имеется большая оригинальная информация о внешних связях казахских ханств с соседними государствами и народами, главным образом — с Джунгарией, Хивой, Аральским владением, приуральскими башкирами и волжскими калмыками. Эти данные во многом дополняют и уточняют свидетельства других российских и восточных нарративных источников того периода о международных отношениях в Центральной Азии в эпоху наивысшей

военно-политической активности Джунгарского ханства в регионе и позволяют более детально установить формы участия наследственной аристократической элиты казахов во внутривосточной жизни Хивинского ханства, приаральских узбеков, каракалпаков и некоторых других азиатских народов и государств.

Кроме того, в «Журнале» приводятся краткие биографические сведения об отдельных казахских ханах, султанах и наиболее авторитетных батырах того времени, полученные Тевкелевым непосредственно от этих исторических лиц. В этой связи необходимо отметить, что К.-М. Тевкелев, как великолепный знаток тюркских языков и степной традиционной системы родственных отношений, очень хорошо ориентировался в многообразии традиционных тюркоязычных терминов, обозначавших различные категории родства (отец — сын или дочь; дядя — племянник или племянница; родной брат — двоюродный брат — троюродный брат; зять — тесть, сват, деверь, шурин, свояк и т. д.), и, как убедительно подтверждают многие другие репрезентативные группы источников первой половины XVIII столетия (оттиски именных печатей, персональные подписи на присяжных листах и автобиографические данные личных писем тех же ханов, султанов и батыров российским властям), фактически не допускал ошибок при указании степени родственной близости между принадлежавшими к одной семье или к одному клану историческими персоналиями. В этом отношении его специальные «Журналы» и дополняющие их постоянные донесения в Коллегию иностранных дел выгодно отличаются от подавляющего большинства других российских официальных документов XVIII в., изобилующих такого рода фактографическими неточностями и противоречиями.

Наряду с разнообразной информацией о современном автору состоянии казахского общества «Журнал» содержит немало интересных и новых для того времени сведений по истории и культуре казахского народа. К ним следует отнести краткие известия Тевкелева, записанные со слов батыра Букенбая (ум. в 1741/42 г.), о разделении казахов на три жуза, истории правления казахских ханов в каждом из этих жузов, социальных функциях ежегодно созываемых народных курултаев наследственной кочевой аристократии и знатных старшин; рассказ Абулхаир-хана об исторической роли присырдарьинских городов в общественно-политической и культурной жизни казахских ханств; показания каракалпакского

старшины Оразак-батыра о пребывании первых степных чингизидов на престоле Хивинского ханства, образные авторские зарисовки и упоминания об обычаях приема и угощения гостей, традициях сватовства и междинастических браков в семействах казахских ханов, развитии в Степи охоты с ловчими птицами на диких зверей; емкие характеристики образа жизни, культурных традиций и социальных институтов у башкир и каракалпаков и многие другие аналогичные им историко-этнографические данные. Все эти сведения и детали бытового характера, а также колоритный живописно-образный стиль повествования автора не только существенно дополняют свидетельства других, более ранних и современных Тевкелеву документальных материалов по истории Казахстана первой половины XVIII в., но и делают рассматриваемый «Журнал» ярким и живым произведением своей эпохи. Одиннадцать лет спустя после его появления на свет первый российский губернатор Оренбургского края (1744–1758) И. И. Неплюев, обстоятельно ознакомившись в Самаре с дневником Тевкелева, так отзывался в своем донесении Коллегии иностранных дел об обширных познаниях автора этого ценнейшего документа в области исторической этнографии казахов: «Он, Тевкелев, с ними единоверной и о нравах их совершенно сведомой, и поныне у всех киргис-кайсацких владельцев имя его, а особливо у Абулхаир-хана, в немалом почтении содержится» [46].

Через полгода после возвращения в Петербург К.-М. Тевкелев был причислен к новообразованной на границе башкирских и казахских кочевий Оренбургской экспедиции и 15 июня 1734 г. отправился вместе с ее первым начальником известным российским государственным деятелем и ученым И. К. Кириловым (1689–1737) в приуральские степи. 10 ноября 1734 г. он прибыл в Уфу, а немного позже — в штаб-квартиру экспедиции г. Самару, где стал правой рукой И. К. Кирилова в деле военно-административного и хозяйственного обустройства новых территорий [47]. В качестве основного помощника начальника Оренбургской экспедиции Тевкелев осуществлял «главную команду над башкирским и нерегулярным войском», постоянный контроль за положением дел в Казахской степи и строительство новых административных пунктов в Южном Приуралье. В частности, 2 сентября 1736 г. он основал в урочище Челяби на реке Миасс один из крупнейших современных городов России — Челябинск [48].

С самого начала практического утверждения политического влияния России в Оренбургском крае колонизационная политика царского правительства встретила серьезное сопротивление башкир, которое вылилось в восстание 1735–1740 гг. под предводительством Кильмяка Нурушева. Полковник К.-М. Тевкелев наряду с другими местными российскими администраторами принял активное участие в подавлении этого народного движения. По свидетельству многих источников того времени включая «Историю Оренбургскую» будущего сподвижника и единомышленника Тевкелева П. И. Рычкова, главный помощник Кирилова проявил особую жестокость в вооруженной борьбе против повстанцев. В частности, в 1736 г. Тевкелев беспощадно расправился с башкирами аула Сеянтус Балыкчинской волости Сибирской дороги. Все 1000 жителей его, в том числе женщины и дети, были убиты, а 105 человек из них заперты в амбаре и сожжены заживо. Сверх того он полностью разорил в тех местах около 50 других башкирских аулов. За проявленную чрезмерную жестокость при подавлении народного восстания башкиры прозвали К.-М. Тевкелева «дьяволом» и со временем заклеили его имя в исторической народной песне «Тафтиляу» («Тевкелев») [49].

Однако, отмечая крутой нрав и присущую Тевкелеву склонность к применению беспредельно жестоких карательных мер против непокорных групп населения юго-восточных окраин России, сопротивлявшихся царской власти и колониальным порядкам империи, было бы большим упрощением искать объяснение его беспощадным действиям против башкирских повстанцев в одной только «суровой выучке петровской государственной школы», или в свирепой решимости «татарина-ренегата» любой ценой защищать интересы самодержавия, либо же в «типичной» для азиатов жестокости по отношению к своим соперникам в непримиримой борьбе, как это часто утверждается в различных исследованиях по истории бывшего Оренбургского края. Безусловно, все перечисленные обстоятельства оказали определенное влияние на формирование личности будущего видного оренбургского администратора, но наиболее важную, если не определяющую, роль сыграл здесь, на мой взгляд, такой специфический фактор, как подчеркнуто негативное отношение царского правительства и высших сановников империи к исламу в доекатерининскую эпоху и приостекавшая из него жизненная необходимость

для немногочисленных чиновников-мусульман особо «ревностно» доказывать словом и делом свою бесконечную преданность православному императорскому престолу. С этой точки зрения наиболее адекватная интерпретация жестокого поведения Тевкелева в истории с подавлением башкирского восстания выглядит по существу как метафорический парафраз расхожей исторической аллегории о некоем «новообращенном католике», пытавшемся непременно превзойти своей религиозной неистовостью самого Папу Римского. По аналогии с ней можно заключить, что правоверный мусульманин Тевкелев, оказавшись по долгу службы в отдаленном новоприобретенном крае империи, должен был в своих карательных действиях против единоверных ему соотечественников не просто соответствовать общепринятым в то время стандартам административного поведения, но и намного превзойти их своим служебным рвением, расторопностью в делах и беспощадностью к конфессиональным «собратьям-мятежникам». Исходя из вышеуказанной конкретной ситуации, а также из анализа всего многообразия поступков Тевкелева в разные периоды его административно-управленческой деятельности, мне представляется более правомерным говорить относительно проявленной им в карательных действиях против башкир особой жестокости не столько как об отличительной черте его характера, а главным образом как о сознательно выбранной полковником-мусульманином для самого себя тактике поведения в определенных «пограничных» для доверия к служилому «инородцу» политических ситуациях. В частности, многие архивные документы о службе Тевкелева в Оренбургской губернии в конце 40–50-х гг. XVIII в. убедительно свидетельствуют о том, что он тогда не только никак не превосходил радикализмом своих убеждений и поступков других оренбургских чиновников, но, напротив, резко полемизировал с сослуживцами и со своими прямыми начальниками И. И. Неплюевым и А. Р. Давыдовым по поводу применяемых ими жестких ограничительно-запретительных мер по отношению к жизненно важным интересам и потребностям местного кочевого населения [50].

Важное место в административной деятельности К.-М. Тевкелева в Оренбургском крае занимали его отношения с казахской знатью трех жузов. С самого начала основания Оренбургской экспедиции он имел постоянные тесные контакты с ханом

Абулхаиром, его супругой Бопай-ханым, султанами Батыром, Ниязом, Баракон; батырами — Букенбаем из рода табын поколения жетыру Младшего жуза, Букенбаем и Жанибеком из рода шакшак племени аргын Среднего жуза, а также Есетом, Кудайназар-мурзой, Кутыром, отдельными влиятельными старшинами Старшего жуза и многими другими авторитетными лицами Казахской степи. В ходе этого общения у разных представителей правящей элиты казахов, особенно у Абулхаира, сложилось устойчивое представление о Кутлу-Мухаммед-мурзе как о политике, который «киргис-кайсацкой обычай, ...поведение» и [киргис-кайсацкого] народа обряды» «довольно знает» и обо всех событиях, происходивших в Степи, «довольно известен» [51]. Благодаря свободному владению казахским разговорным языком, знанию социальной психологии, быта и культуры кочевников Тевкелев сумел приобрести большое доверие и уважительное отношение к себе со стороны как наследственной степной аристократии, так и большинства влиятельных в народе старшин. И те и другие видели в нем не только официального посредника «белой императрицы» в ее разнообразных взаимоотношениях с ними, но и своего более мудрого и опытного собрата по культурным традициям и вере, которому можно было намного больше доверять, чем другим российским пограничным командирам. Более того, в глазах казахов Тевкелев являлся олицетворением высшей мудрости и справедливости. Так, уже два месяца спустя после его неожиданного отъезда в 1739 г. в Петербург хан Абулхаир прочувствованно просил императрицу вернуть Кутлу-Мухаммед-мурзу на юго-восточную границу России. «Мурза Тевкелев, — писал он Анне Иоанновне 24 января 1740 г., — открыл было наши дороги... и наставил на путь, а что он ныне отसेле отлучился, в том у нас сердце нимало не на месте; за неприездом же его, Мурзы, многим делам остановка чинится» [52].

В 1737 г. в связи со смертью И. К. Кирилова руководителем Оренбургской экспедиции, переименованной в том же году в Оренбургскую комиссию, был назначен будущий выдающийся российский историк В. Н. Татищев (1686—1750). Как и его именитый предшественник, он не имел более или менее четкой программы действий в новоприобретенном крае и в основном придерживался прежней созерцательно-выжидательной позиции в отношениях с кочевыми юго-восточными соседями Российской

империи. Данное обстоятельство наряду с личной неприязнью Тевкелева к своему новому начальнику послужило одной из главных причин крупного открытого конфликта между ними. Скандальное «оренбургское дело» завершилось для мурзы Тевкелева 30 ноября 1739 г. отзывом его Коллегией иностранных дел с места назначения в Петербург, а для В. Н. Татищева — отстранением от занимаемой должности, долгим судебным разбирательством и домашним арестом [53]. По верному определению современного российского историка Ю. Н. Смирнова, детально изучившего этот конфликт, его основной движущей силой явилась острая несовместимость достаточно осторожных взглядов В. Н. Татищева на цели и задачи российской политики в регионе с жесткой позицией К.-М. Тевкелева в данном вопросе, который «претендовал, и здесь уже с ним никто не спорил, на роль хранителя заветов Петра Великого, полученных из уст самого императора, относительно необходимости разработки казахстанско-среднеазиатского движения России на Восток» [54]. Однако в Коллегии иностранных дел и при императорском дворе такая точка зрения, хотя, в сущности, и не вызывала возражений, но считалась по многим причинам несвоевременной. Поэтому было решено отозвать Тевкелева из Оренбургской экспедиции под благовидным предлогом приема иранского посольства в Петербурге и оставить там на неопределенное время.

В столице России Кутлу-Мухаммед-мурза, как и прежде, выполнял обязанности переводчика восточных языков и другие ответственные поручения императрицы в Коллегии иностранных дел, в том числе в 1739 г. был «приставом» при приеме императорским двором «знатного» иранского посольства [55]. За различные заслуги перед российским престолом в 1742 г. он был произведен из полковников в бригадиры [56], но по-прежнему оставался в Петербурге при Коллегии иностранных дел.

Шло время. Холодный разум бывшего сподвижника Петра I вел строгий отсчет прожитых лет и с каждым новым годом пребывания на службе в престижном, но малоперспективном ведомстве Северной Пальмиры у стареющего бригадира Тевкелева все меньше шансов оставалось для того, чтобы достойно продолжить завещанное ему дело и достичь наибольшего успеха в своей служебной карьере. Но в 1747 г., когда почтенный возраст российского дипломата перешагнул уже за 70 лет, фортуна вновь улыб-

нулась неутомимому мурзе и привела его в очередной раз в далекие оренбургские степи.

К этому времени русско-казахские отношения и общая международная ситуация в Оренбургском крае существенно осложнились. В 1742 г. начальником Оренбургской комиссии был назначен один из бывших соратников Петра I тайный советник И. И. Неплюев (1693—1773), позднее символично названный его биографами «Петром Великим Оренбургского края». Два года спустя Оренбургская комиссия была преобразована в Оренбургскую губернию, и И. И. Неплюев стал ее первым губернатором. В отличие от своих предшественников по управлению краем, не имевших сколько-нибудь определенной и реалистичной программы действий в сопредельных с Россией азиатских странах и занимавших преимущественно выжидательную позицию по отношению к внутривнутриполитическим событиям в Казахской степи, новый оренбургский начальник быстро разобрался в обстановке и, «не стесняясь в принятии мер к устранению препятствий», с самого начала стал жестко и последовательно проводить политический курс на полное подчинение правящей элиты кочевников государственно-административному аппарату Российской империи.

Бегло ознакомившись с новым местом своей административной деятельности, И. И. Неплюев сразу же пришел к твердому убеждению, что в казахском обществе «между прочими особенно главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может» [57], и признал необходимым для интересов России стимулировать дальнейшее усиление центробежных тенденций среди казахских родов и племен. Политическая концепция И. И. Неплюева по отношению к казахским аристократическим лидерам была сформулирована им в 1743 г. в самой общей и лаконичной форме: «По здешнему усмотрению и слабейшему разумению весьма сходнее и полезнее ...чтобы их между собою в согласие не допускать» [58], но еще за полтора года до того дня, как этот проект вылился в процитированную формулу, он начал предпринимать конкретные практические шаги по созданию условий для политической изоляции хана Абулхаира и понижения его общественного престижа среди разных социальных группировок казахов-кочевников.

Эта политическая линия проводилась оренбургским губернатором и его помощниками в жизнь несколькими путями: посред-

ством возведения новых укрепленных пограничных линий на северо-западе и севере региона, препятствовавших развитию контактов казахов с соседними кочевыми народами; созданием политических условий для социальной изоляции и моральной дискредитации фигуры Абулхаира в общественном сознании казахского населения; путем целенаправленного усиления с помощью различных методов и средств взаимной конфронтации между наиболее влиятельными султанскими (чингизидскими) кланами.

Чтобы понизить авторитет Абулхаира среди наследственной кочевой аристократии и подвластных ему старшин, И. И. Неплюев использовал такое эффективное средство, как целенаправленный отказ удовлетворить просьбу хана Младшего жуза о смене аманата. Предоставление степным правителем своего сына в аманаты иностранному государю не являлось простым частным делом этого лица, а представляло важный международно-правовой акт, означающий признание дающим монархом определенных политических обязательств перед принимающей стороной и установление отношений зависимости между ними. Бесплодность многократных попыток Абулхаира добиться от оренбургского губернатора с 1742 по 1748 г. замены его среднего сына Кожакмета (ум. в 1749 г.) другим сыном в качестве аманата выступала в общественном сознании казахов как показатель невысокого международного престижа хана, подрывала его прежний солидный имидж внутри и за пределами Степи [59]. Исходя из данного социально-политического контекста проблемы смены аманатов, Абулхаир с исключительной последовательностью и упорством требовал от И. И. Неплюева в течение семи лет возвращения султана Кожакмета из России в свои кочевья.

Столкнувшись с откровенным нежеланием оренбургского начальника считаться с его социальным статусом и политическими интересами, и в первую очередь, с мотивированной просьбой вернуть Кожакмета в Младший жуз, Абулхаир вступил в середине 40-х гг. XVIII в. в открытый поединок с И. И. Неплюевым. В 1743 г. хан предпринял вооруженный набег на Сорочинскую крепость, где находился его сын, и попытался силой оттуда увести Кожакмета, но эта попытка ему не удалась. Вслед за тем Абулхаир организовал ряд крупных набегов на российские пограничные укрепления по Яику и станицы яицких казаков, совершил несколько разорительных вторжений в кочевья волжских калмы-

ков, неоднократно подвергал грабежам торговые караваны русских и среднеазиатских купцов, транзитом следовавших в Оренбург через его кочевья, и захватывал в плен прилинейных жителей, которых затем отправлял в аулы подвластных ему старшин и батыров [60]. При этом из Степи в Оренбургскую губернию и Петербург неоднократно поступали вполне однозначные послания. Хан Абулхаир и казахские старшины Младшего и Среднего жузов настоятельно просили императрицу снова прислать к ним мурзу Тевкелева, видя в нем единственного политика, который глубоко разбирался в проблемах казахского народа и был в состоянии справедливо решать их в соответствии с народными интересами и потребностями.

Ситуация на границе с Казахской степью еще больше осложнилась в 1746–1747 гг. в связи со смертью в урге давнего неприятеля казахов джунгарского хана Галдан-Цэрена (1727–1745) и началом острых междинастических распрей ойратских князей за ханский престол, в результате чего Джунгария перестала быть опасным соседом для казахских жузов. Именно в это время Абулхаир совершил ряд наиболее дерзких набегов на укрепленные пограничные пункты Оренбургской линии, улусы волжских калмыков и прилинейные поселения русских крестьян и яицких казаков, а также беспрестанно производил в Степи грабежи транзитных торговых караванов, что почти полностью парализовало русско-казахскую и русско-среднеазиатскую торговлю в Оренбурге [61]. Вспоминая двадцать лет спустя негативные последствия политического противостояния казахского хана и оренбургского губернатора, К.-М. Тевкелев писал, что «Абулхаир-хан по ссоре с Неплюевым восемь лет ... в Оренбург не приезжал с ним для свидания, и от того многие затруднения, беспокойства и опасности тогда происходили» [62].

При таких угрожающих обстоятельствах «выведенный из терпения» постоянными набегами казахов оренбургский губернатор И. И. Неплюев был вынужден искать пути нормализации политической обстановки в Оренбургском крае, что побудило его в 1746 г. поставить перед Сенатом и Коллегией иностранных дел вопрос о необходимости административного отстранения Абулхаира от власти и инициировании среди казахских старшин идеи выбора нового хана, а несколько месяцев спустя просить у царского правительства позволения применить ему жесткие меры против

казахов — «одними яйцкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца, и тем их в страх привести» [63].

Однако в Коллегии иностранных дел возобладало гораздо более трезвое и прагматичное мнение о том, что дальнейшее продолжение жесткой конфронтации наместника края с казахским ханом и поддерживавшими его кочевниками будет иметь самые печальные последствия для экономических и политических интересов России в казахстанском регионе. Поэтому императрица Елизавета Петровна своим указом от 7 июля 1747 г. распорядилась направить из столицы в Оренбург бригадира К.-М. Тевкелева с широкими полномочиями и, в первую очередь, «Абулхаира с тайным советником в дружбу привести» [64]. В этом примирении были заинтересованы обе конфликтовавшие стороны: И. И. Неплюев — потому, что оказался в политическом тупике, а для Абулхаира продолжение вражды с оренбургским губернатором могло обернуться скорым ослаблением его влияния на подвластных казахов, недовольных разрывом торговых связей с Россией, и усилением в Степи его давнего политического соперника в борьбе за власть султана Среднего жуза Барака (ум. в 1750 г.), расчетливо пользовавшегося расположением Неплюева и его ближайших помощников [65]. В интересах умиротворения хана официальный Петербург был готов пойти даже на некоторые уступки в его пользу. В частности, в инструкции Коллегии иностранных дел, которой был снабжен Тевкелев, предусматривалось в случае упорного нежелания Абулхаира отдать в аманаты вместо Кожакмета другого сына от ханши Бопай (ум. в 1780 г.), согласиться принять его побочного сына Чингиза (ум. в сер. 1760-х гг.), рожденного от бывшей «невольницы» калмычки Баяны [66]. С целью скорейшего ослабления конфликтного состояния русско-казахских отношений на границе России со Степью Коллегия иностранных дел своевременно оповестила об отправлении К.-М. Тевкелева с миротворческой миссией в Оренбургский край губернатора И. И. Неплюева, а тот в свою очередь оперативно довел через своих людей эту важную информацию до хана Младшего жуза.

22 октября 1747 г. бригадир К.-М. Тевкелев вместе с сопровождавшей его свитой благополучно прибыл в Оренбург и встретился с губернатором И. И. Неплюевым [67]. После непродолжительного обсуждения общей ситуации в Оренбургском крае оба чиновника определили местом своей будущей официальной

встречи с ханом Абулхаиром Орскую крепость, расположенную на границе казахских кочевий. В качестве наиболее подходящей даты ее проведения был выбран июль 1748 г., когда казахские аулы обычно прикочевывали из отдаленных мест на свои джайлю в северные и северо-западные районы степи и приближались для торговли к Оренбургской пограничной линии.

Известие о приезде бригадира Тевкелева в Оренбург всколыхнуло все самые светлые мысли и чувства Абулхаира. В написанном им 8 декабря 1747 г. письме к своему долгожданному тамыру мы читаем преисполненные большими надеждами и радостным волнением слова: «Превосходительный, истинный, старинный, яко душе моей подобный, усердный друг Мурза! Приношу мое благодарение и хвалу своему творцу за то, что вы по указу Е. и. в. прибыли благополучно, и, услыша того, вседушевно и весь народ наш радовались. ...Превосходительный мурза, мы вас имеем ныне за великую вещь и диковину, которая нам весьма чувствительна... Приезд ваш почитаю за высочайшую Е. и. в. милость, ...благодарение приношу в том, что как сначала удостоен, так и ныне вспомнят отправлением вашим, яко начинщика наших дел, бывшим у нас, и знающим нашего народа обряды, не оставлен...» Такое же приподнятое настроение позднее появилось и у казахских старшин Младшего и Среднего жузов, когда до них дошли сведения о скором приезде мурзы Тевкелева в Орск. В связи с этой долгожданной новостью в ставке хана Абулхаира в июне 1748 г. состоялся курултай 500 знатных представителей наследственной аристократии и старшинской группировки двух жузов, на котором старшины приняли единодушное решение «во всем отдаться на волю Абулхаир-хана и просить его, хана, к лучшему сысканию доброго способа дабы старался». Несколько дней спустя на новом, еще более расширенном, народном курултае старшины постановили поступить так, как и на прежнем совете было положено». Здесь же было принято важное решение — поручить «исправление дел Средней орды» непосредственно ближайшему сподвижнику Абулхаира батыру Жанибеку (ум. в 1750 г.), пользовавшемуся огромным влиянием среди кочевников Среднего жуза [68].

К.-М. Тевкелев со своей стороны активно использовал семи-месячный период пребывания в Оренбурге для тщательного изучения политической ситуации в крае и соседних казахских зем-

лях. Здесь он обстоятельно обследовал документы оренбургской пограничной канцелярии последних лет о состоянии русско-казахских отношений, часто обсуждал с И. И. Неплюевым различные аспекты проводимой им политики в регионе и вел оживленную переписку с казахскими султанами и старшинами по широкому кругу самых разных вопросов, интересовавших как местную российскую администрацию, так и кочевников-казахов. К концу весны 1748 г. общая подготовка к проведению миротворческой миссии была закончена, и 20 мая того же года бригадир Тевкелев и губернатор Неплюев отправились из Оренбурга в Орскую крепость для свидания с ханом Абулхайром [69].

25 июля 1748 г. состоялась официальная встреча К.-М. Тевкелева и И. И. Неплюева с Абулхайром в Орской крепости, куда хан прибыл в сопровождении своих близких родственников и прочей свиты, а Кутлу-Мухаммед-мурза привез с собой ханского сына Кожамета, чтобы произвести замену аманатов. В ходе переговоров состоялось формальное примирение хана с оренбургским губернатором, которому он пообещал отдать русских пленных, прекратить набеги на пограничную линию и улусы волжских калмыков, содействовать развитию русско-казахской и транзитной торговли России со среднеазиатскими странами, предоставить взамен Кожамета своего четвертого по счету сына от ханши Бопай Айчувака (ок. 1723–1810) и четырех аманатов от знатных старшин.

После этой встречи в течение целой недели с 26 июля по 1 августа 1748 г. Абулхайр ежедневно приезжал в Орскую крепость и подолгу общался с Кутлу-Мухаммед-мурзой наедине. Во время этих встреч, как, впрочем, и в предшествующей переписке с Тевкелевым, хан упорно настаивал на том, чтобы оренбургская администрация содействовала ему в политическом объединении казахского общества под его властью и усилении института старшего хана в Младшем, Среднем и Старшем жузах. В данном контексте Абулхайр вновь поднял в личных беседах с Тевкелевым вопрос (который раньше часто ставился им в письмах к Неплюеву) о необходимости применения оренбургской администрацией в отношениях с казахской знатью «черной кости» политической формы «барымты», т. е. метода задержания в прилинейных крепостях по указанию старшего хана представителей различных родоплеменных подразделений казахов в целях усиления цент-

ральной власти в трех жузах. Кроме того, хан проявил настойчивость и в вопросе предоставления ему режима «наибольшего благоприятствования» в торговле с Россией и требовал, чтобы «азиатские купцы как сюда, так и отсюда, прямо в его улусы ездили» [70]. После возвращения из Орской крепости в Младший жуз Абулхаир воздержался от немедленного выполнения своего обещания И. И. Неплюеву о возврате всех захваченных им русских пленных из казахских кочевий в Оренбург и, как видно, был намерен выполнить требование губернатора лишь в том случае, если тот удовлетворит его основные нужды и потребности.

Отправляясь с пограничной линии в Степь, Абулхаир оставался, по верному замечанию оренбургского историка П. Е. Матвиевского, «непримиримым до конца и склонен был к компромиссу разве только при условии полного содействия Неплюева в объединении казахов под его властью» [71].

В ожидании окончательного разрешения своего вопроса в Петербурге хан откочевал после встречи с Тевкелевым в район верхнего течения р. Тургай. В первой половине августа 1748 г. он кочевал в долине Олкейяка, притока Тургая, и здесь 15 или 17 августа произошло его столкновение с султаном Бараком, вступившим в спор с ханом из-за «пришедших в киргиз-кайсацкие улусы каракалпаков». В неравной схватке Абулхаир был убит [72].

Трагическая весть об убийстве Абулхаира султаном Бараком застала Тевкелева в тот самый момент, когда он делал последние приготовления к отъезду из Орска в административный центр Оренбургского края. После того, как Кутлу-Мухаммед-мурза получил первые достоверные сведения о конкретных обстоятельствах гибели хана, он отправился 19 сентября 1748 г. в Оренбург. Находясь уже в Оренбурге, Тевкелев писал 24 сентября 1748 г. И. И. Неплюеву по поводу смерти Абулхаира, что лучше было бы «домогаться» не раздробления ханской власти в казахских жузах, а «главного хана указом сделать», так как «отнюдь без главного хана [порядка] быть не может». Вслед за этим посланием он направил в Коллегию иностранных дел свои личные соображения об основных принципах политики России в казахских жузах с «рассуждениями и определениями тайного советника во многом несходственные». В частности, К.-М. Тевкелев предлагал содействовать концентрации власти в Младшем и Среднем жузах в руках одного хана, которого, по его мнению, следовало

назначать указом царского правительства и выплачивать ему ежегодное жалование; представителям оренбургской администрации непременно участвовать в ежегодных курултаях казахской знати и старшин обоих жузов и совместно с ними обсуждать наиболее важные вопросы их внутривосточной жизни, губернатору проводить один раз в год встречи с казахскими ханами, султанами и старшинами и т. д. [73] Нетрудно заметить по этим предложениям, что в вопросе о целесообразности централизации структур ханской власти у казахов Кутлу-Мухаммед-мурза встал, по существу, на сторону Абулхайра.

Поездка в приграничный Орск, многодневное пребывание в этой крепости и обратный путь в Оренбург заняли у Тевкелева в общей сложности 3,5 месяца. В течение всего этого времени он регулярно вел служебный «Журнал», в котором почти ежедневно фиксировал содержание своих встреч и бесед с ханом Абулхайром, султанами, батырами и старшинами Младшего и Среднего жузов, а также поступавшие к нему от кочевников разнообразные сведения о политических событиях в Казахской степи.

«Журнал происходящим по комиссии Тевкелева киргиз-кайсацким делам 1748 года» написан скорописью XVIII в. на 266 листах с оборотами и охватывает относительно короткий промежуток времени с 20 мая по 18 сентября 1748 года. В хронологическом отношении этот исторический документ заметно отличается от самого первого «Журнала» Тевкелева по «киргиз-кайсацким делам», освещающего более продолжительный период времени; но по общему объему заключенной в нем конкретно-исторической информации содержание данного «Журнала» не только не уступает дневнику 1731 — начала 1733 г., но отчасти даже превосходит уровень информативности последнего более детальным характером изложения некоторых важных социально-исторических событий и явлений. Другое ярко выраженное структурное отличие «Журнала» 1748 г. от предыдущего однотипного ему источника состоит в том, что Тевкелев не ограничился здесь одним лишь письменным пересказом устных сообщений своих степных информаторов по интересовавшему его широкому кругу вопросов и наряду со своими собственными авторскими записями включил в состав рукописи этого официального материала тексты 30 эпистолярных источников — материалы личной переписки за май—сентябрь 1748 г. с ханом Абулхайром и ханшей Бопай, султана-

ми Нуралы, Ералы, Айчуваком, Бараком; старшинами Букенбаем и Жанибеком; переведенные им на русский язык с литературного среднеазиатского (чагатайского) тюрки. Присутствие в структуре «Журнала» 1748 г. целой группы казахских культурно-исторических памятников, непосредственно исходивших от главных участников описываемых событий, в определенной степени углубляет и уточняет содержащиеся здесь фактические данные по истории Казахстана середины XVIII в. и существенно усиливает информационно-познавательную значимость этого источника для современных историков.

Основное содержание рассматриваемого документа составило обстоятельное описание Тевкелевым его посреднической миссии по урегулированию конфликта губернатора И. И. Неплюева с Абулхаиром и поддерживавшими его султанами, старшинами и батырами. В тесной связи с общим характером и задачами миссии в «Журнале» освещаются взаимоотношения казахов с другими народами Центрально-Азиатского региона — волжскими калмыками, башкирами, яицкими казаками, ногайцами, аральскими узбеками и др., а также приводится богатый фактический материал о социально-политической обстановке в Степи в 40-х гг. XVIII в. и междоусобной борьбе местных влиятельных аристократических кланов, в том числе и об убийстве султаном Бараком хана Младшего жуза Абулхаира. Все перечисленные аспекты главной темы «Журнала» отражены в нем достаточно полно и подробно с изложением многих конкретных исторических дат и ряда чрезвычайно ценных этнографических деталей, что позволяет внести необходимые уточнения в данные других российских официальных документов того периода по вышеуказанным вопросам и составить более объемную и многомерную картину общественно-политической жизни Казахстана в середине XVIII века.

В данном контексте особый познавательный интерес представляют исключительно подробные, но почти неизвестные в науке сведения Тевкелева о драматических обстоятельствах бегства в 1745—1747 гг. из Астраханской губернии к казахам поколения байулы в приицкие степи большой группы семей так называемых «кундровских ногайцев» и последующей истории их совместного проживания в общих аулах с хозяевами этих мест под властью Нуралы-султана, которые проливают новый свет на исторические истоки формирования будущего казахского рода ногай в родо-

племенной структуре Младшего жуза и не встречаются больше ни в одном из ныне известных исторических источников. Кроме того, в «Журнале» имеется большое количество ценных сведений биографического и культурно-бытового характера о многих видных представителях правящей элиты кочевников первой половины XVIII в., существенно дополняющих информацию тевкелевского дневника 1731 — начала 1733 г. о тех же исторических личностях и содержится самое раннее в историографии упоминание об истории существования у казахов оригинального обряда благопожеланий «бата сөз» при проведении ими каких-либо важных семейных или общественных мероприятий.

Наряду с отражением современной автору международной и внутривосточной ситуации в Казахстане в составленном им обширном документе о своей поездке на северо-западную границу Степи приводится целый комплекс оригинальных исторических сведений, записанных Тевкелевым непосредственно со слов знатных казахских батыров того времени (Букенбая, Жанибека и проч.), о печально памятном казахам периоде их героической борьбы с завоевателями-джунгарами (1723—1730 гг.) и трагических последствиях «Великого бедствия» («Ақтабан шубырынды») для казахского народа. В частности, здесь содержится важное свидетельство о том, что во время первого приезда Тевкелева в Казахскую степь многие роды Среднего жуза еще находились в вынужденной эмиграции на территории Бухары, откуда возвратились в свои кочевья только к концу 1732 года. Это утверждение казахских батыров во многом проясняет истинную причину отсутствия в «Журнале» российского посланника за 1731—1732 гг. каких-либо упоминаний имен султанов Абулмамбета, Барака, Аблая и прочих аристократических лидеров Среднего жуза, за исключением Семеке-хана, в числе участников бурных словесных баталий вокруг идеи российского подданства на народных курултаях и вместе с тем опровергает широко расхожее в исторической литературе представление о начале острого противоборства названных султанов с ханом Абулхаиrom уже в вышеуказанные годы.

Почти одновременно с завершением составления «Журнала» К.-М. Тевкелев подготовил по указу Коллегии иностранных дел в сентябре 1748 г. три других важных документа: «Экстракт ...о двух киргис-кайсацких Средней и Меньшей ордах по многим с киргис-

цами разговорам», где четко изложил свои принципиальные соображения об основных направлениях политики России в казахских землях на ближайшую перспективу; генеалогическую схему казахской правящей династии первой половины XVIII в., состоявшую из двух частей, и описание родоплеменного состава трех казахских жузов. Из этих документальных материалов наибольшее информативно-познавательное значение для современной науки имеют две последние работы Кутлу-Мухаммед-мурзы, так как они представляют собой результат его специальных полевых исследований в области истории и этнографии казахского народа и являются самыми ранними письменными источниками из ныне известных исторических памятников по генеалогии пяти династийных ветвей казахских ханов XVIII в. (линии Абулхаира, Абулмамбета, Батыра, Барака и Аблая) и истории формирования родоплеменной структуры кочевого общества казахов.

Исключительная ценность данных источников заключается главным образом в том, что они составлены исследователем, пользовавшимся большим авторитетом и уважением у казахской знати Младшего и Среднего жузов, и базируются на данных опроса широкого круга степных информаторов из этой социальной среды, полностью доверивших Тевкелеву. Так, в первой части первой из этих двух работ под названием *«Поколенная роспись Киргиз-кайсацкой Меньшей орды ханам и солтанам и всем фамилиям их»* впервые приведены конкретные фактические данные о восходящей линии династии Абулхаира, включая основателя его рода султана Осека (нач. XVI в.), и о его родных братьях и племянниках, основанные на прямых показаниях Тевкелеву самого казахского хана. К тому же эта родословная является единственным достоверным источником генеалогических сведений о всех трех сыновьях и внуках отца Абулхаира султана Кажи (Хаджа, Ходжа) от его старшего сына Тохтамыш-султана, умершего или погибшего в начале XVIII века. Несколько десятилетий спустя генеалогическую информацию «Поколенной росписи» Тевкелева широко использовал в своем фундаментальном труде по истории и этнографии казахов известный российский историк А. И. Левшин (1797–1879) при составлении собственной графической схемы родословной Абулхаира, но при этом по непонятным причинам опустил в ней все сведения о братьях и племянниках этого казахского правителя, в том числе о его младшем брате султанине Бул-

хаире, имя которого часто фигурирует в российских и отдельных китайских источниках первой половины XVIII в., причем в таких же искаженных ономастических формах, как и имя хана Абулхаира (Балхаир, Булгаир, Булхаир, Обалгаир и т. д.). В связи с тем, что с 30-х гг. XIX в. и до сих пор генеалогия первого хана Младшего жуза остается известной подавляющему большинству историков лишь по широко расхожей сокращенной версии А. И. Левшина, то во многих советских и современных исследованиях по дореволюционной истории Казахстана неоднократно встречается ошибочное отождествление личности хана Абулхаира с его родным младшим братом Булхаиром, который умер в Хиве в конце 20-х или начале 30-х гг. XVIII века [74].

В отличие от «Поколенной росписи» династии Абулхаира составленные Тевкелевым графические схемы родословных других казахских правителей-чингизидов XVIII в. — Батыра, Барака, Абулмамбета и Аблая — основаны главным образом на устной информации казахских старшин Младшего и Среднего жузов и частично — самих этих султанов. Их данные во многом совпадают с более поздними по времени записями генеалогических сведений сына Батыра Карабай-султана, сына Барака Даирсултана и двоюродного брата Аблая Салтамамет-султана, а также с генеалогическими версиями относительно отдаленных потомков вышеназванных исторических лиц (Ч. Валиханова, А. Букейханова) и российских исследователей-генеологов (А. И. Левшина, Н. Я. Коншина, Н. Н. Пантусова и др.) второй половины XIX — начала XX вв., но при этом отличаются от них количеством учтенных межпоколенных звеньев. Мне представляется, что из всей вышеперечисленной группы генеалогических материалов тевкелевский вариант шежире султанов Батыра, Барака, Абулмамбета и Аблая наиболее адекватно отражает действительную историческую картину, так как зафиксированная в нем информация многократно подтверждается аналогичными сведениями средневековых мусульманских историков (для исторических фактов XVI—XVII вв.), казахских эпистолярных источников и российских делопроизводственных документов XVIII в. и к тому же отличается самым реалистичным (с точки зрения естествознания) для источников XVIII — начала XX вв. показателем количества поколений (4—5 звеньев), приходившихся на одно столетие в каждом султанском роду [75].

С 1748 г. до конца 1750-х гг. К.-М. Тевкелев совместно с И. И. Неплюевым управлял Оренбургским краем. Несмотря на определенные различия между ними в подходах ко многим актуальным проблемам развития русско-казахских отношений, оба администратора смогли в течение десяти лет деловито взаимодействовать друг с другом в повседневной работе и, как правило, заверяли служебные донесения в Коллегию иностранных дел, исходившие из Оренбурга, двумя подписями. В это же время К.-М. Тевкелев активно сотрудничал «по степным делам» с другим видным оренбургским чиновником — будущим первым членом-корреспондентом Петербургской Академии наук известным историком П. И. Рычковым (1712—1777). Вместе с ним Кутлу-Мухаммед-мурза неоднократно разрабатывал глубокие по содержанию практические рекомендации для оренбургского губернатора и Коллегии иностранных дел по различным аспектам взаимоотношений российского правительства с правящей казахской элитой трех жузов. Поэтому многие объемные докладные записки и донесения Тевкелева и Рычкова о казахах, адресованные местному руководству либо петербургским сановникам, впоследствии подписывались ими совместно [76]. К числу наиболее крупных документальных материалов К.-М. Тевкелева первой половины 50-х гг. XVIII в. следует отнести его *«Журнал держанной, какие после посланного от тайного советника и кавалера Неплюева и бригадира Тевкелева в Государственную Коллегию иностранных дел от 9 мая доношения с киргис-кайсацким Нурали-ханом о перемене бывших здесь аманатов переписки происходили, и как он, хан, наконец в июле месяце 1750 году сам с солтанами, старшинами и народом к Оренбургу приехал, и так аманатам смена в Оренбурге последовала, также и что в протчем чрез то время происходило»* на 78 листах с оборотами, охватывающий период с 19 по 26 июля 1750 года [77]. В этом документе изложена очень интересная информация о первых годах правления хана Нуралы, проводимой им политике в казахских землях, политических отношениях кочевой знати Младшего жуза с оренбургской администрацией и о личной жизни членов семейства Абулхаир-хана, которая еще не исследовалась и до настоящего времени остается почти неизвестной казахстанским историкам.

В середине 50-х гг. XVIII в. в Приуралье развернулось новое крупное восстание башкир под предводительством Батырши Алева. К.-М. Тевкелев принял участие в его подавлении, в процессе которого многие башкиры, спасаясь от карателей, бежали в сосед-

ние казахские земли. Вслед за этими событиями Тевкелев по распоряжению царского правительства был дважды направлен — в 1755 и 1757 гг. — в Казахскую степь с ответственной «комиссией» для «выручения тех башкирцев» от казахов Младшего и Среднего жузов [78]. Его поездки завершились в целом успешно, хотя отдельные группы башкир были насильно удержаны в казахских аулах вплоть до середины 70-х гг. XVIII века. Одним из конкретных результатов обеих «комиссий» явились подготовленные К.-М. Тевкелевым в те же годы два объемных рукописных документа: «Журнал, держанной по порученной генерал-майору Тевкелеву киргис-кайсацкой комиссии 1755 года», охватывающий период с 25 сентября по 31 декабря 1755 г. [79], и «Журнал генерал-майора Тевкелева по киргис-касацкой комиссии 1757 года», в котором на 90 листах рукописного текста отражены политические события в казахских землях в период с 20 января по 23 ноября 1757 года.

Первый из этих журналов посвящен главным образом башкирским повстанцам и обстоятельствам их бегства из центральных и юго-восточных регионов Башкирии в соседние казахские степи. В отличие от него «Журнал» 1757 г. содержит наряду с многочисленными конкретно-историческими сведениями аналогичного характера обширную фактографическую информацию о двухлетнем проживании различных семей беглых башкир в казахских аулах и поэтому является в известном смысле уникальным источником по истории казахско-башкирских отношений середины XVIII века. Кроме того, в нем имеются оригинальные фактические сведения о социально-политическом положении казахов в 50-е гг. XVIII в., их участии в междоусобных распрях джунгарских князей и совместной борьбе с мятежными ойратскими нойонами против военно-политической экспансии Цинов, что еще больше расширяет информационно-познавательный потенциал этого исторического документа для исследователей истории Казахстана.

Практические результаты административно-управленческой деятельности К.-М. Тевкелева и подготовленные им солидные документальные материалы были по достоинству оценены царским правительством. 4 сентября 1755 г. указом Правительствующего Сената он был произведен в возрасте 80 лет в генерал-майоры [80] и стал, по уточненному определению российского историка Д. Ю. Арапова, первым в России генералом-мусульманином.

Вероятно, в ознаменование именно этого события Тевкелев написал в конце 1755 г. свою знаменитую записку мемуарного характера под названием *«Сначала какое высокое разсуждение было и с пользою признано киргиз-кайсацкие орды в потданство Российской империи о принятии способы искать»*, где впервые поведал образованной российской общественности о завещанной ему Петром I особой исторической миссии относительно «приведения ...в российское потданство» «издревле слышимых ...обширных киргиз-кайсацких орд». На дату и предположительные обстоятельства появления на свет этого документа косвенно указывают венчающие его текст вдохновенные строки автора записки о получении им от самой «дщери Петра Великого» императрицы Елизаветы Петровны звания генерал-майора, которые особо подчеркивают историческую закономерность этого важного события в его жизни, а также заложенную здесь идею династической преемственности «высочайших» намерений и поступков.

Во второй половине 50-х гг. XVIII в. К.-М. Тевкелев, будучи уже в преклонном возрасте, предлагал двору и Коллегии иностранных дел свои рекомендации по развитию русско-казахских отношений и направлял в Петербург различные проекты и донесения относительно казахов, написанные в соавторстве с П. И. Рычковым или непосредственно им самим. В числе последних особого внимания заслуживают его такие оригинальные записки, как *«Известие о киргиз-кайсацком народе»* и *«О происходящих непорядках киргизцам»*, сделанные в 1759 г., где имеются ценные фактические сведения по исторической географии и этнографии казахов и высказаны тонкие наблюдения об их традициях, быте и образе жизни.

В эти годы хан Младшего жуза Нуралы, султаны Аблай, Айчувак, Ералы, Салтамамет и многие другие аристократические лидеры Степи, как и прежде, относились к Тевкелеву с особым уважением и симпатией и доверяли ему значительно больше, чем всем остальным русским чиновникам Оренбургского края. Именно к Тевкелеву они чаще всего адресовали свои постоянные письма и донесения из Степи, в которых подробно сообщали о многих злободневных проблемах казахов и их разнообразных взаимоотношениях с соседями, своих собственных семейно-бытовых нуждах и потребностях и даже физических недугах.

В феврале 1758 г. в связи с отзывом И. И. Неплюева в Петербург все дела по административному управлению краем были

возложены царским правительством на К.-М. Тевкелева и П. И. Рычкова, а руководство местными войсками поручено бригадир А. А. Путятину, стороннику жесткой дискриминационно-запретительной линии поведения в степной политике. Ввиду полной несовместимости прагматичной и достаточно толерантной позиции двух первых членов этого триумvirата с крайней нетерпимостью к нуждам кочевников и радикализмом действий его третьего представителя между Тевкелевым и Рычковым, с одной стороны, и Путятиным — с другой с самого начала возникли острые «споры», несогласия и представления друг на друга в чинимых по делам затруднительства». Вопреки силовой тактике последнего Тевкелев и Рычков, сознавая ошибочный и откровенно несправедливый характер многих распоряжений и указов центрального правительства, пытались по мере возможности смягчить их неблагоприятные последствия для казахского народа и поэтому, «снисходя ... киргиз-кайсакам, чрез указ киргиз-кайсацкой скот на внутреннюю сторону реки Яика перепускали», с учетом смерти в Оренбурге двух сыновей Нуралы-хана, поочередно находившихся там в качестве аманатов, «знатно неосторожным внушением» убедили хана больше не отдавать своих детей в аманаты и возобновить свои требования к императрице о «дозволении перегонять скот их, [касаков], в зимняя времена на здешнюю сторону»; группе яицких казаков, вступивших в схватку с казахами, «по требованию хана определили учинить наказание»; а одного яицкого казака, который убил казаха, напавшего на него в Степи, присудили «бить плетью при самих киргиз-касаках» и т. д. [81]

После специального рассмотрения этой конфликтной ситуации в Коллегии иностранных дел в начале 1759 г. губернатором Оренбурга был назначен тайный советник А. Р. Давыдов. Он являлся во многом единомышленником А. А. Путятина и, так же как и он, «не обладал умением вникать в сущность дела и понимать окружающие обстоятельства». Новый губернатор отличался большой самонадеянностью, крайней бестактностью в человеческих взаимоотношениях и совершенно не дорожил способными и компетентными людьми, знавшими условия региона [82]. Его административная деятельность в Оренбургском крае с самого начала вызвала острое недовольство хана Нуралы, султана Аблая и других влиятельных казахских правителей, прекративших всякие непосредственные контакты с губернатором, что повлекло за собой резкое ухуд-

шение русско-казахских отношений. Именно поэтому в течение 1759 г. К.-М. Тевкелев дважды подавал правительству прошение о своей отставке со службы. Специальным рескриптом Коллегии иностранных дел от 10 января 1760 г. он был уволен «в разсуждение его глубокой старости» от «всех порученных ему дел» [83]. В 1761 г. по тем же причинам подал в отставку и «известный знаток Оренбургского края» П. И. Рычков.

После отъезда Тевкелева в Оренбург Нуралы-хан и влиятельные казахские султаны в течение четырех лет неоднократно обращались к императрице и в Коллегию иностранных дел с письменными прошениями о необходимости скорейшего возвращения Кутлу-Мухаммед-мурзы в Оренбургский край. По этому поводу 21 июля 1761 г. оренбургский губернатор А. Р. Давыдов доносил Коллегии иностранных дел, что «Нурали-хан и прочие их начальники им, тайным советником, недовольными являются, а напротив того неотменно желают, чтобы был по-прежнему там генерал-майор Тевкелев, и для того, что онаго Тевкелева там нет, незнаемо по какой притчине большие конфузии делают и впредь делать намеряются» [84].

Неспособность А. Р. Давыдова наладить взаимоотношения с казахами послужила одной из основных причин его отъезда царским правительством в начале 1763 г. из Оренбургского края и утверждения на губернаторскую должность действительного статского советника Д. В. Волкова. В связи с предстоящим назначением последнего оренбургским губернатором императрица Екатерина II, покровительствовавшая Д. В. Волкову, поручила канцлеру А. М. Голицыну обратиться за советом по казахским делам к генерал-майору Тевкелеву, который, по ее словам, имел по этому вопросу «идеи изрядные». Во время состоявшейся встречи с А. М. Голицыным Тевкелев заявил своему собеседнику, что изложит собственное мнение о возможных путях обустройства казахов лишь в том случае, если «получит главную команду» в Оренбургском крае, а писать свои предложения для другого губернатора не станет. В свою очередь руководитель Коллегии иностранных дел посчитал, что назначение губернатором края глубокого старика, к тому же мусульманина по вероисповеданию, «было бы не весьма прилично» для Российской империи. Ознакомившись с докладом об этом канцлера, Екатерина II приказала: «Генерал-майора Тевкелева оставить в покое и с ним ничего

не рассуждать более по киргизским делам» [85]. После этого небольшого, но весьма показательного эпизода К.-М. Тевкелев прожил еще три года и скончался 13 апреля 1766 г. в столице России.

Со смертью генерал-майора Тевкелева тесные связи его прямых наследников с потомками хана Абулхайра и других казахских правителей не прекратились. Единственный сын Кутлу-Мухаммед-мурзы секунд-майор Юсуф Тевкелев, именовавшийся по-русски Осипом Алексеевичем, уже при жизни своего отца находился на службе в Оренбургском крае и продолжал служить там и после его смерти в течение более 13 лет. Ю. Тевкелев имел постоянные контакты с казахской знатью Младшего и Среднего жузов, пользовался ее доверием, и Нуралы-хан неоднократно просил императрицу и Коллегию иностранных дел, чтобы в случае смерти Кутлу-Мухаммед-мурзы «вместо его сын его Осип Тевкелев в Оренбурге находился и с ним, ханом, свидание имел» [86]. Но в 1773 г. во время движения Пугачева Ю. Тевкелев, отправленный с отрядом солдат для подавления выступлений мятежных яицких казаков, был убит повстанцами [87].

У Ю. Тевкелева был сын Шагин-Гирей, который по-русски именовался Петром Осиповичем Тевкелевым. Он служил в конце 80-х гг. XVIII в. рейфрейт-капралом лейб-гвардии конного полка в Уфимском наместничестве и владел большими поместьями с крепостными крестьянами в Уфимском, Вятском и Рязанском наместничествах [88]. Шагин-Гирей Тевкелев имел двух сыновей: Салим-Гирея (1805–1885), служившего сначала штаб-ротмистром Павлоградского гусарского полка, а позднее — подполковником Крымского гвардейского эскадрона [89], и Батыр-Гирея, имевшего чин майора в русской армии [90].

В начале 1851 г. С.-Г. Тевкелев женился при содействии оренбургского военного губернатора В. А. Перовского (1795–1857) на праправнучке хана Абулхайра по линии его старшего сына Нуралы-хана (ок. 1710/1711–1790) старшей дочери хана Внутренней орды Джангира (1823–1845) Зулейхе (род. в 1829 г.), которая после замужества переехала из Ханской ставки в Уфу [91]. В свою очередь сын Джангир-хана князь Ахмед-Гирей Джангер Букеев Чингиз (1837–1914), получивший в 1865 г. после смерти его старшего брата Ибрагима княжеское достоинство, взял в жены дочь второго правнука генерал-майора Тевкеле-

ва — Батыр-Гирея — Зухру (Зюгре, Зюрге) (ум. в 1916 г.), которая по семейной традиции звалась русским именем — Зорей Павловной. От брака с З. Тевкелевой у потомка хана Абулхайра Ахмед-Гирея Чингиза был сын князь Измаил-Бек (ум. после 1914 г.) [92].

Другой отпрыск отставного майора Батыр-Гирея Тевкелева полковник лейб-гвардии казачьего полка, крупный землевладелец Кутлу-Мухаммед Батыргиреевич Тевкелев (1850 — после 1917) был тестем прямого потомка в шестом колене казахского хана Батыра (1748—1771) — Салим-Гирея Жантурина (1864—1926), к которому в начале XX в. перешло имение потомков К.-М. Тевкелева в с. Килимово современного Буздякского района Башкирии [93]. После выхода в отставку он стал крупным мусульманским общественным деятелем и депутатом от Уфимской губернии в Государственной думе России всех четырех созывов. Летом 1916 г. во время восстания казахов, киргизов и других среднеазиатских народов в Степном крае и Туркестане К.-М. Б. Тевкелев совместно с А. Ф. Керенским возглавил специальную комиссию Думы, направленную в этот регион для выяснения причин народных волнений. В марте 1917 г. он был избран в Петрограде членом Временного Центрального бюро мусульман России [94].

Таким образом, непредсказуемая судьба навечно соединила первого российского генерала-мусульманина К.-М. Тевкелева с Казахской степью и полюбившимися ему лихими кочевниками-степняками, которые стали прямыми или косвенными участниками многих осуществленных им практических дел. Посредством своих бесценных трудов по изучению истории и культуры казахов и драматичных судеб продолжателей своего рода он оказался неразрывно связан с Казахстаном далеко не только глубоким следом своих посольских начинаний, но и более прочными нитями духовной связи поколений и кровных уз междинастического родства.

* * *

Содержание данного тома составили наиболее крупные и значительные по характеру исторической информации официальные материалы К.-М. (А. И.) Тевкелева «по киргиз-кайсацким делам», подготовленные им в период с 1731 по 1759 годы. Рукописные оригиналы всех этих исторических документов, написанные скорописью XVIII в., хранятся в Архиве Внешней политики

Российской империи (АВПРИ) Историко-документального департамента МИД России, а фотокопии с них — в Объединенном Ведомственном Архиве Министерства образования и науки Республики Казахстан (ОВА МОН РК). Подавляющее большинство из публикуемых в данном издании материалов никогда прежде в полном объеме не издавались в нашей стране и других странах бывшего СССР и впервые станут достоянием широкой научной общественности республики.

В дореволюционную эпоху из всего обширного документального наследия К.-М. Тевкелева была опубликована в 1850 г. в Москве российским исследователем-востоковедом Я. В. Ханьковым только одна небольшая записка под названием «Сначала какое высокое рассуждение было и с пользою признано киргиз-кайсацкие орды в подданство Российской империи о принятии способы искать», но она вышла в свет без указания даты ее написания и точных данных о месте хранения в системе архивных фондов Российской империи. Фактически все дореволюционные исследователи Центральной Азии и казахских степей обоснованно или априорно признавали исключительную ценность материалов Тевкелева как источников по истории этого региона, но ввиду их труднодоступности для практического использования в науке абсолютное большинство историков XIX — начала XX в. предпочитало заимствовать собранные Тевкелевым фактические сведения о казахах не из самих оригинальных рукописных текстов этого автора, а из классической работы А. И. Левшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832).

В советский период рукописи многих служебных документов Тевкелева стали более востребованными исторической наукой. Его отдельные материалы, в том числе публикуемые в данном томе «Донесение в Коллегию иностранных дел от 5 января 1732 г. о принятии российского подданства казахами Младшего и Среднего жузов» и подготовленное в 1748 г. «Описание родоплеменного состава трех жузов», были изданы в 1938 г. в журнале «Красный архив» вместе с несколькими другими историческими документами XVIII века. Однако ни одна из более или менее крупных работ этого видного дипломата и чиновника XVIII в. до начала 60-х гг. прошлого века не была опубликована.

Впервые наиболее ценные донесения, записки и самый ранний дневник Тевкелева о казахах увидели свет в 1961 г. при

издании в Алма-Ате фундаментального сборника документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.», подготовленного казахстанскими историками Ф. Н. Киреевым, А. К. Алейниковой, Г. И. Семенюком и Т. Ж. Шоинбаевым под редакцией В. Ф. Шахматова, Ф. Н. Киреева и Т. Ж. Шоинбаева. В состав сборника вошел и текст самого главного труда Тевкелева «Журнал бытности в Киргиз-кайсацкой орде» 1731 – начала 1733 гг. (док. № 38, с. 48–86), который был опубликован с большими купюрными изъятиями, составляющими в совокупности более одной четверти всего объема рукописного текста.

Помимо «Журнала» на страницах «Казахско-русских отношений» были изданы факсимиле составленной Кутлу-Мухаммедмурзой в 1748 г. графической схемы «Поколенной росписи» династий казахских ханов» (с. 404), тексты «Описания родоплеменного состава трех жузов» (док. № 155, с. 406–408) и небольшие извлечения из «Журнала» 1748 г. (док. № 150, с. 383–388). В настоящем издании материалов К.-М. Тевкелева все перечисленные работы публикуются в полном объеме.

При археографической подготовке указанных в оглавлении тома культурно-исторических памятников к печати составители руководствовались положениями «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990. 187 с.), переизданных в Российской Федерации в 1999 году. Все авторские тексты издаются в полном соответствии с рукописными оригиналами, в том числе с сохранением обозначенных самим Тевкелевым двух различных вариантов его собственного имени в разных трудах. В то же время при выборе инициалов этого автора (А. И.) для названия тома, вступительной статьи к нему и оглавления его донесений от 5.01.1732 г. и от 24. 03. 1748 г. составители исходили из официальной российской традиции дореволюционного периода, согласно которой все чиновники иностранного происхождения имели на государственной службе русские имена и, как правило, подписывали ими исходившие от них документы. Пунктуация в представленных источниках, приведена в соответствие с современными нормами русского языка. Основные ошибки, неточности в изложении фактов и устаревшие положения Тевкелева четко обозначены и пояснены в научных комментариях к текстам документов. Здесь же даны краткие биографические справки об упомянутых в этих источниках видных исторических персоналиях, которые

сопровождаются соответствующими ссылками на использованную научную литературу.

Составление тома, транскрипцию скорописи XVIII в. и специальное редактирование текстов документов осуществили ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК к. и. н. И. В. Ерофеева и доцент Актюбинского Государственного педагогического университета д. и. н. Г. С. Султангалиева. Биографический и историографический очерк о К.-М. Тевкелеве и научные комментарии к текстам его работ подготовила И. В. Ерофеева. Указатели имен и географических названий составлены Г. С. Султангалиевой и Ш. А. Аманжоловой. Техническая работа по подготовке рукописи тома к печати выполнена А. Т. Ракишевой и Т. Н. Абуталиевым. Составители тома выражают глубокую благодарность заведующей Объединенным Ведомственным Архивом МОН РК Ш. Р. Жумабаевой за оперативное и доброжелательное содействие в получении и копировании и публикуемых архивных материалов.

И. В. Ерофеева

**[Доношение переводчика Коллегии иностранных дел
А. И. Тевкелева в Коллегию иностранных дел
о принятии российского подданства казахами
Младшего и Среднего жузов
от 5 января 1732 г.]**

Минувшего **октября 2 дня** прошлого **1731** году от Абулхаир-хана [1] навстречу мне прислан был сын ево Нуралы-салтан [2] с знатными людьми к реке Ирғынсу, и того ж октября 6 дня в урочище Манитубе я, низжайший, к Абулхаир-хану пополудни во втором часу прибыл, а встреча мне была от кибитки Абулхаир-хана в 2 верстах. Того ж числа в полночь Абулхаир-хан прислал ко мне тайно, чтобы я к ним шол или он ко мне тайно придет, а киргис-казацкие старшина знатные приставили тайно караул, чтобы Абулхаир-хан со мною не видался; как около ево, так и около моей кибиток везде люди караулили и меня не допускали к хану и хана — ко мне. Только между нами ходил тайно башкирец Кидиряс Моллакайв [3], которой ныне отправлен от меня на почте, однако хан всеми мерами трудился, чтоб со мною до утра видеться, и хану никоим образом ко мне в кибитку приттить было невозможно; и приказал ко мне чрез одного ж башкирца Кидиряса, чтобы я надел платье самое худое, якобы простой человек, и шол к нему, а ежели-де он со мною ныне ночью не увидитца и в словах-де с ним не согласимся, то-де нам обоим с ним будет немалая трудность.

И я, надеясь на господа бога и счастье Е. и. в., отважился к нему, хану, иттить, надел на себя киргис-казацкое худое платье, з башкирцом Кидирясом пришел в поле и говорил с ним довольно. И между прочими разговоры объявил мне он, Абулхаир-хан, что он пожелал быть в подданстве Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской один, без согласия других

ханов и салтанов и знатных старшин. И напротив ево, Абулхаир-хана, слов я спросил, чего ради он один, без согласия других ханов и салтанов и знатных старшин, то учинил, и сем то противно не будет ли, и что тому притчина? На то он, Абулхаир-хан, ответствовал тако: объявляю-де тебе, яко богу, сущую свою правду, чего ради один он без согласия других пожелал быть в подданстве всероссийском.

Первое притчина: из древних лет предки ево и он, Абулхаир-хан, владели городами Ташкент, Туркустант, Сайрам с принадлежащими деревнями и киргис-казаками, и учинилась у него, Абулхаир-хана, война с хонтайшою многия годы и не мог с ним управиться. Принужден был он, вышепоказанные городы оставя, выехать к качественым народам киргис-казакам, и потом многия годы имели с ним, хонтайшею, войну. И не довольствуясь тем, стали воевать с волскими калмыками и оральскими башкирцами, и з бухарами, и с Хивою; и с четырех сторон стали ему, Абулхаир-хану, все неприятели. Того ради он и городов своих от хонтайши выручить не мог. Однако-де ныне с Бухариєю помирились, а в Хиве учинилса ханом брат ево двоюродной Эльбас-хан [4], токмо остались неприятели ево волские калмыки и башкирцы. А с калмыками как скоро мирятся, так скоро и война живет, мир их бывает несостоятелен. А башкирцы-де без указу Е. и. в. с ними миритца не хотят.

Того ради он, Абулхаир-хан, к Е. и. в. послал посланцов своих просить протекцию, чтоб ему с волскими калмыками и башкирцами быть в миру, а от хонтайши отыскивать свою реванжу было ему свободно.

Третье: можно-де видеть — как Аюка-хан, так и башкирцы, ежели не могут управитца с неприятельми, то охранены бывают протекциєю Е. и. в. Також-де б и он, Абулхаир-хан, был охранен протекциєю Е. и. в. Ежели-де калмыки и башкирцы будут в миру и в покое, то он надеется отыскать свою реванжу от хонтайши.

И говорил мне Абулхаир-хан, чтобы я не вдруг их принуждал к присяге, сперва-де надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умягчились, а ежели-де знатные старшина нашу партию будут держать, и киргис-касацкие народы от старшин отстать не могут. И многократно тем меня, низжайшаго, утверждал, чтоб я ничего не желел и их, старшин, дарил, понеже-де киргис-касацкие народы — люди дикие, вдруг

их в путь наставить невозможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей. И как я от него, Абулхаир-хана, такие слова услышел, что он учинил сие один, кроме других, стал я ему, Абулхаир-хану, говорить: чего ради посланцы ево неправедно словесно предложили в Москве: Абулхаир-хан-де желает быть в подданстве Е. и. в. всероссийского с согласия всех ханов и всего войска касаккого, а ныне стало то ложь, токмо один ты собою зделал [5].

На то Абулхаир-хан сказал: посланцом своим словесно приказал объявить он, якобы с согласия всех ханов и старшин войска касаккого для того, ежели б ево посланцы объявили в Москве токмо об одном Абулхаир-хане, а о других бы не объявили, то б-де может быть Е. и. в. тебя отправить не соизволила, а ныне, слава богу, как ты приехал сюда, то всеми мерами буду стараться Е. и. в. показать услугу и верность, чтоб привести их в подданство всероссийское, понеже он, Абулхаир-хан, их обычей знает. И я, нижайший, у него, хана, спросил, ежели они на то склонны не будут и в подданстве всероссийском быть не похотят, и привести их к тому будет невозможно, не будет ли от народов твоих мне какой опасности? И он, хан, мне на то сказал, ежели-де знатных старшин подарками удовольствуем, то-де никакой опасности не будет, и в подданство привести их будет нетрудно. Потому я, нижайший, у него, хана, спросил, когда он у меня примет Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской грамоту. И он, хан, сказал: о том-де пришлем известие, как он, хан, переговорит с знатными старщинами. И пошел я от него к себе в кибитку.

А поутру хан прислал ко мне тайно собственного своего человека, чтоб я прислал к нему, как можно поскорее, сукон, бобров, выдр и прочее, что есть у меня для подарения старщинам. И я на то ему сказал: прежде присяги ему, хану, жалованья и Е. и. в. милостивые знаки отдать не могу. И вторично он, хан, ко мне прислал, чтоб я поскорее прислал к нему товаров как ни есть уловить старшин, а ежели-де не пришлет, то ему и мне будет немалая опасность. Того ради принужден был я обещать Е. и. в. жалованья з грамотою к нему, хану, вместе принести, а знаки милости Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы — шубу, шапку и саблю — не отдал, пока он, хан, к присяге не придет и пункты не подпишет. А как оной посланной ханской от

меня отошел, тот же час киргис-казацкие старшина ко мне прислали, чтоб я шол с Е. и. в. грамотою к хану.

И **октября 7 дня** с Е. и. в. грамотою и жалованьем я к нему, хану, пришол, где были все знатные старшина, и речь выговорил. И Е. и. в. грамоту хан, с места встав, принял, на голову поднял и подле себя положил. И подарки — сукна, бобры, выдры, юфть, лисицы, чай — принять приказал, и посадил меня хан подле себя по левую руку; и потом спустя с четверть часа велели мне вытить ис ханской кибитки, и как я пошол в свою кибитку, того же часу стали дуван дуванить — Е. и. в. жалованья, что прислано было к Абулхаир-хану, с великим криком и дракою и ис кибитки ханской, все что есть, вынесли на поле, и стали делить с великою бранью, плетями и саблями между собою бились, а потом стали думать, чтоб меня убить. И услышел оное один башкирец, прибежал ко мне и сказал: здумали-де Киргис-казацкая орда тебя убить и ограбить. И я, как такое их злое намерение услышел, призвал к себе своих знатных башкирцов Алдарбая Исикеева [6], Таймаса Шаймова [7], Касямиша-батыря Беккочина, Оразая Ободанова, Кидраса Мулакаева и спросил их, каким образом их, киргис-казацкое, злое намерение отвратить. И оные башкирцы мне сказали: никакого способу к спасению не знают кроме одного, что имеетца у них знатные старшины Букембай-батырь [8], да зять ево Эсет-батырь [9], да брат ево двоюродной Худай-Назар-мурза, которые-де изо всех их лутчие, и сильные, и умные люди, и доброва состояния; надобно-де их подарить довольным числом, надеемся-де, от них нам польза будет; а ежели-де они к нам не склоняйтца, то-де ни от кого нам надежды нет, кроме бога.

Однако ж я послал объявить о том хану, что народ их имеет такое злое намерение меня убить, чтоб он, хан, мог меня от такого злого киргис-казацкого намерения освободить. На то он, хан, посланному от меня сказал, чтоб мог сыскать Букембай-батыря — кроме-де ево спасения нет, понеже и он стал им подозрителен. Потом спросил я оных башкирцов, чтоб ево, Букембай-батыря, как можно искусным образом ко мне привести. И из башкирцов один Таймас Шаймов имел с ним издавна дружбу и поехал сыскать ево з зятем и з братом на степи, и, уговоря их, ко мне привел ввечеру. И стал я им говорить, Букембаю-батырю з зятем и з братом, тако: уведомился я, что ваша Киргис-казацкая орда имеет злое намерение меня убить, чего ради они так хотят зделать, понеже я сюда

прислан по указу Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской по прошению Абулхаир-хана, такожде и вашей, а не так, чтоб я прислан вас неволею в подданство привести, а ежели вы меня хотя и умертвите и тем Российской империи нималого ущерба учинить не можете, токмо такова славного монарха приведете в злобу, не токмо с Российской империею иметь войну, но не можете сыскать места от одних от российских подданных от калмык и от башкирцов; а ежели-де надо мною что учините, то всемилостивейшая государыня императрица всероссийская кровь мою вам так оставить не соизволит, и тем можете вы за неповинною кровь мою со всею своею ордою разоритца. И ежели вы не хотите быть в подданстве Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы, и вы меня отпустите добрым порядком паки назад в Россию. И он, Букенбай, на то мне сказал: в Хиве Бековича [10] убили, что-де не могли реванжа отыскать, и так-де пропало. И я ему сказал: правда, хивинцы з Бековичем поступили по-варварски, ибо пот солнцем нигде такова обычая нет, чтобы послов умерщлять, а они то учинили над Бековичем нечеловечески, но по-скожки, а что от хивинцов реванж не отыскан за многими притчинами, понеже когда Бековича убили, в то время продолжалася война многия годы в России со шведом; и многия и иные подобныя притчины я им предъявлял. А потом в 1726 году прислал хивинский хан посланца своего с повинною грамотою, и оной посланец от нас с награждением паки возвращен в Хиву. А ежели вы, Букембай-батырь, трудами своими покажете к Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице верную услугу, и своих киргис-касаков от злаго намерения уговорите и их успокоите, и в подданство всероссийское приведете, и ханскую партию держать будете, и за такую вашу верную услугу обещаю, что вы милостию Е. и. в. награждены будете довольно, и причтены между добрых и верных слуг будете, и впредь до смерти вашей оставлены не будете, понеже лутче жить в покое, нежели в разорении, и лутче за доброе дело получить награждение, нежели по злодейству получить злое нападение. И они, Букембай-батырь з зятем и з братом, к моим словам склонились и обещали их, казаков, привести в подданство всероссийское, и ясак платить будут, и аманатов дадут. И я им обещал дать на 500 руб. товаров, с тем от меня и поехали.

Того ж **октября 10 числа** призван я был к ним в собрания, где был и Абулхаир-хан. И спросила меня киргис-касацкая старшина,

зачем я к нему приехал. И я ему ответствовал: отправлен я по указу Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской с всемилостивейшею грамотою к Абулхаир-хану и к вам, киргис-казацким старшинам, и ко всему войску киргис-казацкому против письменного прошения Абулхаир-хана и по словесному предложению посланцов ваших, и можете известны быть во ответной грамоте, которая прислана чрез посланцов ваших Кутлумбетя Коштаева, да Сеиткула Кидагулова. И потом казацкая старшина стали со мною говорить с великим сердцем тако: мы-де Обулхаир-хану просить подданства всероссийского грамоты писать и посланцом словесно объявить, якобы ясак платить и аманатов дать, того мы не велели, токмо мы, киргис-казацкая старшина, присоветовали послать посланцов, чтоб быть с Росиею в миру, а не в подданстве, а и ныне в подданстве быть не хотим, и надобно-де тебя за то убить досмерти. И как я, нижайший, от киргис-казацких старшин такие противные слова услышал и стал им з сердцем же говорить тако: понеже Росийская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами, яко степными зверьми, быть в миру неприлично, ибо Росийская империя от вас никакого опасения не имеет и в вас нужды нималою нет, а вам от подданных росийских — великая опасность: первое — от калмык, второе — от башкирцов, третье — от яицких казаков, четвертое — от сибирских городов; и всегда вы от них побеждены и разорены бываете. И ежели вы не пожелаете быть в подданстве Всероссийской империи, и я с вами мирнова договору чинить не буду и такова беславия Росийской империи не принесу; или вы гнушаетесь, чтоб быть вам в подданстве Всероссийской империи; не токмо вы, яко степные звери, но многия самовластные цари и ханы в подданстве всероссийском имеютца: первое — царь грузинский, Аюка-хан калмыцкой, Аликула-хан, Усмий-хан кагацкой; многия к тому приличныя я им слова говорил.

И как они, казацкая старшина, от меня слова выслушали, и выступя из них, Букенбай-батырь стал говорить Абулхаир-хану: по желанию твоему быть в подданстве всероссийском желаем и в том себя присягою утвердим. И Абулхаир-хан, и Букембай-батырь, и протчия знатная старшина того числа учинили присягу, а большая часть не присягали, стали быть противны; потом меня отослали в свой обоз, и противные партии стали умножаться с того числа и объявляти мне на каждой день смерть. И Абулхаир-

хан чрез два или три дни, и Букембай-батырь ко мне прихаживали и со мною советовали, как с киргис-казацкими старшинами поступать, и увещевали меня, чтоб я знатных старшин 30 человек подарками удовольствовал, которых я, низжайший, сукнами, бобрами и протчими товарами удовольствовал. И оные 30 человек стали держать Абулхаир-хана партию и Букембай-батыря.

Того ж **октября 20 числа** в полночь прислали ко мне Абулхаир-хан, чтоб я прислал к нему сукна 60 аршин всякого цвету, да кармазинного 50 аршин, 20 бобров, 40 выдр, 20 юфтей, красных кож, 5 касяков семиланной камки, 5 чернобурых лисиц, 3 тюня китайки для роздачи знатным киргис-казацким старшинам, и приказал ко мне чрез своего человека, ежели я к нему вышепоказанных товаров не пришлю, то-де завтра нас с ним предадут к смерти; и паки вторично прислал с тем, ежели к нему вышеоъявленного числа товаров не пришлю, то-де он, хан, велит отнять насильно, за то-де на него, хана, всемилостивейшая государыня императрица гневатца не будет, понеже-де он, хан, трудитца, яко диких людей привести в подданство всероссийское. И вышепоказанных товаров отослал я з башкирцом Таймосом Шамовым, и оные товары хан киргис-казацким старшинам роздал все без остатку, и оные старшина, которые от хана и от меня подарками довольствованы, те учинили присягу, чтоб быть в подданстве всероссийском, и ежели хто на то будет противен и противу тех, чтоб не желать своего живота.

А после того явилася другая противная партия и два раза на меня и на хана приступали, чтоб меня убить досмерти, однако с помощью божиею в обозе ничего они мне учинить не могли и напали на меня при море Аральском, когда стали кочевать, чтоб меня убить досмерти или поймать живьем да замучить; и при кочевье ничего учинить не могли, токмо поймав, увезли от меня одного знатного башкирца Таймаса Шаимова и мучили его тирански. Потом послал Букембай-батырь брата своего Худай-Назар-мурзу к тем противным казакам, чтоб их от злаго намерения уговорить и башкирца Таймаса от них освободить. И он, Худай-Назар, оных противных казаков от злаго намерения уговорил, и башкирца Таймаса от них свободил, и знатных старшин привел к хану, которых я подарками удовольствовал. И оные старшина в подданстве всероссийском быть присягали и к пунктом свои знаки приложили.

И как Абулхаир-хан и Букембай-батырь Малую орду успокоили и отправили в Среднюю орду Худай-Назар-мурзу к Шемяки-хану [11] с тем, что Малая орда в подданстве всероссийском быть все присягали и ясак платить обещали, а именно: Абулхаир-хан своего владения — четыре тысяч лисиц, зять ево Батырь-Махамет-салтан [12] своего владения — 1000 лисиц да 1000 корсаков, да сын Абулхаир-хана Нуралы-салтан своего владения — 1000 лисиц; чтоб и он, Шемяки-хан, уговоря своих старшин, принял подданство всероссийское. И он, Шемяки-хан, на рассуждения Худай-Назара-мурзы склонился быть в подданстве всероссийском, в том и присягали и ясак платить ис своего владения обещал, а именно: 2000 лисиц да 1000 карсаков, на что дал письменное обязательство.

А других ханов, салтанов и старшин в Средней орде к тому склонять, чтоб привести в подданство он, Шемяки-хан, обещал, понеже Киргис-касацкая орда из древних лет разделена на три части, а имянно: Большая, Средняя, Малая орда — Улуюз, Ортаюс, Кичеюз. Большая орда кочуют за бухарами в дальном разстоянии и с Среднею, Малою ордою не съезжаютца, у них же хан особливой. Средняя орда кочует около Тобольска, а ханами у них — Шемяки-хан да Кочек-хан [13], двое салтанов — Борак-салтан [14], да Оболмамет-салтан [15]; а в Малой орде — один Абулхаир-хан, да двое салтанов — зять ево Батырь-Махомет-салтан, да сын ево Нуралы-салтан. Городов у них никаких нет, и вся орда киргис-касацкая кочевная, а довольствуютца скотом, но и больше ловят лисиц и корсаков довольно, а хлеба не пашут. А в Среднею орду за дальностию ныне зимою я не поехал, а поеду к нему весною, и что другие ханы ясак платить обещать будут, в том у них возьму письменное обязательство и буду ханов и салтанов и знатных старшин приводить к присяге.

Абулхаир-хан между прочими ханами у них был в великом почтении, а ныне на него, Абулхаир-хана, все злобятца за то, что он просил быть в подданстве всероссийском один. И подлинное намерение Абулхаир-хана чрез многия разговоры узнал[и], и он мне объявил, чего ради он один без согласия других просил быть в подданстве всероссийском: первое — ханы у них несамовластные, второе — ненаследные, а он, Абулхаир-хан, желает, чтоб протекциею Е. и. в. быть ему самовластным и дети б ево по нем были наследники, так как Аюка-хан волен над своими калмыка-

ми. И ежели впредь не испортитца Абулхаир-хан, ныне так верно поступает к стороне российской, как надлежит доброму человеку и верному слуге.

А как Букенбай-батырь в бытность мою в Киргис-казацкой орде стал верные услуги казать, понеже он, Букембай, человек доброй совести и умной, и я, низжайший, от смерти избавился им, понеже с приезде моево в Киргис-казацкую орду **декабря по 25 число 731 году** всегда киргис-казаки имели намерения, чтоб меня и хана убить досмерти, токмо спаслись охранением Букембай-батыря, о чем пространно о верных службах Букембай-батыря и на меня о вседневных нападениях объявлено будет во вседневной моей записке. И взяли меня и хана он, Букембай, з братом и зятем в свои улусы, чтобы киргис-казаки не учинили мне какой противности, и ныне живем у них, и Киргис-казацкая орда склонилась в подданстве всероссийском быть чрез добродетельное старание ево, Букембай-батыря. И объявил он мне, Букембай-батырь, свою тайность и просил меня, ежели-де, паче чаяния, Киргис-казацкая орда не состоит в слове и отстанут от подданства всероссийского, то он, Букембай-батырь, и зять ево Есет-батырь, и брат ево Худай-Назар-мурза от них, киргис-казаков, отстанут и желают быть под рукою Е. и. в. всероссийского и кочевать бы им было вольно по реке Яику, и оное их намерение Е. и. в. угодно будет ли; и ежели-де протчие киргис-казаки будут нападать на них, чтоб для споможения им Букембаю-батырю указы на Уфу к башкирцам и яицким казакам пришлютца ль, то он, Букембай-батырь, з зятем обещают Киргис-казацкую орду привести в подданстве всероссийское в два года саблю. А владения у них, Букембай-батыря з братом и зятем ево, будет 7000 кибиток; а ежели-де Киргис-казацкая орда по присяге своей будет крепка стоять в подданстве всероссийском, то он, Букенбай-батырь, з зятем ево будут с ними, киргис-казаками, жить мирно и постоянно, на что я их, Букенбай-батыря з зятем, обнадежил: намерение их Е. и. в. милостиво за благо принять соизволит и на Уфу башкирцом и яицким казакам, и где кому способно будет, им споможение чинить указы пришлютца. И потом Абулхаир-хан, и Букенбай-батырь, и зять ево Есет-батырь, и брат ево Худай-Назар-мурза в том намерении себя крепко и верно утвердили и вторично присягали.

А мое слабое мнение, чтоб Абулхаир-хана и Букенбай-батыря з зятем и з братом ево всеконечно надобно со обнадеживанием

от киргис-касаков оторвать, ибо я у них видел, буде Букенбай-батырь з зятем от них, киргис-касаков, отстанут, то киргис-касацкая надежда вся пропадет, однако ныне, как можно видеть, что вся орда утишилась, только я еще с протчими в Средней орде ханами не видался, салтанами и старшинами. А в майе месяце всегда у них живет собрание, где будут ханы, салтаны и знатная старшина, и я сего 732 году в майе месеце со всеми увижусь.

А которые ханы и салтаны присягали и обязались письменно, чтоб быть в подданстве всероссийском и ясак платить каждой, что из своего владения, и просили меня, что с тем известием желают они отправить к Е. и. в. посланцов своих: Абулхаир-хана посланец — свойственник, Букенбай-батыря — Баке-батырь с одним служителем, а от Шемяки-хана — двое посланцов: Кулаке-теленгут, а другой — Яилган, и при них один служитель Амаллык; от зятя Абулхаир-хана Батыря-салтана — посланец МахOMET-ходжа [16] с одним служителем, от сына Абулхаир-хана Нуралы-салтана — посланец Чека-теленгут, жены Абулхаир-хана — посланец Машкар. И оных посланцов пожаловать наградить, понеже то приятно будет другим ханом и салтанам подданство всероссийское принять. Посланцу Абулхаир-хана — свойственнику, Букенбай-батыря — Баке-батырю, да Шемяки-хана посланцу Кулбаке-теленгуту — по 50 руб., по 4 аршина хорошего сукна да по чернубурой лисице; человеку Шемяки-хана — посланцу другому и Батырь-салтана посланцу — по 40 руб., и по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку; Нуралы-салтана посланцу и жены Абулхаир-хана посланцу — по 30 руб., по 4 аршина сукна и по одной лисице человеку, 3-м кощеем — по 10 руб. человеку; особливо Абулхаир-хана посланца Баке-батыря надобно пожаловать тайно сверх той дачи еще тридцать рублей да сукно, чтоб Букенбаю было то приятно, а кормовых денег первым двум персонам — по 15 коп., а прочим 4 человеком — по 12 коп., а 3 кощеем — по 7 коп. на день человеку, а на дрова и на свечи опричь кормовых, а при отъезде пожаловать им кормовых денег на два месяца, да с оными ж посланцами соблаговолить пожаловать прислать киргис-касацким владельцам за доброе их намерение, что они подданство всероссийское приняли, милость Е. и. в. — несколько товаров: сукна, черныя лисицы, выдры, юфть, а именно: Абулхаир-хану — на 100 руб., Шемяки-хану — на 100 руб., Батырю-салтану — на 70 руб., Нуралы-салтану — на 50 руб., и оное им зело приятно будет.

На то смотря, другие ханы и салтаны будут в подданство всероссийское просить сами и ясак платить с великою охотою, и мне совершить свою комиссию будет очень легко. И Государственная Коллегия иностранных дел соблаговолит особливо пожаловать ко мне прислать з башкирцом Кидирясом да з дворянином Кирилою Барабанщиковым на 300 руб. товаров: ис кармазинных сукон краснова — 40, зеленова — 20 аршин ценою по 2 руб. по 50 коп, ис простых сукон краснова — 20 да зеленого — 20 аршин, пять лисиц черных — по 10 руб. лисица, да пять лисиц — по 5 руб. лисица, 10 выдр порешены, 10 юфтей, красных кож на дачу в Средней орде ханам, салтанам и старшинам, понеже у меня не осталось ничего товаров, и свои вещи и платья с плечь — все роздал и тем их в подданство всероссийское привел и от злаго намерения утишил. Да на содержание мое пожаловать прислать червонных, понеже я у себя не имею денег ни копейки и пропитания имею вдолг, чтоб мне здесь живучи, не принять посрамления. А с приезде моего и поныне от страху, от голоду и холоду приемлем несносную трудность, того ради, что в Киргис-касацкой орде мне корм не дается, и я у них не прошу и тем их не озлобляю, понеже-де они, киргис-касаки, преж сего такова обычая не имели и ныне едва приходят на истинной путь.

А что Абулхаир-хан писал ко мне в Уфу, якобы бухарской и хивинской ханы просили чрез него, Абулхаир-хана, чтоб быть в подданстве всероссийском, и то — неправда, а от бухарского хана к нему, Абулхаир-хану, прошения такого не было, токмо от хивинского хана к нему, Абулхаир-хану, при мне прислан был посланец, и я с ним виделся, и о том разговоров никаких не было, а наивяще оной посланец возмущал Киргис-касацкую орду, чтоб они подданства всероссийского не принимали, а меня бы убили. Однако ж оной посланец мне учинить ничего не мог, токмо-де он, Абулхаир-хан, в ту меру писал, что он желает Бухару и Хиву в подданство всероссийское привести неволею, а ныне он, Абулхаир-хан, послал сына своего Нуралы-салтана к брату своему в Хиву с тем, чтоб он канечно принял подданство всероссийское, також договоритца о комерции, чтоб бухарские и хивинские купцы в Россию ездили чрез Киргис-касацкую орду.

На то я ему, Абулхаир-хану, в разсуждение предлагал, что [бы] на то ево склонить, понеже чрез Киргис-касацкую орду

комерции быть невозможно, киргис-касаки — люди дикие и непостоянные и страху от ханов не имеют, буде купцам какую пакость сделают, то будет вам ханом безславия; разве учинить так, буде бы Абулхаир-хан просил у Е. и. в., чтоб милостиво указать соизволила на устья реки Орь, где впала в реку Яик, сделать крепость и в такой крепости надлежит тебе, хану, зимовать, и из киргиз-касацких старшин изо всякого роду по одному человеку быть тут во оном же городе у киргиз-касацких дел судьями погодно, ежели кто из киргиз-касаков провинитца, чтоб они, судьи, по указом Е. и. в. учинили тем пристойное наказание и потом можно надеяться, Киргис-касацкая орда будет жить с покоем и купцам обид чинить не будут, и тебе, хану, будет беспечально. На что он, Абулхаир-хан, склонился и с радостью за благо принял.

А по моему слабому мнению, на устье реки Орь всеконечно надобно сделать фортецию для того: первое, что киргис-касаки аманатов давать на Уфу из детей старшин отказали, а как они из самих старшин из каждого роду по одному человеку учинят, яко судьями у киргиз-касацких дел в том городе жить, ясак збирать и в Москву отсылать погодно, то они будут вместо политических аманатов, и киргиз-касаком пакости делать российским подданным будет невозможно; понеже оная крепость будет им, касакам, великой страх, а российским подданным — превеликое охранение, и ежели оная крепость построена будет, то в Бухару, в Хиву, в Ташкент и в Торкустан караванам ходить будет зело способно, ибо от Уфы Хива ближе, нежели от Астрахани, понеже устье реки Орь от города Уфы разстоянием 550 верст, а Хива от того ж устья — 600 верст, а до Бухары от того ж устья — 800 верст, и дорога зело способная, воды довольные, о чем впредь объявлено будет в ланткарте ясно, а ныне ланткарты сделать было никак невозможно; и опасности купцам не будет, понеже в канвое для провожания будут киргис-касаки сами.

Да прошедшего **декабря 26 дня 731 году** призван я был к Абулхаир-хану, где были и старшина касацкая, и объявили мне: в прошлом-де 729 году от него, Абулхаир-хана, отправлен был посланец Бекбулат с товарищи 4 человека в Табольск, которой и поныне держитца под караулом в Табольску, и тем они меня многократно упрекали. На то я им сказал: оной посланец зачем от них послан был в Табольск и за какую притчину он одержан, о

том я и известия не имею, знатно за ним, посланцом, ваши киргис-касаки учинили российским подданным какую пакость, может быть, по-вашему обычаю и одержен был, понеже у вас то над послами делается. И при той конференции о полонениках с ними я имел разговор, чтоб российских пленников они отдавали, а которых есть от них в полону в Руси, и те им отданы будут без окупы, и к тому многия пристойныя резоны им говорил. И на то ханы склоняются, токмо народ киргис-касацкий того не желают, а желают, чтоб как великороссийских, так и киргис-касацких пленников, положи цену, отдавать на выкуп, токмо я без позволения Государственной Коллегии иностранных дел о цене с ними договариваться не смею, однако, сколько возможно будет домогатца, представляя пристойныя резоны, чтоб безденежно возвращали.

А как я, низжайший, до владения каракалпацкого доехал, тогда каракалпацкий хан прислал ко мне письмо и притом для договору прислал три человека из духовных да пять человек из знатных старшин просить, чтоб ему своею ордою всемилостивейшей государыни и всероссийской быть в подданстве, а ясак платить не желают. Токмо из них один знатной старшина, называемой Уразак-батырь, обещался домогатца их, каракалпак, привести к тому, чтоб и они ясак платили. И имелися у них, каракалпак, завоеванные тому назад с шестьдесят лет наши башкирцы двести кибиток, и они мне оных отдать обещали, а о российских пленниках я им довольно говорил, чтоб они, показуя первую верность к Е. и. в., российских пленников отдавали, и то б было Е. и. в. зело приятно; и еще на то не склоняются, ибо скоро их на истинной путь привести отнюдь невозможно, понеже оные народы люди дикие.

И Государственная Коллегия иностранных дел ежели вышеобъявленное Абулхайр-хана и Букенбай-батыря намерение за благо принять соизволит, чтоб в запас на Уфу к башкирцам и яицким казакам, и где кому способно будет, для споможения Букенбай-батырю и зятю ево Есет-батырю прислать Е. и. в. указы, а о строении на устье реки Орь города Абулхайр-хана обнадежить ли, а о вышепоказанном посланце Бекбулате с товарищи четыре человека в Табольск соблаговолить послать Е. и. в. указ, чтоб привести их в город Уфу неумедля; а меня, низжайшего, уведомить, за что оной посланец одержен был в Табольску, чтоб я в собрании в мае месяце киргис-касакам о том мог ясно предьявить и оногo посланца из Уфы им отдать ли. А ежели не отдать,

то им будет очень противно и о пленниках, ежели не склонятся безденежно возвращать, денежною ценою договариватца ль, а посланцов Абулхайр-хана и прочих соблаговолить возвратить к майю месяцу. А ежели оные-де посланцы к майю месяцу не возвратятся, то в договорах учинится превеликая остановка, то дожидатца мне будет другога году.

Покорно прошу Государственную Коллегию иностранных дел присланного от меня дворянина Кирилу Барабанщикова за многия ево верные службы и всеусердные труды пожаловать ево, Барабанщикова, в Уфинския дворянския роты вахмистром и о том в Уфу послать Е. и. в. указ, понеже он, Барабанщиков, человек доброй, не токмо, что в ундер-, но и в обер-офицеры достоин. А башкирцу Кидрясу Моллакаеву пожаловать пятьдесят рублей денег и на кафтан сукна, понеже он, Кидряс, во интересах Е. и. в. верной слуга и многократно видел смерть и зело доброжелателен к российской стороне, и ежели он будет награжден, то и протчия башкирцы, котория имеютца при мне, на то смотря, будут во интересе Е. и. в., не желея живота своего, со усердием служить. А Киргис-касацкая орда будет числом сорок тысяч кибиток. Каракалпацкая орда — числом десять тысяч кибиток.

Генваря в 5 день 1732 году из Аральского моря.

У подлинного подписано: по сему *переводчик Мамет Тевкелев.*

АВПРИ. Ф. 122/1. 1732 г. Д. 1. Л. 37–63; то же. Л. 10–35; ОВА МОН РК. Ф. 4. Оп. 11. Д. 177. Л. 70–122. Фотокопия с оригинала. Оpubл.: Красный Архив. 1936. № 5 (78). С. 196–205.

Журнал бытности в Киргиз-казацкой орде переводчика Маметя Тевкелева (1731—1733 гг.)

В 1731-м г. октября 3-го дня пополудни во 2-м часу посланной из Колл. ин. дел переводчик Мамет Тевкелев в Киргискайсацкую орду к Абулхаир-хану к реке Иргис вышеозначенного числа в пристойном числе конвоя прибыл. И того ж числа напротив оного Тевкелева выехал навстречу того Абулхаир-хана сын Нуралы-салтан в 200-х человеках, в том числе старшин 29 человек. И не доезжая переводчика Тевкелева сажень 20-ти, как он, Нуралы-салтан, понеже и вся свита ево с лошадей сошли, и шли к коляске Тевкелева пешком. Что видя, переводчик Тевкелев ис коляски вышел, и, не допусая до себя саженьх в 5-ти ево, Нуралы-салтана, встретил, и по обыкновению поздравил, и притом спросил о здоровье отца ево и всех киргиских старшин и протчих. На что Нуралы-салтан ответствовал: вся Киргиз-казацкая орда состоит в благополучи и тишине. Також и он, Нуралы-салтан, ево, Тевкелева, поздравил же прибытием и, благополучно ль ехал путем, спросил же. На что Тевкелев ответствовал, что ехал благополучно. Потом Нуралы-салтан ему, Тевкелеву, объявил, что прислан он от отца своего Абулхаир-хана к нему, Тевкелеву, навстречу, и приказано ему ехать при нем, Тевкелеве, для препровождения в пути от воровских набегов. Тогда переводчик Тевкелев за то благодарил и притом спрашивал ево, Нуралы-салтана, о разстоянии пути до Абулхаир-хана. И он, Нуралы-салтан, объявил, как он отлучился от орды, тому третьей день. И потом поехал в путь, и от того места отъехали верст з 10, при реке Иргис остановились ночевать, где переводчик Тевкелев поставил свой намет. И как достигло время глубокого вечера, звал ево Нуралы к себе уженать. И он, Нуралы-салтан, и при нем старшин 7 человек под намет ево, Тевкелева, пришли и с ним

уженали и трактованы были довольно, где напоил их допьяна, откуду старшину, взяв за руки и за ноги, вынесли в сон.

В 4-де того ж октября, поутру встав, и по обыкновенном поздравлении поехали же в путь. И на втором стану ввечеру пришел он, Нуралы-салтан, и объявленная при нем старшина к нему, Тевкелеву, и сидели довольно. И стали между собою ему, Тевкелеву, говорить, что-де ничем переводчик Тевкелев их не подарит. Что переводчик Тевкелев, услыша такое прошение, их подарил, а имянно: ханскому сыну 4 аршина сукна краснова по 2 рубли по 60 копеек аршин, лисицу черно-бурюю в 4 р. 85 к. 2/4. Сверх же того увидел он, Нуралы-салтан, у переводчика Тевкелева седло, оправленное серебром, ценою в 15 рублей, узду серебряною в 6 рублей, просил оное себе (а как он, переводчик Тевкелев, о том после уведал) по научению старшины, понеже по обыкновению их все данное от иностранных приезжих хану и ханским детям, они отдают старшине, которые делят по себе; что при первом случае отказать не мог, оное седло и узду ему отдал. А старшинам 7 человеком: первому — 4 аршина сукна красного по 2 рубли аршин, двум — по 4 аршина сукна красного по 1 рублю и по 60 копеек аршин; четверем — по 4 аршина сукна ж краснова по 1 рублю аршин. И потом оные старшина стали говорить переводчику Тевкелеву, чтоб он подарил и других старшин, товарищей их, которые приезжали при нем, султана, 22-х человек и протчих. На что переводчик Тевкелев стал им говорить, что сие во всем свете не обычай, что которые послов и посланников будут встречать, чтоб их всех дарить. Однако, хотя и не обычай, но он, Тевкелев, в почтение ханского сына и старшин 7 человек подарил, против чего пристойные отговорки предъявлял, которые стали просить о подарках бес стыда, объявляя, хотя-де оного во всем свете обычая не находится, но у них суть. Потом Нуралы-салтан и означенная старшина 7 человек говорили, чтоб он, Тевкелев, их подарил и будет им и всем киргизцам приятен. А буде ж не подарит, то хану и им будет неприятен, против чего отговариваться он, Тевкелев, не мог, и подарить принужден, а имянно: старшинам 22-м человекам и всем касакам дано: 10 аршин краснова сукна по 1 рублю аршин, 10 бутей, красных кож 5, выдр 2, бобра 1, тюнь китайски 8 рублей 50 копеек, 4 кавтана шитых красных китайчетых, каждой кавтан по 2 рубли по 20 копеек; да во время езды до орды Абулхаир-хана довольствовал их всех своим коштом.

Октября 5 числа прибыли в урочище Манитюбе, стали при реке Иргис. И ввечеру привел один касаченин переводчику Тевкелеву барана, за которого просил, чтоб был подарок, что у них такое обыкновение есть. А как слышно, буде оно по их обычаю не принят, то за оно будут иметь злобу и непристойное понесут нареkanie. За что он, Тевкелев, тому кайсаку приказал дать одну кожу красную, и оной киргиз-кайсачин не токмо не хотел принять, но с великим лаем бросил, а потом велел он, Тевкелев, еще выдать одну выдру. И от того время, хотя уже и имел себе всякое нареkanie, однако не принимал.

А **6-го дня** того ж октября, как приблизился переводчик Тевкелев к орде хана Абулхаира, тогда Абулхаир-хан приказал встрети ево, Тевкелева, в 2 верстах в угатованную для него кибитку, которая от ханской кибитки разстоянием была неподалеку. А лошадей и верблюдов Тевкелева приказал Абулхаир-хан принять своим табунщикам и караулить, а имянно: 200 лошадей да 12 верблюдов.

Того ж числа в Киргис-кайсацкой орде явился переводчику Маметю Тевкелеву великороссийской человек, которой о себе сказал: Яковом ево зовут, Прокофьев сын, прозванием Болдырь, уроженец Яицкого городка, служивой казак, в 731 году в июне месяце посылан он был с Яика с письмами на Самару и не доезжая того города Самары, на степи поланили ево киргис-кайсаки, и жил он в Киргис-кайсацкой орде у киргисца Конака.

И тово же **октября 6-го числа** в полночь прислал Абулхаир-хан к переводчику Маметю Тевкелеву, чтоб он, Тевкелев, пришел к нему, Абулхаир-хану, тайно, или он, Абулхаир-хан, к нему, Тевкелеву, будет. А как Тевкелев стал быть во оной кибитке, в то время, особливо от старшины кайсацкой, к Абулхаир-хану и к нему, Тевкелеву, определен тайной караул, чтоб прежде объявления Е. и. в. грамоты не допускать с ним, Тевкелевым, видиться и прежде желая слышать, что во оной написано. И между тем ходили тайно двое башкирцов — первой Таймас-батыр, второй Кидряс. Из которых чрез башкирца Кидряса от хана приказано, чтоб переводчик Тевкелев, надев на себя худое платье кайсацкое, пришел к нему, Абулхаир-хану, в поля и виделся. Где он, Абулхаир-хан, с ним, Тевкелевым, могут до утра переговорить и согласиться. А буде не согласитца, то ему, хану, и переводчику Тевкелеву в том будет не без препятствия. Что он, Тевкелев,

слыша, и учинил, и с помянутыми башкирцами, Кидрясом и Тоймасом, пошел. И им, ханом, он, Тевкелев, принят с почтением. И, по обычном с обеих сторон поздравлении, хан ему, Тевкелеву, начал говорить, что он, хан, просил себе протекции всероссийской без согласия других ханов и салтанов, и киргиских старшин, один, и то, что без согласия оных просил, имеет сумнение, но как бы то ево намерение в совершенное желание привести. Против чего переводчик Тевкелев спрашивал ево, Абулхайр-хана, чего ради он один без согласия других ханов и салтанов и киргис-кайсацких старшин то учинил, и что тому притчина. На то он, Абулхайр-хан, ответствовал тако: объявляет он, Абулхайр-хан, ему, Тевкелеву, сущую свою правду, чего ради один он без согласия других пожелал быть в подданстве всероссийском за многими притчинами.

1-е. Из древних лет предки ево и он, Абулхайр-хан, владели городами Ташкентом, Туркестаном и Сайрамом с принадлежащими к ним городками и деревнями. И продолжалась у него, Абулхайр-хан, война с хонтайшею многие годы. И не мог он, Абулхайр-хана, с ним, хонтайшою, противитца, в которое время жена и мачеха ево, Абулхайр-хана, взяты в полон. И принужден был он, Абулхайр-хан, вышепоказанные города оставя, выехать к кочевным народам киргис-кайсаком.

2-е. Еще, недовольствуясь тем, стал воеватца с волскими калмыками, и с башкирцами, и з бухарами. И со всех сторон окружен стал быть он, Абулхайр-хан, неприятельми. И от того времени и до ныне городов своих, мачеху и жену свою от него, хонтайши, выручить не может. Однако ныне з Бухарию и Хивою помирились, токмо остались неприятели ево — волские калмыки и оральские башкирцы. А с калмыками как скоро миритца, так скоро и война живет. Мир их бывает несостоятелен. А башкирцы-де без указа Е. и. в. с ним, Абулхайр-ханом, миритца не хотят. Того ради он, Абулхайр-хан, к Е. и. в. послал своих посланцов просить протекцию российскую, чтоб ему, Абулхайр-хану, с волскими калмыками и с оральскими башкирцами быть в миру, а от хонтайши отискивать свою реванж было ему свободно.

3-е. Можно видеть, как Аюка, хан калмыцкой, так и башкирцы, ежели не могут управитца с неприятельми собою, то охранены они бывают протекциею Е. и. в. Також-де б и он, Абулхайр-хан, был охранен Е. и. в. протекциею.

Також говорил ему, Тевкелеву, чтоб он, Тевкелев, не вдруг их принуждал к присяге. И чтоб в первом понуждении не показалось им противно. И сперва-де надобно знатных старшин довольствовать подарками, чтоб они тем умячились. А ежели-де знатные старшина на то склонятца, и киргис-кайсацкие народы от старшин отстать не могут. И многократно тем он, Абулхайр-хан, ему, Тевкелеву, подтверждал, чтоб всеконечно он, Тевкелев, их, старшин, дарил, понеже-де Киргис-кайсацкая орда — люди дикия, вдруг их в путь наставить невозможно, так надобно с ними поступать как уменьем ловят диких зверей. Что переводчик Тевкелев от хана услыша, говорил ему, хану, чего ради посланцы ево несправедно словесно предложили в Москве, что Абулхайр-хан-де желает быть в подданстве всероссийском с согласия всех ханов и всего войска киргис-кайсацкого, а ныне то стало ложь, токмо один ты собою оное учинил. На то Абулхайр-хан сказал: посланцом своим словесно объявить приказал он сам, якобы с согласия всех ханов и старшин и всего войска кайсацкого, для того-де, ежели б ево посланцы объявили в Москве токмо об одном Абулхайр-хане, а других не объявили, то б может быть Е. и. в. ево, Тевкелева, к нему, хану, отправить указать не соизволила. А ныне, паки он, Абулхайр-хан, будет всеми мерами Е. и. в. показывать услуги, и в верность, и старание иметь привести и их, киргис-кайсаков, в подданство всероссийское, понеже-де он, Абулхайр-хан, их обычай знает, и объявляя он, Абулхайр-хан, перед другими ханами и салтанами себя первенствующаго. Потом Тевкелев ево, Абулхайр-хана, спросил, ежели они на то склонны не будут и в подданстве всероссийском быть не похотят, и привести их к тому будет невозможно, не будет ли от них ему, Тевкелеву, какого опасения. И он, хан, на то ему, Тевкелеву, сказал, ежели-де знатные старшина подарками удовольствованы будут, то-де никакой опасности не будет, и в подданство всероссийское привести их будет не трудно. Потом Тевкелев у него, хана, спросил, когда он, хан, у него, Тевкелева Е. и. в. всемирнейшую грамоту примет. И он, хан, сказал, о том-де пришлет известие, как переговорит со знатными своими старшинами.

И пополуночи в 5-м часу переводчик Тевкелев пошел от хана в свою кибитку и пришел с одним башкирцом Тоймасом, а башкирца Кидряса Малакаева оставил Абулхайр-хан себя проводить до ево кибитки. И как он, Кидряс, проводя Абулхайр-хана, шол

к переводчику Тевкелеву возвратно, тогда поймали ево, Кидряса, караульщики, которые приставлены были от киргис-кайсацких старшин, и ево, Кидряса, били и спрашивали, что не свел ли он переводчика Тевкелева с Абулхаир-ханом. И оной башкирец им, караульщиком, о том не сказал, и свезав оногo, отдали до утра под караул. А поутру оногo башкирца Кидряса знатные старшина о том же спрашивали с прецдением смерти. И он, Кидряс, сказал им, старшинам, что он ходил к хану на поварню, ел мяса, а хан с Тевкелевым виделся или не видался, о том Кидряс не знает, а он их видиться не сводил. И потом оногo Кидряса прислали к нему, Тевкелеву. Того ж октября в 7 день поутру прислал Абулхаир-хан к переводчику Тевкелеву тайно верного своего человека, чтоб переводчик Тевкелев прислал к нему, Абулхаир-хану, как можно поскорее, товаров: сукна и протчаго, что есть у него для подарения старшинам. И переводчик Тевкелев на то служителю ханскому сказал, что пока он, хан, присягу не учинит, то он, переводчик Тевкелев, Е. и. в. жалование и милостивные знаки не отдаст. И тот ханской присланной с тем и возвратился. Потом вторично он, хан, того человека прислал, чтоб всеконечно прислал товаров, чем может в то время успокоить киргис-кайсацких старшин, а всемилостивейшия знаки возьмет он, хан, по учинении присяги. А ежели-де сего дни Тевкелев товаров к нему, хану, не пришлет, то-де как ему, Абулхаир-хану, так и переводчику Тевкелеву будет великой страх. Того ради он, Тевкелев, принужден был обещать Е. и. в. грамоту и жалованье вместе отнести. И как скоро оной посланной ханской от Тевкелева отошел, толь скоро киргис-кайсацкие старшина прислали к переводчику Тевкелеву, чтоб он, Тевкелев, с Е. и. в. грамотою был к Абулхаир-хану.

И того ж 7-го дня переводчик Тевкелев с Е. и. в. всемилостивейшею грамотою и з жалованьем к нему, Абулхаир-хану, пополуночи в 10-м часу пошел, взяв с собою Е. и. в. грамоту и жалованье. И не допуская ханской кибитки, встретили ево, Тевкелева, четыре ясаула, а при ханской кибитке встретили киргис-кайсацких старшин двое, которые и препроводили в ханскую кибитку. А с ним, Тевкелевым, вошло двое геодезистов, семь человек старшин башкирских. И он, Тевкелев, Е. и. в., грамоту поднес. Тогда Абулхаир-хан и при нем старшина с места встали, и грамоту он, хан, принял. И посадил ево, Тевкелева, подле себя по

левую сторону. Тогда начал говорить Тевкелев тако, что «понеже ко всепресветлейшей государыне Анне Иоанновне, императрице и самодержице всероссийской к Е. и. в. нашей всемилостивейшей государыне прислал ты, Абулхаир-хан, посланцов своих Кутлумбетя Коштаева да Ситкула Кундайгулова с листом своим и с словесным прошением о принятии тебя, хана, со всем твоим владением в подданство российское, и быть бы вам с подданными российскими в миру, и Е. и. в. всемилостивейшая государыня императрица Вас, Абулхаир-хана, старшину и все киргис-кайсацкое войско пожаловали, повелели по прошению Вашему в подданство российское принять». А про другую грамоту, которая послана с посланцами ево, при том он, Тевкелев, не объявил, понеже во оное самое обстоятельство написано, и чтоб тем, по их несогласию, не привести их в смятение. Потом он же, Тевкелев, предъявлял, коим образом Е. и. в. для показания своей высокой к нему, Абулхаир-хану, милости, ево, Тевкелева, нарочно прислать соизволила с своею императорскою грамотою. И притом изустно ему, Тевкелеву, повелела объявить, что Е. и. в., по высокой своей ко всем милости, их прошения о бытии в подданстве, не токмо всемилостивейше принять соизволила, но и повелела обнадежить ево, Абулхаир-хана, и все киргис-кайсацкое войско, что Е. и. в., в неотменной своей милости, их содержать будет и надеется взаимно, что и он, хан, и все войско кайсацкое к Е. и. в. всегда в такой непоколебимой верности содержать себя будете, как то по вашему обещанию и верным подданным обыкновенно чинить надлежит. И ради совершения и утверждения того всего с ним, ханом, прислан он от Е. и. в. нарочно к нему. На что тогда в ответ ничего не сказали, но токмо объявили, чтоб он, Тевкелев, до времени имел итти во свою кибитку, откуда он и возвратился. По отпуске ево, Тевкелева, будучая в ханской кибитке кайсацкая старшина и другие сами сошлись и данное им снесли в одно место, начали между собою делить с великим криком и дракою, и бились плетьюми и саблями до крови. И от того времени начали думать злое, чтоб Тевкелева убить досмерти, а пожиток ево себе пограбить и людей разобрать по себе. При чем случился быть один башкирец и, оное услышав, ему, Тевкелеву, объявил, також и знатных башкирцов хотели убить же. Что услышал он, Тевкелев, призвал своих знатных башкирцов Алдарбая Исекеева, Тай-маса Шаимова, Косемиша Бекходжина, Оразая Обозина, Ки-

диряса, Шиму-батыря Калтычакова, и Отжаша Разманкулова, Ака-муллу и сказал им объявленное ему от башкирца, и как бы то их, кайсацких старшин, злое намерение отвратить. Которые на то сказали, что способа другого не знают, кроме сего: есть-де знатная старшина Букенбай-батыр, да зять его Исет-батыр, да двоюродной брат Худай-Назар-мурза, которыя изо всех старшин лутчие и сильные люди и доброго состояния, и надобно их, прилаская, подарить, чем и удовольствоваться, то чрез их ему, Тевкелеву, польза будет; а буде же на то не склоняются, то инаго способу сыскать не могут и едва от смерти спастися могут ли.

И оной Тевкелев послал к Абулхаир-хану объявить то намерение старшинское, и дабы от того их унял, и им то учинить воспретил. На что Абулхаир-хан посланному Тевкелева сказал, чтоб он, Тевкелев, приказал сыскать знатную старшину Букенбая-батыря, и сам бы, как знает, мог бы уговорить, которой всех старшин кайсацких от того отвратить и недопустить может, а он, хан, за подозрительством своим, их от того не может. И потом Тевкелев одного своего башкирца, Таймаса, которой с ним, Букенбаем, издавна имел знакомство (как посылан был он, Таймас, от башкирцов в Кайсацкую орду посланцом), послал искать, чрез которого и приведен. И оному Букенбай-батырю он, Тевкелев, о том их злом намерении говорил, что напрасно они такую злость над ним хотят чинить, понеже он человек, посланной по указу Е. и. в. своей всемиловивейшей государыни императрицы все-российской по прошению Абулхаир-хана, а не так, чтоб прислан их, киргис-кайсаков, неволею в подданство привести. И ежели же такое злое намерение они учинят и его убьют досмерти безвинна, тем Российской империи нималого ущерба учинить не могут, но токмо такова славного в свете монарха приведут во гнев. За что не токмо от российского войска Киргис-кайсацкая орда не может сыскать места, но и от лежкаго войска от одних российских подданных, от калмык и от башкирцов вся Киргис-кайсацкая орда может в раззорение притти. Да и кровь его, Тевкелева, всемиловивейшая государыня императрица втуне оставить не соизволит. А буде же Киргис-кайсацкая орда в подданство российское не хочет притти, то б его, Тевкелева, отпустили добрым обычаем паки в Российскую империю.

На что Букенбай-батыр ответствовал, что-де в Хиве князя Черкасского убили хивинцы, что ж могли реванжу отыскать, но

туне пропало. И Тевкелев ему, Букенбай-батырю, говорил, что хивинцы з Бековичем поступили по-варварски, какого обычая под солнцем нигде не обретается, что послов и посланников умерщлять, и то они чинили не человечески, но зверски. А что реванж до сего времени не отискан за многими причинами, понеже тогда блаженные и вечнодостоинные памяти Петр Великий продолжал войну с Швециею, потом поход имел в Персию, а по возвращении ис того походу, Е. и. в. отиде в вечное блаженство, и за такими случаи оное укоснело.

Однако в 1726-м г. хивинской хан прислал в Россию своего посланца с повинною. Что же, несмотря на такие их учиненные продерзости, милостивно оные посланцы приняты и из России в Хиву отпущены возвратно, а никакого им, посланцам, вредительного случая, ниже досады не показано, понеже во всем свете над посланниками реванжу не отискивают, и такого обычая нет. А ежели Российская империя от которого государства востребует реванж отыскать, то может итти явным образом войною, а что над посланцами чинят обиду плуты, а не добрые люди (чему есть и присловица — «послов ни рубят, ни секут»).

И притом же он, Тевкелев, просил и обнадеживал ево, Букенбай-батыря, ежели он, Букенбай-батыр, своим прилежанием Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице всероссийской свои верные услуги покажет, от злаго намерения себя и других кайсацких старшин отвратит и успокоит, и в подданство всероссийское придут, и будет ханскую держать партию, и за такие Букенбай-батыря и зятя и брата ево верные услуги обещает он, Тевкелев, Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской высокою императорскою милостию наградить, и причтены между добрых и верных слуг будут, и впредь до смерти они оставлены не будут. И лутче жить в покое, нежели в беспокойстве, також лутче за доброе дело получить доброе награждение, а за злое самому ожидать злаго. И на что Букенбай-батыр склонился и обещал их, кайсацких старшин, и протчих от злости отводить и успокоить, и в подданство российское привести. Тогда же Тевкелев и самого Букенбай-батыря з зятем и братом ево о принятии протекции российской склонял, в чем он, Тевкелев, вящшую благонадежность будет иметь, за что обещал ему, Букенбай-батырю, на 500 руб. товаров. И Букенбай-батыр сказал, что он таких товаров не возьмет, а будет услуги показывать и без

того. Ежели ж возьмет настолько товаров, то будет служить для денег, а не для верности к Е. и. в., за что не сподобится доброй славы, и в том утверждал Тевкелева быть благонадежно, и от него, Тевкелева, тогда и отъехал. Однако переводчик Тевкелев остался быть в сумнении, не уповая на то Букенбая-батыря обнадеживание, что все киргисцы ненасытным оком, что ни увидят, желали б захватить, а он из всех один на то не склонился и не пожелал, и не имеет ли каковой лъсти и обману, и до времени обходился Тевкелев с ним политикою.

А в 9 день того ж месяца, видя, Тевкелев, их беспокойство и над собою бедствия, отпустил свой конвой дворян пять человек, казаков пять человек, башкирцов сто человек, с которыми отправлен и вышеозначенной пленник, яйцкой казак Яков Болдырь, дабы не все погибли, к уфинскому воеводе с письмом. И по отбытии их того ж числа ввечеру приехал к нему, Тевкелеву, Букенбай-батырь и объявил, что завтра имеет у них быть собрание, где призван будет и он, Тевкелев, причем утверждал ево, Тевкелева, когда он позоветца и будет спрашиван, чтоб говорил он смело, при котором собрании и он, Букенбай, будет и не до какого зла не допустит. Тогда Тевкелев, имея на него сумнение, паки говорил Букенбаю, чтоб для вящей своей верности учинил бы при нем, Тевкелеве, тайно присягу и стал бы на него несумненную надежду иметь. Тогда Букенбай оное и учинил, и обнадеживал, что всякие добрыя и верные Е. и. в. услуги показывать и к пользе Российской империи всякие добрые способы чинить будет.

И того ж месяца 10 дня в собрание их, Абулхаир-хана и старшин кайсацких, Тевкелев был призыван и от старшин спрашиван с великою яростию и гневом, зачем он, Тевкелев, к ним в Киргис-кайсацкую орду приехал. На что Тевкелев им отвечивал, что прислан он в Киргис-кайсацкую орду по указу Е. и. в. своей всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской з грамотою к Абулхаир-хану и ко всему киргиз-кайсацкому войску, против прошения Абулхаир-хана и словесного предложения посланцов их, и еще ж для подлинного обстоятельства дела Е. и. в. милостивейшая другая грамота ж послана с посланцами их, Кутлумбетем с товарищи, и чрез оную обстоятельнее известиться могут. Что услыша, оная старшина начала говорить Абулхаир-хану, для какой притчины просил он, хан, подданства российско-

го один без согласия их, киргиских старшин, и приводит их в неволю. Из древних-де лет имеетца обычай, что ханы без совету старшин ничего неповинны чинить, а он то учинил без совету, и прещаше ему смертию. Против чего Абулхаир-хан им, старшинам, говорил, что то учинил для того, что он, хан, только имя носит ханское, а воли над подданными ни жадной не имеет и живет, как между скотом; понеже кто и лошедь имеет в руках, тот об ней промышляет, бережет, во всем охраняет, кормит, когда холодно — покрывает, а замараетца — моет, а лошадей же диких в степях, неимеющих оберегателя, люди ж бьют и звери ловят. И ныне, подобно тем зверям, он, хан, не имеет себе оборонителя и изобрал, яко лутчее есть, иметь подданство великого монарха, и желает видеть свету, и лутче от них убиен будет, нежели страмно живот терпеть. И потом оная ж старшина паки Тевкелеву говорили з злости, что о том они ему, хану, не советовали, а посланцов отправить советовали токмо затем, чтоб с Россиею быть в миру, а в подданстве быть не желают. А буде Тевкелев приехал смотреть киргис-кайсацкого войска, и высмотреть и потом будет воевать, и для того ево, Тевкелева, киргис-кайсаки в Россию жива не отпустят. Против которых слов Тевкелев отважился и начал им говорить вопреки. Понеже Российская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами, яко с степными зверьми, быть в миру неприлично, ибо Российская империя от киргис-кайсаков никакого опасения не имеет и в них нужды нимало нет, а им, киргис-кайсаком, от подданных Российской империи великая опасность есть: первая — от калмык, второе — от башкирцов, третье — от сибирских городов, четвертое — от яицких казаков, понеже всегда они, киргис-кайсаки, от них побеждены и раззорены быть имеют. И ежели они подданства не пожелают, то Тевкелев с ними мирного договора чинить не будет, и такого безславия Российской империи он, Тевкелев, не принесет, и более в подданство приводить домогатца не будет. Что видно по состоянию их надежду иметь невозможно, кроме пакостей, или оные гнушаютца, что быть в подданстве российском, то не токмо они, яко степные звери, но многие самовластные цари и ханы, и князья в подданстве российском имеютца: первой — царь грузинской, второй — хан калмыцкой, третьей — Аликулу-хан мугальской, четвертой — Усмей-хан калтацкой, самовластные же князья кабардинские, кумыцкия, тер-

ския, барагунския, аксайския. И паки подтверждал Тевкелев, что когда не хотят принять подданства, то б в том отказали и ево отпустили. И в то время при всем собрании, выступя из всех, Букенбай-батыр и говорил, что и он, Букенбай, с Абулхаир-ханом в подданстве российском быть желает и в том будет присягать. И он, Букенбай-батыр, говорил Абулхаир-хану, что он присягал. И он, Абулхаир-хан, присягу на алкарани учинил, а потом присягал Букенбай-батыр, а после ево, Букенбай-батыря, присягали зять ево Эсет-батыр, брат ево Худай-Назар-мурза и потом и из знатных старшин присягали 27 человек, которые удовольствованы от него, Тевкелева, подарками, а имянно: товару на 110 руб. на 60 коп. А протчие киргис-кайсацкие старшины — большая часть не присягали, стали быть противны, и потом отослали ево, Тевкелева, в свой обоз.

А противная партия сего октября 10-го числа стала быть умножатца, и на каждой день грозили ево, Тевкелева, убить досмерти.

Сего ж **октября 11-го числа** явился великороссийской человек, которой о себе сказал: Осипом ево зовут, Дорофеев сын, уроженец он Казанской губернии Николаевского уезду села Черемшан, волостной крестьянин. В 720-м году полонен он и с ним мужеска и женска полу многое число людей под тем селом на покосе киргис-касаками, и жил он с того числа и поныне у киргис-кайсака Алты, Игбаева сына, которой к переводчику Тевкелеву и ушел от показанного киргисца тайно.

А **15-го числа** прислал Абулхаир-хан к переводчику Тевкелеву, чтоб Тевкелев прислал к нему, Абулхаир-хану, для роздачи противной парти старшинам товаров, чтоб они больше не умножались и злое намерение отставили, а имянно: 60 аршин сукна простова всякова цвету, да кормазиннова сукна 50 аршин, 20 бобров, 40 выдр, 20 юфтей красных кож, 5 касяков семиланних камок, 5 чернобурых лисиц, три тюня китайки. И переводчик Тевкелев присланному ево, Абулхаир-хана, в вышепоказанных товарах октября в 15 день отказал, что он, Тевкелев, столько товаров ему, Абулхаир-хану, не даст, для того что не имеет.

17-го числа приехал к переводчику Тевкелеву Букенбай-батыр, и у него начевал, и увещевал ево, Тевкелева, чтоб он не боялся от гроз киргис-кайсацких народов, что они обещают убить ево, Тевкелева, досмерти. И Букенбай-батыр ево, Тевкелева, об-

надеживал, что он успокоит. И напротив ево, Букенбай-батыря, за добрые слова переводчик Тевкелев ево зело благодарил и обнадежил за верные ево службы и за хорошее ево намерение высокою милостию Е. и. в. награждением, ежели он, Букенбай-батыр, содержать себя в такой верности непоколебимо будет. А что от gros киргис-кайсацких народов он, Тевкелев, не боитца, для того, что без воли божеской они ему, Тевкелеву, учинить ничего не могут. А ежели хотя что над ним, Тевкелевым, безвино и злое учинят, то Е. и. в. всемилостивейшая государыня императрица всероссийская неповинную ево, Тевкелева, кровь им, киргис-кайсакам, так упустить не соизволит. И оных противных киргис-кайсаков могут по указу Е. и. в. всех разорить и досконально их искоренить одними калмыками и башкирцами.

Октября 18-го дня Букенбай-батыр от него, Тевкелева, паки поехал в свой улус. И противная партия стала зело умножатца, и на каждой день на него, Тевкелева, набегамы своими днем и ночью с великими криками нападать почели, и лошадей из табуна одбивали. И всегда он, Тевкелев, кочевал и стоял с ханом вместе. А когда оная противная партия имела нападение на переводчика Тевкелева, во всех случаях ханские люди к нему, Тевкелеву, на асикурс приходили, со временем Абулхаир-хан и сам приезжал. Однако так озлобились на него, Тевкелева, что на каждой день лошадей и верблюдов явным образом одбивали и тайно крали, и всяческим образом делали ему, Тевкелеву, обиды.

А 20-го дня ввечеру прислал Абулхаир-хан к переводчику Тевкелеву, чтоб он, Тевкелев, прислал немедленно к нему товаров, которых он просил сего октября 15-го числа для подарения противным кайсакам. Ежели он, Тевкелев, товаров к нему, Абулхаир-хану, не пришлет, то-де хану и ему, Тевкелеву, будет не без страху. А ежели же-де и затем непришлет, то велит он, Абулхаир-хан, у него, Тевкелева, вещей и товаров всех отнять насильно и за то-де на него, хана, Е. и. в. всемилостивейшая государыня императрица всероссийская гневатца не соизволит, понеже-де он, хан, трудитца, яко диких людей привести в подданство российское. И вышепоказанных товаров для такой необходимой нужды и ради неволи принужден был переводчик Тевкелев к нему, хану, з башкирцом Таймасом послать (для того человек животолюбив), боялся того, чтоб и хан, озлобясь на него, свое намерение не отменил. А ежели б хан свое намерение отменил, то б ему, Тевкелеву,

спасатца б никакo невозможно. А на каждую ночь у переводчика Тевкелева по 5 и по 6 лошадей киргис-кайсаки крали. В том воровстве поймал Абулхаир-хан двух кайсаков, бил и мучил их больно, и скованных держал.

А октября в 22 день пополудни в 6-м часу приезжал один служитель Абулхаир-хана к переводчику Тевкелеву объявить слова Абулхаир-хана, что-де нынешнюю ночь киргис-кайсацкой старшина роду джаббас Баймурат намерен с великим собранием напасть на хана и на Тевкелева, а особливо розбить Тевкелева аобз, а ево самово убить досмерти за то-де, что для чего Абулхаир-хан поймал ево двух человек и держал у себя под караулом, и то-де делаетца все для него, Тевкелева. И Абулхаир-хан сам того же часу прибежал к нему, Тевкелеву, о том советовать. И стал он, Тевкелев, ему, хану, говорить, далеко ль улус Букембайбатыря, чтоб к нему со известием послать. И хан сказал: до него езды будет три дни. Очень-де далеко, хотя-де он, хан, и пошлет, однако к притчинной времени не успеет. Токмо переводчик Тевкелев ево, хана, принудил послать. А пополудни в 9-м часу оной противной киргис-кайсацкой старшина Баймурат с великим собранием приехал и стал нападать на хана и на него, Тевкелева. Токмо хан своим двором соединитца с обозом Тевкелева не успел. И стал оной Баймурат больше на него, Тевкелева. И он, Тевкелев, видя над собою необходимую беду, призвал к себе геодезистов и всех дворян, конных казаков, солдат, и башкирцов, и собственных своих людей, и стал их увещевать, чтоб они поступили мужественно, исполняя волю Е. и. в. так, как надлежит верным подданным Е. и. в., и славу б оставить добрую Российской империи, и живым бы им в руки на мучение не отдаватца. Вначале помолились богу, и стал Тевкелев в обозе разводиться по местам всех, которые при нем имелись. И оной Баймурат до полуночи на него, Тевкелева, и на хана нападал так тьяшко, больше быть невозможно, и просил своих двух человек, которых хан и отдал, понеже и не отдать было невозможно. И как хан ему, Баймурату, ево двух человек отдал, того же часу он и возвратился, токмо отогнал ево, Тевкелева, 15 лошадей и отъехал прочь.

А потом хан и переводчик Тевкелев были в великой осторожности и во всякой готовности, и с ханом Тевкелева обоз был в одном месте. И был при нем, Тевкелеве, один из Уфы купецкой человек Иван Кормщикова, которой, видя такие нат Тевкелевым

бедственные нападения, уехал со всем товаром с некоторыми башкирцами тайно от кайсаков в город Уфу, с которым он, Тевкелев, отправил пленника Осипа Дорофеева тайно же, не дав никакова письма.

А ноября 3-го дня оная противная партия паки напали на него, Тевкелева, неприятельским образом и жестоко до утра бились. А из противной партии башкирцы убили одного знатного старшину, и оная партия тою ночью ему, Тевкелеву, большой обиды учинить не могли, только отогнали из табуна Тевкелева 17 лошадей, 3 верблюда.

Ноября 5-го числа приехал Букенбай-батыр с своим улусом и при нем брат ево Худай-Назар-мурза на выручку переводчику Тевкелеву, чтоб он не имел от них, бездельников, страху. И обнадеживал ево, что он, Букенбай-батыр, до капли крови будет с противною партиєю битца, и за него, Тевкелева, и присягу свою не переменит и во всякой верности к Е. и. в. содержать себя будет. И переводчик Тевкелев за такие добрые поступки, что приехали народ з братом Букенбай-батыря Худай-Назар-мурзою на помощь ему, Тевкелеву, за ту их приязнь он, Тевкелев, всем, которые приехали с Худай-Назар-мурзою, подарил на 90 руб. всякова товару, чтоб они большея ему, Тевкелеву, поприятнее чинили всякие добродетели и споможения.

А ноября 8-го числа Абулхайр-хан и Букенбай-батыр з братом и з зятем, и Кара-батыр з братьями у переводчика Тевкелева обедали и говорили переводчику Тевкелеву, чтоб он, Тевкелев, отнюдь не опасался, понеже как Абулхайр-хан обещал Е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице всероссийской служить верно и содержать себя в присяге своей непоколебимо, так и они, Букенбай-батыр з братом и з зятем своим, такожде и Кара-батур з братьями своими Е. и. в. служить верно и за него, Тевкелева, умирать будут, а особливо будут трудитца и старание иметь оных противной партии старшин привести добрым порядком в покой и в тишину.

И на то им ответствовал: он, Тевкелев, прислан к ним в Киргис-кайсацкую орду по указу Е. и. в., по прошению Абулхайр-хана, понеже всемилостивейшая государыня императрица всероссийская, яко ко всему народу милостива, никакого прощения оставить не соизволит. А в Российской империи и без киргис-кайсаков подданных довольно и бесчисленно многа. Ежели про-

тивная партия то думают, что всемилостивейшая государыня соизволит приказать за ними ходить и их домогатца, чтоб они были в подданстве российском, никако того государыня приказать не соизволит, и переводчик Тевкелев о том не будет трудитца. А ежели сами пожелают, то зело Е. и. в. милостиво соизволит указать их принять. Однем словом, ежели хто придет, от того милость не отвергнетца, и всегда в милости содержан будет, и за верность будет довольно награжден. А ежели хто будет противен, за ним искати никогда не укажет, а со временем будут знати те противные, что то они зделали худо. Абулхаир-хан на то переводчику Тевкелеву сказал, что-де хотя Киргис-кайсацкая орда будет вся противна, и думали б за то ево убить досмерти, токмо он намерение свое переменять не будет. Тогда переводчик Тевкелев Е. и. в. знаки милости: соболью шубу, шапку, саблю ему, Абулхаир-хану, поднес и притом сказал, что-де Е. и. в. всемилостивейшая государыня императрица Анна Иоановна, ево, Абулхаир-хана, за оказанные ево услуги, яко верного подданного, своею императорскою милостию милостиво жалует, и чтоб впредь на высочайшую Е. и. в. милость был надежен. Тогда Абулхаир-хан, встав с места, принял и милости Е. и. в., довольно благодарствовал, и потом оное все надел на себя, тогда будущая доброжелательная старшина все ево, хана, поздравляли.

Ноября в 10 день приехал Букенбай-батыр к переводчику Тевкелеву [и сказал], что ежели же с противною партиєю поступать по-неприятельски, то-де их скоро успокоити невозможно, понеже-де их киргис-кайсаки безмозгия, яко скотины неразсудливья, ибо лутчи-де их вначале уговаривать добрыми и ласковыми словами, а ежели же-де добрым порядком привести невозможно, то-де можно с ними поступать инако. На что и переводчик Тевкелев склонился и приказал ему, Букенбай-батырю, чтоб он, ласковыми словами их, противных, увещевал. С тем от переводчика Тевкелева Букенбай-батыр и поехал.

Ноября в 11 день пополудни во 2-м часу приехал к переводчику Тевкелеву Абулхаир-хан и сидел пополудни до 8-го часу и говорили довольно. Между протчих слов спросил он, Абулхаир, ево, переводчика Тевкелева, ежели Киргис-кайсацкую орду он, Абулхаир-хан, успокоить не может и Киргис-кайсацкая орда останетца в злобе, а он, Абулхаир-хан, протекциею Е. и. в. от них охранен будет ли, и их разорить и неволею в подданство россий-

ское привести ему, Абулхаир-хану, войско дасса ли. И переводчик Тевкелев ему, Абулхаир-хану, отвечал тако: хотя старанием ево, Абулхаир-хана, оная Киргис-кайсацкая орда в подданство российское и не придет, останетца в злобе, то он, Абулхаир-хан, протекциею Е. и. в. охранен будет. И обнадеживал ево, хана, переводчик Тевкелев, что ежели хто Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской верную службу покажет, не токмо, чтоб он от злодеев протекциею российскою охранен был, но в великой милости содержан будет как он, так и дети ево. И он, Абулхаир-хан, услыша от Тевкелева оное обнадеживание, зело обрадовался, и на то сказал, что от того времени он, Абулхаир-хан, за волю Е. и. в. живота своего отнюдь желеть не будет, понеже-де после смерти верного слуги и дети оставлены не бывають, за что же-де такому великомилостивому монарху верно не служить.

Ноября в 12-й день приехал к переводчику Тевкелеву киргис-касаченин, называемой Чинебек, понеже-де он был у волских калмык для выкупу своих пленников в 731-м году в сентябре месяце. Ехал он от волских калмык с выкупленными ясырьми паки в Киргис-касацкую орду и наехали-де на него, киргис-касаченина Чинебека, башкирцы, отбили от него 9 лошадей и одного ясыря. Чтоб он, Тевкелев, 9 лошадей и одного ясыря ему, киргис-кайсаку, заплатил, понеже-де, что он, Тевкелев, приехал с мирным договором, а подданные российские чинят им, киргис-кайсакам, обиды. И переводчик Тевкелев оному киргис-кайсаку Чанебеку сказал, что воры имеются везде, как и в Киргис-кайсацкой орде воры довольно лошадей и верблюдов у него, Тевкелева, покрали и никто ево лошадей и верблюдов отыскать не может. Ежели ево лошадей и верблюдов отыщут и потом и он, Тевкелев, как приедит на Уфу, может оных воров сыскать и взятое ему назад возратить, чтоб он о том злобу не держал. И с тем оной киргис-касаченин и отошел от Тевкелева.

Ноября 13-го числа ханская орда кочевала подле моря Аральском, где с ханскою ордою кочевал обоз переводчика Тевкелева. А Абулхаир-хан поехал со птицами за охотою и взял с собою переводчика Тевкелева, и Абулхаир-хан от него, Тевкелева, ускакал к морю далеко верст с 5. И в то же время наехал на него, Тевкелева, противной парти старшина Сырлыбай, [чтобы] многолюдством убить Тевкелева досмерти или живьем поймать да

замучить его тирански, и хотели-де кровь Тевкелева стачить иглами. И как он, Тевкелев, увидел, что скачут на него яко неприятельским образом, и говорил своим башкирцам, что оные люди бегут к нему, Тевкелеву, недобрим намерением — знатно противной парти. А при Тевкелеве были башкирцов 10 человек с сайдаками, 6 человек людей Букенбай-батыря с ружеми, да 2 человека уфинских казаков. И стали говорить башкирцы ему, Тевкелеву, чтоб он уехал поскорей в обоз, понеже-де, ежели он, Тевкелев, будет жив, то они, башкирцы, не пропадут, а ежели же главного командира убьют, то и они, башкирцы, все от них, киргис-кайсаков, убиты будут; стоять против их ему, Тевкелеву, своими людьми отнюдь невозможно. И он, Тевкелев, взяв с собою 2-х человек казаков уфинских и одного башкирца, поскакал к обозу, а обоз был разстоянием от него, Тевкелева, верстах в 6-ти. И увидели оные противные кайсаки, что Тевкелев уехал, стали гнать жестоко за ним, Тевкелевым. И оные его, Тевкелева, башкирцы скакали напротив их, противной парти, чтоб их остановить, и тем бы временем он, Тевкелев, от них, киргис-кайсаков, поотдалел и приближался к обозу. И оная противная парти с оными башкирцами сцепились с ними дратьца, и дрались башкирцы с оными противными кайсаками жестоко. И тем временем Тевкелев приблизился к своему обозу. А оные противные кайсаки башкирцев стали было одолевать, и им было уже невмочь с ними, противными киргис-кайсаками, дратьца. И как он, Тевкелев, доехал в обоз, послал своих башкирцов на сикурс к тем башкирцам, которые дрались с противными кайсаки. Пока они доехали к башкирцам и оные противные киргис-кайсаки поймали одного доброго человека из старшин башкирца Таймаса Шаимова, а протчих башкирцов освободили, а отправленные на ас сикурс Тевкелева башкирцы башкирца Таймаса отбить не могли, понеже их было многолюдно, и увезли с собою.

Ноября 14-го переводчик Тевкелев тайно посылал к противным кайсакам шпионом Нияз-султана уведомитца, еще ль они умножаютца, и что их намерение, а над башкирцом Таймасом что учинили; и приказал, чтоб оной шпион, как можно, с башкирцом Таймасом виделся и говорил, чтоб оной шпион киргис-кайсак в том учинил верность. Переводчик Тевкелев дал ему на 12 руб. товару, пообещал, ежели верно будет служить, то он еще от него, Тевкелева, награжден будет.

В 15 день приехал Букенбай-батыр и зять ево, и брат, и протчие доброжелательные старшина к Тевкелеву, где и хан приехал, и советовали, что с оными противными кайсаками делать. Букенбай-батыр сказал, что надобно ехать ему первея говорить с ними добрым порядком, чтоб они отдали башкирца Таймаса и от злаго намерения отстали.

Ноября 16-го числа Букенбай-батыр послал своего брата Худай-Назар-мурзу, чтоб обсылатца с теми противными кайсаками договариватца добрым порядком, чтоб они отстали от злаго намерения и отдали б башкирца Таймаса.

Ноября 18-го числа посланной Тевкелева шпион Нияз-салтан приехал, сказал, что башкирец-де Таймас жив, токмо-де мучен по-тирански и едва будет ли жив; и оная противная партия очень-де многа умножаютца и в том намерении стоят, что Тевкелева убить досмерти, а что при нем — людей взять в полон, а пожиток разграбить; и посылают-де войска и к башкирцам в Уфинской уезд, чтоб их разорять или лошадей отгонять. И как услышал от оного шпиона Нияз-салтана такие варварские вести, и переводчик Тевкелев, болея имея надежду на бога, стал быть опасен и во осторожности.

Ноября 19-го числа вечеру Абулхаир-хан прислал к переводчику Тевкелеву своих людей, чтоб он, Тевкелев, отдал пожитку своего, не оставя ничего, ему, Абулхаир-хану. И как оные слова переводчик Тевкелев услышал от людей Абулхаир-хана, зело испугался и взял себе на ум, что и он, Абулхаир-хан, знатно, в одном согласии с противною партиєю и, знатно, поступил он с ним лукавством, и положил на том переводчик Тевкелев уже жив не будет.

И призвал переводчик Тевкелев к себе знатных башкирцов Алдарбая, Шима-батыря, Кочаша Рахманкулова, Кидряса Малакаева и стал с ними советовать, что прислал хан отбирать ево, Тевкелева, пожитки, знатно, и хан задумал злое. И на то ему, Тевкелеву, башкирцы сказали: пожитку-де ему отдавать не надлежит, а ежели же-де станет отымать, то-де надобно с ним поступить по-неприятельски, дратца досмерти. И на то им, башкирцам, сказал свое мнение переводчик Тевкелев, что с ханом по-неприятельски поступить не надобно, для того, что, первое, намерения ево не знает — к злomu ль, или что иная какая притчина есть, сперва можно отказать. Ежели и с тем отговариватца невозможно, потом пускай возьмет, будем дожидатца Букенбай-батыря. А ежели же с ним дратца, и учинитца смертное убивство, то

будет хуже и злоба будет больше. И намерение на том положили.

И людям ханским Тевкелев сказал, что хан пожитку ево, Тевкелева, хочет взять, и то нехорошо, знатно, он, хан, поступил с ним, Тевкелевым, обманом. Ежели у Тевкелева он, хан, оберет пожитку, то может Тевкелев признать, что хан с ним поступает недобрым порядком. И пожитку он, Тевкелев, ему, хану, не даст. И люди ханские с тем возвратились паки к хану. И хан вторично прислал обратно своих людей объявить такую притчину, что противные кайсаки намерение имеют, конечно, хана и Тевкелева убить досмерти, а при нем людей разобрать в полон, а пожитку разграбить. А он-де, Абулхаир-хан, Тевкелева пажитками корыстоватца не будет и желает как ни есть противную старшину тем успокоить, понеже-де велел хан сказать ему, Тевкелеву, тако, что пожитки-де — дело наживное, а после смерти человек не оживет. Больше переводчик Тевкелев спорить не стал, отдал два сундука и два тая, в которых было собственных ево, Тевкелева, пожитков всякого товару на 867 руб. на 15 коп.

А наутра **ноября в 20 день** Абулхаир-хан прислал к нему, Тевкелеву, чтоб он, Тевкелев, шол к нему, хану. И башкирцы собрались к Тевкелеву и сказали, что иттить-де ему, Тевкелеву, к нему, хану, опасно понеже-де вчерашней день отобрал пожитку, а ныне-де звал ево к себе, конечно-де ево, Тевкелева, он, хан, хочет умертвить. И оные башкирцы не хотели ево, Тевкелева, к нему, хану, отпустить.

На то Тевкелев им сказал свое разсуждение, что ежели хан здумал злое — убить ево, Тевкелева, хотя тайно или явно убить может, ибо в руках их; ежели он, Тевкелев, к нему, хану, не пойдет, то ему будет противно и подозрительно, и подумает хан, что он, Тевкелев, за то осердился, что он взял ево, Тевкелева, сундуки; и Тевкелев к нему, хану, поедит и о том хану знать не даст, что, якобы, он, Тевкелев, о том печалитца. И пришел к нему, хану. И хан ево посадил подле себя, и стал хан с ним, Тевкелевым, иметь всякие разговоры. И во многих разговорах Тевкелев ему, хану, нимало не упоминал, что он хан, велел взять сундуки. И по многим разговорам Абулхаир-хан от него, Тевкелева, ожидал, чтоб он о пожитках говорил, однако он ничего не упоминал, показал себя веселым образом, а не печальным. И потом стал ему, Тевкелеву, говорить сам Абулхаир-хан, чтоб он, Тевкелев, не думал, якобы Абулхаир-хан оное зделал от злаго

намерения; и он, Абулхаир-хан, взял у него, Тевкелева, пожитку для пользы интересу Е. и. в. на роздачу ис противной парти, хто отстанет и придет к парти ево, Абулхаир-хана, и он-де, Тевкелев, дарить скуп. На то Тевкелев ему, хану, сказал, что он по милости Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской о пожитках тужить не будет, только б он, хан, как зачел свое доброе намерение делать, и обещал Е. и. в., и в том присягал быть верну, чтоб оное окончал добрым порядком, понеже за то получит от Е. и. в. всякое милосердие. А ежели по обещанию своему и по присяге своей он, хан, неустойт, то может привести себя в безславиe. И хану зело было приятно, что он, Тевкелев, о пожитках своих не упоминал, и ему, хану, противно не говорил, наивящее обнадежил ево милостию Е. и. в.; понеже Тевкелев принужден был так поступать, инако было Тевкелеву говорить противно — дороги не было, понеже противная партия ево, Тевкелева, в куски б разорвали, а еще же б озлобил хана, и он бы, Тевкелев, пропал, а пожитки б ево после взяли неприятели же. И он, Тевкелев, от хана поехал веселым образом, и хан ево проводил зело приятно. И как Тевкелев от него, хана, пошел, спустя немного, прислал к нему, Тевкелеву, немецкое ево платье, а товаров ево и татарское платье ничего не прислал и оставил у себя.

Ноября в 21 день приехал Худай-Назар-мурза к переводчику Тевкелеву и привез с собою, уговоря от злаго намерения, от противной партии 30 человек старшин, а имянно, Даумбай-бека с товарищи, которых имена написаны в присяжной росписи. И говорил же Худай-Назар-мурза Тевкелеву, чтоб их удовольствовать подарками и потом привести к присяге о бытии в подданстве, також и Тевкелеву б зла они не чинили. Тогда Тевкелев принужден был им, старшинам, подарить на сто рублей, по сему и присягу учинили. Також многих и Абулхаир-хан из отосланных от Тевкелева товаров дарил же, которые приняли себе во удовольствие.

И того ж **ноября в 22 день** переводчик Тевкелев Абулхаир-хана и Букенбай-батыря и новоприсяжных старшин 30 человек [позвал] к себе обедать, где пообедали, и трактовал их довольно. Причем новоприсланная старшина обещались главного злодея Сырлыбая уговорить и башкирца Таймаса от него выручить. И тем Тевкелева обнадежа, отъехали, а Букенбай-батыр остался у него ночевать.

А в **23 день того ж ноября** поутру и Букенбай-батыр от него, Тевкелева, поехал же, а при отъезде приказал зятю своему, Эсет-

батырю, близ Тевкелева жить для охранения от незапного случая. И оной Эсет и жил вблизи от Тевкелева со всем домом.

В **24 день** Абулхайр-хан Тевкелева звал к себе обедать.

Ноября в 24 день переводчика Тевкелева башкирец Кошан Рахманкулов был у Батыр-салтана, где видел хивинского посланца, о котором уведомился, что делает в народе киргис-кайсацком великие интригии, и возмущал Тевкелева убить досмерти, и от подданства отвращал.

Того ж **ноября в 25 день** присланной в киргис-кайсацкую Среднюю орду к Шемяки-хану от калмыцкого владельца Черен-Дондука посланец виделся с переводчиком Тевкелевым, которого Тевкелев взял в свою кибитку, и тогда случились быть ис киргис-кайсацких старшин, и того посланца спрашивал, зачем прислан, которой объявил, чтоб быть с Шемякой-ханом Черен-Дондуку в миру и для договору о взятых в полон ясырей на обмен или на откуп. Да в то же время и при тех же старшинах тот посланец в похвалу и пользу России говорил, как обретаетца в подданстве российском, и как протекцию Е. и. в. от неприятельских нападеный охранены бывает, и многия благопотребныя слова говорил, которым разговором оным старшинам к доброжеланию и, верно, услуге повод подал, немало из чего и Тевкелев способ себе приобрел.

Ноября ж в 27 день Даумбай бек, по прошению Худай-Назар-мурзы, уговорил главного злодея Сырлыбая и привел з собою к Тевкелеву. Которой Сарлыбай привез при себе взятого башкирца Таймаса и с ним же приехало товарищев десять человек. И того башкирца в то время Тевкелеву тот Сарлыбай возвратил, за что Тевкелев подарил им товаров на 50 руб. И не токмо, чтоб оной злодей Сарлыбай был тем доволен, но весьма поносил, яко варвар, непристойно, объявляя, что башкирцы, обретающиеся при Тевкелеве, того ж ноября 3 дня убили брата ево родного, и надлежало было вместо оного убить ево, Таймаса, однако привез его живаго, а за то дарить его мало. На что Тевкелев ничего ему не отвечивал, понеже он и сперва с ним, Тевкелевым, поступил по-варварски, и чтоб Тевкелев ему ни говорил, слова б его ему, Сарлыбаю, были неприятны, и еще дал ему товаров же на 50 руб., и всего взял на 100 руб. И еще тем неудовольствуясь, выпросил с него, Тевкелева, платье, кафтан татарской зеляного кармазинного сукна, да бешмет, да кушак шелковой з серебром жолтой

тарценьной, которое с себя Тевкелев снял и ему отдал, которое приняв, и отъехал.

Ноября 30 дня Букенбай-батыр приехал к переводчику Тевкелеву и говорил, чтоб привести к присяге зятя Абулхаир-хана Батыря-салтана, понеже оной Батыр-салтан не гараздо склонен к российской стороне, и хотя не для верности, но чтоб не пристал к противной партии. И без владельцев с одним подлым народом от противной партии управлятца трудно, а когда владельцы сами при том будут, то Тевкелеву гараздо будет не без трудности.

Декабря в 3 день по призыву переводчика Тевкелева приехали к нему Абулхаир-хана зять Батыр-салтан, да сын Нуралы-салтан, и Букенбай-батыр. И впервые начал говорить зять ханской Батыр-салтан Тевкелеву с пеньми, якобы ево Тевкелев уничтожил, всех дарит, и он же сын Гаиб-хана, а ево ничем не подарил. Он же, Тевкелев, ему ответствовал, что он, человек заезжей, немного может в такие дальние край завести, а что было пожитков, то издержал. Надлежало было довольствоваться вам приезжаго гостя, что во всем свете так чинится — хозяева гостей довольствуют. Тогда Батыр-салтан говорил: «Хотя во всем свете такое обыкновение есть, но у нас того нет, и мы то думаем, что и везде так водится — приезжие хозяев даруют, чтоб не нанеслось тому приезжему обиды». И по оному варварскому и лехкомысленному их разсуждению принужден подарить на 50 руб., на что он нимало склонился и не принял, и еще принял на 50 руб., итого на 100 руб. принять приказал. Еще ж выпросил косяк камки семиланной жене и ханскому сыну подарил на 50 руб. да косяк камки ж, что приняв, и присягали быть в верности Е. и. в. А ясак платить обещали каждой с своего владения в год: Батыр-салтан — 1000 лисиц, 1000 корсаков; ханской сын — 1000 лисиц.

Декабря в 4 день переводчик Тевкелев к одному кайсацкому доброжелательному старшине Кара-батырю зван обедать, где и обедал. И тут же был Абулхаир-хан да зять ево, и сын, и Букенбай-батыр, и другая старшина ханской партии, и во время бытности Тевкелева она старшина обнадеживали в разговорах благопотребным.

Декабря 7-го дня за заливом Оральского моря на острове, зовомом Каратюб или Онадыр, к переводчику Тевкелеву пришли из Каракалпацкой орды два человека башкирцов Генжебай да Якуп-батырь, которые о себе объявили, что они — башкирцы;

взяты в Каракалпацкую орду отцы их каракалпацким Кучюк-ханом, а они родились в Каракалпацкой орде и живут тамо лет с 60 своими домами повольно, а только они оброку каждой дают хану в год по быку или корове. И просили Тевкелева оные башкирцы слезно, чтоб их из Каракалпацкой орды выручить, и его старанием отправлены были во отечество, понеже как отцы их, так и они желают быть в подданстве Е. и. в. И Тевкелев им говорил, что и сам он ныне яко невольник, на каждой день ожидает напасти себе и не токмо их выручить, и сам не может освободиться. Однако оные башкирцы с плачем неутешно просили, объявляя, что только бы он, Тевкелев, приказал им к себе прикочевать и при нем з женами своими и з детьми рады быть, и за верность Е. и. в. с ним, Тевкелевым, готовы вместе умереть. И того Тевкелев учинить им не приказал, отчего может приключиться вред и вящшие смятении. Они же паки объявляя, чтоб он, Тевкелев, как бы возмог всеми мерами хотя чрез Абулхаир-хана и Букенбай-батыря сыскал способ и их выручил, что хан и Букенбай-батыр могут то легко учинить.

И в прошлом 1731 году Букенбай-батыр да Худай-Назармурза из обретающихся в Каракалпакской орде башкирцев из 200 кибиток выручили 40 кибиток и отдали в Уфинской уезд, и они б також-де были выручины. А ежели при бытности Тевкелева они освобождены не будут, то вечно там быть имеют. И о тех же еще о всех обретающихся в Каракалпацкой орде башкирцах бывшие при Тевкелеве верные башкирцы ево, Тевкелева, всегда просили ж неотступно. И того ради Тевкелев ездил к Абулхаир-хану, и об оных башкирцах объявляя, просил, чтоб он, хан, показал услугу свою и верность к Е. и. в. оных башкирцов из каракалпак высвободил. И то хан за благо принял и охотно учинить обещался.

Декабря в 8 день к переводчику Тевкелеву приехали Абулхаир-хан и Букенбай-батыр и объявили, что-де для освобождения и выручки из Каракалпацкой орды объявленных башкирцов со временем пошлетя от хана Букенбай-батыр нарочно, а та Каракалпацкая орда от Киргис-кайсацкой орды разстоянием верст со сто.

Декабря ж 9 присланы из Каракалпацкой орды от каракалпацкого Гаиб-хана и от главного духовного Мурат-шейха, и от всех каракалпацких старшин к переводчику Тевкелеву посланцы, а имянно: духовного чина — Саид-хаджа, Халвят-шейх, Солман-шейх — итого трое; из старшин 5 человек: первой — Оразак-

батыр, 2-й — Тюлеш-батыр, 3-й — Утеген-батыр, 4-й — Базанбай, 5-й — Моллакара, и подали письмо, в котором написано: «Честнейший, благороднейший Е. и. в. посланник Мамет-мурза, понеже мы, каракалпацкой Гаиб-хан и главной духовной Мурад-шейх, уведомились, что киргис-кайсацкие ханы и старшина приняли подданство всероссийское, також и они желают быть в подданстве ж Е. и. в. и для договора с вами отправили посланцов своих». И переводчик Тевкелев тем посланцам объявил, что киргис-кайсацкой Малой орды Абулхаир-хан, да зять ево Батыр-салтан, и сын ево Нуралы-салтан, також и Средняя орда подданство приняли, в том и присягали, и обязались ясак платить, и к пунктам приложили, во верность, свои печати. И ежели и оной каракалпацкой Гаиб-хан и духовной Мурад-шейх с подданными своими желают быть в подданстве, Е. и. в., и они б, присланные, выслушав пункт, присягу також учинили, и к онным пунктам тамги свои приложили. И оные просили, чтоб им объявить пункты, в какой силе оные написаны, которые и объявлены, и услыша, оные посланцы просили время до утра подумать, с тем и пошли во свои коши.

А наутрие **10 дня того ж декабря** пополуночи в 8-м часу к нему, Тевкелеву, оные посланцы паки приехали и объявили, что в подданстве всероссийском быть и служить верно Е. и. в. желают, в чем и присягу учинят, токмо ясак платить, аманатов давать и ясырей, подданных российских, возвращать безденежно не будут, и кроме сих трех пунктов чинить будут.

На что Тевкелев им сказал, когда же они по трем тем пунктам исполнять не хотят, и их нималого знаку к верности Е. и. в. не находится надобные пункта, по которым признавается знак доброго и верного сердца, против чего они не имели ответственать, но того часа поехали во свои коши, до утра.

Декабря в 12 день каракалпацкие посланцы паки к переводчику Тевкелеву пришли и говорили, что они в подданстве всероссийском быть охотно желают, но только б три пункта были выключены, то и примут российское подданство, а с оными подданства не примут. На что Тевкелев, видя их несклонность, не хотел, дабы они з злобою отъехали, принужден, особливо для свободы обретающихся у них башкирцов, показать склонность по желанию. К удовольствию их потом того ж времени и присягу учинили, сверх же того и письменно обязались и во верность на особливом листе приложили свои знаки. И по присяге оных подарил. Дал в подарок

первому духовному Джин-ходже: сукна зеленого 4 аршина по 2 рубли по 50 коп. аршин, косяк камки семиланной в 10 руб., пару бобров в 3 руб. 43 коп., три выдры в 4 руб. 20 коп., две юфти кож красных в 3 руб.; двум духовным же — сукна зеленого по 4 аршина по 1 руб. 80 коп. аршин, по 1-му бобру, по 1-й выдре, по 1-й юфте кож красных, по 2 конца китайки; старшинам: Оразак-батырю — сукна белова 4 аршина по 2 руб. 50 коп. аршин, косяк камки семиланной красной в 10 руб., 1 бобр, 2 выдры, 2 юфти кож красных, 1 зеркала в 3 руб.; а товарищам ево 4-м человекам каждому — сукна краснова по 4 аршина по 1 руб. 80 коп. аршин, по 1 юфте кож красных же, по 1-му бобру, по 1 выдре, по 2 конца китайки; что приняли себе за великое довольствие и за оное особливо сверх того всего обещали освободить из каракалпак башкирцов стараться. А при отъезде их, каракалпацких посланцов, из Киргис-кайсацкой орды Оразак-батырю о свободе башкирцов також подтверждали и Абулхаир-хан, и Букенбай-батырь, за что он, Оразак, по верным своим услугам так, как и они, может от Е. и. в. милость и вящее награждение получить, причем також и Тевкелев, многие пристойные резоны представляя, объявлял и о себе, что он, Тевкелев, хотя и махометанского закону, но за высокую Е. и. в. всемилостивейшей государыни милость и жалованье рад во всяких случаях живота своего не щадить. Против чего Оразак-батырь с клятвою всякие благопотребные случаи к пользе и интересу Российской империи показывать обещался и потом от Тевкелева, протясь, отъехал.

Декабря в 15 день Абулхаир-хан и Букенбай-батырь отправили в Среднюю орду к Шемяки-хану посланцов своих с таким предложением, что он, Абулхаир-хан, и кайсацкая старшина приняли подданство российское и ясак платить обязались, в том и присягу учинили, чтоб и он, Шемяки-хан, також подданство российское принял и к тому и старшину склонял, за что от Е. и. в. получит милость и награждение, чего для вся Киргис-кайсацкая орда протекцию) Е. и. в. будет охранена и находиться в покое; куда Тевкелев и от себя с тем же посланцом отправил верного башкирца Таймаса з двумя человеки башкирцы ж, с которым в подарок послал Шемяки-хану сукон кармазинных — краснова, зеленого, вишневого — каждого по 4 аршина ценою по 2 руб. по 50 коп. аршин, косяк камки семиланной красной, да кафтан суконной красной шитой, 8 концов китайки, 6 кож красных, 5 выдр,

2 бобра, 2 чернобурые лисицы, да знатному ж старшине Казбекбею сукна красного кармазинного 4 аршина по 2 руб. 50 коп. аршин, 1 бобр, 1 выдра, юфть одна красной кожи.

Декабря 16 переводчик Тевкелев имел разговоры з Букенбай-батырем, между которыми Тевкелев ево, Букенбай-батыря, спрашивал о состоянии Киргис-кайсацкой орды, много ли у них ханов и кто из них главной. И Букенбай-батыр сказал, что Киргис-кайсацкая орда состоит в трех частях, а именно: Улуюз, Оретаюз, Кичиюз (Большая орда, Средняя орда, Малая орда). И Большая орда кочует от них в дальнем разстоянии к бухаром и с Среднею и с Малою ордами она не съезжается, и у них же хан особливой, имянем Чолбарс. И все оные орды кочевныя, хлеба не пашут, а довольствуютца скотом. А в Средней орде два хана — Шемяки-хан да Кочек-хан, два салтана — Барак-салтан, Аболмамет-салтан, а в Малой орде один Абулхаир-хан, салтанов двое: Батыр-салтан, которой женат на племяннице Абулхаир-хана, да сын Абулхаир-хана Нуралы-салтан. У них, киргис-кайсаков, прежде были города, а имянно: Ташкент, Тюркустан, Сейрам с принадлежащими ко оным городками и деревнями, и оными владели киргис-кайсацкие ханы и старшина. В тех городех живут сарты, то есть посацкие мужики, с которых брали они дань. А из тех городов выслал их хонтайша тому с 15 лет. А ныне оными никто не владеет и дань не збирает, живут праздно, а от кочевных киргис-кайсаков ханом збору никакова не збираетца, и не положено, и токмо тем довольствуетца, разве мало хто что с воли даст, а в неволе взять ни с кого ничего не могут. А числом-де их, кайсаков, всего 80 000. Токмо ж после Тавке-хана Абулхаир-хан был главным и много чинил по своей воли, не имея ни от кого препядствия, но ныне, по известному случаю, киргис-кайсаки на него злобятся.

Декабря в 17 день Абулхаир-хан приехал к переводчику Тевкелеву и объявил, что имеет он намерение сына своего Нуралы-салтана отправить в Хиву к хивинскому Эльбарс-хану, чтоб принял подданство российское с подданными своими, и договориться о комерции, дабы как российские купцы в Бухарию, так и бухарские в Россию чрез Киргискую орду с караванами ездили свободно. На что Тевкелев, предлагая, говорил, что чрез Киргиз-кайсацкую орду комерции быть невозможно, понеже киргис-кайсаки — люди непостоянные, страху от ханов не имеют, что куп-

цам обид учинят, а ханом безславие; и то будто учинено с воли ханской, а ханы ж того запретить им не могут. И разве тогда то может чиниться, как он, Абулхаир-хан, будет Е. и. в. всемилостивейшей государыни просить, чтоб соизволила указать на устье реки Орь, где впала в реку Яик, зделать крепость, в которой бы ему, хану, зимовать со всем ево домом, а для его пребывания построены будут удобные покои. Також-де б тут из киргис-кайсацких старшин для киргис-кайсацких дел из каждого роду определить по одному человеку судьями погодно с переменою, то подлинно потом киргис-кайсаки будут находиться в немалом страху. А кроме того, их своевольства унять и от того отворотить невозможно.

И то хан принял за благо, и к тому старшин и склонять обещал, однако сына своего послать вознаметился, что может-де быть, паче чаяния, шастием Е. и. в. то и учинитца, а ево в том будет услуга. И оной Нуралы-салтан 19 того же декабря и отъехал.

Декабря в 20 день Букенбай-батыр приехал к переводчику Тевкелеву и объявляя втайности, что он, Букенбай-батыр, от непостоянного киргис-кайсацкого жития себе имеет великое беспокойство, понеже при всяких военных случаях в первых огнях и выездах бывает он, Букенбай, и в первых может и погибнуть, как и четыре брата ево большие в таковых же случаях хонтайшею убиты. И для того более в киргис-кайсаках жить не желает, а особливо и для того, что не надеется он, Букенбай-батыр, чтоб по беспокойным и непостоянным киргис-кайсаков обычаям Киргис-кайсацкая орда была в состоянии; что прежде сего они, киргис-кайсаки, воровством своим хотя и чинили подданным Е. и. в., обиды, однако не так было чувствительно, как ныне, [когда] по причине Абулхаир-хана Российской империи пришли в знаемость. Того ради, ежели киргис-кайсаки по присяге верны не будут, то он один от них отстанет и будет жить под рукою Е. и. в.; дастся ли позволение при реке Яике кочевать, и от нападения киргис-кайсацкого охранен будет ли, что он, Букенбай, чувствительно знает, по беспокойству своему вся Киргис-кайсацкая орда может раззориться. О сем Тевкелев ему сказал, что по прибытии своем ко двору Е. и. в. всеподданнейше Е. и. в. доносить будет. И надеется он, Тевкелев, что Е. и. в. то ево желание милостиво примет и указать соизволит.

И еще тогда Букенбай-батыр говорил, что во время нападения противных о спомоществовании ему указы на Уфу к башкир-

цам и к яицким казакам пошлютца ль, и ежели пошлютца, то он, Букенбай-батыр, з зятем, обещает Киргис-Кайсацкую орду в подданство российское в два года привести саблюю. И в том он, Букенбай-батыр, з зятем и братом вторично присягали, и еще и Абулхаир-хана в подтврждение верности присягать понудили.

Декабря в 21-й день из Каракалпацкой орды вышпеказанные башкирцы два человека из каракалпак нарочно приезжали к Тевкелеву вторично и просили о свободе всех башкирцов и каракалпак, объявляя, что на конь из башкирцов сядет с ружьем с 300 человек, а к тому б прислано было от Абулхаир-хана 500 человек, то они, башкирцы, оною ночью из каракалпак в кайсацкие улусы к нему, Тевкелеву, выедут все, и також бы он, Тевкелев, просил о вспомошествовании Букенбай-батыря, которого-де каракалпаки все зело боятца, и хотя подлинно о выезде башкирцов каракалпаки уведают, но для Букенбая погони не будет. На что Тевкелев им говорил, что о свободе их, башкирцов, ис каракалпак сыскивает способ и надеется, только того вскорости учинить невозможно, и они б, башкирцы, без основания тем не спешили и о том знать никому не давали, а содержали б оное весьма тайно. А ежели о том каракалпаки уведают, то их могут раскусовать и старанием о свободе их обнадежить, которые от него, Тевкелева, паки в Каракалпацкую орду возвратились.

Декабря в 22 день Абулхаир-хан выдал племяннику свою замуж Гаиб-хана за сына Батыря-салтана, куды на свадьбу зван и он, Тевкелев, где и был, и старшина доброжелательные были ж; у которого других никаких напитков, кроме кобыльева молока, не было, а кушанье только крошеное мясо, и едят руками без ложек, где Тевкелев сидел часа три и отъехал в свой обоз.

Декабря в 25 день посланные в Среднюю орду к Шемякихану посланцы Худай-Назар-мурза да башкирец Таймас Шаимов возвратились, которые ему, Тевкелеву, объявили: прибыли они, посланцы, к Шемякихану того ж декабря 19 и посланнья подарки ему вручили, причем посланной башкирец ево, Шемякихана, особливо от Тевкелева поздравил, и оговорку такую учинил, чтоб он, хан, не имел на Тевкелева какого нареkania за то, что Тевкелев сам не бывал, понеже за дальным путем до киргискайсацкой Средней орды лошади исхудели, також за зимним временем сам ехать не возмог. На что Шемякихан сказал, что-де он, хан, на него гневу не имеет, понеже он, Тевкелев, к ним в

Киргис-кайсацкую орду приехал от такого славного империя посланником и надлежало б ехать для свидания с ним, Тевкелевым, ему, хану, самому, но затем не поехал, что сердце имеет на Абулхаир-хана, почему он без согласия их, ханов и старшин, подданства принял. И о Тевкелеве-де ему, Таймасу, объявил он, хан, что-де за неимением добрых лошадей сам Тевкелев не бывал, и то неправдиво; а как он слышал, и за правду признавает, что лошадей и верблюдов всех у него покрали противные киргисцы. И то подлинно станется, ежели бы он, Тевкелев, в Кайсацкую орду прибыл з согласия, то б ему такой обиды не нанеслося, но всяко б охраняли, да еще и самого-де Тевкелева хотели убить досмерти. И уже он, хан, от того время (хотя у них и главной Абулхаир-хан) не для ево, хана, но для великого и славного монарха от противности отстанет и желает быть в подданстве всероссийском не по совету Абулхаир-хана, но сам своим желанием. Того ж часу присягал быть в подданстве российском, написав письмо, приложил свою печать и обезался из Средней орды из своего владения отсылать чрез посланцов своих ясаку в Москву на каждой год по 2000 лисиц и по 1000 корсаков, а аманатов на Уфу не даст. На другой день, придав к ним, к переводчику Тевкелеву отправил двух посланцов с листом своим к Е. и. в., а протчих-де ханов и салтанов он, Тевкелев, увидит весною в мае месяце, и с ним-де сам договариватца будет, однако и он, Шемяки-хан, в Средней орде ханов и салтанов, и киргис-кайсацких старшин к доброму порядку уговаривать и склонять их будет. Он же, башкирец Таймас, объявил Тевкелеву, что Шемяки-хан имеет намерение ехать на хонтайшу и войска собираетца 6000 человек и двое салтанов — Барак-салтан и Обалмамет-салтан, и знатный человек Ченебек-батыр; и как он, Шемяки-хан, возвратитца от хонтайши, и обещал-де видитца с Тевкелевым в собрании их в мае месяце, где могут быть все ханы и салтаны и вся киргис-кайсацкая старшина.

Декабря в 26 день призван был переводчик Тевкелев к Абулхаир-хану, где были все киргис-кайсацкие старшины, и объявили ему, Тевкелеву: в прошлом-де 1729 г. от него, Абулхаир-хана, отправлен был посланцом в Тобольск киргис-кайсаченин, называемой Бекбулат, с товарищи 4 человека, которой-де и поньне держитца в Тобольску. И при той конференции были многие старшина из противной парти, и говорили они переводчику Тев-

келеву тако: что российскийские люди злословят Киргис-кайсацкую орду, якобы они, киргис-кайсаки, приходящим посланником делают всякие противности, грабят и в неволе держат, а ныне-де и в России то чинитца. На то им переводчик Тевкелев киргис-кайсацким старшинам сказал, что в Российской империи послов и посланников грабить и в неволе держать отнюдь не водитца, и такова обычая нет, и никогда такой случай в России не бывал и впредь не будет, а что он, Бекбулат, посланец Абулхаир-хана, за какую притчиною в Тобольску одержан, того он, Тевкелев, не знает. Знатно-де, что они, киргис-кайсаки, по старому их обычаю одного посланца отправили, а затем учинили воровские набеги, отогнали скота и взяли ясырей, может быть, за то он и одержан; токмо, хотя он и одержан, бесчестья никакого ему не учинят и вместо пленника в работе не содержат, а содержан будет во всяком довольствии, а по возвращении ево, Тевкелева, в Россию, и он, Бекбулат, отпущен будет.

И еще ему, Тевкелеву, говорили, что-де содержится одного старшины Шамаметя-мурзы сын Ша-мурза в плену в Тобольску и чтоб одного освободить. На что им Тевкелев сказал, что когда они в верном подданстве быть утвердятся и сами то учинят, российских пленных освободят, и тем по верности своей первую Е. и. в. услугу покажут, то и их пленные из России освобождены будут. На что они несклонны явились, а сказали, что как российских пленных, так и их отдавать на выкуп.

Генваря в 5 день 1732 г. переводчик Тевкелев отправил почту в Гос. колл. ин. дел з доношением дворянина уфинского Кирилу Барабанщикова да башкирца Кидряса Маллакаева от Аральского моря и при них киргис-кайсацкие посланцы с листами, а имянно: лист Абулхаир-хана, лист Шемяки-хана, лист Батыр-салтана, лист Нуралы-салтана, лист жены Абулхаир-хана, да лист каракалпацкого хана к переводчику Тевкелеву, да лист каракалпацких старшин и духовных.

Генваря в 11 день приехали из Каракалпацкой земли башкирцы. В третьей раз просили переводчика Тевкелева, чтоб он просил Абулхаир-хана и Букенбай-батыря их от каракалпаков освободить, понеже-де они уже в самом крае каракалпацкого житья приехали.

И генваря в 13 день Букенбай-батырь к переводчику Тевкелеву приехал, и стал переводчик Тевкелев ево, Букенбай-батыря,

просить, каким образом будет можно из Каракалпацкой земли башкирцов освободить, и он, Букенбай-батыр, ему, Тевкелеву, сказал, что надобно-де послать сперва х каракалпацкому хану и старшинам, чтоб они добрым порядком отпустили, а ежели-де затем не отпустят, то-де можно одною ночью их увести, понеже они все живут своими домами в одном месте и их-де возьмем из каракалпак дни три или четыре, ни кто не уведает. И потом просил переводчик Тевкелев, чтоб он сам, Букенбай-батырь, поехал х каракалпацкому хану. И он, Букенбай-батырь, ему, Тевкелеву, отговариватца не мог и обещал ехать сам.

Генваря в 14 день Букенбай-батыр поехал в Каракалпацкую орду, взяв с собою зятя своего Эсет-батыря и брата Худай-Назар-мурзу, також-де и доброжелательных старшин Баибет-батыря, Кара-батыря, а переводчик Тевкелев отправил от себя башкирцов с ним, Букенбай-батырем, Алдарбая да Таймаса Шаимова, Кочаша Рохмекулова.

Генваря в 15 день в полночь приехал доброжелательной старшина Балтабек-батыр к переводчику Тевкелеву, сказал, еще-де собрались противные киргис-кайсаки многое число, а главными у них киргис-кайсацкие старшина Баби-бий и Джантума-бий, и намерены ехать на хана и на переводчика Тевкелева. И переводчик Тевкелев ему за то подарил 4 аршина вишневого сукна по 1 руб. по 80 коп. аршин.

Попутру **генваря в 16 день** переводчик Тевкелев послал к хану, что он, Тевкелев, имеет нужду великую с ханом видитца. Того ж часу Абулхаир-хан приехал к переводчику Тевкелеву. И стал переводчик Тевкелев ему, хану, оные зломышленные киргис-кайсацкого старшины Ба[би]-бию намерения говорить. И хан спросил, где-де тот, которой оные вести сказал. И переводчик Тевкелев ево, доброжелательного Балтабек-батыря, ему, хану, представил, и Абулхаир-хан, от оногo Балтабек-батыря выслуша, немедленно послал двух человек к Букенбай-батырю, чтоб он приехал назад немедленно. Однако переводчик Тевкелев до приезде Букенбай-батыря срубил лесу и обклася вкруг, и сел в осаде.

Генваря в 17 день прислали Абулхаир-хан и переводчик Тевкелев доброжелательного старшину Мойнак-батыря к противным кайсакам вместо шпиона, також-де, ежели возможно будет их от злаго намерения уговорить, понеже у оногo доброжелательного Мойнака в противной парти имелись свойственники.

И **генваря в 18 день** пришел в ставку Тевкелева Абулхаир-хан и советовали, каким образом до приезде Букенбай-батыря от неприятеля оборонятца, понеже дожидали на каждой час на себя от противной парти нападения.

Генваря в 19 день приехал один киргис-кайсаченин к Абулхаир-хану [и] сказал, что противная партия поднялась на него, хана, и на переводчика Тевкелева обеих их убить досмерти; а Абулхаир-хана ханшу, привезав за волосы к хвосту лошади, будут таскать по полю, а будут-де они поутру генваря 20-го числа.

Генваря в 20 день приехал из Каракалпацкой орды Букенбай-батырь з зятем своим Эсет батырем, а брата своего Худай-Назар-мурзу оставил в каракалпаках для выручения башкирцов, и каракалпацкой-де хан, и каракалпацкие старшина ему, Букенбай-батырю, отдать обещали, и затем, оставя своего брата, к Тевкелеву прибежал. И как услышали вышеозначенные противные киргис-кайсаки о возвращении из Каракалпацкой орды Букенбай-батыря, для того з злонамерением и не приехали.

Генваря в 21 день Батырь-салтан поехал-де воевать караганских трухменцов, а с ним-де войско пошло 1500, и собирались-де они в Больших Борсуках.

Генваря в 23 день приехал из Каракалпацкой земли брат Букенбай-батыря Худай-Назар-мурза и объявил переводчику Тевкелеву, что по прошению Абулхаир-хана и брата ево Букенбай-батыря каракалпацкой Гаиб-хан и старшина каракалпацкие башкирцов отдали и из Каракалпацкой земли их вывезли, и стали они от Тевкелева абозу оные башкирцы верстах в 50, и придут-де они к Тевкелеву дней в 5. И переводчик Тевкелев ево, Худай-Назар-мурзу, за то дело благодарил, что он трудами своими башкирцов от каракалпак высвободил и обнадежил ево Е. и. в. всемилостивейшим награждением.

Генваря в 26 день приехали к переводчику каракалпацкие старшина: Оразак-батырев сын Маман-батырь, Ширяк-батырь, Шаморат-батырь и поздравляли переводчика Тевкелева с тем, что 160 кибиток подданных Е. и. в. башкирцов отдали ему, Тевкелеву, из Каракалпацкой земли. И оные старшина, показуя верные услуги Е. и. в., им, башкирцам, много помогли. И переводчик Тевкелев их благодарил и увещевал, чтоб они во всяких случаях Е. и. в. интересах служили верно, за что могут получить милостивое награждение; и подарил им Тевкелев всем трем

по 4 аршина сукна вишневого по 1 руб. по 80 коп. аршин, по 2 конца китайки, по 1 выдре, по 1 юфти красной кожи, которые с великим благодарением от Тевкелева поехали.

Генваря в 27 день напросилася ханская жена у переводчика Тевкелева, чтоб он звал обедать. И приехали к переводчику Тевкелеву обедать Абулхаир-хан и ханша, и дети ево, и Букенбай-батыр, и протчие доброжелательные старшина.

Генваря в 28 день приехали к переводчику Тевкелеву доброжелательные кайсацкие старшина Машкар-Тюлебай-батыр, объявили, что противная партия собралася и имеют-де намерение злое, что, когда станет Тевкелев переезжать залив Аральского моря, в переправе на переводчика Тевкелева напасть и убить ево досмерти, а людей ево взять в полон, а башкирцов, которые-де выехали из каракалпак, чтоб их с Тевкелевым не соединить и розбить их по улусам, в ясыри. И услышав переводчик Тевкелев от доброжелательного Тюлебай-батыря такие злые ведомости, послал к Абулхаир-хану о том объявить. И Абулхаир-хан, услыша оное, того же часу приехал к переводчику Тевкелеву. И уведомился хан чрез одного доброжелательных старшин злые ведомости, тотчас послал Букенбай-батыря, чтоб он приехал к хану немедленно.

Генваря в 29 день Абулхаир-хан и Букенбай-батыр пополунощи в 7-м часу приехали к переводчику Тевкелеву. Призвав одного доброжелательного Тюлебай-батыря, паки спросили, и оной старшина вторично сказал такоже. И сказал Букенбай-батыр, что-де, знатно, еще их злое намерение не искоренилось, но умножаетца; и надлежит-де когда чрез залив переезжать зело осторожно и отводными караулами, и надобно-де послать к тем башкирцам, которые вышли из Каракалпакской земли, чтоб как можно поскорей они соединились с Тевкелевым для того, чтоб незапно над ними какой вред не учинили. И по ним послали, чтоб они поскорей к Тевкелеву поспешили с объявлением того, что противные кайсаки какое намерение имеют.

Генваря в 31 день послал Абулхаир-хан одного кайсака из ево парти Машкар-Тюлебая же провеद्यвать, какое еще они намерение имеют.

Февраля в 1 день явился великороссийский человек, которой о себе сказал: Прокофьем его зовут, Ильин сын Девятков, уроженец от Сибирской губернии слободы Бочанки, крестьянин Строгоновых, а полонен он киргис-кайсаками под тою же слободою в

1693-м году, а со оным Девятковым взято в полон мужеского и женского полу людей; и потом взял его, Девяткова, каракапак Карабаш Кошербиев, с показанного числа и поныне жил у него. а ныне он ево, Прокофья, отпустил на волю.

Февраля в 2 день приехал к переводчику Тевкелеву доброжелательный старшина, он же Машкар-Тюлебай-батыр, и объявил, что из Средней орды и из Малой орды киргис-кайсаки воровскими набегами у башкирцов отогнали лошадей с 1000.

Февраля в 3 день приехал к переводчику Тевкелеву Абулхаир-хан и Букенбай-батыр.

Между протчих словах объявил переводчик Тевкелев им, хану и Букенбай-батырю, что отогнали воровские киргис-кайсаки лошадей у башкирцов; на то сказал, что о плутовских киргис-кайсацких поступках он уже сам стыдится и говорить-де об них он, Букенбай-батыр, больше не хочет.

Февраля 4 дня приехал Абулхаир-хана посыланной доброжелательной Тюлебай-батыр из противной парти, которой был отправлен генваря в 31 день. И оной кайсак словесно переводчику Тевкелеву объявил, что в противной орде все противные-де старшина собрались и имели-де между собою совет, как с переводчиком Тевкелевым поступать, и из них-де многие сказали, что ежели-де ево, Тевкелева, убить досмерти, то-де миром в собрани в мае месяце на них будут иметь злобу и могут-де их разорить, понеже-де он, Тевкелев, приехал в Киргис-кайсацкую орду добрым намерением и объявляет знак к покойному житию и быть с российскими подданными в миру; и оного Тевкелева предложения многие ис Средней, и с Малой орды приняли за благо, понеже-де одне они на то противитца с миром не могут, не лутче ль-де им от злого намерения отстать; а протчие-де из мелкой статьи сказали, отнюдь оное намерение оставить не хотят, конечно, вознамерились напасть на Тевкелева, когда-де он будет переезжать залив Аральского моря, и, конечно-де, ево, Тевкелева, живаго из Киргис-кайсацкой орды [не] выпустить, и хотят-де обманом ево, Тевкелева, и хана в свои улусы взять, тут их-де и умертвить.

Февраля в 6 день хан и ханша, и дети, и Букенбай-батыр у переводчика Тевкелева обедали и сидели у него до полуночи.

Февраля в 7 день приехали из противной парти старшинские дети — Бабибеев сын Акча с товарищци 6 человек — с тем, что

прислали-де их старшина к Абулхаир-хану и к переводчику Тевкелеву, что они пришли на истинную дорогу, от злаго намерения отстали, и отправили-де их старшина вся войска противная с повинною, токмо, чтоб хан и переводчик Тевкелев поехал жить в их улусы и кочевал бы с ними вместе. Абулхаир-хан и переводчик Тевкелев послали по Букенбай-батыря и по всем доброжелательным старшинам, чтоб они для такова случаю в совет приехали немедленно.

Февраля в 8 день Букенбай-батыр и протчие старшина все к Абулхаир-хану приехали и с присланными ис противной парти видились, и на то им Букенбай-батыр сказал, что ежели-де Абулхаир-хан захочет ехать к ним, противным кайсакам, он ево не унимает, а переводчика Тевкелева не отдаст и привезет ево в мае месяце в собрание в добром порятке, а им, противным кайсакам, отдав ево, Тевкелева, безславие не примет, а ежели силою будут брать, и он, Букенбай-батыр, с ними до капли крови за него, Тевкелева, дратца будет, понеже он, Букенбай-батыр, им отдать ево, Тевкелева, не верит, с тем их и отправил.

Февраля в 9 день башкирцы 160 кибиток, которые вышли старанием Букенбай-батыря из Каракалпацкой земли, приехав, совокупились с переводчиком Тевкелевым. И велел Тевкелев им стать подле своего обозу, и переводчику Тевкелеву стал немалой кураж, понеже люд оружейной и дельной — на конь сядут с 300 человек.

Февраля 10-го каракалпацкой знатной старшина Оразак-батыр приехал к переводчику Тевкелеву и объявил, что при Аральском море есть Оральской остров, до которого от Хивы конной езды 2 дни, где и город есть, и того острова с ханом Шатемиром и с народом оральским у хивинцов имеетца война; и ежели-де он своим старанием и трудами оного оральского хана и народ в подданство всероссийское приведет, та ево услуга Е. и. в. будет угодна. На что Тевкелев сказал: «Кто к пользе Е. и. в. верную услугу покажет, тот никогда высочайшей Е. и. в. милости и жалованья оставлен не бывает». Что услыша, оной Оразак учинить обещал, и за то Тевкелев дал ему в подарок сукна 4 аршина по 2 руб. аршин и одну чернобурую лисицу.

Февраля 11-го из Каракалпацкой же орды один знатной старшина и первой почитаетца, называемой Сиюндук-батыр, и при нем 9 человек каракалпацких стариков приехали к переводчику Тевкелеву и объявили, что желают они быть в подданстве

российском и в том учинят присягу, о которых Тевкелев имел сомнение, что оные не для верности приехали просить подданства, но боле для получения себе подарков. Однако ласково их принял и дарить принужден, а отказать им в том ради предыдущих случаев и тогдашних самовольных беспокойств он, Тевкелев, не разсудил, опасаясь, что малым озлоблением великие вредительные притчины могут нанестися. И оные на присяжных листах приложили свои тамги. А имянно, в подарок дал Сиюндюку сукна кармазинного белова 4 аршина по 2 руб. по 50 коп. аршин, 2 бобра, 2 выдры, юфть красной кожи; а другим старшинам — 9 человеком: сукна вишневого по 4 руб. по 1 руб. аршин, по 2 конца китайки, и того числа и отъехали.

Февраля 12-го дня из Киргис-кайсацкой Средней орды старшина Алчак-батыр с одним своим товарищем просить подданства приехал, которые и присягали, за что дал в подарок им по одной красной коже, по 1 выдре, по 2 конца китайки.

Февраля в 13 день Худай-Назар-мурза, брат Букенбай-батыря, приехал к переводчику Тевкелеву и говорил, что прислан он от Букенбая и Эсет-батыря сказать ему, Тевкелеву, как слышал-де Букенбай и Эсет, будто противная партия к нему, Тевкелеву, прислали 100 верблюдов, 300 человек людей и хотят взять обманом Абулхаир-хана и ево, Тевкелева, и убить, и чтоб от того предостерегался.

Февраля в 14 день, по объявленным ведомостям Худай-Назара, Абулхаир-хан от острова Каратюпа откочевал за залив Оральского моря к стороне российской. А для переводчика Тевкелева Букенбай-батыр, таже для откочеванья ево в то же место, прислал несколько своих подвод и конвой, понеже ево, Тевкелева, верблюды и лошади тогда были все покрадены. И вместе с ханом за залив переправились благополучно, а потом и Букенбай переехал.

Февраля 26 Абулхаир-хан к переводчику Тевкелеву привел одного касаченина Илька Бейбала, которой прислан из Средней орды ханской партии от доброжелательных старшин с объявлением, что из Средней-де орды некоторые воры в прошлом 731-м году в декабре набегами своими от башкирцов отгоняли лошадей, и ныне таже итти намеряютца, отчего доброжелательная старшина их отвращали, токмо они не слушают, того ради она старшина прислали, чтоб Абулхаир-хан и он, Тевкелев, о предосто-

рожности к башкирцам послали ведомость. Тому присланному Тевкелев дал 1 юфть кожи красной, 1 выдру и 4 конца китайки.

Февраля 27-го дня Абулхаир-хан с письмом переводчика Тевкелева к уфинскому воеводе Кошелеву отправил от себя одного казака Сатыбалдыя, чтоб от набегов воровских киргиз-кайсаков на башкирцев имели твердую осторожность. Також-де переводчик Тевкелев писал в Ногайскую и Сибирскую дороги к старшинам-башкирцам татарские письма тако, чтоб им быть во опасение, понеже из Киргис-кайсацкой орды воровские киргиз-кайсаки набегамы своими отгонять лошадей будут, то б их ловить и отдавать в город Уфу, а ежели не дадутца и будут дратца, чтоб с ними поступать по-неприятельски, чтоб всегда у башкирцов были отводные караулы, паче чаяния, ежели оные воровские кайсаки, отгоня лошадей, уедут, а башкирцы за ними в дороге не догонят, и после б башкирцы в улусы их киргис-кайсацкие набегов не чинили и лошадей бы их из улусов не отгоняли, присылали б, сколько лошадей взято, со известием к нему, переводчику Тевкелеву.

Февраля в 28 день объявил переводчику Тевкелеву Сибирской дороги башкирец Кочаш Рахманкулов, которой был посылан от него, Тевкелева, в киргис-кайсацкие улусы для проводывания, что они про Тевкелева думают, и в Киргис-кайсацкой орде он видел одного киргис-кайсака возмутителя, понеже-де оной возмутитель объявляет всем киргис-кайсакам тако, что оной-де переводчик Тевкелев прислан к ним в Киргис-кайсацкую орду для смотра их землю и воды, леса, что как можно их российским войском, где способнее воевать и всю орду разорить, и всеконечно-де ево, Тевкелева, не надобно отпустить в российскую землю живаго и надобно-де ево самово убить досмерти, а протчих, что есть при нем, разобрать по рукам, и продать в дальние места, чтоб из них никто не вышал. А ежели-де оной переводчик Тевкелев жив от Киргис-кайсацкой земли в Россию отъедет, то всей Киргис-кайсацкой орде без всякого сомнения надлежит бежать за рубеж и за Бадахшан, понеже-де ближе тех мест киргис-кайсаки кочевать себе место не сыщут. И он-де, Тевкелев, им, киргис-кайсакам, ведомой рок уже-де ведает он, где киргис-кайсаки зимуют и где летом кочуют. И оной интригант всем киргис-кайсакам, объявляя вышепоказанные непотребныя и противныя резоны, стал возмущать духовных чинов, чтоб Абулхаир-хана убили досмерти, для

чего он призвал Тевкелева; а Букенбай-батыря б не слушали, чтоб подданство российское не принимали, понеже-де в Хиве князя Бековича убили, и за то-де Россия, что могла над Хивою учинить, так-де и пропала, также и Тевкелев может пропасть, ибо-де кроме ево, Тевкелева, их Киргис-кайсацкую землю никто не видал, и российскому войску, незнаючи, в их Кайсацкую орду войною ехать невозможно. И о том-де оной интригант многих киргис-кайсацких старшин и протчих киргис-кайсацкое войско в свою партию-де и в злое намерение привел. И как оное непотребное возмущение чрез башкирца Кочаша Рохманкулова Тевкелев услышал, и для того того ж числа виделся с Абулхайр-ханом, Букенбай-батырем, и оное объявил, которые того ж числа от себя послали ево, Абулхайр-хана, парти к старшинам, чтоб такого зловозмутителя они не слушали.

Сего ж числа явился великороссийский человек и о себе сказал: Сибирской губернии слободы Бочанки служивой казак Иван Панфилов, сын Вахов, и полонен под тою слободой в прошлом 1693 году и с того числа жил у каракалпака Абыза Мурзына, а ныне он ево отпустил на волю.

Марта в 2 день приехал ис Хивы сын Абулхайр-хана Нуралы-салтан, а из служителей ханских один, называемой Байбек-Аглук, который был с сыном Абулхайр-хана в Хиве. И он, Байбек, Тевкелеву объявил, что-де Нуралы-салтан в Хиве был и по приказу отца своего Абулхайр-хана хивинскому хану он, Нуралы-салтан, объявил тако, что отец ево Абулхайр-хан со всею своею ордою пришел в подданство Российской империи, чтоб и хивинцы пришли в подданство российское. И как-де оные хивинские старшина от него, Нуралы-салтана, то услышали, пришли-де в великую злобу и объявили-де ему, Нуралы-салтану, тако, что Абулхайр-хан волю имеет в киргис-кайсаках, а в Хиве-де ему воли нет, и здесь-де в Хиве, слушать ево, Абулхайр-хана, ништо не будет, и он-де затеил безделицу. И отъехал сын Абулхайр-хана ис Хивы со озлоблением без всякого довольствия.

Марта в 3 день приехал к переводчику Тевкелеву Абулхайр-хан и объявил приезд из Хивы сына своего Нуралы-салтана, также подробно объявил, как сказал переводчику Тевкелеву служитель Абулхайр-хана Байбек-Аглук. И сказал Абулхайр-хан переводчику Тевкелеву: он-де за ту злобу будет с хивинцами воеватца.

Марта в 4 день приехал каракалпацкой старшина Оразак-батыр, которой был послан от переводчика Тевкелева к аральскому народу, чтоб их склонять в подданство российское быть, которой переводчику Тевкелеву объявил тако: он, Оразак-батыр, аральского Шатемир-хана и аральских народов быть в подданстве российском склонил и пришлютца-де от них, аральцов, к нему, Тевкелеву, посланцы.

Он же, Оразак-батыр, объявил переводчику Тевкелеву, что аральской Шатемир-хан имеет войну с хивинцами за то, что назад тому 20 лет отец ево, Шатемир-хана, Муса-хан, был хивинским и аральским ханом и владел Живою и Аралом, а в 1712-м г. хивинцы отца ево, Шатемира, Мусу-хана, убили досмерти в городе Хиве, а он-де, Шатемир-хан, остался от отца в малых летех, и берегли-де ево тайно дятка ево Ширдали да другой знатной же аталык Ораздали. А после-де Мусы-хана учинили хивинцы ханом Ширгазы-хана, которой убил князя Черкаского. И как-де он, Шатемир-хан, пришел в совершенные леты, и в 1720-м г. дятка ево Ширдали да другой знатной аталык Ораздали учинили ево ханом во Арале, и с того время продолжал он, Шатемир-хан, с Живою войну. И в 1728-м г. хивинской Ширгазы-хан убит от служителей своих, а после-де Ширгазы-хана хивинцы учинили ханом брата двоюродного Абулхаир-хана Мамай-салтана, которой-де жил в Хиве только одну неделю, аргамак-де убил. После него, Мамай, обманом учинили ханом Батыр-салтана и женили-де ево на дочери Ширгазы-хана, которой-де в Хиве жив токмо шесть недель и ушел паки в Киргис-кайсацкую орду. А после Батыр-салтана хивинцы выпрошали от Абулхаир-хана ныняшнего Эльбарс-хана, которой Абулхаир-хану не в родстве, только в сватовстве.

Марта в 6 день приехали доброжелательные старшина два брата [Кара-батыр и] Баембет-батыр к переводчику Тевкелеву, объявили, что едут противные старшина со многими кайсаками, а имянно: Баби-бей, Баджан, Тума-бей, Эсмамет-бей, Утегул-бей, Байжан-бей, Малыбай-бей, Утеб-батыр, Акча-батыр, Сартай-батыр многолюдно. А с каким намерением оные противные старшина едут, о том они, Баембет-батыр и Кара-батыр, не знают, токмо приехали они переводчика Тевкелева остерегать. И Тевкелев их за то благодарил.

Марта в 7 день приехали к переводчику Тевкелеву Букенбай-батыр и Эсет-батыр. И переводчик Тевкелев им объявил, что

едут противные кайсаки многолюдно, и представил доброжелательных старшин двух братьев. И Букенбай-батыр и Эсет-батыр поехали к Абулхайр-хану. Абулхайр-хан, Букенбай-батыр и Эсет-батыр приехали к переводчику Тевкелеву и положили на то, что дождатца их к хану, и как узнают их намерение, злое или доброе, так будут с ними поступать. Однако послали проведать их, противных киргис-кайсаков, намерение Майнак-батыря.

Марта 9 дня противной стороны старшина Баби-бей и Джантума-бей в кочевье его, Абулхайр-хана, переехали многолюдно и стали от обозу Тевкелева неподалеку. Тогда к переводчику Тевкелеву прислали двух человек кайсаков, которья просили, чтоб он, Тевкелев, отдал им башкирца, при нем обретающагося, которой застрелил брата того Баби-бея, называемого Байкару. А ежели не отдаст, то они, особливо из лутчих, обретающихся при нем, ково, могут, поймав, изрубить в куски. Или б Тевкелев за того убитого Байкара заплатил по обыкновенному их из древних лет праву обыкновенную цену, а имянно: 100 лошадей, 1 панцырь, 1 ясырь, 1 кречет, 1 ружье доброе, 1 верблюда, понеже права их так гласят. А ежели истец того платежа взять не пожелает, то отдаецца на смерть убийца. И оной старшина, показуя свою склонность, дает ему, Тевкелеву, из двух сих, что способнее учинить, а без того оные, от него, Тевкелева, не отъедут. На что Тевкелев им говорил, что он, Тевкелев, своего доброва человека за вора не отдаст, а ежели б был такого ж состояния, как имел Байкар, то б он такого человека хранить не стал. А понеже и права их киргис-кайсацкия, надеется он, Тевкелев, гласят також, что доброй человек за вора на смерть не отдается и платежа за оногo нет; а он, Байкар, воровские в ночных часех чинил многия злоумышленные незапные нападения и делал многие обиды, что и прошлого 1731 г. ноября 3 дня, напав на него, Тевкелева, в ночи с стрельбою и великим криком, отбили 17 лошадей, 3 верблюдов; и того добрые люди не делают, а чинят то плуты и воры, за что во всем свете, всех государств по правам надлежит не токмо за убитого вора платить, но и товарищи ево, хотя и после пойманы бывают, казнят смертию. А он, Байкар, по своим бездельным поступкам достойное себе и получил, и ежели б можно тогда было, то б и над оставшимися ево воровскими товарищи то ж учинено было. И как тогда такие слова услышали, и ни говоря ничего, яко диаволы, с великим шумом вскоча с места, побежали вон, и сев

на лошадей, поскакали к своим плутам. Но от того время по той злобе до 19 числа того ж марта с ним, Тевкелевым, варварски поступали, что никого из обозу ево, Тевкелева, по воду и по дрова не выпускали, стрegli кого б поймать, в чем Тевкелев и при нем будучие претерпевали великие нужды.

Марта 21 оные ж противные, в ночи собравшись многолюдством, напали на башкирцов, которые выехали из Каракалпацкой земли и учинили бой, которой продолжался до утра, а наутрие, в помочь башкирцам прибежав, люди Букенбай-батыря и оных отогнали, из которых противников многих ранили, а 3 человек раненых же поймали. Что видя, противники побежали, только отогнали башкирских 46 лошадей. Потом отчасу стало их умножаться и начали злобнее быть, и опасался, он, Тевкелев, чтоб взятые 3 человека противники от ран у него не умерли, их отпустил. И по притчине отпуску их с ними помирился и учинил договор: за все нанесенные им обиды заплатить на 347 руб. на 56 коп., и заплачены; а башкирских бы лошадей возвратить, только ж возвратили 35 лошадей, а 11-ти не отдали и удержали за своих раненых лошадей.

Марта 28 дня Большой орды киргизец Абогай-салтан переводчику Тевкелеву объявил, что ездил он, Абагай, Абулхайр-хана з зятем з Батырем-салтаном воевать трухменцов, при котором Батыре-салтане войска немалое число, в том числе был противной партии киргиской старшина Бахтыбай-батыр, которой в то время, подговоря с собою 150 человек и отделясь от Батыр-салтана, хотел ехать к волским калмыкам для отгону лошадей, х которым калмыкам Батыр-салтан о опасности от того послал от себя двух человек, что Бахтубей, уведав, туда и не поехал, а откочевал в другое место. А он, Батыр, покочевал в назначенное место. А как оттуды ехали возвратно, тогда наехали они на него, Бахтубая, которой осадил российской купеческой караван, и несколько уже верблюдов с товарами, отбив, разобрали по себе, а достальное взять не возмог и держал в той осаде 12 дней без воды. А во время наезду их из войска Батыря-салтана киргисцы ж, присовокупясь к Бахтубаю, о оставшихся товарах начали с купцами иметь договор, чтоб ис тех оставшихся товаров отдали им половину, а другую себе б оставили, то им более обиды чинить не будут.

Марта 29 дня оной Бахтубай и будучие при нем с полученными товарами мимо ево, Тевкелева, проехали с великою радостью, говоря, что и Тевкелева разкосуюем в скорых числах.

Марта 30 Абулхаир-хан, Букенбай-батыр и протчая доброжелательная старшина и Батыр-салтан, которой был при розбитии каравана, пришед к переводчику Тевкелеву, говорили, что некоторые-де киргисцы — плуты розбили российской купеческой караван, за то Е. и. в. на них на всех не соизволили иметь гневу. И в том Тевкелев их тогда обнадежил, чтоб те не сумневались, которые того не чинили, и притом тогда ж Абулхаир-хан и другая доброжелательная старшина велие нареkanie имели на Батыря-салтана, что противно присяги учинил. Тогда Батыр-салтан, извиняся, говорил, что он то чинить воспрещал и уговаривал, но унять от того не возмог, понеж народ кайсацкой самовольной. Как-де он, хан, сам занят, что начальников не слушают, однако в вину ево — воля Е. и. в.

И потом, он, Батыр-салтан, просил Тевкелева, чтоб он, Тевкелев, писал к Е. и. в., что он, Батыр-салтан, того не чинил, а учинили кайсаки, не слушая ево, самовольством. На что Тевкелев ему сказал, что он писать о том будет, токмо б впредь, как возможно, того чинить не допуцали.

Апреля 1 дня был у них праздник, имянуемой Курман-байрам, и того числа зван он, Тевкелев, к Букенбай-батырю на дчигин (на банкет или на пирушку), где были Абулхаир-хан и доброжелательная старшина. И по собрании всех х кушанью садятся на земли, склав ноги на коврах или на войлоках вкруговенку, тогда перед каждого ставится по чашке мелко скрошеным мясом и подлитою немного щербою. А пред хана для его почтения ставится от 3-х и до 5 чаш, а то ж ставилося и пред Тевкелева, но токмо в таких случаях по их обыкновению Тевкелев не едал. А оныя хан и протчие тогда каждой ис представленных, брав руками, над оными кушали. А потом хан по обыкновению своему ис тех представленных ему чаш должен мясо, брав рукою и призывая каждого старшину, класть им в рот, которые, протягиваяся с своего места, над чашею рот розиня, принимают, в которые чаши крохи и капли назад обращаются. А буде кому хан так не подаст, тот не имеет милости ханской, и знак есть гнева ханского. Потом ставитца жареная нога или весь бок кобылей, или баран целой, и прежде хан, резав по куску, чинит по тому ж, и потом сколько потребно нарежет себе, а понеже уже оныя все сами, резав и рвав, кушают. А другого никакого кушанья не бывает, и напитку кроме кобыльева молока, також верблюжьева и овечьева, не бывает же.

Апреля 2 переводчик Тевкелев зван на дчигин к Эсет-батырю и был, где чинилось по тому ж.

Апреля 4 зван на дчигин к Худай-Назар-мурзе, где також чинено.

Апреля 6 зван к Абулхаир-хану, где была вся старшина и чинилось по тому ж.

Апреля 7 дня переводчик Тевкелев Абулхаир-хана и всех старшин звал к себе обедать, которых было немалое число.

Апреля 9-го Е. и. в. указ из Колл. ин. дел при письме уфинского воеводы г-на Кошелева чрез башкирцов Минской волости Мевлюта Илимбетева с товарищи 6 человек получил, по которому указу велено Тевкелеву, съехався при Аральском море, с полковником артиллерии г-ном Гарбером видеться.

Апреля 10 Абулхаир-хан да Букенбай-батыр и некоторый доброжелательные старшина, приехав, спрашивали переводчика Тевкелева, с чем к нему, Тевкелеву, башкирцы приехали и есть ли известия о посланцах их. На что Тевкелев им сказал: чрез тех башкирцов получил он известие о башкирцах, которые ездили для ловитвы зверей, и оных киргис-кайсаки воровскими набегами розбили, ловленых зверей отняли, лошадей отогнали, людей многих побили досмерти и несколько взяли в полон, и о том прислан реэстр. Что услыша, стали быть прискорбны и сожалея, говорили: правда-де, ныне от оных отискать ничего невозможно, разве в майе месяце, когда будет собрание и совет, тогда-де, может быть, с совету отискать и тех плутов наказать возмогут. Потом Тевкелев объявил о посланцах их, отправленных в Москву, что оные их посланцы прибыли в Москву благополучно и обретаются во всяком довольствии. Того ж апреля 10-го числа на родины жене Букенбай-батыря дано касяк камки семиланной, в 1-де новорожденному сыну ево — 4 аршина сукна кармазинного по 2 руб. по 50 коп. аршин.

Апреля 11 переводчику Тевкелеву Букенбай-батыр говорил, чтоб он, Тевкелев, киргис-кайсацким доброжелательным старшинам и протчим о убитых башкирцах до времени не объявлял, чем их может во отчаяние привести от милости Е. и. в., понеже по лехкомыслию оные будут разсуждать тако, что за такие великие от плутов российским подданным обиды, и нам спокойно пожить не дадут. Чтоб они не отменяли свое намерение и не рассуждали б двойко, також-де он, Букенбай, советовал ему, Тевкелеву, что

разбили киргис-кайсаки российской караван, чтоб он, Тевкелев, оного не претендовал и оставил бы в молчании, хотя-де у оных киргис-кайсаков он, Тевкелев, товаров будет и претендовать, то-де от них возвратить ныне отнюдь не может, токмо-де их тем приведет наивящую злобу, и не учинить бы себе какой-нибудь вреды; а как-де он, Тевкелев, свою комиссию совершит и возвратитца паки в Россию, то-де в то время можно ему сыскать какой-нибудь способ возвратить оной товар.

Апреля в 17 день Абулхаир-хан отправил своего сына Нуралы-салтана к аральскому хану и с оным сыном своим послал племянницу свою выдавать за аральского хана. А с сыном Абулхаира-хана поехали киргис-кайсацкие старшина человек с 60, також-де поехали и простой народ. И велел-де Абулхаир-хан сыну своему, соединясь с оным аральским ханом, воевать Хиву. И прислал Абулхаир-хан, чтоб приехал переводчик Тевкелев к нему провожать племянницу ево, которая сосватана была давно. И переводчик Тевкелев у него, Абулхаир-хана, был, и на провожанье переводчик Тевкелев племяннице Абулхаир-хана подарил: косяк камки да зеркала в 3 руб.

Апреля в 19 день отправил Абулхаир-хан двух человек в Хиву с письмом. А в письме написал тако: «От киргис-кайсацкого Абулхаир-хана в городе Хиве главным советникам 24-м человеком указ. В прошлом 1731-м г. декабря в день [...] отправил я сына своего Нуралы-салтана к вам в Хиву объявить, что я, Абулхаир-хан, с своею ордою принял подданство российское, чтоб и Хивинская речь посполита принела подданство российское, может-де быть Е. и. в., по прошению моему, прежнюю вину вашу отпустить соизволит, також-де договоритца и о комерции. И вы, Хивинская речь посполита, не токмо по тому моему письму [не] учинила исполнение, но всякую противность сыну моему и образу показали. Також-де двух человек, которые были с сыном моим, одержали в Хиве под караулом. А хотя б вы российское подданство и не принели, токмо б моему сыну тяжкой обиды и противности показать вам не надлежало, понеже моей добродетели к вам зело многа, ибо когда пришед было вам последней конец от аральского хана, но я вас освободил и всякое споможение чинил, в чем вы обещали мне и присягали тако: пока я жив, слушать мои указы, а своего хана почитать яко намесником моим. А ныне то все позабыли и стали делать мне всякие противности.

И понеже чрез сие вам объявляю, что отправил я сына своего, соединясь с аральским ханом, воевать вас, хивинцов, а потом дожидайтесь и меня на себя войною ж в нынешнем 1732 г. в сентябре месяце».

И с тем намерением Абулхаир-хан двух человек куриэров в Хиву и отправил.

Апреля в 21 день прислал Букенбай-батыр к Абулхаир-хану брата своего Худай-Назар-мурзу с тем, чтоб хан приехал к реке Иргис, чтоб, как можно поскорее, надобно-де отправить в город Уфу из Киргис-кайсацкой орды башкирцов, которые вышли на имя Е. и. в. из Каракалпацкой земли, понеже-де из киргис-кайсацких народов многие непотребные люди стали думать злое, чтоб их ограбить, а самих разобрать по рукам в полон. А ежели-де, паче чаяния, оных башкирцов розберут по рукам, то-де будет трудно беречь и переводчика Тевкелева; всеконечно-де надобно их из Киргис-кайсацкой орды отправить, а он, Букенбай-батыр, отправляет провожать башкирцов до Уфы братьев своих, — Худай-Назар-мурзу да Тюлебай-батыря, — чтоб на дороге киргис-кайсаки им не учинили какую противность; и приказал-де просить переводчика Тевкелева, чтоб он дал братьям Букенбай-батыря письмо, чтоб уфинской воевода и башкирцы оным братьям Букенбай-батыря противности никакой не показали. А сего ж апреля 21 дня выкуплен в Киргис-кайсацкой орде лейб-гвардии Семеновского полку пятой роты подпрапорщик Андрей, Васильев сын, Моженской, того ради выкуплен, что хотели его запродать в дальние места киргис-кайсаки; которой в 722-м году и с ним командированы из Низовского корпуса Семеновского ингермоланского и Астраханского полков обер- и ундер-офицеры и солдаты со 150 человек больные в Астрахань, и погодою занесло судно их к острову Тюп-Карагану, и оное судно разбилось, и многа из них потонула, а оставших с 60 человек взяли их трухменцы. И в том же 722 году присланы были по указу за ними в Трухмень калмыки и трухменцы, собрав их 16 человек, оным калмыкам отдали. И как от трухменцов поехали, и не доезжая Гурьева-городка, набежали на них киргис-кайсаки, калмыков побили, а их взяли в полон. С того числа жил он у казака и поныне Улвая Чекты.

Апреля в 24 день Худай-Назар-мурза поехал от переводчика Тевкелева паки к Букенбай-батырю. И обещал оной Худай-Назар-мурза проводить до Уфы башкирцов сам, которые вышли

из Каракалпацкой земли, к переводчику Тевкелеву. Також-де переводчик Тевкелев с оными башкирцами и с Худай-Назармурзою отправил капрала Маркеева и с ним дворян, и казаков, и салдат 7 человек с письмами к уфинскому воеводе. И Абулхаирхан поехал провожать оных башкирцов сам. И Тевкелев послал башкирцов с Абулхаир-ханом, которые с ним, Тевкелевым, останутца, Таймаса с товарищми, смотреть, как ис Киргис-кайсацкой орды башкирцы благополучно ль отъедут.

Мая в 10 день Абулхаирхан приехал от реки Иргис, проводя башкирцов и капрала Маркеева. Також-де приехали посланные переводчика Тевкелева 4 человека башкирцы: Таймас Шаимов, Алдар Исекеев, Шима Картырчаков, Кочаш Рахманкулов, которые объявили переводчику Тевкелеву, что сего мая в 1 день приехал Абулхаирхан к реке Иргис, где-де был и Букенбай-батыр з зятем Эсет-батырем и з братом Худай-Назармурзою, и объявил-де он, Букенбай-батыр, Абулхаирхану, что вчерашней день напали на башкирцов и на посланных от переводчика Тевкелева в город Уфу капралу Маркееву противные киргис-кайсаки человеку с 300. И был-де бой и з утра до полудни. И потом отправил-де Букенбай-батыр от себя х капралу Маркееву на сикурс брата своего Тюлебая с своими людьми. И как-де подоспели люди Букенбай-батыря, то-де противные кайсаки все розбежались, только-де от башкирцов ранили двух человек да двух коней убили досмерти, а от противной партии сколько раненых, о том-де знать не могли. И как-де Абулхаирхан таких противных киргис-кайсацких поступок услышал, приговорили-де, как можно ноискоряе, башкирцов и капрала Маркеева из Киргис-кайсацкой земли препроводить того же дня за реку Иргис. Переправили и провожали-де за реку Иргис Абулхаирхан и Букенбай-батыр три дни, и отправили-де их благополучно, а провожать-де поехали Букенбай-батыря два брата до Уфы, — Худай-Назармурза да Тюлебай-батыр.

Мая в 11 день приехали в Киргис-кайсацкую орду к Абулхаирхану с письмами от калмыцких владельцев посланцы, а имянно: от Доржи Назарова калмык Мерген-Хашка да от сына ево Лобжи — Мюнко. Абулхаирхана служитель Байбек-Аглул объявил переводчику Тевкелеву тайно, что присланные-де от оных владельцев возмущать Абулхаирхана и весь киргис-кайсацкий народ тако, чтоб он, Абулхаирхан и вся Киргис-кайсацкая орда, соединяся, стали воевать российские города, и оные калмыцкие

посланцы возмущали киргис-кайсацкой народ всякими зело непотребными словами.

Майя в 12 день Абулхаир-хан прислал к переводчику Тевкелеву, чтоб он немедленно к нему приехал для некоторых важных дел. И он, Тевкелев, того ж часу приехал к Абулхаир-хану. И Абулхаир-хан объявил ему, Тевкелеву, что приехали калмыцкие посланцы от калмыцких владельцев — от Доржи Назарова и от сына ево Лобжи — с письмами, которые письма Абулхаир-хан переводчику Тевкелеву отдал. И оные письма при доношении посланы от него, Тевкелева, в Гос. колл. ин. дел. А словесно оные-де посланцы объявили, что он, Доржа Назаров, и Лобжа имеют ссоры с сыном Аюки-хана Черен-Дондуком, с которым имел баталию и ево-де войска побил немалое число, а в полон-де взял калмык з 20 000 кибиток; и прислано-де было российского войска на помочь Черен-Дондуку 20 000, и оное российское войско сын Доржи Назарова Лобжа побил всех до единова, и ездил он, Лобжа, с своим войском не на земле, но на телах русского войска; и будут жить он, Доржа, с ним, Абулхаир-ханом, мирно и российские города будут воевать вместе, понеже русские люди невоенные, можно-де всегда их побивать. И переводчик Тевкелев на то ему, Абулхаир-хану, стал говорить, чтоб он, Абулхаир-хан, на оные зловозмутительные письма Доржи Назарова и сына ево Лобжи, також-де и на слова посланцов их не верил, понеже может Абулхаир-хан сам за благо разсудить, что Калмыцкая орда пред Российской империею так, как пред морем капля дождевая вода, ибо калмыки не токмо российского регулярного войска 20 000 могли убить, но зрить на них не смеют, понеже 20 000 регулярному войску не может обиду зделать 100 000 калмык, а Российская империя — непоколебимой столб, а Калмыцкая орда — как ветер. Не токмо они, пакосные калмыки, могли против воли Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской делать противно, но не могут последнему Яицкому городку учинить обиду, понеже Абулхаир-хан сам ведает, что Калмыцкая орда от Волги до Яику кочует ездою только десять дней, а Российская империя имеет кругом 6 лет езды. И ежели всемилостивейшая государыня наша императрица всероссийская соизволит на них, пакосных владельцев, Доржу Назарова да на сына ево Лобжу, гневатца и соизволит указать послать за их пакосные дела разорять российского войска, куды они могут уйтить, пропадут как

червь. А надеется переводчик Тевкелев, что сын Аюки-хана Черен-Дондук от Е. и. в. не отстанет, и себе изменническое имя не примет, и присяжную свою должность не позабудет. Также-де и он, Доржа Назаров, Е. и. в. служил многие годы верно, и человек уже старой, от него такие пакости не зародится, знатно, такие изменнические дела делал сын его Лобжа.

И стал переводчик Тевкелев Абулхаир-хану рассуждать, яко истинной ево друг, что он, Абулхаир-хан, к Е. и. в. многие верные службы к привождению Киргис-кайсацкую орду в подданство российское труды не терял, и на скверные слова Доржи Назарова и на Лобжина не смотрел, и не отменил бы своего намерения. И на то Абулхаир-хан переводчику Тевкелеву сказал, что он, Абулхаир-хан, и сам знает, что Калмыцкая орда — ветер, а Российская империя — непоколебимый столб, и от Российской империи он, Абулхаир-хан, до смерти своей руки не оторвет, и до капли своей крови служить будет верно, и присягу свою не провергнет, и наивящее к Е. и. в., показуя свою истинную верность, обещал он переводчику Тевкелеву с ним отправить в Москву сына своего среднего Эрали-салтана. И потом переводчик Тевкелев говорил, чтоб он, Абулхаир-хан, показуя к Е. и. в. свою верность, тайно отослал оных двух посланцов калмыцких владельцев в город Уфу, понеже, чтоб они больше не возмущали киргис-кайсацкой народ. И на то Абулхаир-хан отвечивал: оных калмыцких посланцов тайно в город Уфу отослать невозможно, для того что, хотя доброжелательные кайсацкие старшина на то склонны и будут, токмо непотребные-де кайсаки будут на него, хана, злобитца; ежели всемиловитейшая государыня императрица указать соизволит за такие их продерзости итти на него, Доржу Назарова, и на Лобжу войною, то он, Абулхаир-хан, сам пойдет и отнюдь на пакосные слова их смотреть не будет.

Мая 18-го дня явился к переводчику Тевкелеву великороссийской человек города Самары дворянин Иван, Петров сын, Неуструев, которой полонен в прошлом 709-м году в июле месяце под тем городом Самарою киргис-кайсаками, которые-де продали ево в каракалпаки Тагайбаю, а жил он у него и поныне, и оной хозяин отпустил на волю.

Мая в 21 день приехал к переводчику Тевкелеву из Средней орды знатной старшина Чакчак-Букенбай-батыр звать ево, Тев-

келева, в Среднюю орду для того, что ныне у них собрание всенародное не будет, для того что Средняя орда получила ведомость — от хонтайши-де идет на них войско — и для такой притчины всякой будет свой улус беречь, чтоб он, Тевкелев, к ним поехал в Среднюю орду с ним, Чакчак-Букенбай-батырем. И на то Тевкелев сказал, что Средняя орда ныне кочует от него, Тевкелева, в дальнем розстоянии, езды недели 2 или 3, и ехать не на чем, лошадей у него не чего не имеетца, ежели они пожелают, чтоб старшина приехали к нему, Тевкелеву. Також-де говорил он, Чакчак-Букенбай-батыр, Тевкелеву: как приехали от владельца калмыцкого Лобжи посланцы возмущать Малую орду, також-де поехали и в Среднюю орду от одного владельца возмущать посланцы. И на то еще Тевкелев ему сказал: ежели киргис-кайсацкие старшина имеют в себе разум, то могут они разсудить, как состоит Российская империя с Калмыцкою ордою, понеже Российская империя в свете славная государство, а Калмыцкая орда — ветер, и охранены были они, калмыцкие владельцы, всегда от неприятелей высокую протекцию Е. и. в.; а когда оной владелец Лобжа, забыв бога и такую высокую Е. и. в. милость, изменил и делает всякое возмущение и киргис-кайсацким народам, когда он будет приятелем, и лутче киргис-кайсакам держатца за Российское империе, нежели за калмык, понеже ежели б Е. и. в. наша всемиловивейшая государыня императрица за их лехкомысленные такие противности соизволила б указать ево, Лобжу, разорить, то б одне башкирцы и яицкие казаки розабрали б их по рукам всех. Токмо Е. и. в. всемиловивейшая наша государыня императрица, яко бог, ко всем своим подданным неизреченно милостива, не так скоро указать соизволит по их лехкомышленным поступкам их разорять, но соизволяет милостиво дожидатца их покаяния, а потом, ежели не придут в чувство, то разве затем соизволит указать их наказать. И на то оной Чакчак-Букенбай-батыр сказал тако: «что то-де есть правда — нельзя сдцислить с Российской империею калмык», — и послал своего одного кайсака в Среднюю орду, чтоб одного калмыцкого посланца возмутительным словам не верили и с ним бы не сообщались, пока он возвратитца к ним. И оной Чакчак-Букенбай-батыр жил при Тевкелеве до приезде из Средней орды посланного ево.

Майя в 25 день приехал к переводчику Тевкелеву из Сибирской дороги от башкирцов башкирец Бекчура, которой был при-

слан от всех башкирцов для проведования переводчика Тевкелева, что он в Кайсацкой орде жив ли или нет, понеже-де от него, Тевкелева, они, Сибирской дороги башкирцы, не имели известия, и всегда от них воровские кайсаки отгоняли лошадей, и потому-де думали они, башкирцы, что переводчик Тевкелев убит.

Мая в 28 день одного же башкирца Бекчуру переводчик Тевкелев отправил в Сибирскую дорогу, что он в Кайсацкой орде жив, а письма ему не дал для того, чтоб на дороге не попалась кайсаком, а в каком состоянии обретаецца Тевкелев, о том он, башкирец, объявит словесно.

Мая в 30 день из противной парти приехали 2 человека к Абулхаир-хану с тем, чтоб он отдал переводчика Тевкелева им в руки, а ежели-де не отдаст, то-де они приедут собранием, ево, Тевкелева, возьмут от Абулхаир-хана сильно, а ево самово убьют. И Абулхаир-хан оных присланных от противных кайсаков двух человек взял под караул и сковал в железы, и держал. И одного из них, росковав, отпустил к оным противным кайсакам с тем, ежели они хотят умереть, то б они к нему, Абулхаир-хану, приехали, а переводчика Тевкелева он им, противным кайсакам, пока жив будет, в руки не отдаст. А ежели оные противные кайсаки от злаго намерения отстанут и придут к Абулхаир-хану с повинною, то они, противные кайсаки, будут от него, Абулхаир-хана, награждены и причтены з добрыми кайсаки. А другого противного кайсака оставил Абулхаир-хан у себя под караулом скованого, пока от противной парти пришлют с склонною ведомостью.

Июня в 13 день приехали к переводчику Тевкелеву Абулхаир-хан и Букенбай-батыр, Эсет-батыр, стали говорить переводчику Тевкелеву: сего числа отправляют они калмыцких посланцов, которые были присланы от калмыцких владельцев от Доржи Назарова да от сына ево Лобжи с таким ответом, что Абулхаир-хан воевать российских городов и Черен-дондуковых калмык войска не даст, и сам не пойдет, для того что-де он, Доржа и Лобжа стали быть Е. и. в. противны. А ежели указом повелено будет ему, Абулхаир-хану, и кайсацкому войску за их калмыцкие противности итти их, калмыцких владельцев, воевать, то он, Абулхаир-хан, со всякою своею охотою по указу Е. и. в. их, калмык, воевать пойдет. И объявили переводчику Тевкелеву Абулхаир-хан, что он желает послать посланцов к

Е. и. в., показуя свою верность и калмыцкое намерение, також и письма калмыцких владельцев. И на то переводчик Тевкелев ему, Абулхаир-хану, и Букенбай-батырю, и Эсет-батырю ска- зал, что оное их намерние зело изрядно, ежели они с таким известием, також и калмыцких владельцев письма пошлют, то Е. и. в. соизволит их причесть верными подданными. Також-де Букенбай-батыр объявил переводчику Тевкелеву, что февраля дня сего году воровские кайсаки поехали х калмыкам волским, чтоб отгонять лошадей; а Букенбай-батыр послал от себя х калмыцкому владельцу Дорже Назарову со известием 7 человек, чтоб они от воровских кайсаков были опасны; а Букенбай-батыр о измене к Е. и. в. калмыцких владельцев — Доржи Назарова с сыном не знал, которых посланных на дороге поймали яйцкие казаки, и просил Тевкелева Букенбай-батыр писать в Москву, чтоб тех 7 человек освободить.

Июня в 20 день переводчик Тевкелев, написав доношение, отправил уфинского дворянина Ивана Курчеева да башкирца Мусу. Абулхаир-хан отправил от себя с листом своим одного кайсака Арган-Чакчак-Джабая.

Июня 22-го переводчик Тевкелев одного армянина, называ- емого Бабая, которой ехал с российским караваном при полков- нике Гарбере и взят киргисцами в полон, и за оного выкупу заплатил 25 руб.

Июня в 23-е переводчику Тевкелеву явился великороссийс- кой человек Сибирской губернии Бочанки слободы волостной крестьянин Григорей Иванов и объявил о себе, что он полонен был каракалпаками назад тому с 40 лет, где жил у каракалпаче- нина Чилимбаю Магометева поныне, а ныне он от него уволен и желает ехать в отечество свое, которому Тевкелев приказал быть при себе.

Июня 25 из верхней Каракалпацкой орды знатной духовной Улан-ходжа, которой хивинского хана тесть родной, приехав к переводчику Тевкелеву, объявил, что и они желают быть в под- данстве российском, чего для намерен оной Улан-хаджа сам ехать в Москву. Оные каракалпаки кочевание имеют по реке Сырдарьи, городов и деревень у них никаких нет, землю пашут и всякой хлеб сеют, и больше живут в одном месте, нежели кочуют, да и кочуют не отъезжая от реки Сырдарьи. Всех каракалпак числом с 30 000 кибиток.

Оной-де духовной Тевкелеву привел в подарок старую одну кобылу на убой. А напротив того Тевкелев дал 1 юфть красной кожи да 2 конца китайки.

Июня 29 дня переводчик Тевкелев по известию доброжелательных старшин, что противные три партии намеряютца ехать к башкирцам для отгону лошадей, послал от себя двух башкирцов о предосторожности к ним, башкирцам уфинским.

Июля в 3 день Чакчак-Букенбай-батыр просил переводчика Тевкелева, чтоб он, Тевкелев, с ним ехал в Среднюю орду для привлечения в подданство российское киргисцов, в чем он, Чакчак-Букенбай, обещает Тевкелеву вспомоществовать. На что Тевкелев ему сказал, что ехать ему невозможно, понеже не имеет лошадей. А паче Тевкелев затем не поехал, что башкирцы уфинские Средней орды киргисцов, которые приезжали отгонять лошадей, порубили досмерти с 30 человек. И оной Чакчак-Букенбай поехал один и в подданство российское оных склонять обещал. Тогда Тевкелев дал ему в подарок и одному для отвезения знатному человеку Чаинебек-батырю — обеим на 30 руб.

Июля 8-го дня приехал из Уфы от г-на полковника башкирец Сибирской дороги Аилинской волости Куум Топаров с письмами да пригнал 15 кобыл на выкуп подпрапорщика Семеновского полку Андреяна Мошонского.

Июля в 9 день Худай-Назар-мурза, которой ездил для провозжания вышедших из каракалпак бишкирцов в город Уфу, возвратился, при собрании Абулхаир-хана всех старшин и других многих объявил, что хто Е. и. в. служит верно, тот по высокой милости забвению предан не бывает, как-де и он за свою службу высокую Е. и. в. милость от уфинского воеводы господина Кошелева награжден довольно; и российской народ доброй и во обращении зело приятной, и в городе Уфе гварнизон сильной, конных и пеших воинов будет тысяч 20, что от него оные киргисцы услыша, и от того времени не токмо доброжелательные во благонадеяни, но и пративники стали быть слабее.

Июля в 11 день был зван Тевкелев в банкет к Букенбай-батырю, где был и Абулхаир-хан, и вся доброжелательная старшина.

Июля в 12 день Тевкелев был зван в банкет к доброжелательному старшине Кутлумбет-бею, где был и Абулхаир-хан с своею фамилиею, и вся доброжелательная старшина.

Июля 23-го числа отправил переводчик Тевкелев к уфинскому воеводе с письмами башкирца Бекчюру, с которым отправил он, Тевкелев, одного Сибирской губернии Строгоновых крестьянина Прокофья Девяткова.

Июля в 24 день приезжал один киргис-кайсак от Шемяки-хана к Абулхаир-хану, что идет 30 000 войско на них воевать — хонтайшины калмыки, чтоб был Абулхаир-хан опасен и велел бы собратца своим киргис-кайсакам против оных хонтайшинных калмык, чтоб были во всякой готовности. И Абулхаир-хан послал по всем своим улусам, чтоб о том киргис-кайсацкие старшина ведали и были б готовы.

Июля в 26 день послал Абулхаир-хан в Среднюю орду проведовать киргис-кайсака Акчигитя, где хонтайшино войско, и сколько их, и хто при войске главным, и вред киргис-кайсакам не учинил ли.

Августа в 3 день приехали к переводчику Тевкелеву от яицкого атамана Григорья Меркуриева яицкие казаки татары Мелеш Киекбаев, Мамбет Емашев, Алаберда Баембетев три человека и подали письмо от яицкого атамана, в котором написано, что сего году в мае месяце взяли киргиз-кайсаки и каракалпаки вышепоказанных казаков татар ясырей жен и детей их 16 человек, чтоб тех ясырей освободить ис Киргис-кайсацкой орды, и он, Тевкелев, чинил оным яицким казакам всякое вспоможение.

Августа в 6 день приехал из Уфы посланной от Тевкелева башкирец Шима-батыр, которой был послан от него, Тевкелева, с письмом в город Уфу со известием, чтоб башкирцы были опасны, понеже несколько партий поехали воровские кайсаки отгонять лошадей от башкирцов и напротив Тевкелева письма написал уфинской воевода г-н Кошелев, что Уфинского уезду к башкирцам в Нагайскую и Сибирскую дороги посланы из Уфы нарочные дворяня, чтоб башкирцы были от киргис-кайсацких воров опасны.

Августа в 8 день отправил переводчик Тевкелев в город Уфу с письмами к уфинскому воеводе башкирца Коума Топарова, с которым отправил российских пленников 4 человека, которые были в полону в Киргис-кайсацкой и Каракалпацкой ордах, а имянно: лейб-гвардии Семеновского полку подпрапорщика Андреяна Мошенского, да самарского дворянина Ивана Неустроева, да Сибирской губернии слободы Бочанки служивого казака Ивана Вахова, да той же слободы волосного крестьянина Ивана Панфилова.

Августа в 15 день переводчик Тевкелев от капитана Дубровина получил письмо, в котором писано о разбитии киргис-кайсаками полковника Гарбера с караваном, також слышал-де он, капитан, что он, Тевкелев, в кайсаках содержится пленником и чтоб о присылке на выкуп денег Тевкелев писал.

Августа 16 посланной от Абулхаир-хана в Среднюю орду для проведывания ведомостей кайсаченин Акчигит возвратился и сказал переводчику Тевкелеву, что была у киргисцов с хонтайшинными калмыками война, при которых калмыках главной был владелец Чакбо, и всех было калмык с 7000 человек, которые-де (как слышал он, Акчигит) от киргисцов в полон взяли 20 кибиток да несколько лошадей, и овец отогнали, а киргисцов-де больше 20 кибиток не взято. А башкирцы Тевкелева чрез других кайсаков известили, что-де киргисцов в полон хонтейшинными калмыками взято 200 кибиток, с 6000 лошадей да 10 000 овец отогнали.

Августа в 21 день роду кипчацкого доброжелательной старшина Тюле-батыр к Абулхаир-хану и к переводчику Тевкелеву прислал кайсаченина своего, которой сказал: прислан он от него, Тюле-батыря, им, хану и Тевкелеву, сказать, что приехали-де к нему, Тюле-батырю, в улусы Средней орды кайсаков с 40 человек, где остановились ночевать, которые везут с собою русских, взятых в полон 4-х человек, и чтоб хан и он, Тевкелев, для отнятия к нему приехали, в чем и он, Тюле-батыр, вспомогать будет. Тогда Абулхаир-хан, взяв з собою Худай-Назар-мурзу да кайсаков 20 человек, а Тевкелев взял башкирцов 30 человек, и гнались за теми кайсаками, которых у него, Тюле-батыра, не застали. Откуды також и Тюле-батыр гнался ж, и догнали при реке Орь, что видя, оные киргисцы, розделясь на 3 части, побежали, и в первую часть увезли 2-х полоняников, за которыми погонею гнались Абулхаир-хан, Худай-Назар-мурза. А в другие 2 части повезли по 1-му полонянику, из которых за первой частью гнались переводчик Тевкелев, за второй гнал Тюле-батыр. И каждой свою гнавшую часть достигше, оных русских пленников 2-х человек отбили, из которых первой, что Тевкелев отбил, яцкой казак Дмитрий Вешонин; второй, что Тюле-батыр отбил, яцкой же казак Петр Белобровой; а Абулхаир-хан своей гнавшей партии сам не достиг и того для послал своих кайсаков, а сам он, хан, и Тевкелев возвратились в свои улусы. И тогда же Тевкелев

оних казаков, объявля ему, хану, взял к себе. Которые казаки Тевкелеву объявили, что шли-де они из Сызрану из Болдырской ярмонки числом с 500 чел., от которых в урочище Долгом Колоке (которое урочище разстоянием от Сызрану езды два дни) отстало 5 человек для брания вишни, где и наехав, оные киргисцы их полонили; из которых одного убили до смерти, а их 4-х чел. с собою было повезли в киргис-кайсаки.

Августа в 24 день переводчик Тевкелев уведомился, что воры-кайсаки, разделясь на 4 партии, поехали в Уфинской уезд для отгону от башкирцев лошадей, куда о предосторожности Тевкелев отправил от себя башкирца Нагайской дороги Юрматинской волости Сеита Караткулова с товарищами 2-х человек.

Августа 26 переводчик Тевкелев Абулхайр-хана и старшину просил об отпуске обретающихся при нем людей в город Уфу, понеже, что уже Тевкелев, чем оных в пище и в протчем содержать, не имеет; к тому ж оные и платьем ободралися, а оставить при себе немногих людей. И ежели они тех ево людей осенью не отпустят, а застанем зимнее время, то оные от холоду и голоду могут помереть, и в том им, доброжелательным, не токмо некоторое нареkanie к безславию будет, но и причесться может, якобы доброжелательные в том причиною сами.

И как хан и старшина оное от Тевкелева услышали, объявили, чтоб он, Тевкелев, дал им время до утра, что ради будут иметь собрание и совет по их обыкновению, а одни они собою учинить того отпуску не могут; но однако хотя и при том собрании токмо они всеми мерами в том старание иметь будут и уповают, что чрез их старание то учиниться может. И которого числа на означенной совет из Средней орды 4 человека старшин приехали.

Августа 29 поутру два человека киргисцов, пришед к переводчику Тевкелеву, объявили, что присланы они от собрания известить, что люди ево одни ныне не отпустятся, а будут отпущены с ним, Тевкелевым, вместе. Тогда призвал Тевкелев Букенбай-батыря, говорил, для чего ему такую несносную обиду и погибельную притчину чинят, и надеется он, Тевкелев, и признавает, что уже суще киргис-кайсаки по своему лехкомыслию хотение свое над ним, Тевкелевым, хотят исполнить. На что Букенбай, сожалея, ответствовал: «Что же делать, когда такой самовольной народ». Но, однако, хотя и советовали не токмо людей ево, Тевкелева,

отпустить, но чтоб ево, Тевкелева, и людей его всех побить, того ради, что-де по притчине бытности ево, Тевкелева, в киргис-кайсаках, за неудовольствия ево, Тевкелева, и будущих при нем, а паче, за учиненныя им великие обиды и для того, чтоб по отправлении ево, Тевкелева, людей, самому ему, Тевкелеву, уйти уходом от них было свободно, как-де возвратитца он в Россию, будет их, киргисцов, злословить, и произойдет жалоба, и за что взаимно-де от российских подданных будут чинитца им обиды ж и раззорении; или после-де и сам он, Тевкелев, придет на них войною, и того для надлежит ево убить, что советовали паче противная старшина. А приезжие из Средней орды старшина 4 человека желали, чтоб взять Тевкелева к себе в орду и оттуда б отпустить. И тогда-де во время того совету он, Букенбай, с своей стороны так, яко за отца или паче сам за себя, за него, Тевкелева, крайне старался, и от злаго намерения киргис-кайсаков отвращал и уговаривал, представляя резоны такие, что ежели Тевкелева и людей ево убить, и тою притчиною паче могут российских во озлобление привести и на войну воздвигнуть, и тогда уже во всеконечное раззорение Киргис-кайсацкая орда может раззориться, да и сами они за верность, не щадя живота, умрут, только ж живы в руки не дадутся; а лутче бы было самого Тевкелева удержатъ, а людей по прощению ево отпустить, и тем бы его удовольствовать, что и примет себе во удовольствие и покажется ему их благосклонность; а что русския люди злословить их не будут, потому что российской народ подобострастно и постоянно без воли командиров своих ничего не чинет, а не так, как они сами по своим самовольным обычаям, думают, но и то ево представление едва препятствовало. Тогда Тевкелев, от жалости сердечно в слезах едва мог выговорить, просил ево, Букенбая, чтоб он по своим доброжелательствам на лишение Е. и. в. милости себе не отчаевался, и не уничтожая б свои прежние доброжелательные услуги, но паче б возобновлял и при таком бы погибельном случае подал ему помощь и отраду, понеже ведая ево, Букенбаево, мужество и добрые поступки и упоая на ево человеколюбивое снисходительство и доброе благопостоянное сердце, что он, Букенбай, своим благоискусством то учинить собою может. И кроме его ни на кого столько надежды он, Тевкелев, не имеет. Тогда Букенбай, пришед во умиление, объявил ему, Тевкелеву, но уже хотя от всех киргис-кайсаков какую злость он себе ни понесет, только за верность и постоянство рос-

сийского народа намерения своего доброжелательного не отвратит, и то желание Тевкелева учинить без воли собою один может и даст до Уфы проводников своих. Того ж числа, пришед к нему, Тевкелеву, 4 человека кайсацких старшин, которые приехали из Средней орды, говорили, чтоб он, Тевкелев, не отпуская людей в Уфу, ехал бы с оными к ним в Среднюю орду, где он, Тевкелев, сам может их в подданство привести и вящще утвердить. Еще ж и приехал он в киргис-кайсаки в Малую орду, а у них в Средней орде не бывав, отъедет, то-де они останутца бесщастны, потому что им похвалиться пред Малою ордою нечем. Но Тевкелев, не имея твердой надежды, что народ лехкомыслен, и самовольно чрез волю доброжелательных плуты свое хотение учинить могут, а паче по притчине убивства башкирцами киргисцов, как выше показано 30-ти человек, ехать опасался. Оным старшинам 4 человекам Тевкелев дал в подарок из своего платья, а имянно: первому — пару платья с паргамином оливкового цвету, другому — епанчу суконную дикого цвету, а двум — два шлафрока канаватной да атласной, да при них касакам пару зеленую немецкую, картуз суконной свинцового цвету, з шнуром золотым, которое взяв и драв, по себе делили; а понеже кроме того дарить чем он, Тевкелев, не имел и занять тогда было не у кого.

Сентября 1 Букенбай-батыр переводчику Тевкелеву сказал, чтоб ево люди, которых он намерен отпустить в Уфу, были в готовности.

Сентября 4 вышеобъявленных людей, а имянно: геодезистов, уфинских дворян и казаков, солдат, башкирцов и своих людей всех с 40 человек он, Тевкелев, чрез его, Букенбая, в город Уфу отправил и для того ж препровождения и Абулхайр-хан отправил от себя.

Сентября 6 два человека калмык, которые посланы были от Черен-Дундука к Шемяки-хану просить калмыцких ясырей, просили переводчика Тевкелева, чтоб он, Тевкелев, их к хану Черен-Дундуку, дав им от себя проезжую, отправил чрез яицкие городки, понеже, как-де они слышали, что владелец Доржа Назаров имеет с Черен-Дундуком войну и того-де для чрез Доржиново владение ехать опасаются.

Сентября в 9 день приехали к переводчику Тевкелеву киргис-кайсаки Кошбармак с товарищи 3 человека, и объявили они переводчику Тевкелеву, что в нынешнем году весною поехали

было из Киргис-кайсацкой орды 8 человек кайсаков купечеством в калмыки, которых на дороге поймали яицкие казаки, пожиток разграбили, а самих держат под арестом; и они-де никакова зла российским подданным не учинили, токмо ехали торгом в калмыки и оных-де кайсаков держат в Яицком городке напрасно, понеже-де они пришли в подданство российское не для того, чтоб они, киргис-кайсаки, были от российских подданных обижены.

И на то переводчик Тевкелев оным киргис-кайсакам, Кошбармаку с товарищи, ответствовал тако: что хотя Киргис-кайсацкая орда в подданство Е. и. в. и пришла, токмо киргис-кайсацкие плуты делают набегами своими российским подданным великие обиды и разорение, а имянно: отгоняют от российских подданных лошадей и берут в полон людей, и розбили российской караван, которых ханы и вся киргис-кайсацкая старшина унять их от самовольных своевольств не могут. Еще ж в нынешнем году в майе месяце воровские кайсаки розбили яицких казаков — татар 10 кибиток, пожитку разграбили, 16 человек ясырей взяли в полон. А августа 21-го числа привезли воровские-де кайсаки яицких казаков 4 человека, у которых Абулхаир-хан двух человек отнял, а два человека и поныне у них, которые пакостей и ныне чинить не престают, и верным подданным такие пакости делать надлежит ли? Может быть, и признаваецца, что за такие учиненные их плутовские обиды они, кайсаки, ими, казаками, и удержаны, понеже сами в том явились притчиною. И надлежит им, киргис-кайсакам, оных яицких казачьих жон и детей у воровских кайсаков взять и назад отослать паки в Яик, на что и их люди взаимно возвращены быть имеют, а впредь воров им надлежит унять, и российские подданные им обиды чинить не будут.

И иной Кошбармак ответствовал тако: что правда-де всякие пакости чинятца от плутов их, киргис-кайсацких, а в плутах страдают добрые люди, понеже оные плуты ханов и старшин никакво не слушают — люд вольной, что хотят, то делают. И просили переводчика Тевкелева слезно, хотя-де так и учинено, но они принуждены купить яицких пленников у тех воровских кайсаков и посылают на смену в Яицкой городок к тем киргис-кайсакам, которые одержаны в Яике, чтоб переводчик Тевкелев дал письмо — посланным их обиды тамо не было. А ежели б-де оных воровских кайсаков кому было унять и наказать, а взятых бы

ясырей у них отнять безденежно, и впредь бы-де они воровать не стали, и им бы-де было неповадно.

При том приехали к переводчику Тевкелеву каракалпацкие старшина Хошман-батыр и Менеш-батыр и объявили, что в нынешнем году весною отправились из Каракалпацкой земли купеческим караваном в калмыки 125 человек. Ведая-де то, что калмыки подданные Е. и. в., а оных-де купцов разбили яицкие казаки, пожиток разграбили, и самих-де, взяв в руки, переказнили, а других-де и вовсе побросали, а иных-де только взяли живьем 18 человек. И что-де им, каракалпакам, будет из того польза, что они пришли в подданство Российской империи, ежели российские подданные их так будут разорять, а они ж, каракалпаки, приняли подданство российское затем, чтоб не токмо были от российских подданных обижены, но высокою протекциею Е. и. в. охранены и от других орд были. И каракалпаки-де так, как киргис-кайсаки набегами своими воровать не ездят, а кормятся купечеством, також-де пашут всякого хлеба и живут в одном месте, из 200 кибиток отдали они подданных Е. и. в. башкирцов. И на то им, каракалпакам, переводчик Тевкелев отвечал, что отправили они купеческого каравана в калмыки к Дорже Назарову и о том при отправлении оного каравану переводчику Тевкелеву не объявили; и ведали они, что переводчик Тевкелев в то время был в Киргис-кайсацкой орде близ Каракалпацкой земли, а ежели б они, каракалпаки, переводчику Тевкелеву об отправлении купеческого каравана объявили, то бы переводчик Тевкелев дал им проезжее письмо, то б им яицкие казаки обиды не учинили, а знатно в то время владелец калмыцкой Доржа Назаров отложился от Российской империи, яицким казакам было повелено оного владельца Доржи Назарова со всеми ево улусами за реку Яик не пропускать, и в таком случаи знатно наехали яицкие казаки на оной каракалпацкой караван и имели яицкие казаки над ними, каракалпаками, то учинить: 1. Яицкие казаки не ведали того, что Каракалпацкая орда пришла в подданство Российской империи. 2. Знатно, яицкие казаки и то ведали, и что калмыцкой владелец Доржа Назаров и сын его Лобжа послали своих калмык в Киргис-кайсацкую и Каракалпацкую орды возмущать. 3. Можно по всему видеть — яицкие казаки не ведали об них, что оные ехали с купеческим каракалпацким караваном и думали то, что по возмущению калмыцких владельцев Доржи Назарова и сына его

Лобжи едут для согласия х калмыкам и хотели их остановить, знатно они с ними дрались и в драке побиты, и оставшие взяты под арест. А ежели б было у оного каравана от переводчика Тевкелева проезжее письмо и объявлено б было в оном письме, что Каракалпацкая орда пришла в подданство Российской империи и отправились с купеческим караваном, то б яицкие казаки, хотя б их к Дорже Назарову и не пропустили, токмо б им никакой обиды не показали и объявили б оному каравану в калмыки не ехать, возвратитца назад или б поехали к российским городам, куды б они пожалали, а что взяв в руки, яицкие казаки умерщвлять их не будут, понеже в Российской империи такого обычая нет, взяв неприятеля живым в руки, умерщвлять. И на то каракалпаки сказали, что они о караване переводчику Тевкелеву не объявили и проезжаго письма не просили, то есть их вина. Только им-де то досадно, что взяв в руки живьем, всех переказнили, хотя б взяли живьем и держали б под арестом до указа. И переводчик Тевкелев паки им сказал, что то неправда. И потом оные каракалпаки паки представили одного каракалпака, называемого Утемергена, которой отпущен от яицкого атамана с тем, чтоб каракалпаки оставшим 18 человекам прислали выкупу: волков, лисиц и корсаков. И оной Утемерген говорил за злобу, и потом просили оные каракалпацкие старшина Хошман-батер и Менеш-батер, что-де мертвых оживить уже невозможно; и купили они у воровских кайсаков яицких казачих жен и девок-татарок на смену оным караванным каракалпаком и посылают в Яицкий городок, чтоб дал переводчик Тевкелев письмо посланным их, чтоб яицкой атаман обиду не показал. И переводчик Тевкелев о том им отказать не мог и обещал дать письмо, которое и дано сентября 11 дня.

Також-де переводчик Тевкелев отправил того ж числа Черендондуковых посланцов в Яицкой городок и писал об них яицкому атаману, чтоб их Черен-Дондуку отправил; и со оными посланцами Черендондуковыми писал письмо к г-ну полковнику Беклямишеву, чтоб ему, Беклямишеву, объявить черендондуковым калмыкам, которые кочуют по сю сторону Волги, чтоб они были опасны, понеже-де Доржа Назаров и сын ево Лобжа намерены, соединясь с киргис-кайсаками, их воевать.

Октября в 1 день приехал от калмыцких владельцев Доржи Назарова и от сына ево Лобжи посланец-калмык, называемой

Болюк, просить киргис-кайсацкое войско, чтоб с ними соединясь, воевать Черендондуковых и Лекбеевых калмык. И многими непотребными словами их возмущал, чтоб они не шли в подданство российское. И многим противным киргис-кайсацким старшинам обещали подарки: лошадей и прочее, такожде и взятых калмыками киргис-кайсацких ясырей возвратить обещали, чтоб на то они прельщались. И киргис-кайсацкие противные старшина все возмутились и с оным калмыцким посланцем соединились, и стали возмущать всю Киргис-кайсацкую орду, и востали на Абулхаир-хана, и на Букенбай-батыря, и на Эсет-батыря, и на прочих доброжелательных старшин. И Абулхаир-хан от страху не знал, что делать. И объявили ему, Абулхаир-хану, противные кайсаки, ежели-де он, Абулхаир-хан, упустит Тевкелева, то ево убьют досмерти. А Букенбай-батыр и Эсет-батыр и прочие доброжелательные старшина отнюдь с оными противными кайсаками не соединялись, всегда с ними противились, чтоб они и с сыном ево Лобжою не соединялись.

И приставили противные кайсаки подсматривать переводчика Тевкелева накрепко, чтоб он не ушел и письма б ни с кем не писал. И ему, Тевкелеву, за тем препятствием никак было невозможно никуда писать. И те противные кайсаки усилились и послали по всей орде, чтоб из Средней и из Малой орд собралось войско 20 000 ехать, соединясь с калмыцким владельцем Лобжою, воевать тех, хто ему будет неприятель. И у Букенбай-батыря был один житель Уфинского уезду киргизец для торгу своего Чавбарс Касболатов. И переводчик Тевкелев тайным образом послал к нему, Чавбарсу, башкирца Таймаса и велел ему объявить тайно, что он хочет ево отправить в город Уфу. И как оного Чавбарса башкирец Таймас привел, токмо к Тевкелеву ево не допустили, однако тайно он, Тевкелев, с ним в тальнике виделся. И имелась у него, Чавбарса, книшка молитвенная, называемая «Девять», а в той книшке имелись простые два листа бумаги. И взяв ту книшку, пошел он, Тевкелев, в тальник и в ней написал уфинскому воеводе, чтоб были опасны и дали б о том Черендондуковым калмыкам известие. И потом оной Чавбарс как от него, Тевкелева, отошел, и противные кайсаки ево поймали и осматривали, токмо кроме ево книшки не сыскали у него ничего, и в той книшке, что было написано, не дознались и не велели ему, Чавбарсу, впредь к нему, Тевкелеву, ходить. И оной Чавбарс, осво-

бодясь от них, противных кайсак, того ж числа с тою ведомостью в Уфу и поехал.

А октября в 19 день вечеру в ночь приехал к переводчику Тевкелеву Абулхаир-хан и объявил ему, что прислал еще владелец Лобжа своего посланца с письмом, которое Абулхаир-хан ему, Тевкелеву, и отдал. А словестно оной посланец Абулхаир-хану объявил тако, чтоб он обманным и прелестным словам Тевкелева не верил. И на то переводчик сказал тако: «что плут плутовские слова и говорит, понеже Российское государство содержитца не обманом, но обширою славою». Ибо ему надобно обманывать для того, что он, Лобжа, самой пакасной калмыцкой владелец. Да еще-де Абулхаир-хан сказал Тевкелеву, что как Букенбай-батыр объявил оному присланному от Лобжи посланцу тако, чтоб он, Лобжа, скочевал со всеми своими улусами назад за Яик, пока он цел, а блиско б х кайсаком не приезжал; а ежели-де назад не поедет, но еще будет возмущать, то он, Букенбай-батыр, прямо будет ево разорять. А что-де он, посланец, сказал, якобы ево, Букенбая, племянник в Москве казнен и он, Букенбай-батыр, таким возмутительным словам верить не будет. А как он, Лобжа, в то время кочевал блис кайсацких орд на реке Енбе, и в то время чинили кайсаки на них, калмык, набег, и отогнали от них лошадей с 3000, может-де быть он, Лобжа, от тех нападений и откоچует.

Октября в 27 день сын Абулхаир-хана Нуралы-салтан от аральского Шетемир-хана приехал при урочище Бурсуки, а в Хиву воевать не ездил, для того что, которые были при нем, Нуралы-салтане, киргис-кайсацкие старшина и киргис-кайсаки, возвратились из Аралу назад. Для такой притчины, что как хивинцы уведали, что Абулхаир-хана сын Нуралы-салтан приехал, соединясь с аральским ханом, воевать Хиву, и хивинцы подкупили одного аральского знатного старшину, называемого Тньш-абыза, чтоб он, как ни есть, сыскав способ, Абулхаир-хана сына Нуралы-салтана и киргис-кайсацкую старшину назад возвратил. И оной аральской старшина Тньш-абыз искал способу, чтоб киргис-кайсацкую старшину с аральскою старшиною поссорить, и поссорил. И потом киргис-кайсацкие старшина, оставя сына Абулхаир-хана Нуралы-салтана, возвратились в Киргис-кайсацкую орду, а Нуралы-салтан остался при аральском Шетемир-хане только с собственными своими людьми и жил после их в Арале 4 месяца.

Ноября в 1 день приехал к переводчику Тевкелеву один башкирец, называемой Коум Топаров, которой прислан от уфинского воеводы г-на Кошелева к нему, Тевкелеву, с письмами. И с ним, Коумом, было купеческих башкирцов с товарами 10 человек. И объявил оной башкирец Коум переводчику Тевкелеву, что их по прибытии в Киргис-кайсацкую орду в урочище в вершинах Барсуках октября 25 числа противные кайсаки ограбили их дочисто, и самих держали 2 дни связанных, и хотели убить досмерти, токмо прилучились в то время в тех улусах несколько человек доброжелательных старшин и киргис-кайсаки, и они от тех противных кайсаков оных башкирцов освободили, а пожитку возвратить не могли. И оной Коум Топаров, оставя всех башкирцов, которые приехали с торгом, уехал к переводчику Тевкелеву один. И переводчик Тевкелев, получа чрез одного башкирца такую ведомость, послал к Абулхаир-хану об оном грабеже объявить. И оной Абулхаир-хан того же часу приехал к нему, Тевкелеву, и стал горько плакать, объявляя то, что может-де Тевкелев и сам видеть, как он, хан, с ними мучитца и от таких пакосных дел их унять не может, а дурная слава происходит все на него, Абулхаир-хана. И обещал ево, Тевкелева, уже отправить немедленно, невзирая ни на что, хотя он, Абулхаир-хан, примет себе от противных кайсаков изнурение, а ево, Тевкелева, отпустит. И на то переводчик Тевкелев ему, Абулхаир-хану, сказал: ежели он ево, Тевкелева, отправит скоро, то будет не для чего другова какова случая, но для вящей ево, Абулхаир-хана, пользы, ибо ежели Тевкелев к высочайшему двору Е. и. в. приедет и Е. и. в. о ево, Абулхаир-хана, услугах всенижайше донесет.

При том же Абулхаир-хан переводчику Тевкелеву при двух башкирцах Таймасе Шаимове, Сажаре Илишеве объявил, что он знает гору золотую, токмо он, Абулхаир-хан, ныне ему, Тевкелеву, где такое золото имеетца, о том не объявит; и имеетца-де не в дальном разстоянии; оттуда, где он, Тевкелев, был и без дальнаго затруднения достать можно, и чтоб он Е. и. в. донес. И на то переводчик Тевкелев ему, Абулхаир-хану, сказал, что хотя он, Абулхаир-хан, где такая гора подлинно не скажет, только б он дал ему письменной вид, что он знает злотую гору, чтоб Тевкелев мог о том Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрице всеподданнейше донести смело, а бес письменного вида Тевкелев Е. и. в. о том донести не смеет, для того, чего подлинно не узнав,

в России Е. и. в. не докладывают, а докладывают в то время, кто чего подлинно уже может знать. И Абулхайр-хан сказал, что сам писать не умеет, а написать чрез киргисцов не смеет. За то-де могут ево киргисцы, ежели уведают, умертвить, а когда-де будет в безопасности от кайсаков, о том подлинно объявит.

Ноября в 2 день Абулхайр-хан поехал отыскивать пограбленных башкирских товаров и взял с собою доброжелательных старшин.

Ноября в 7 день приехал Абулхайр-хан от кипчаков, которые грабили присланного башкирца от уфинского воеводы и протчих купеческих башкирцов; и он, Абулхайр-хан, с великою трудностию тех башкирских товаров едва отыскал, токмо пропало рублей на сто.

Ноября в 15 день приехали от калмыцкого владельца хана Черендондука посланец Монхончи с товарищи 3 человека да от владельца Лекбея посланец Махолой — двое — с письмами к Абулхайр-хану. А в письме написано тако: прежде сего имел он, Абулхайр-хан, с отцом ево, Аюкою-ханом, мирной договор и союз, чтоб и с ним он, Абулхайр-хан, жил мирно же; а он, Черендондук, по высокой Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всероссийской [милости] учинен ныне ханом, а живет во всяком благополучии; а с некоторыми калмыцкими владельцами имелась ссора, токмо присланной от Е. и. в. генерал князь Борятинской успокоил; а при нем, генерале, имеетца российского войска 50 000 конных, пехоты 30 000, пушек 3000; а по высокой милости и высокою протекциею Е. и. в. с оными владельцами ссору сократил, и ныне он, Черендондук, не от кого не боится, а жить со всеми в миру готов.

Ноября от 5-го числа до 17-го ноября ж собралось войско с 4000, и на каждой день умножалось. А к тем войском Букенбай и Эсет батыри, и Худай-Назар-мурза, и многие доброжелательные старшина отнюдь не сообщались, и всегда их от такой напасти отговаривали, понеже самой вольной народ никаво не слушают и ни от кого страху не имеют, токмо делают по своей воле. А во оном войске главным Гаиб-ханов сын Батыр-салтан, которой называется зять Абулхайр-хана. А что плутам глава оной Батыр-салтан, и Абулхайр-хан ево ненавидит так, как собаку, понеже оной Батыр-салтан труждаетца, чтоб Абулхайр-хана кайсаки убили досмерти, а ево б учинили вместо ево ханом. И многие плуты ево сторону держат и желают Абулхайр-хана искоренить, а ево ханом учинить. Токмо знатные старшина старики, которые к российской стороне

доброжелательны, а наипаче Букенбай-батыр и Эсет-батыр, ево, Абулхаир-хана, берегут и слышать того не хотят, чтоб Батыр-салтана вместо Абулхаир-хана ханом учинить.

Ноября же в 17 день доброжелательной кайсаченин Эсенбай приехал к переводчику Тевкелеву, сказал, что уже ему, Тевкелеву, приходит последней конец, для того что башкирцы-де приезжали в Среднюю орду с 1000 человек и розбили в Средней орде киргис-кайсацкие улусы, и взяли-де в полон людей человек со 100 и з 2000 лошадей, да 40 человек убили досмерти, и прислали-де из Средней орды наскоро 5 человек, которые приехали вчерашней день, где собирается войско с тем, чтоб Тевкелева как можно под крепким караулом содержали, пока придет войско из Средней орды, понеже башкирцы Среднюю орду немало раззорили. И переводчик Тевкелев просил одного кайсака Эсенбая, чтоб он о том объявил Абулхаир-хану, а сам послал Тевкелева к Букенбай-батырю объявить о том же. И Абулхаир-хан приехал к переводчику Тевкелеву и говорил ему, что прислали-де из Средней орды наперед 5 человек, чтоб переводчика Тевкелева держать до приезде их под крепким караулом. Ежели из Средней орды приедут кайсаки и какую пакость учинят над Тевкелевым, то оное худое имя останетца на него, Абулхаир-хана. Конечно, надлежит с совету Бакенбай-батыря ево, Тевкелева, отпустить в Россию немедленно. И говорил переводчику Тевкелеву, что он сам видит, какая ево, Абулхаир-хана, верность к Е. и. в., токмо и сам Абулхаир-хан не знает, как с ними делать, понеже киргис-кайсацкой народ, вольной и дикой, [он] не может их унять. И представляет он, Абулхаир-хан, чтоб переводчик Тевкелев всепокорнейше донес Е. и. в. всемилостивейшей государыни: первое, боясь бога, не имея ту злобу, что он, Тевкелев, от него, хана, ничем не удовольствован, о ево верности; второе, иначе никак не можно сию орду привести в состояние, кроме того, что надобно всех противных старшин искоренить и иных переказнить, а иных послать в дальние города; не токмо оных старшин, но и зятя своего, Батыр-салтана, в руки отдаст; а ежели-де стариков противных всех уходить, а вместо их определять повелено будет указом из молодых, то будет оным определенным молодым старшинам великой страх, а доброжелательным — покой. И на то переводчик Тевкелев ему, Абулхаир-хану, сказал: как он, Абулхаир-хан, рассуждает,

каким образом искоренить киргис-кайсацких противных старшин, [так] будет. И Абулхаир-хан сказал: ежели-де построена будет на устье реки Орь крепость, а ему построен будет подле того города дом, где будет он жить, и будет он от таких киргис-кайсаков безопасен, и поступит с ними вначале ласкою, и как они обнадежутца, то-де можно их звать в тот город, яко в гости, обещая им подарков, и взять их всех под караул, и отослать немедленно в Россию, а иных для страху тут и казнить. И переводчик Тевкелев ему, Абулхаир-хану, сказал, что на устье реки Орь построить крепость просит, покажет ли какой к Е. и. в. знак своей верности. И на то Абулхаир-хан сказал, что инаго способу к верности Е. и. в. показать не знает, кроме того, что с ним, Тевкелевым, отправит своего сына Эрали-салтана и внучатнаго своего брата Нияз-салтана во образ посланника и на каждой год из своих детей станет посылать к Е. и. в. по одному своему сыну. Токмо просил Абулхаир-хан оного сына своего, милостиво соизволила указать Е. и. в., в Москве не удержав, отправить к нему для того, чтоб не было ему от противной парти[и] попрекание. А ежели Е. и. в. будет угодно, то он при городе будет и сам своим домом жить, аманат-де будет доброй, а в протчем всеподданнейше отдается в волю Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы. Ежели-де что мой мизерной и слабой ум чего разсудить к лутчему не может, то всеподданнейше Е. и. в. и всенижайше просит, чтоб милостиво соизволила указать иным каким способом вышепоказанные речи делать, во всем будет он, Абулхаир-хан, всепокорностию исполнять, не имея никакого отговору. Також-де говорил Абулхаир-хан, очень бы-де хорошо было, ежели б Букенбай-батыр каво из своих племянников с ево сыном послал, а из доброжелательных старшин, хто доброе намерение имеет, тот сам поедит или из детей своих отправят.

Ноября в 20 день приехал к переводчику Тевкелеву Букенбай-батыр, и переводчик Тевкелев [сказал ему] о присылке из Средней орды, чтоб держать переводчика Тевкелева до приезде их под крепким караулом. И он, Букенбай-батыр, сказал: «Правда, ежели-де из Средней орды приедут многолюдно, то-де будет не без затруднения спасать его, Тевкелева». И спросил Букенбай-батыр, что Абулхаир-хан думает. И переводчик Тевкелев ему объявил, что он намерен Тевкелева, как можно

поскоряя, отправить до приезде киргис-кайсаков из Средней, орды, и с ним, Тевкелевым, отправляет сына своего Эрали-салтана, да брата своего, Нияз-салтана. И на то Букенбай-батыр говорил, что он, Абулхаир-хан, сие здумал очень умно. И он, Букенбай-батыр, с ним, Тевкелевым, к Е. и. в. отправит своего племянника, а брата своего Худай-Назара отправит проводить его, Тевкелева, до Уфы за паролем, чтоб его, Худай-Назара, возвратил переводчик Тевкелев из Уфы к нему, Букенбаю. Того ж числа переводчик Тевкелев Черендондуковых посланцов калмык Монханчука да Мохалая вручил Букенбай-батырю, которых бы он, Букенбай-батыр, после его, Тевкелева, не оставил. И оной Букенбай-батыр их в свои руки принел и обещал возвратить паки к Черендондуку немедленно. Да просил Букенбай-батыр Тевкелева, что он намерен отправить с оным и Черендондуковыми посланцами к Черендондуку своего племянника, называемого Чюребая, для того-де, что он, Чюрюбай, ограблен в прошлом году калмыками, просит у Черендондука о своей обиде, чтоб дал переводчик Тевкелев ему письмо, на дороге б ему, Черebaю, обиды не показали. И по прошению его, Букенбай-батыря, племяннику его, Черюбаю, Тевкелев письмо и дал.

Того ж числа приехал к переводчику Тевкелеву от уфинского воеводы полковника Кошелева с письмами Уфинского уезду житель киргизец Бараш, и с ним приехали двое киргис-кайсаки из Уфы — один ханской человек, а другой — служитель Букенбай-батыря, — которые были от хана и от Букенбай-батыря отправлены из Киргис-кайсацкой орды сентября 4-го провожать переводчика Тевкелева обоз, которые объявили переводчику Тевкелеву, что, едучи-де, на дороге наехали на них башкирцы человек с 80, которые ездили в Киргис-кайсацкую орду отгонять лошадей, токмо-де оные воровские башкирцы, не сыскав Кайсацкую орду, возвратились назад. И оных Абулхаир-хана и Букенбай-батыря людей и уфинского жителя киргисца, которые ехали из Уфы, оные воровские башкирцы поймали, и свезали, и хотели их убить досмерти, а ханского человека и Букенбай-батыря человека же ранили копьями.

И потом посланной от уфинского воеводы к переводчику Тевкелеву Бараш им, башкирцам, объявил, что он имеет от уфинского воеводы к переводчику Тевкелеву нужнейшие пись-

ма, також-де послан он провожать Абулхаир-хана и Букенбай-батыря людей до переводчика Тевкелева, чтоб оные башкирцы им никакой обиды не чинили, а ежели оные башкирцы над ханскими и над Букенбай-батыря людьми что учинят худое, то-де в Киргис-кайсацкой орде будет переводчику Тевкелеву худа. И оные-де башкирцы как услышали от посланного воеводы уфинского, что с ним имеются нужнейшие письма и все-де стали говорить башкирцы, что убить их досмерти и грабить не надобно, понеже ежели их убить до смерти и потом переводчику Тевкелеву учинитца худо, то их, башкирцов, уфинской воевода перевешает. И все башкирцы от них отстали, токмо один башкирец Нагайской дороги Бурзянской волости Акчигит, несмотря ни на кого, стал их вязать и саблею на них много раз рубить кидался; и говорил он, Акчигит, что он не боится ни от кого, и никто его не повесит, а ежели Тевкелев пропадет, инде о том не тужит; и стал-де бить их, Абулхаир-хана и Букенбай-батыря людей и посланного от уфинского воеводы, смертным боем. И видя такое ево, Акчигитова, азарничество, протчие башкирцы тайным образом посланного от воеводы уфинского Бараша упустили, то оной башкирец Акчигит Абулхаир-хана и Букенбай-батыря людей убить до смерти не смел, токмо ограбил их, взял с них с плеч суконные красные кавтаны и китайчетые кавтаны, да с ними же послал башкирец Шимабатыр Картырчаков одну киргис-кайсаченина лошадь, которую оные башкирцы закололи. А та лошадь была противного кайсака, и уведав оной кайсак, что ево лошадь заколота башкирцами, то, приехав к переводчику Тевкелеву, за ту заколотую лошадь отнял у Тевкелева коня в 25 руб.

И как приехали в Киргис-кайсацкую орду люди Абулхаир-хана и Букенбай-батыря тятшко раненые, и объявили они Абулхаир-хану и Букенбай-батырю, как их ранили, и как ограбили, и как они от башкирцов освободились. И потом Абулхаир-хан и Букенбай-батыр заказали людям своим накрепко, чтоб они о том киргис-кайсакам никому не объявили для того, чтоб не было б отъезду переводчика Тевкелева какое помешательство от кайсаков, и не велили они людям своим битыми казатца, пока переводчик Тевкелев из Киргис-кайсацкой орды отъедит. И потом Абулхаир-хан говорил переводчику Тевкелеву тако: что-де «киргис-кайсаки прежде люд был вольной и ни от кого страху не имели,

и в подданстве ни у кого не были, для того-де они делают пакости; а протчие киргис-кайсаки есть многие добрые люди, а года два или три придут и все в постоянство; а башкирцы-де, сколько лет в подданстве российском, и тут-де пакости делают». И на то переводчик Тевкелев ему, Абулхаир-хану, отвечал тако, что, знатно, оные башкирцы были в погоне за воровскими киргис-кайсаками, а в глаза попались им они, может быть, с сердца им оные башкирцы какую обиду и показали.

Ноября в 21 день собрались многолюдно киргис-кайсаки, а главным у них Тянгри-Бирдей с тем, что слышали-де они, что Абулхаир-хан отпускает переводчика Тевкелева в Россию, а ныне-де разорили башкирцы в Средней орде киргис-кайсаков, взяли в полон людей больше 100 человек, а убили-де досмерти 40 человек, отогнали лошадей и верблюдов 2000, и надобно-де держать Тевкелева крепко, чтоб он не ушел, и отдать надлежит ево, Тевкелева, и которые при нем есть башкирцы — всех в Среднюю орду, пока башкирцы возвратят их, киргис-кайсацких, ясырей. А ежели-де он, хан, отпустит ево, Тевкелева, без ведома всей Киргис-кайсацкой орды, то-де он, Абулхаир-хан, примет себе от киргис-кайсаков великое затруднение, едва может он, хан, спастись животом своим. И потому Абулхаир-хан прислал к Тевкелеву объявить, что к нему приехали киргис-кайсаки с тем намерением: ево, Тевкелева, в Россию не отпустить и отослать в Среднюю орду — и требуют кайсаки, чтоб Тевкелева привести в то место, где они собрались. И чтоб он, Тевкелев, сам к ним не ездил, а послал бы к ним башкирца Таймаса, чтоб он, Таймас, за него, Тевкелева, им отвечал, для того-де, ежели он, Тевкелев, придет сам с ними говорить, чтоб не учинили над ним, Тевкелевым, какой притчины. И потом переводчик Тевкелев послал к Абулхаир-хану башкирца Таймаса-батыря, которому велел он, Тевкелев, против слов киргис-кайсаков отвечать, а особливо, чтоб трудился, как можно из Киргис-кайсацкой орды ему, Тевкелеву, освободитца.

Ноября в 22 день башкирец Таймас-батырь приехал от киргис-кайсацкого собрания и объявил переводчику Тевкелеву, что Абулхаир-хан в собрание киргис-кайсацкое ево, Таймаса-батыря, представлял. И говорили-де ему, Таймасу, киргис-кайсаки, что башкирцы учинили им, кайсакам, великие раззорения: розбили их улусы, взяли в полон больше 100 человек ясырей, 40 че-

ловек убили до смерти, з 2000 лошадей и верблюдов отогнали и пожитки все разграбили; того ради они, киргис-кайсаки, переводчика Тевкелева не отпустят, пока башкирцы не возвратят их ясырей, чтоб он, башкирец Таймас, поехал в башкиры и объявил бы то, что переводчик Тевкелев одержан до возвращения кайсацких ясырей, которых полонили ныне башкирцы. И на то им, кайсакам, башкирец Таймас отвечал тако, что он, оставя в Киргис-кайсацкой орде переводчика Тевкелева, в башкирцы не поедит, для того оной Таймас приехал в Киргис-кайсацкую орду по указу Е. и. в. при переводчике Тевкелеве, также желает и отъехать при нем, Тевкелеве. Лутче он примет смерть в Киргис-кайсацкой орде, нежели, покиня Тевкелева, ехать ему в башкирцы. Не лутче ли им, киргис-кайсакам, в разсуждение принять то, что как они, кайсаки, пришли в подданство Российской империи, а учинили всякие пративности подданным Е. и. в., а имянно: разбили караван российской, еще полонили Яицкого городка казачьих жен и детей 16 человек, а от башкирцов, взятых в полон и побитых досмерти с 40 человек, отогнано лошадей 6000, а по одному и по два человека увезено, и многа, и сие не будет ли Е. и. в. противно. А что якобы башкирцы в Средней орде улусы их разорили и ясырей побрали, о том он, Таймас, еще подлинно не известен, может быть, то и неправда. А хотя б и подлинно учинили, токмо башкирцы пред кайсаками не виноваты, для того, что башкирцам прежде многия обиды показали кайсаки, нежели башкирцы их задрали. И ныне кайсаки детей башкирских продают в Хиву и в протчие орды, не утерпя, может быть, то и учинили. Ежели они, кайсаки, забыв свои вышеозначенные противные поступки, еще сию противность Е. и. в. покажут, что одержат переводчика Тевкелева, приведут такого великого и в свете славного монарха Е. и. в. в великой гнев, то и всей Киргис-кайсацкой орде спасатца будет трудно. Конечно, лутче переводчика Тевкелева отпустить в Россию, а не держать. И на то оные кайсаки, как услышали от башкирца Таймаса такие речи, жестоко-де осердились и стали говорить, что отнюдь Тевкелева они не отпустят, пока башкирцы ясырей их не возвратят. А протчие-де кайсаки кричали: переводчика Тевкелева николи не надобно отпустить живаго, для того-де, что он землю их всю видел, где какие воды и колодцы есть, еще же-де он от них, кайсаков, очень озлобен и

пожитку своего все роздал, а ево, Тевкелева, ничем они не удовольствовались, и когда он, Тевкелев, свою злобу не забудет, конечно, он, Тевкелев, им, кайсакам, оное отомстит. И на то башкирец Таймас им отвечал, что переводчик Тевкелев по высокой милости Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы всем доволен и богат, понеже что киргис-кайсаки ево ничем не удовольствовались, и он, Тевкелев, за то сердитца на них не будет, для того, что они уже стали быть подданные Е. и. в. Токмо он, Тевкелев, желает, чтоб они были Е. и. в. верныи, и тем он от них будет доволен.

И на оные слова башкирца Таймаса кайсаки с великим криком отвечали, что он, Таймас, вышереченные слова говорит обманом, как бы-де ему Тевкелева от них выручить. И потом-де кайсацкой старшина Тянгри-Берди говорил Абулхаир-хану, чтоб он, Абулхаир-хан, всеконечно до собрания войска, ево, Тевкелева, не отпустил, а ежели-де отпустит, то он, Абулхаир-хан, примет себе великую изневагу. И на то Абулхаир-хан стал говорить им, кайсаком, тако, что он держать ево, Тевкелева, не будет, и отправит он, хан, к Е. и. в. с ним, Тевкелевым, сына своего. Понеже-он, хан, присягал быть в подданстве Е. и. в. верным, а оные-де кайсаки делали подданным Е. и. в. многие пакости, в том-де отвечать будут сами, а не он, Абулхаир-хан, и кайсацких пакосных дел на себя не примет, и себя ото всех злых пакосных дел освободит. А ходя-де на него, Абулхаир-хана, кайсаки за то могут иметь злобу и убьют ево досмерти, то-де останутца ево дети, а хотя и детей ево всех побьют, то-де останетца сын ево, которой посылается ко Е. и. в. с Тевкелевым, а высокою протекциею Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы ево, Абулхаир-хана, кровь отомстит им оной сын ево. И киргис-кайсаки-де с Абулхаир-ханом розъехались с великой злобою.

Ноября в 23 день Абулхаир-хан приехал к переводчику Тевкелеву и привез своего сына и брата для отправления ко Е. и. в. И говорил он, Абулхаир-хан, переводчику Тевкелеву со слезами, объявляя свое житие и свою верность к Е. и. в., и, встав с места, поклонился трикратно, говоря такие речи, что он, Абулхаир-хан, сии поклоны отдает Е. и. в. и отдаетца в волю Е. и. в. всемилостивейшей государыни императрицы о неоставлении ево. И он, Абулхаир-хан, выговоря оные речи, того же часу вручил переводчику Тевкелеву сына своего и брата. И потом приехали двое из

старшин и племянник Букенбай-батыря, которые наряжены с сыном Абулхаир-хана, и для препровождения Тевкелева до Уфы — брат Букенбай-батыря Худай-Назар-мурза, да доброжелательной же кайсаченин роду машкар Тюлебай-Сакав ехал провожать Тевкелева до Уфы же сам, которой многие добродетели делал в Киргис-кайсацкой орде переводчику Тевкелеву, и за такие ево добродетели переводчик Тевкелев обещал ему, Тюлебаю, выкупить ево сына от башкирцов. Привез один доброжелательной киргизец именем Монак пленницу Сибирской губернии слободы Погоролики порутчикову жену Ивана Ерофеева, сына Серкова, Марину, Иванову дочь, а взята в полон кайсаками под тою слободою. И просил оной Монак Тевкелева вместо той пленницы дать дочь ево, которая в полону у башкирцов; и переводчик Тевкелев ее, Марину, у оного Манака взял с собою, обещая вместо ее отдать, взяв у башкирцов дочь ево.

А лошадей у переводчика Тевкелева ни единой не было, и ехать было ему не на чем. Абулхаир-хан и доброжелательные старшина дали ему, Тевкелеву, по одной лошади, а имянно, 15 лошадей, хотя зимним путем на одних лошадях ехать было трудно. Токмо переводчик Тевкелев больше не сучал, для того как ни есть поскорее из руки их освободитца.

Ноября в 24 день поутру рано переводчик Тевкелев из урочища Найзакискен отправился в Россию, и с ним, Тевкелевым, сын Абулхаир-хана Эрали-султан, и брат двоюродной ево Ниязсалтан, и из старшин Чадик-бей, Худай-Назар-мурза, Букенбай-батыря племянник Мурзагелди-батыр, да Тювелбай-мурза, да Кипчак-Курди, и Байгунчек со служителями; и Абулхаир-хан, Букенбай-батыр и многие доброжелательные старшина провожали переводчика Тевкелева до вечера для того, чтоб за ним, Тевкелевым, не было погони. И говорил Абулхаир-хан и Букенбай-батыр переводчику Тевкелеву, чтоб он ехал осторожно ночи три и четыре, ехал и по ночам, пока отдалеет от орды Кайсацкой. А ежели за ним, Тевкелевым, будет погоня, тогда они, Абулхаир-хан и Букенбай-батыр, как могут скоро уведать, дадут ему, Тевкелеву, чрез посланных знать.

И при том ево, Тевкелева, отъезде Абулхаир-хан просил ево, чтоб он, Тевкелев, за учиненные ему от плутов обиды и боясь бы бога, Е. и. в. о его верности донес правду, тако же и сына ево, Абулхаир-хана, которого он, хан, отправляет к высо-

кому Е. и. в. двору посланником, а не имеет доброва платья, и чтоб також и в том не оставил он, Тевкелев. Тогда Тевкелев его, Абулхаир-хана, обнадежил, что о его верности Е. и. в. всемилостивейшей государыне всеподданнейше донесет, також и сына ево в приезде ево в Уфу удовольствуют. И притом ево, хана, утверждал, чтоб он, хан, по своему обещанию как честному, доброму и верному Е. и. в. подданному надлежит, и как он обязался, и в том бы содержал себя неотменно твердо и непоколебимо, за что в высочайшей Е. и. в. милости содержан будет. Тогда паки он, Абулхаир-хан, говорил, что он по своему обещанию и клятве неотменно и непоколебимо в том себя содержать, тако же и что о противностях уведает, всеми домогательствами своими отвращать и не допускать, и всякие доброжелательные услуги показывать будет. Потом також Букенбай-батыр и многие доброжелательные просили, чтоб и о их верности и доброжелательствах також представил. И дабы в злых и добрые люди не погибли, и в том он, Букенбай, отдаетца в волю высокую Е. и. в. Також-де переводчик Тевкелев как Букенбай-батыря, так и всех доброжелательных старшин увещевал, чтоб они по своим обещаниям как Е. и. в. верным подданным надлежит, как они обязались, и в том бы содержали себя неотменно твердо. На что они ответствовали, что так они непоколебимо содержать себя будут. Притом же Букенбай просил о возвращении из Уфы брата ево Худай-Назара-мурзу. И потом Тевкелев оттуда, не имея у себя никакого запаса, отъехал, токмо тогда бывшей в Мокше кайсаченин Чеккур привез кобылу да жеребенка, да Букенбай-батырь кобылу ж и жеребенка на пищу, чем доехали до горы Аририурук, а ехали з 9 дней.

Декабря 3 от помянутой горы Ариурук ехали великими снегами, отчего многие лошади, також и за неимением корму, исхудели и померли; потом шли степью, не имея дороги, пешком верст по пяти и по шести на день, в чем имели несносные и неизреченные трудности, от которых невозможностей многие люди ослабели и в болезнь пришли. И тогда он, Тевкелев, с людьми своими принужден худых лошадей своих, резав, в пищу употреблять.

Декабря 9, наехали на воровских калмык, которых было с 15 человек, гнали отбитых от киргис-кайсаков несколько лошадей. Тогда оные калмыки, увидев его, Тевкелева, и на лутчих лошадях

уехали, а худых 53 лошадей оставили, которых он, Тевкелев, взял в свой обоз и из оных и на пищу; и людям пешим на чем бы ехать, выбрал только 20 лошадей, а протчих бросил, потому и доехал до башкир.

Декабря 23 по прибытии ево, Тевкелева, в башкиры писал он о приезде своем к уфинскому воеводе.

Декабря 29 в Буроярской волости в деревне Тугунбае переводчик Тевкелев чрез геодезиста Писарева посланные из Государственной Коллегии иностранных дел получил Е. и. в. указы и письма.

Генваря 2 1733 г. переводчик Тевкелев в Уфу прибыл.

Генваря 4 бывшие в С.-Петербурге киргис-кайсацкой посланец Кулаке объявили ханскому сыну, что за разбитие российского каравана Е. и. в. имеет гнев на всех их, и для того посланцы удержаны. Что слыша, ханской сын, а наивяще Худай-Назар-мурза, Букенбай-батыря брат, и протчия киргисцы пришли в болезнь.

Генваря 9 переводчик Тевкелев, видя их весьма изнемогающих, так что уже и пищи лишились, говорил им, чтоб они не имели сомнения и страху, что посланец их Кулака объявил им ложно. Понеже в России и нигде такого лехкомысленного, как у них в кайсаках, обычая не находится, разсуждают везде здраво. А за розбитие российского каравана Е. и. в. на них гневу иметь не соизволит, понеже то учинили противные, а они б по своим верным услугам не сумневались бы, что за противности злых добрые люди милости Е. и. в. лишены не бывают, и уповали бы, что они по соизволению Е. и. в., яко добрые и верные подданные, приняты, и со удовольствием возвращены будут. Однако не уверяя ево обнадеживанию, просил тогда Худай-Назар-мурза, чтоб ево из Уфы одного отпустить, что он за паролем поехал, токмо ево, Тевкелева, проводить и, не держав, отпустить бы. Тогда Тевкелев паки ему говорил, что он отпуститца со удовольствием без всякого препятствия, токмо тогда в зимнее время одному степями ехать ему невозможно, потому что либо в дороге от стужи или от нападения злых людей какое может приключится несчастье, тогда ево доброжелательный брат Букенбай-батыр будет на него, Тевкелева, в том нареkanie иметь, что-де Тевкелев, не помня к себе добродетели их, безвременною высылкою брата уморил. И того б ради он ехать не спешил, а жил бы марта до

последних чисел, а еще-де и для того ехать ему невозможно, что за знатные и верные брата ево Букенбая, також и ево, Худай-Назара, службы без награждения отпустить ево не смеет, о чем писал и в Москву, и будет на то ожидать ответу. А между тем он, Тевкелев, съездит в Казань для их же, киргиских, дел, понеже по указу Е. и. в. велено советовать с казанским губернатором. Откуда немедленно возвратясь, ево отпустит. А ежели, паче чаяния, указом повелено будет ехать ему, Тевкелеву, в С.-Петербург, то и оттуда вскоре ж возвратится и посланцов их с собою привезет, и ево, Худай-Назара, с ними вместе и отпустит.

Генваря 14 в бытность переводчика Тевкелева в Уфе Уфинского уезду знатные башкирцы, пришед, объявляя, просили: понеже-де напредь сего по учиненным им, башкирцам, от Александра Сергеева многим обидам и страстям не токмо они, башкирцы, с прошением о нуждах своих ко двору Е. и. в. сами не ездили, но и в город Уфу по означенным страстям некоторые из старшин от роду не бывали и ездить опасались, но и ныне в бытность ево, Тевкелева, смелость приняли в город Уфу приехать. Тогда переводчик Тевкелев им говорил, что они то чинили напрасно, отбегали от высочайшего двора Е. и. в. Ежели им кто учинит какую обиду, надлежит им ехать с прошением ко двору Е. и. в., и сатисфакция им учинена будет несумненно. А ежели о своих нуждах сами доносить не будут и ведать Е. и. в. будет не по чему, то надлежит им самим, знатым башкирцам, ко двору Е. и. в. ездить, а молодых бы уже не посылали. И потом спросил Тевкелев, что не чинит ли им какие напрасные обиды нынешний воевода. И они сказали: нынешней воевода никаких им обид не чинит, и они им довольны, токмо не ездили по прежним страстям; и потом просили ево, Тевкелева, чтоб он, Тевкелев, Е. и. в. исходатайствовал указ, что как позовет нужда, ко двору Е. и. в. ездить было им беспрепятственно и для того от уфинских воевод даваны им подводы и подорожные, а тогда ж хотя за помянутым страхом и отправляли только незнатных людей, а ныне уже знатные башкирцы сами ездить желают. Тогда им Тевкелев сказал, что с тем по прибытии ево в Государственную Коллегию иностранных дел донесет обстоятельно, и надеется, что то милостивейшим Е. и. в. указом по желанию их учинено будет. И еще при том же оные

башкирцы просили, что-де в бытность ево, Тевкелева, в кайсаках, Сибирской дороги, собравшись несколько молодых башкирцов, самовольством без указу ездили в киргис-кайсаки, откуда ясырей взяли кайсацких с 80 человек да несколько лошадей и верблюдов, что учинили оные молодые башкирцы, не терпя учиненных им от киргисцов обид, и чтоб его ж, Тевкелева, старанием вины им были отпущены, чего впредь без указу чинить не будут, и в той они вине высочайшей воли Е. и. в. себя подвергают. А которые-де взяты у киргис-кайсаков, то тех куда указом Е. и. в. повелено будет, туда и отдадут.

Башкирские тарханы и ясашные живут в Уфинском уезде на четырех дорогах, а имянно: Нагайской, Сибирской, Казанской и Осинской дороги. А тарханы, то есть служивые башкирцы, никакого ясаку не платят; которые жалованными грамотами в тарханы определены, все живут деревнями, пахут всякого хлеба, и многие из них имеют купечество, торгуют всякими российскими товары; а Нагайской и Сибирской дороги башкирцы некоторые летом и качуют для скота, токмо немнога, а зимою приезжают паки в свои дома зимовать. А дальние башкирцы живут от Уфы ездою 10 дней, а ясак положен на них из древних лет лисицами, кунцами и медом, и платят за оные деньгами; а с ними, башкирцами, никакие посторонние народы не граничат, кроме российских подданных.

А Уфинской уезд весь именуется башкирцами, а четвертая доля будет их из мещаряков, татар, чувашей и черемис. Сходцы из разных городов живут из найму на башкирских землях: мещаряки, то есть служивые татары, которые живут в Уфинском уезде лет по сту и более, а числом их будет дворов с 1000, а в Уфинскую канцелярию ничего не платят, токмо они по Уфе всякую службу служат. Татара, чуваша, черемиса живут на башкирских землях из найму же без письменного обязательства, те называются бобылями, а из них в Уфинскую канцелярию збирается денег по малому числу; а протчие из вышепомянутых живут на башкирских же землях по записям, а записи пишут с неустойкою без урошных лет вовсе, и те называютца тептери; и ис них збирается в Уфинскую канцелярию по малому ж числу денег. А оные бобыли и тептери многие живут из давних лет, а протчие из них живут лет по 10, и по 20, и по 30. Тептерей и бобылей можно признать, что их немалое число.

В бытность в Киргис-кайсацкой орде переводчик Тевкелев мог усмотреть, что в киргис-кайсаках пушек не льют и у них нет и не употребляется, також и ружья сами не делают, а получают из Хивы и из Бухары, меняют на бараны и на лошадей, порох и селитру делают сами, кому надобно, всяк про себя, а заводов больших нет, сайдаков употребляют мало, а в войне имеют большую часть огненного ружья без замков с витилями. Башкирцы в военной случай употребляют токмо одне сайдаки с луками, а огненного ружья никакова нет.

Переводчик Мамет Тевкелев

АВПРИ. Ф. 122/1. 1733 г. Д. 1. Л. 8—37 об. Подлинник; ЦГА РК. Ф. 544. Оп. 1 б. Д. 305. Л. 1—260. Ксерокопия с оригинала. Оpubл.: КРО-1. Док. № 33. С. 48—86 (неполный текст).

**Журнал происходящим по комиссии
бригадира Тевкелева киргис-кайсацким делам
1748 года.**

1748 году **мая двадцатого числа** по выступлении из Оренбурга к Орску в поход прибыли к называемому Дубовому Калку в расстоянии от Оренбурга в восьми верстах, где и начевали.

Мая двадцат первого числа следовали с командою и, отъехав верст з двадцать, установясь лагерем, начевали при озере в Луке и при том же месте получены от тайного советника Неплюева [17] два письма, при которых: при 1-м — копии с посланных от него, тайного советника, с сакмарским казаком Мансуром ко Абулгаир-хану и к Джанебек-тархану писем, також напротив того — и от Абулгаир-хана с письма, присланного к тайному советнику, полученного мая от 12 числа, да в Государственную Коллегию иностранных дел с посланного доношения копии ж; при 2-м — о бежавших кундровских татарах [18] именной регестр.

Мая двадцат второго числа от показанного места, где начевали при озере в Луке, маршировали оттоль с пятнадцать верст и прибыли к Вязовому редуту пополуночи в восьмом часу, где командированная з бригадиром Тевкелевым ландмилицкого Шешминского драгунского полку трехсотная команда прибыла и тот день при том редуте установясь лагерем, начевали при том же месте, и того ж дня прибыли ис Киргис-кайсацкой орды с письмами от Абулгаир-хана посланец Исергап с одним кощеем, которые присланы чрез Орск от майора Кублицкого. А в письме Абулгаир-хана написано: «Превосходительны и высочтенны искренний мне благодетель яко душе моей подобны господин бригадир мурза. При отправлении из Оренбурга изволили ваше превосходительство прежде посланному от меня Исергапу, которой ко мне от вас был отправлен с сакмарским казаком Мансуром Асановым, приказывать, чтоб он, Исергап, возвратно к вам

с ним же, Мансуром, скоро приехал, но в том прошу не прогневатца, что он с ним не бывал, понеже за дальностию и за большими водами и ко мне чрез десять ден с великим трудом явился; и оной же ваш служитель послан был от меня за некоторою моею собственною нуждою, но и тамо за небытностию того человека видить не получил, и за такую необходимою нуждою и ехать к вам замедлился, и в том також и что прежде сего я напротив писания вашего ответствовал, прошу не сомневаться и не презреть, что я ваш приказ исполнить опаздал, но, однако я для любезного с вами свидания со всею ордою перекочевал к называемому по Орь-реке урочищу к Белтюбе-агачу с верным желанием, чтоб мы с вашим превосходительством могли видиться при всяком благополучии. Ваши же всякие наставленные речи я доволно в памяти держу, на что может и посланной от меня Исергап донести вам изъяснительно словесно, как ему от меня приказано, и прошу оное принять за благо. Обретаются при Ходже-Ахмет-салтане [19] Толубай да Ярлыкап, ис которых прошу Тулубая оставить в ваших услугах, а Ярлыкапа отпустить в орду с Исергапом неумедля, которой бы по приезде по нашему обыкновению мог исправить по умершем отце своем поминовение. Исергапа же до услуг ваших ныне послал с одним кощею месяца джюмадил ахра, то есть майя 10 числа во вторник 1748 году. В урочище по Орь-реке Белтюбе-агаче». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Помянутой же Исергап-батырь брегадиру Тевкелеву именем Абулгаир-хана словесно доносил: Абулгаир-хан неизреченно радуется к приезду в Орскую крепость брегадира Тевкелева, однако до того времени он неимоверен будет, пока он ево, брегадира, персонально видеть удостоится своими глазами, и егда он, Абулгаир-хан, будет иметь свидание з брегадиром Тевкелевым, надеется милосердием вышняго творца всем делам благополучному успеху быть. При том же приказывал Абулгаир-хан брегадиру Тевкелеву и то объявить, что ныне уже он сына своего Айчувака [20] на смену своему же сыну Ходжа-Ахмет-салтану дать не отречется, токмо всем знатным киргис-кайсацким старшинам Абулгаир-хан объявляет, что он сына своего Айчувака дать на смену Ходже-Ахмет-салтану намерен, только б и оне своих детей с ево сыном дали вместе под тем протекстом, что как их стар-

шинские дети с ево сыном будут, то они простой подлой народ до шалостей не допустят и к порядочному житию наставлятъ и от худобы удерживать ему, Абулгаир-хану, будут принуждены неволею помогать, а что-де он, брегадир Тевкелев, з Байбеком ему, Абулгаир-хану, приказал словесно объявить, и он, Абулгаир-хан, всего того чрез него, Байбека, получил и з божию помощию действительно того исполнить, сколько ево возможность допустит, должен. При том же он, Исергап, объявил от себя, что и вся Киргис-кайсацкая орда також-де к приезду брегадира Тевкелева несказанно радуется, паче же те, которые добрые люди и с покоем жить всегда желают в орде же. Он, Исергап, и у Джанебек-тархана [21] был, и он ему объявил, что в Орскую крепость приедет, да и протчие знатные старшины многие придут же.

Майя двадесят третьего числа от Вязового редута выступили в поход и прибыли в Красногорскую крепость, коя разстоянием дватцать одна верста, и тот день начевали и стояли лагерем под крепостью, и послано от того места к тайному советнику Неплюеву сообщение с оренбургским казаком Иваном Барминым, да при том же сообщении посланы к нему, тайному советнику, копии: 1-я — з доношения, посланного в Государственную Коллегию иностранных дел о выступлении ево, брегадира Тевкелева, с командою и с салтанами из Оренбурга к Орску майя 20 дня и о протчем; 2-я — с письма, полученного от Абулгаир-хана с посланцем ево Исергапом в лагире при Вязовом редуте майя 22 дня; 3-я — с словесного объявления онаго посланца Исергапа; 4-я — с переводу ж присланного письма от майора Кублицкого, к коему он же, Абулгаир-хан, о препровождении того посланника, писав, просил.

Майя двадесят четвертого числа пополуночи во втором часу начался дождь и продолжался пополудни даже до четвертаго часа так умножительно, что никоим образом выступить в поход было невозможно; того ради для обсушки, а паче ради лошадей, чтоб от мокроты не осаднить, принуждено ночевать.

Майя двадесят пятого числа от Красногорска выступили в поход поутру и чрез двадцать одну версту прибыли к Гирьялскому редуту пополуночи в восьмом часу и при том же редуте для отдыха стояли лагерем.

При том же месте пополудни в восьмом часу посыланной из Красногорска казак Иван Бармин из Оренбурга возвратился и в получении посланных с ним писем, яко то с привезенного от

Абулгаир-хана посланником Исергапом листа и других, при том сообщенных от тайного советника и кавалера Неплюева, привез письмо с приложенною при том копиею, в каком силе от него, тайного советника, к Джанебек-тархану писано, и тот день при Гирьялском редуте начевали.

Мая двадцат шестаго числа пополуночи в пятом часу выступили в поход и прибыли в Озерную крепость в девятом часу и расположились под тою крепостью лагерем.

Мая двадцат седьмаго числа из Озерной крепости выступили в поход и следовали до Никольского редута дватцать одну версту и начевали в лагире, тот же день послали к майору Кублицкому с нарочным казаком Тимафеем Черневым ордер о приурочении про Ходжу-Ахмет-салтана и с ево свитою достойных квартир.

Мая двадцат осьмаго числа от Никольского редута выступили в поход и прибыли в Ильинскую крепость чрез дватцать пять верст пополудни во втором часу и под самую крепостью расположились лагерем.

Мая двадцат девятого числа из Ильинской крепости пополудни во втором часу выступили в поход и дошли верст чрез пятнадцать к речке Елшанке, которая близ Карасакальских гор, и тут начевали.

Мая тридесятого числа от речки Елшанки пополуночи в шестом часу выступили в поход и ехали дватцать пять верст, прибыли и начевали лагерем при речке Чебакле.

Мая тридесят первого числа от речки Чебаклы пополуночи в пятом часу выступили ж в поход и например верст пятнатцать ехав, прибыли к степной речке Губерле пополуночи в первом на десять часу и установились лагерем. Не доезжая до того места верст за пять, повстречался с письмом от Джанебек-тархана посланец Асян-абыз [22] со объявлением, что приезду брегадира Тевкелева все киргисцы ожидают сердечно, и того ради и на встречу он, Асян-абыз, послан, которой и имеет обратно ехать до Орска с ним же, брегадиром. А в письме от Джанебек-тархана к брегадиру Тевкелеву изображено: «Всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы всероссийской во услугах Е. и. в. высокопочтенному и превосходительному г-ну брегадиру Кутлуг-Мухаммет-мурзе желаю премноголетнего благополучного здаровья, а и мы здесь в благополучии ж находимся.

Притом доношу вам, когда мы еще сперва в чем обязались, то и поныне в том же состоим, и когда у нас с вами было слово такое, что от русских торг полагали на ваше превосходительство, а свой мы киргиской положили на себя, в чем нашей орды хан и весь киргис-кайсацкой народ в том слове и состоят без всякой злой притчины, нежели б всемилостивейшей государыни единой из нас подданной раб допущен был чрез кого в милость, то б мы, нижайший, своих посланцев, не сожалея, и беспрерывно б посылать могли, и между нами всегда б чрез посланцев сообщаться имели, а присланное от вас известие я к Абулгаир-хану, Баракхану ж, Аблай-салтану [23] и ко всем послал, о чем и совершить всяк может принадлежащие свои дела, о которых они сами неизвестны и могут между собою перевестись, а в прочем вашему превосходительству донести может посланной от меня Асан-абыз, которое прошу за благо принять». На подлинном татарском письме ево, Джанебек-тархана, чернильная печать приложена.

Вышереченной же присланной Асян-абыз именем Джанебек-тархана брегадиру Тевкелеву словесно доносил: помянутойде Джанебек-тархан по подданической своей верности Е. и. в. непременно служить имеет, и впредь служить будет, и весьма с ним, брегадиром, видиться желает, что же столь долгое время он, брегадир, от них отлучился, то он, Джанебек-тархан, и вся Киргис-кайсацкая орда ево, брегадира, видить не уповали, а ныне всемилостивейшим указом он, брегадир, к ним прислан, о том Е. и. в. всеподданнейше принося рабское благодарение, неизреченно радуется и ево, брегадира, нетерпеливо ожидая, жадничают видить, чего ради Абулгаир-хан и он, Джанебек-тархан, со всею ордою ныне близ Орска и кочуют и ко всем владельцам и знатым старшинам, что они к нему, брегадиру, в Орск приехали, извести послали. К подлинному объявлению оной киргизец Асян-абыз тамгу свою приложил такову [приложена тамга].

Июня первого числа прибыли к речке Большой Губерле и ехали степью верст дватцать и, установясь лагерем, начевали.

Июня второго числа прибыли от речки Большой Губерли под Орскую крепость и, не переправясь чрез Яик, установились лагерем. Того же **июня второго числа** пополудни в пятом часу брегадир Тевкелев и Ходжа-Ахмет-салтан с своею свитою и канцелярия с вещами, переправясь чрез Яик, прибыли в Орск, а

регулярной и нерегулярной командам приказано перебираться взавтре и установиться лагирем на показанном месте вблизи под Орскою же крепостью.

Июня третьяго числа от брегадира Тевкелева послан на казенной взятой от майора Кублицкого лошади сакмарской казак Мансур Асанов х киргискому знатному старшине Джанебек-тархану с письмом и присланным от него ж, Джанебек-тархана, аргинского роду Асяном-абызом, а в письме написано: «Почтенной Киргис-кайсацкой Средней орды знатная старшина господин Джанебек-тархан! Мне приятное письмо ваше чрез посланца вашего Асян-абыза, едучи в Орскую крепость, на дороге с немалым моим удовольствием я получил, как и прежде вы ко мне с Шамаметем писали и с Асяном-абызом приказывали, что вы крайне с охотою желаете моего приезду в Орскую крепость и со мною видиться, к чему и я немало имею желания с вами в Орской крепости видиться ж; того ради чрез сие вам объявляю, что я вчерашняго числа сюда в Орскую крепость прибыл благополучно и, получа сие мое письмо, извольте непродолжительно ко мне сюда приехать; прежде ль Абулгаир-хана или с ним вместе будите, оное отдастся в вашу волю, и при сем прошу вас от меня объявить прежнему моему другу, брату вашему знатному старшине Букембаю-батыру, надеюся и он с вами ко мне приехать не приминует, а сим письмом послал я моей команды сакмарского казака Мансура Асанова и посланного вашего Асян-абыза. Я с оным Мансуром со удовольствием к вам паки отправил и которое время ко мне будите со оным моим посланным Мансуром, извольте дать знать, а в протчем приказал вам словесно объявить посланному моему Мансуру». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева и при отправлении вышписанного Асян-абыза дано ему в подарок зеленого сукна четыре аршина, по рублю по пятидесят копеек аршин; да сукна ж красного четыре аршина, ценою по рублю аршин; да два канца [24] китайки [25] красного цвету и две юфтяных красных же кож, да отправленному со оным же Асяном-абызом казаку Мансуру на проезд дано четыре рубля.

Июня 3 числа присланной от Абулгаир-хана посланец Исергап просил, чтоб он допущен был к свиданию брегадира Тевкелева, яко он имеет еще имянем Абулгаир-хана и от ханши Попая словесно донести, к чему и допущен.

И он, Исергап, ему, брегадиру, доносил: 1-е — ханша-де Попай [26] приказала прилежно просить, чтоб с ним он, брегадир, прислал белых два меха: хрептовой один, черевей один, понеже-де она имея в них необходимую нужду для женитьбы сына своего Адильгирея-салтана [27]; 2-е - Абулгаир-хан приказывал же донести, что он надеется ханшу свою и молодую невестку [28] в Орск с собою взять для слушания российской музыки, на что брегадир Тевкелев сказал, что егда Абулгаир-хан с ханшею и с невесткою к Орску к нему, брегадиру, приедут, не токмо российскую музыку, он может им и огненные потехи показать, которых они никогда не видали.

На другой день, то есть **июня четвертого числа**, присланной от Абулгаир-хана посланцом племянник ево Дост-салтан [29] и вышеписанной же Исергап и при Дост-салтане¹ старшины алчинского, каракиякова роду Карамамут да чумекеева роду Гаип при отъезде их у брегадира Тевкелева были, и что касается по комиссии ево, брегадира, к пользе Е. и. в. интереса, пристройными резоны довольно им он, брегадир, со изъяснением дал наставление, как хану и всем старшинам объявлять, и при том по приказу ж ево ис казенных вещей в подарок роздано, а имянно: Дост-салтану — алого сукна четыре аршина ценою по два рубли по пятнадцати копеек аршин, да красного четыре аршина — по рублю аршин, да косяк [30] красного ж цвету, семиланной камки [31] четыре конца, китайки железного цвету, две кожи красные; обретающимся при нем старшинам Карамамуту да Гаипу — алого сукна ценою по два рубля по тридцати копеек по четыре аршина, да по два канца китайки железного цвету; кощею [32] Таштемиру — зеленого сукна четыре аршина — по семидесят по три копейки аршин и одна кожа, да посланнику Исергапу — алого ж сукна четыре аршина по два рубли по пятнадцати копеек аршин, да железного цвету китайки два канца и одна кожа, да наодине особливо ис красного цвету семиланной камки полкосяка; кощею ево Бусью Тимганову — сукна синего по семидесят по три копейки четыре аршина и одна кожа.

Вышеписанного ж **июня четвертаго числа** как Дост-салтан с старшинами и с кощею, так и Исергап с ево ж кощею отпущены

---

¹ О Дост-салтане, каким образом он из орды в Оренбург приезжал, о том показано в прежде посланном в Государственную Коллегию иностранных дел от брегадира Тевкелева доношении мая 20 числа.

ко Абулгаир-хану в Киргис-кайсацкую орду, и с ними ж отправлен с письмами ко Абулгаир-хану сакмарской старшина Кубек и ему, Кубеку, наодине приказано: как ему Абулгаир-хану, так и ханше ево Попаю, словесно от него, брегадира Тевкелева, объявить тож, что и прежде сего з Байбеком было приказано, а сверх того и посланцу ево, Абулгаир-хана, Исергапу повторительнее о том же изъяснено, понеже оног Исергапа ханша весьма жалует, к тому же он и сам человек неглупой и сильного роду чеमेкей, и в народе слова ево принимаемы бывают. А что ж ханша просила для некоторой ея потребности из вещей, ис тех сколько ныне сыскаться могло, послано к ней с ним же, Кубеком, а имянно: один косяк голи [33] пропуроваго цвету, да косяк красной семиланной камки, да персицкая парча з большими травами по бруснишной земле, да светло-железного цвету китайки четыре конца и одна красная кожа. К Айчувак-салтану — алого сукна по два рубли по пятнатцети копеек аршин четыре аршина, да красного сукна по рублю четыре ж аршина, да косяк голи коришневаго цвету, косяк семиланной камки красного цвету да железного цвету китайки четыре конца и две кожи красные. А в отправленных письмах изъяснено следующее:

в 1-м:

«Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и особливой благодетель. Ваше-го высокостепенства мне многоприятнейшее письмо чрез племянника вашего Дост-салтана я в Оренбурге с крайним моим удовольствием получил, за что премного благодарствую и чрез сие вашему высокостепенству объявляю, что я и со мною любезной ваш сын Ходжа-Ахмет-салтан в Орскую крепость сего июня 2 числа прибыли все благополучно, где для свидания с вами и ожидать ваше высокостепенство имею и прошу вас, которое время сюда в Орскую крепость быть изволите, немедленно меня чрез посланного моего сакмарских казаков старшину Кубека изволите дать знать, а оног вашего племянника Дост-салтана я до Орской крепости при себе удержал для того, чтоб ево о прибытии моем в Орскую крепость самовидцам к вашему высокостепенству отправить, и оног Дост-салтана и при нем старшинами при сем и отправил, а о протчем оной мой посланной сакмарской старшина Кубек вашему высостепенству имеет от меня донести словесно». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева июня 3 числа 1748 году.

Р. S: А Кубеку приказано как ему, Абулгаир-хану, [так] и ханше ево Попаю, словесно от брегадира Тевкелева объявить то же, как и з Байбеком было наказано и присланному от Абулгаир-хана старшине Исергапу тоже приказано, понеже оногo Исергапа ханша весьма жалует, к тому же он и сам неглупой человек, и сильного роду чумекей, и в народе ево слова принимают.

в 2-м:

«Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и особливой благодетель. Вашего высокостепенства мне многоприятнейшее письмо чрез посланца вашего Исергапа я, следуя к Орской крепости, в пути моем исправно получил, и словесной ваш приказ он мне объявил, за что премного благодарствую, которого паки к вам отселева со всяким удовольствием отправил и о том письме изъяснение приказал я вашему высокостепенству посланному моему Кубеку, також-де и вашему посланному Исергапу, токмо прошу вашего высокостепенства оногo моего посланного Кубека, також-де и старшину Исергапа ко мне, не удержав, поскорее со известием прислать, которых я буду с крайним моим желанием ожидать». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева июня 3 числа 1748 году.

в 3-м:

«Почтенной и высокодостойной Киргис-кайсацкой орды Айчувак-салтан, а мой любезный племянник. Сию оказию не могу преминуть засвидетельствовать вам моего всегда доброго усердия и вас с вашим благополучием поздравить, и объявляю вам, что я и со мною брат ваш Ходжа-Ахмет-салтан в Орскую крепость прибыли все благополучно, и я надеюсь, с отцом вашим Абулгаир-ханом ко мне в Орскую крепость безсумненно приедете, где желаю с вами с радостью видиться, при сем в знак моей дяденской любви посылаю в подарок красного кармазинного сукна [34] четыре аршина и один косяк красного цвету голи, да четыре же аршина красного сукна, да четыре конца китайки и две красных кож». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева. Июня 4 числа 1748 году.

Июня четвертаго ж числа послано к тайному советнику Неплюеву с оренбургским казаком Иваном Барминым сообщение со уведомлением об отпуске в орду вышеписанных Дост-салтана с старшинами и Исергапа, також и посланца Джанебекова Асынабыза, и о прибытии в Орск с командою брегадира июня 2 числа

и в какой силе ко Абулгаир-хану и к Джанебек-тархану от него, брегадира, писано, також и каково прошедшаго майя 31 дня в пути от Джанебек-тархана с помянутым Асяном-абызом письмо получено, и что он имянем Джанебек-тархана словесно объявлял, приложены при том копии и при том же представлено и требовано, чтоб прежде свидания со Абулгаир-ханом прислано было к нему, брегадиру, с вышеписанным же посланным казаком для отсылки к ханше Попай и впредь ради потребных надобностей белых мехов хрептовых два и черевьих два ж, да табаку два пуда и о прочем о Абулгаир же хане и Джанебек-тархане дано знать, что Абулгаир-хан кочует ныне от Орска на вершине Камышлак-реки на двуденную езду, а Джанебек-тархан — по реке Тоболу у называемой горы Джитыкара езды на три дня.

Июня шестаго числа от брегадира Тевкелева дано за ево рукою порутчику Яковлеву к данной в Оренбурге секретной инструкции, смотря по здешним обстоятельствам, еще в пополнение письменное наставление, по которому ему о смотреии порученного дела, яко же и в содержании при ханском сыне караулов и в прочем чинить велено всеприлежное и усердное попечение и крепчайшую осторожность, как в том наставлении пространно изъяснено во всем непременно, а в наставлении, каково ему, Яковлеву, дано, написано:

Понеже он, порутчик Яковлев, снабден з довольным наставлением еще в Оренбурге, каким образом ему, Яковлеву, велено над ним, салтаном, иметь секретной присмотр и осторожность, дабы оной салтан, как-либо ни есть притчиною, не мог из города уйти, или кто б к нему ночью не имел тайным образом подходить, было в городе Оренбурге, где такой опасности не было, а ныне прибыли в Орскую крепость, которая в самой близости к Казачьей орде, ибо уже здесь надлежит иметь над оным ханским сыном и за свитою ево весьма крепкой присмотр и твердую осторожность, чтоб в глубокие ночи или к зорним утрам, когда люди крепко спят, не был какой злой подход, чтоб ево тайно увести, а ему, Яковлеву, определено в команду довольное число караулу, а имянно: двенатцать человек драгун с капралом, к тому же для вспоможения ему дан доброй вахмистр Лапатин, того ради надлежит ему, порутчику Яковлеву, каждой ночи самому не спать пополуночи до третьего часу и в каждой час по два раза ходить патрулем по всем притчинам, чтоб часовые стояли справ-

ны и не спали, а после третьего часу таким же образом ему, Яковлеву, велеть по всем притчинам ходить патрулем же; вахмистру Лопатину даже до самого утреннаго барабаннаго бою, а у часовых чтоб всегда были ружья заряжены с пулями с картечами, понеже картечи вблизиности больше вред зделают, нежели пули; ежели часовой усмотрит кого ночью постороннего человека необычайно и в ненадлежащее время приход, в таком случае немедленно оной часовой того же маменту должен дать знать поручику Яковлеву и вахмистру Лопатину, который в пасе служится, а ему, Яковлеву, не отходя с своего пасу, немедленно дать знать ему, бригадиру, и майору Кублицкому, а ежели оной прихожей человек, паче чаяния, с часовым станет драться или наглости станет делать, в таком случае оной часовой должен по нем палить и того весьма наблюдать, как ханской сын, так из ево свиты никто б ночью тайно не могли за крепость в необыкновенное место выйти, и весьма сей приказ поручик Яковлев по присяжной своей должности крепко наблюдать и сохранять должен.

Июня седьмаго числа получено бригадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Меньшой орды от Нуралея-салтана письмо, в коем написано: «В начале по божеской милости и по достоинству от всемилостивейшей государыни нашей правосудливому, подобно яко Навширвану, и милостивому и щедрому, акиб Хотемтаю, г-ну бригадиру мурзе желаю многолетнаго здравия; при том доношу вашей милости, что я, слыша о приезде вашем, тому вседушно радовался. Когда вы обретались Е. и. в. в высокоповелительных услугах, тогда я был в дальнем разстоянии, чего для письменно и словесно с вами пересылаться не мог, а уже ныне я приездом вашим зело доволен и весьма радуюсь, ныне же ко услугам Е. и. в. в готовности пребываю, и ежели от вашей стороны х какой службе мы потребны, прошу ко мне приказать. До услуг ваших при сем к вам послал киргисцов Елубетя да Малибая, которых прошу за благо принять». На подлинном татарском письме ево, Нурали-салтана, чернильная печать приложена.

Июня осьмаго числа получено бригадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана письмо, в котором написано следующее: «Высокоблагородному и превосходительному истинному и искреннему мне другу и подобному душе моей благодетелю г-ну бригадиру мурзе. Приятнейшее ваше письмо чрез моих людей и чрез Кубека я здесь вчерашнего числа получил, а поутру со всяким моим

радостным увеселением отправил к вам своего человека для проведывания о вашем здравии, и что я вблизи к вам по Камышлаку-реки кочевание имею; между тем покамест как отправлять буду посланных от вас людей с ответствием на ваше писание и в том, что посланные ваши нескоро паки к вам отправлены, прошу не погневаться, однако ж они чрез два или три дня отправлены быть могут. О вашем же в Орск прибытии и о показанном к нам попечении дал я знать Нуралы-салтану, Средней орды Джанебек-тархану, которых я ожидаю и со всею нашею ордою вблизи к вам подвигнусь, а за благополучной ваш приезд, собрав немалую кампанию, веселимся. Что же касается до наших дел, то мы по всенародному нашему согласию чрез посланных ваших обо всем обстоятельно к вам ответствовать будем, а ныне к вам для уведомления на почте отправил слугу своего Кудайбердея, мы же ныне вблизи к вам кочуем, отколь и вседневно уведомляться можем и за ваше благополучное в Орск прибытие радуемся немало, токмо за неимением вина куража нет; я было о присылки того и пшеничной муки до прибытия вашего в Орск писал, точно выразумел, что без воли вашей того чинить не могут, возможно ль будет ныне, а болея предаемся в ваше разсуждение, а наипаче нам приятней, чтоб вы были здоровы, а когда вы будите в своем целом здоровье, то между нами которые были малые ключики и те засохнут, а большие реки сладким росолом быть могут, и в таком намерении пребываю. Посланного ж от меня человека прошу поскорее отправить. 1748 году во вторник июня 7 дня». На подлинном татарском письме чернильная печать приложена.

10 числа июня послано от брегадира Тевкелева к Абулгаирхану письмо с присыланным от него, хана, служителем Кудайбердою, а в письме объявлено: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаирхан, а мой древний друг и сущей благодетель. Вашего высокостепенства мне неизреченно приятнейшее письмо июня от 7 числа чрез вашего высокостепенства служителя Кудайбердея я здесь сего июня 8 чисел с крайним моим радованием получил, и за продолжение вашей ко мне дружбы и за уведомления о вашем благополучии премного благодарствую, а что же вы ожидаете Нуралы-салтана, и Джанебек-тархана, и протчих к себе, оное изрядно и благоразумно, для того что ваши дела во оканчание приходят обществом и советом, а посланного моего Кубека на несколько дней у себя удержал для ваших

советов, оне не токмо мне противно, но весьма приятно, что он уже со основательным и полезным ответом от вас ко мне возвратиться может, ваше же кочевье, что ближе ко мне к Орской крепости, то лутче и полезнее и тем способом друг о друге на каждой день уведомляться будет не трудно и приятнее, а что ваше высокостепенство о приезде моем в Орск изволите усердно радоваться, тому по имеющейся между нами дружбе несумненно верю, и я о прикочевании со всем вашим улусом ко мне к Орской крепости радуюся и немало веселюся, и с вами в непродолжительном времени благополучно видиться сердечно желаю. Ежели вашему высокостепенству пшеничная мука и вино потребны, извольте прислать, я к вам отправлю; я бы и с сим вашим служителем Кудайбердеем отправил, только ему не на чем вести, у него одна лошадь». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Июня десятого числа послано от бригадира Тевкелева к Нурали-салтану письмо с присланным от него киргисцем Юлумбетем, а в письме написано: «Высокодостойной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой Меньшей орды Нурали-салтан, любезный брат и древний друг. Мне весьма приятнейшее ваше письмо чрез Елумбетя я с немалым моим удовольствием получил, за что премного и благодарствую. Что ж вы во оном объявляете и требуете усердно, дабы вы употреблены были Е. и. в. ко услугам и прилежно желаете подданническую вашу верность оказывать, и оное ваше верное и доброе намерение с вашею достойною честью зело сходно, и я, ваш яко верной друг, вас за то похваляю и за такое ваше доброе усердие от Е. и. в. все милостивейшей нашей государыни высочайшую императорскую милость получить всегда можете; а о приезде моем сюда крайне радуетесь и охотно желаете со мною видиться по вашей ко мне прежней дружбе, тому я верю, и я с вами персонально здесь при Орской крепости свидание иметь со всем моим сердцем радостно желаю же, в чем несумненно и надеюся, что вы сюда приехать всемерно не преминуете, которое я с радостью и ожидать буду. А в протчем вам от меня донесет ваш посланец Елумбет с товарищем, которые со всяким удовольствием к вам от меня сего числа и отправлены». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Июня третьяго на десять числа получены бригадиром Тевкелевым чрез сакмарского казака Мансура Асанова и киргисца

Асана-абыза Средней орды от Джанебек-тархана и Букенбай-батыра [35] письма, в коих написано следующее:

в 1-м:

«Высокоблагородному и превосходительному господину бригадиру мурзе. Отправленное от вас письмо я чрез Мансура и Асяня-абыза получил, при том доношу вашему превосходительству, мы здесь по совету нашему со знатыми биями и старшинами ко услугам Е. и. в. к вам быть радостно готовы и для того нарочно от себя послали с помянутым Мансуром своих людей киргисцов, и как они возвратятся, то я, Джанебек-тархан, и Букенбай-батыр со всеми знатыми биями, аще бог благоволит, и к вам приехать поспешим и с крайним нашим желанием видиться жадничаем, также и для совету к хану съезжаться намерены, и что словесно от нас с Мансуром приказано вам донести, оное мы совершено и исполнить в состоянии и обще Средней и Меньшей ордами посоветовав, к вам приедем. При сем же доношу, что имеется у меня болезнь кашель и прошу пожаловать прислать лекарства да белой муки, ибо у нас на степи оно не имеется; до услуг ваших послал при сем с Мансуром киргисца Ярлыкапа-батыра». На подлинном татарском письме ево, Джанебек-тархана, чернильная печать приложена.

в 2-м:

«Я, Букенбай-батыр, превосходительному и другу моему господину бригадиру мурзе желаю здравствовать. При том доношу вам, что мой родитель Бешкуртка умер в ваших руках в городе Уфе, а брат мой Акчей жив или нет, о том я неизвестен, токмо слышно, якобы он во владении калмыцкого наместника у Дундука-Даши в живых обретается, того ради покорно вас прошу об оном приказать справиться и меня уведомить». На обороте подлинного татарского письма подписано тако: «До услуг ваших послал брата своего Джанбая». На оном же письме ево, Букенбай-батыра, чернильная печать приложена.

Июня третьяго на десять числа посланной от бригадира Тевкелева с письмом к Джанебек-тархану и с присланным от него посланником Асаном-абызом сакмарским казак Мансур Асанов, возвратясь в Орскую крепость, секретно сказал следующее: 1-е. По отправлении-де их из Орска с помянутым Асаном-абызом приехали они на другой день в джагалбайлинский род и, переменя Асян-абыз лошадь, того же дня доехали к тевлинскому

роду, где начевали, а оттоль назавтрея в полдень прибыли к кипчацкому улусу и во всех оных трех родах никаких розговоров от киргисцов не слышали, кроме того, что они спрашивали, будет ли в Орску торг. И он, Мансур, им объявил, что торгу в Орску нет, а имеется торг в Оренбурге, куда б кто желает и ехали; и они просили, для чего-де при Орску того нет, и он-де им, Мансур, сказал, как в Орск их старшины будут, о том резоны господин брегадир Тевкелев объявит сам и, пообедав в кипчацком улусе, того ж дня на вечер приехал к чакчак-аргинскому роду к Букумбаю-батырю, где у него в кибитке и Джанебек-тархана застали, коему он, Мансур, того ж часа и посланное письмо подал. Которое-де он, приняв как сам, так и все бывшие у них в зборе киргисцы больше четырехсот человек, единогласно весьма о прибытии господина брегадира Тевкелева в Орск радовались и по обыкновению своему подымали руки и говорили, чего же мы у бога просили, то-де ныне и получить надеемся, да и дела свои все с пользою окончатъ можем; и начевав, оной Джанебек и Букенбай, взяв ево, Мансура, ездили по Букумбаевым улусам три дни и разглашали они киргисцам о прибытии ево ж, господина брегадира, и Асан-абыз от Букумбая поехал в свой улус.

2-е. Потом оной же Джанебек-тархан в разговорах ему, Мансуру, говорил, что все по требованию господина брегадира Тевкелева к высочайшей пользе Е. и. в. исполнять он должен и к тому же и Абулгаир-хана склонять, также и сыном ево Айчуваком переменить сына ж ево Ходжу-Ахмет-салтана, елико может, стараться будет, а ежели-де он, Абулгаир-хан, того не учинит, то-де он, Джанебек-тархан и сам, выбрав из Средней орды лутчаго салтана, в оманаты отдаст.

3-е. На четвертый день ис тех Букембаевых улусов приехали паки в кипчацкой улус к старшине Сарби и при нем же, Мансуре, пришел к Джанебек-тархану и Букумбаю посыланной в прошлом году от киргис-кайсака в зюнгоры посланником Барак-салтана сын ево именем Шегай-салтан [36], и сказывал, что он пред ними только за два дни приехал и от зюнгорского-де хана Галдан-Черенева сына Пскан-Чагана [37] пленных своих ничего истребовать не мог, да и время к тому нет, понеже-де, он, хан, несколько уже зайсангов своих переказнил, да еще к тому ж забирает, тако ж-де и сестру свою родную в сылку в дальное место послал, а за какие вины, того-де он, Шегай, не знает, и с

тем-де ево хан Пскан-Чаган и отпустил и сказал, что не до их дел, а може-де исполнит впредь по прозьбе их, киргисцов, чего для он, Шегай, праздно и приехал. К тому ж-де видел и русских посланников, которые еще тому третьей год туда присланы, токмо-де отголь их не отпускают, а для чего, не знает же.

4-е. И того ж дня ево, Мансура, оные Джанебек и Букумбай отпустили в Орск обратно и послали с ним от себя с письмами брегадиру Тевкелеву людей своих двух человек: Джанбек — Ярлыкапа, а Букембай — брата своего Джамбая, а сами они, Джанебек и Букумбай, со многими старшинами того ж дня поехали для показанного совету к Абулгаир-хану и сказали, как-де от господина брегадира со известием к ним прищется, то-де они с ханом или одни со старшинами с крайним желанием для свидания, не мешкав нимало, в Орск приедут; а в улусе-де Джанебековом он, Мансур, не был, а как слышал, что кочевье они имеют между Уйской крепости и Карачетовой горы в росошах, по отпуске ж-де от них, Джанебека и Букумбая, в Орск они приехали в четвертой день.

5-е. Он же, Джанебек, сказывал, что ис пленных имеется у него в кипчацком улусе одна девка, а русская ль или калмынка, не сказал, и ту-де он при свидании с господином брегадиром отдаст, также и бежавшаго с человеком полковника Пальчикова есаулу Каипу [38] сыскивать прилежно велел, а ежели-де тот хозяин, у кого живет, волею не отдаст, то-де он, Джанбек, и Букембай и сами силою возьмут и с собою ж привезут. А при том же он, Джанебек, и сие подтверждал, ежели-де не только в том одном человеке, но и в других Средняя орда заупрямится, то-де он, Джанебек, по свидании з брегадиром может с ними управиться и российскаго гнева на себя не наведет, но желает твердо и непоколебимо Е. и. в. со истинною правдою служить.

6-е. В протчем тамо обстоит благополучно и никакой ко злу противности он, Мансур, ни от кого не слышал и в сей скаске самую истинную правду сказал и тамгу свою приложил такову.

Июня четвертого на десять числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Средней орды от Барак-салтана Турсун-ханова письмо, в коем написано следующее: «Всепресветлейшая державнейшая и всемилостивейшая великия государыни императрицы, самодержицы всероссийския и безчисленно войско имеющей, над которою от всевышняго бога да будет государство ея счастливо и вечно нерушимо, и во услугах

Е. и. в. подданному высокородному и превосходительному господину брегадиру мурзе и военному предводителю я, Барак-салтан Турсун-ханов, желаю вашему превосходительству здравствовать. При том доношу, что вы киргис-кайсацким народам, ханам и знатым биям порученное вам от Е. и. в. высочайшее повеление изъяснить изволили к пользе нашей, и за то ваше усердное старание мы весьма удовольствованы и благодарны и, аще бог благоволит, и живы будем, то мы, не щадя живота своего и без всякого упущения, к службе Е. и. в. быть готовы, в чем состоим.

Когда ж к нам посылан был переводчик Раман Уразлин с присягою, которому мы по ал-куруну клятвенное и обещание дали, чтоб нам быть верноподданными всемилостивейшей нашей государыни, а над неприятельми Е. и. в. противным состоять, как в том и ныне утверждаемся, и сие просим принять за истину. До услуг ваших послал Ирѣ да Кангильду батырей с одним кощеем, и если какое от всемилостивейшей государыни высочайшее повеление, то прошу чрез оных посланных мне приказать». На обороте подлиннова татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

Июня пятого на десять числа отправлены от брегадира Тевкелева Киргис-кайсацкой Средней орды к знатым старшьям Джанебеку-тархану да к Букембаю-батырю с письмами присланные от них киргисцы Ярлякап да Джамбай, а во оных письмах следующее:

в 1-м:

«Почтенной Киргис-кайсацкой Средней орды знатной старшина господин Джанбек-тархан, приятнейшее ваше письмо чрез присланного вашего Ярлыкапа-батыря и посланного от меня казака Мансура Асянова я с немалым удовольствием получил и за оное благодарствую, а что вы желаете со мною свидание иметь, и того и я с моей стороны с радостию видеть ожидаю, также и что вы поехали для совету к Абулгаир-хану, и то зело изрядно учинили, и тем дела ваши киргис-кайсацкие со общаго совету могут порядочно в лутчей порядок приведены быть, а вместе ли вы с Абулгаир-ханом будите, или прежде оное отдается в вашу волю, токмо вам весьма надобно со мною видиться, присланного ж от вас Ярлыкапа-батыря отпустил к вам обратно». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

в 2-м:

«Почтенной Киргис-кайсацкой Средней орды господин знатной старшина Букумбай-батырь. Ваше приятнейшее письмо чрез брата вашего Джамбая и посланного от меня казака Мансура Асанова я с немалым удовольствием получил и за оное благодарствую, а что вы желаете со мною свидание иметь, и того и я с моей стороны с радостью видеть ожидаю, также и что вы поехали для совету к Абулгаир-хану, и то зело изрядно учинили, и тем и дела ваши киргисские со общаго совету могут порядочно в лутчей порядок приведены быть, а вместе ли вы с Абулгаир-ханом будите или прежде оное отдается в вашу волю, только вам весьма надобно со мною видиться, а брата вашего отпустил с сим к вам обратно». Подлинное письмо подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июня пятого на десять числа получено брегадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана письмо, в коем писано: «Высокородному и превосходительному истинному и искреннему, яко душе моей подобному, и усердному благодетелю моему господину брегадиру мурзе. Мне приятнейшие вашего превосходительства письма чрез Дост-салтана и Исергапа я здесь с крайним моим и радостным удовольствием получил, а что словесно мне от вас приказано было, то Кубек и Исергап, изъясняя, мне с почтением доносили, чему я немало радовался и з глубочайшим моим усердием за истинно принял и, аще бог благоволит, то обо всем исполнять не отрекуся, ибо в том сила, что вы от Е. и. в. всемилостивейшей нашей государыни высочайшею милостию для исправления киргис-кайсацкого народа к нашим прошениям определены. Хотя я ныне и не при свидании с вами здесь нахожусь, токмо без общаго вашего согласия никакого иного намерения себе не имею, потому что от всещедрого бога желание свое получить удостоились прибытием вашим к пользе нашего народа, при сем вам доношу, ежели не противно будет, что наш глупой и дикой народ опасаются от вашего премудрого разума невесьма охотно и в Орск ехать хотят, и мне не верят, а желают ведать, чтоб в Орску большой торг производим был, где и прежде производился, что и для меня бы невесьма худо было, а более до вас распространять ничего не имею; но присланного от вас Кубека к вам обратно послал, придав к нему до услуг ваших по желанию вашему Исергапа и Байбека, которые от

меня словесно обстоятельно вам донести могут. 1748 году июня 13 дня». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Июня пятого ж на десять числа отправленной от брегадира Тевкелева сакмарских казаков старшина татарин Кубек Байназаров и с ним киргисские старшины, приехавшие с письмом от Абулгаир-хана Меньшей орды алчин, роду чемекей Исергап-батырь (которого весьма Абулгаир-хана ханша жалует, и он от брегадира Тевкелева посылан был к Абулгаир-хану и ханше Попаю и к сыну их Айчувак-салтану с письмами и приказано было ему от него ж, брегадира, словесно наодине как хану, так и ханше Попаю говорить точно те же речи, какие от него, брегадира Тевкелева, велено наодине же Абулгаир-хану и ханше объявить), да старшина ж Байбек-батырь по приезде в Орскую крепость ему, брегадиру Тевкелеву, изустно и согласно доносили, что Абулгаир-хан, хотя к приезду брегадира Тевкелева радуется, однако несколько по природному своему степному обычаю еще колыблится, а ханша весьма порядочно обо всем ему, хану, разсуждая, советы свои дает и всегда на доброе поправляет. Однако же хан сына своего Айчувака в аманаты дать желает и в протчем, сколько ево возможность будет, Е. и. в служить обещает. При том же они, Байбек и Исергап, объявили: приехал-де из Оренбурга Средней орды киргизец Гаип в Меньшую орду и разглашал всем киргисцам, якобы тайной советник Неплюев в Оренбурге объявил приехавшим для торгу, чтоб из Меньшей и из Средней орд киргисцы привели к нему тысячу лутчих иноходцов и тысячу человек людей, а бес того он в Оренбурге им торговать не даст и, объявя такие народу непотребные слова, сам он, Гаип, поехал в Среднюю орду, отчего слыша, киргисцы весьма изумнились и были в великом сумнении, на что и хан не без сумнения находился, и ежели б-де в орде Кубек не был, то б он, Гаип, народу великое смятение зделал, и торг бы в Оренбурге остановил. А в то время случился быть у Абулгаир-хана помянутой старшина Кубек, которой как скоро о таких возмутительных того киргисца Гаипа словах услышел, то немедленно пришел ко Абулгаир-хану и к ханше ево Попаю и представлял, что оной киргизец Гаип разглашает такие непотребные слова весьма непристойно, которое б не токмо господин тайной советник говорил, но и в мысли ево того нет, в том он, Кубек, безо всякого сомнения

обязуется и смело оное принимает на себя, что ежели от тайного советника такие слова были, то б над ним, Кубеком, учинили что хотят, а лутче б для достоверности послали они к господину тайному советнику; ежели туда покажется далеко, то б поблизости осведомились з господином брегадиром Тевкелевым, которой обретается в Орской крепости в расстоянии на один день езды. Буде же хотя он скажет, якобы то правда, и тогда, что хотят, то над ним, Кубеком, и зделают, а понеже де оной киргизец Гаип презельной плут и вор прошлого году из Оренбурга подговорил государевых людей и увез с собою и протчие многие продерзости делал, может-де быть, как он, плут Гаип, ныне был в Оренбурге, господин тайной советник о том ему выговорил и за ту злобу, покрывая свое плутовство, возвратясь из Оренбурга, народ непристойными словами возмущает, и как он, Кубек, вышепоказанными резонами как хана, так и ханшу уверил, то тогда же хан немедленно ево, Кубека, послал оные от него, Кубека, объявленные обстоятельства всему народу изъяснить и их разговаривать, а ево, плута Гаипа, возмутительные слова провергать. И он, Кубек, потому поехал по всем знатым старшинам, и те выше объявленные обстоятельства всем объявил и их уверил, однако их сюда о том подлинно достоверить прислали, и для того-де хан, увещевая дикой народ о торгу, чтоб в Орской крепости быть, в письме своем и писал.

На то им брегадир Тевкелев объявлял, что они по степному их обычаю таким неосновательным речам безразсудно и мало-душно верят и тем сами себя вредят, им бы можно самим то разсудить, что тайной советник не токмо с киргисца, и с рускаго и ни с кого, нежель хотя б одну лошадь взять, но и одного ягненка не берет, как о том они и сами довольно знают; он же умной и справедливой человек, отнюдь до того нимало не касается, також и милостию Е. и. в. всем доволен и награжден, и в России знатные персоны от таких безделиц честь свою весьма хранят, и сие всемерно неправда, а ежели б господину тайному советнику что указом было повелено, то б по пограничной некоторой порученной ему, брегадиру, комиссии мог он сообщить, токмо того ничего не бывало и не будет, понеже Е. и. в. всемиростивейшая государыня наша, милосердую над киргис-кайсацки-ми народами, не токмо, что от них изволит указать взять, но в их же удовольствие и пользу бес пошлины им и торговать изволила

повелеть, почему они так и торгуют, и сами ж о том чувствовать могут, а он, господин тайной советник, без указу Е. и. в. ни на малейшее дело отнюдь не поступит, понеже в России знатные персоны не токмо, что ненадлежащее народу объявлять, но ниже никому не станут говорить, им же можно и самим разсудить, как партикулярно может людей тысячу человек требовать, которое весьма удивительно и невозможное дело. Он же, тайной советник, и без киргисцов имеет у себя в команде государевых людей многие тысячи, о чем о всем о том брегадир Тевкелев как хану, так и ханше и всему народу велел ясно объявить, что оного плута Гаипа разглашение и возмущение народу подлинно лживо и неправдиво. Он же, бездельник, как Кубек объявлял, и прошлого году украл людей, за что покрывая свое плутовство таким вымышленным образом, и розглашать начал, брегадир Тевкелев вещает и слышел, что оной плут Гаип людей подлинно украл, да и по всему свету сыскалося, оного плута Гаипа слова лживы, и в таком бы случае ево, плута, жестоко наказать или, поймав ево, отдать в Оренбург, или ево, вора и недоброжелателя киргискайсацкого покоя, к нему, брегадиру Тевкелеву, прислать, понеже он их благополучию вредит, також и людей, которых он украл, сыскать и к нему ж бы, брегадиру, привести или отослать в Оренбург, чтоб от таких плутов не произошли какие худые им затруднения, а другим таким неосновательным лживым словам не верили и сами б себя напрасно и малодушно не беспокоили. Брегадир Тевкелев еще подтверждал, что тот плут Гаип за показанные ево продерзости к великому истязанию был достоин, однако господин тайной советник не ему, плуту, но всему киргискайсацкому народу, показуя милость, ево безо всего отпустил уже было [ему], ежели б он был доброй совести человек, надлежало ему оную милость чюствовать и за ту вину чем другим заслуживать, а он вместо того в народе лживое возмущение делал, и потому им самим можно разсудить, не токмо он безсовестный плут, но и недоброжелатель всего киргискайсацкого народа покою и пользы, а понеже торг уже по Е. и. в. указу учрежден в Оренбурге, которой и производится, и зделаны меновой и гостинной дворы, и тако ныне и твердить было безразсудно не для чего потому, что кто оной торг без указу Е. и. в. смеет в другом месте дерзнуть зделать, да сверх же того оные меновой и гостинной дворы не так, как киргискайсацкая кибита двинется и на другое

место переставить и буде ломать и на другое место переставлять, то с интересом Е. и. в. весьма несходно будет, о чем и самим им оную невозможность разсудить лехко можно.

Посланной от брегадира Тевкелева к Абулгаир-хану Кубек ему, брегадиру, точно то же объявил, а о поведениях и словах Абулгаир-хана и Кубек не хвалит, а о ханше объявляет ее зело умные и полезные разсуждении, и ожидает-де она большаго своего сына Нурали-салтана себе в помощь. Да он же, сакмарский старшина Кубек, брегадиру Тевкелеву вдобавок наедине свое примечание объявил: как он мог приметить, что Абулгаир-хан беснуется от того, что сын ево Айчувак, не послушав ево, поехал раззорять каракалпак, к тому ж-де и народ ево не слушают и пленников не дают, видно-де, от того он и бесится, однако-де наскоро послал сына своего Чингиза к большому своему сыну Нурали-салтану, чтоб он к нему немедленно приехал для вспоможения во всех ево делах; и многие-де так разсуждают, что ежели Нурали-салтан придет, то полутчее дела пойдут, и ханше-де он, Нурали-салтан, будет немало помогать, для того и Айчувак-де салтан брата своего Нурали-салтана и мать свою лутче послушает, нежели отца. Однако ж он, брегадир Тевкелев, неуверяся на тех двух киргисцов Байбека и Исергапа, хотя они и доброжелательны, только свой надежнее, того для он, Кубек, имеет паки с ними же в орду отправиться, чтоб при нем они объявляли, да и он бы о том же подтверждал, дабы от такого плута, яко степной и неразсудной народ, от лживого разглашения не сумневался и не зделалось бы какого затруднения; Кубеку ж особливо приказывано, чтоб он и Джанебек-тархану на оного плута Гаипа о том представил же, ибо он в ево владении состоит, да и Джанебек-тархан сам ныне пребывает для их дел у Абулгаир-хана.

Вышеупомянутые ж Байбек и Исергап напоследи всего брегадиру Тевкелеву словом же Абулгаир-хана объявили: в прежние-де годы, когда калмыки у них лошадей отогнали, тогда полонили кипчацкого роду киргисца Тювеля родственников ево двух киргиских робят, и он-де, Тювель, слышел, что те робята отданы от калмык в Астрахань; того ради оной-де киргизец назад тому три недели поехал во образ торгу с лисицами и с корсаками в Астрахань для отыскания и выкупу оных робят, а подлинно ль он поехал в Астрахань или в калмыки, о том не знают. Однако-де он ис Киргис-кайсацкой орды в которую ни есть сторону подлин-

но поехал, а оной-де Тювель, когда под Красным Яром киргисцы чинили нападение. И взяли русских и калмыцких ясырей и отогнали всякого скота, тогда был самым главным предводителем, и многие взятые русские и калмыцкие ясыри имеются в кипчацком роду, того ради хан приказал брегадиру Тевкелеву объявить, как возможно поспоря, туда об нем с нарочным послать дать знать, чтоб ево тамо, где бы он не был — в калмыцких улусах или в Астрахане — одержать, понеже он самой главной плут и силен, а как он тамо одержан будет, то здешние пленники, которые в ево роде имеются, бес прикасловия-де отдадут, что и Кубек, будучи у Абулгаир-хана, о сем слышел и то же и ему, брегадиру, объявляя же, что оное так за подлинно [39] было.

На то их объявление брегадир Тевкелев в ответ сказал, что как хан, так и они по присяжной своей должности, показуя Е. и. в. верные свои услуги, о том объявляют, и оное очень изрядно, и впредь в таких случаях надобно им поступать как верным подданным надлежит быть, токмо как им самим известно, что Астрахань отселева состоит весьма в дальнем расстоянии, и скоро туды посланному доехать невозможно, понеже за Яиком учрежденной почты нет, и степью на одних лошадях поспешать трудно и неможно, да и дело того не стоит, что курииру на прогоны, где есть почта, денег издержится, а где почты нет, на покупку лошади истратится, а понеже как в Астрахане, так и в калмыках таких главных воров киргисцов почти всех по имяном тамо везде знают, и сами они того наблюдать будут, к тому же ежели ис киргисцов кто имеет законную в Астрахане нужду, и доброй человек, и добрым порядком захочет ехать, тогда надлежит о той своей нужде, яко над всеми над здешними народами командиру Оренбургской губернии губернатору, объявить и об отпуске просить, и по рассмотрению ево, ежели надлежит, дася проезжей пашпорт, и тогда оному не только кто б мог обиду показать, но всякий должен вспоможение чинить, а кто, не явясь оренбургскому губернатору и без ево пашпорту сам собою поехал, то он и бес того противник, как о том уже давно всем киргисцом объявлено, дабы не только многолюдством, но и одному за Яик и без позволения не ходить.

В заключении ж того как оным присланным Исергапу и Байбеку, так и старшине Кубеку, о всем вышеписанном, яко же и о прженем, то есть о возврате пленных, и о протчих в пользу

потребных обстоятельств, давольное наставление дано и особливо киргисцам по их обычию и поступкам пристойным образом ясно толковано, чтоб они о том хану и ханше ево в состоянии объявить имели, которое они с крайним вниманием и слушали и во всем том непременно служить обязались, и с тем от него, брегадира, июня 17 числа и отправлены.

Июня шестаго на десять числа послано письмо от брегадира Тевкелева к Абулгаир-хану с присланными от него Исергапом и Байбеком батырями, а в письме писано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и сущей благодетель. Вашего высокостепенства приятнейшее письмо я чрез посланного моего Кубека со многим моим удовольствием получил, також и присланные от вас с ним, Кубеком, ко мне прибыли, и за то, яко же и за все ваши дружеские одолжении премного благодарствую. Я же ис письма вашего усмотрил, что вы ко исполнению высочайшаго Е. и. в. повеления по своей подданнической верности в непременной совести состоите и усердное к тому желание имеете, за что и высочайшей Е. и. в. милости получить можете. Однако для лутчаго в том утверждения и постановления о делах ваших настоящего порядка уже нам подлежит ко свиданию иметь и время, того ради вашего высокостепенства прошу дать мне знать, которой день вы ко свиданию со мною в Орскую крепость быть изволите, и которой день ваше высокостепенство назначить изволите, я всегда готов и ожидать с крайним моим желанием буду. Присланных же от вас Исергапа и Байбека батырей отпустил с сим и с ними паки отправил к вам и Кубека обратно, и что касается до торгу, о том приказано им донести вам словесно и о протчем обо всем, а полезнее б было, чтоб ваше высокостепенство, не умедля, изволили со мною свидание иметь». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июня двадесятого дня приехали в Орскую крепость к брегадиру Тевкелеву Средней Киргис-кайсацкой орды знатной старшины чакчак-аргинского роду Букенбай-батыр и знатного же старшины Джанебек-тархана сын Явгайтар, и при них шесть человек киргисцов. И на другой день, то есть 21 числа, оной знатной старшина Букенбай-батыр и сын Джанебек-тархана с протчими товарищами для свидания к брегадиру Тевкелеву допущены; и после комплементов он, Букенбай-батыр, говорил, что они зело радуются, яко увидели ево, брегадира Тевкелева, здесь;

и как им слышно было, что ево уже на свете в живых нет, а они что желали, то получили и за высочайшую Е. и. в. милость всеподданническое приносят благодарение, что милосердую их, соизволила указать отправить ево, брегадир Тевкелева, к ним для поправления их глупых дел, хотя-де их киргис-кайсацкого народа имеются многие добрые люди по подданнической должности присяги свои нерушимо в верности содержат, но токмо между ими також-де есть многие неразумные по степному их обычаю делают многие продерзости, а скорым временем их от того, яко вольного и необузданного народа, унять и удерживать неможно, прилежно брегадир Тевкелева просил, чтоб он по своему искусству их лехкомышленные киргис-кайсацкие обычие пожаловал поправить.

На то брегадир Тевкелев ево, Букенбая, за то похвалил, что он, яко умной и разумной человек, по подданнической своей верности присягу свою непоколебимо и твердо содержит, и он, брегадир Тевкелев, ево, Букенбая-батыря, знает давно и по ево уму, что он в верности себя содержит и впредь содержать будет, тому несумненно верит, однако как он в Средней орде человек знатной, и почтенной, и умной, а народ их издревля обыкли к своевольству и о таких, которые между ими имеются лехкамьшленные, должны они, знатная старшина, об них попечение иметь, разсуждая им, от чего худо или добро произойти может, и от продерзостей их отвращать, понеже что худые люди их какую бшалость не зделали, принуждены оне, знатные старшина, за их продерзости себе затруднение принять и в слова войти и, убегая от таких не порядков, и до худых поступков не допускать, и на добрые поступки наставлять; а потом и оне мало помалу и сами придут в чувство.

По окончании з Букенбаем речей Джанебек-тархана сын от отца своего брегадиру Тевкелеву объявил поклон, а потом засвидетельствовал отца своего Джанебек-тархана к Е. и. в. по присяжной ево должности всегда непоколебимо подданническую верность, и брегадир Тевкелев на то сказал, что он о том нимало не сомневается, к тому же и весьма надеется, что Джанебек-тархан по своей знатности и достаточному уму он может и всю Среднюю орду в лучшем порядке содержать и на добрые поступки наставлять. И представил брегадиру Тевкелеву Джанебек-тархана сын присланную от отца ево гнедую лошадь в подарок, хотя-де она

лошадь добротой и не весьма достойна подарком назвать, и ведают, что у него, брегадира, и аргамаки есть, однако по их обычаю засвидетельствуют тем к брегадиру Тевкелеву свою дружбу, оную лошедь отец ево с ним прислал, и брегадир Тевкелев многие приличности представляя, отговаривался, но оной Джанебек-тархана сын усиленно просил, ежели-де не примет, то по их обычию отцу ево будет зело прискорбно и будет думать, что он, брегадир, от него милость свою отменил. И на то брегадир Тевкелев сказал: дружба не в подарках состоит, и он не для подарков отцу ево друг, но первое по верности к Е. и. в. всемилостивейшей государыне нашей и к нему, брегадиру, по ево добросердечию, как отец ево Джанебек-тархан сам довольно ведаёт, что в бытность брегадир Тевкелев в Казачьей орде в самом крайнем был недостатке, и тогда он ни от кого ничего в подарок не брал и не требовал, однако по ево усиленному домогательству он, брегадир, у него ту лошадь хотя и примет, а от других ни от кого ни одного барана не возьмет, и тою тягостию брегадир отцу ево принужден засвидетельствовать знак своей дружбы, и сын Джанебек-тархана с крайним удовольствием брегадира Тевкелева за то благодарил.

И егда стали от него, брегадира, отъезжать в свои квартиры, при том знатная старшина Букенбай-батыр объявил, что он имеет, когда будет время, с ним, брегадиром, об их ординских делах говорить наедине; и на то ему брегадир Тевкелев сказал, ему всегда есть время, когда он, Букенбай-батыр, пожелает, он, брегадир всегда готов; и он, Букенбай-батыр, спрашивался, можно ль им быть у ханского сына и отдать свой, яко своему владельцу, должной поклон; и на то брегадир сказал, не токмо ему, яко знатному человеку, но и никому запрещения нет, и всяк, кто пожелает, ходить по своей воли; с тем и отъехали.

А июня 22 числа знатная старшина Букенбай-батыр у брегадира Тевкелева был один и говорил, что они обще с Джанебек-тарханом по приказу ево, брегадира Тевкелева, у Абулгаирхана были и во общем киргис-кайсацком совете присутствовали, и как он сам, брегадир, знает их степные обычаи, что в собрании у них многое надлежащее и не надлежащее от разных голосов продолжается, то же подтвердил точно, как и Кубек объявлял, однако-де со всем тем, наконец, окончали, кажется, не без доброго успеха.

1-е. Положили, чтоб Абулгаир-хан переменял своего сына другим своим настоящим сыном Айчуваком-салтаном, представляя ему резоны, когда Абулгаир-хан со всею ордою примет брегадиром Тевкелевым в подданство Е. и. в. и в верности быть и к присяге приведены, где он и сам, Букенбай-батыр, присудствовал и присягал, тогда он, Абулгаир-хан, отдал своего сына в аманаты Ирали-салтана [40] и переменял другим сыном Ходжа-Ахмет-салтаном, которой и донине в аманатах содержится и обещал на каждой год другими своими детьми без всякого прекословия переменять, о чем он тому сам свидетель, и от того отговариваться ему, хану, неможно.

2-е. Сколько возможно трудиться, миром отбирать, у кого имеется, всех пленников русских и калмык, и отдать ему, брегадиру.

3-е. Чтоб всем киргис-кайсацким старшинам крайне того наблюдать неразсудных людей впредь до шалости не допускать и тем Е. и. в. во гнев не привести; и на том основании тот совет и окончали, и даруй боже, оное совершить.

И он, Букенбай-батыр, с совету Джанебек-тархана к нему, брегадиру, и приехал, а Джанебек-де тархан приказал объявить и экскузоваться, что он сам к нему, брегадиру, не приехал за тем, чтоб об нем народ другое не думал и имели б от него страх и исполняли б то, что в совете положено, и затем, яко он, Букенбай, ему, Джанебек-тархану, ближней родственник, и ему верит во всем, к нему, брегадиру, ево с тем и отправил, разсуждая то, понеже-де народу оное ево, Букенбаев, приезд к брегадиру будет не сумнительно, для того народ то будет разсуждать, он, Букенбай-батыр, в бытность брегадира Тевкелева в 1732 году в Казачьей орде, при нем жил долгое время и в ево делах немало помогал, и имели дружбу, и получал от него милости, за то поехал благодарить. А он сам, Джанебек-тархан, приедит к нему, брегадиру, с Абулгаир-ханом и салтанами и старшинами вместе, и тогда он, Джанебек-тархан, намерен наодине, чтоб протчие не догадались, с ним, брегадиром, видиться.

При том же-де Джанебек-тархан приказал чрез одного Букенбая требовать от него, брегадира Тевкелева, совету, каким образом их глупых народов дела поправлять и какие способы на то употребить, для того он, брегадир, в Казачей орде долгое время жил и их легкомысленные обычае довольно знающь, к тому ж народ ево любит, и он их в подданство российское привел, и во

всех их делах он, брегадир, искусен, и просит, чтоб он, брегадир, по своему достаточному разсуждению к пользе их глупого народа, что может примыслить, и им наставление дать.

И на оные ево, Букенбай-батыря, слова брегадир Тевкелев в ответ сказал, что как он, Букенбай-батырь и Джанебек-тархан в Казачей Средней орде первые и знатные старшина и люди умные, оне сами могут ясно разсудить и совершенно понять, понеже он, брегадир Тевкелев, в бытность свою в Казачей орде, ево, Букенбая-батыря, добродетелями и услугами зело доволен и имеет ево себе сущим другом, того для всей в конфеденции по своему к ним доброжелательству имеет, нимало не укрывая всю и истинную ему откроит и объявит так, как ево сущей друг, ибо он, брегадир, их поведение в тонкость знает, о чем он, Букенбай, выше сего и сам объявил следующе: когда Киргис-кайсацкая орда в подданство Российской империи была не принята, не ото всех ли стран они по своим поступкам всегда безпокойства принимали, почти ото всех вовсюду бегая, как зайцы от борзых сабак, раззорялися и свой скот, бегуючи, сами бросали; а иногда случалоя, в самой необходимой нужде жен и детей броса, только сами уходили, о чем он, Букенбай, сам оное достоверно засвидетельствовать может [41], а именно: 1-е — от зюнгорских калмык, 2-е — от волских калмык, 3-е — от башкирцов, 4-е — от сибирской стороны от Левеньтея-батыря и Педота-батыря², 5-е — от яицких казаков; и то оне, киргисцы, получали от вышпоказанных себе крайния разорения не по их хотению, но их безпокойством киргисцы сами всегда их задирали и неволею ис принуждения себя заставляли раззорять, и от своего безпокойного жития и за непостоянство киргис-кайсацких худых людей принуждены были и добрые, как то есть он и протчие, от сей степи откочевать вдаль, а именно: Большая орда — за Ташкент к Ходжанту, Средняя орда — к Самаркantu (уже по принятии их брегадиром Тевкелевым в подданство Российской империи в 732 году Средней орды знатная старшина Казебек-бий своим родам, называемой аргин-каракисяк, с четырьмя тысячами кибитками уже при бытности ево, брегадира Тевкелева, прикочевал в здешнюю степь,

---

² Леонтий Парфениев, Федот Парфениев — они были в Сибире казацки полковники.

и в каком состоянии Казебек-би своим родом пришел, едва не все были пешие, он, Букенбай-батыр, сам о том знает), а Меньшая орда отдалелася от них от всех к Хиве и к Бухарии; и толь киргис-кайсацкой народ от худых своих людей беспокойных поступок разбилися, и разсеялися, и раззорилися; когда зюнгорские калмыки нападут, побегут в сторону, а башкирцы нападут, то уходили в другую сторону, а волжские калмыки и яицкие казаки и сибирские войска нападут, тогда они уже бегать и место себе не находили, принуждены были от своего непостоянства, кто куды попасть мог успеть респрестись, и о том о всем он, Букенбай-батырь, знает же. Когда брегадир Тевкелев приехал к ним в Казачью орду для принятия их в подданство Российской империи и жил тамо без мало два года, незадолгое время, как она Меньшая орда возвратились из Бухарии и ис Хивы, до приезде ево, брегадира, к ним в орду, и он, Букенбай-батыр, при нем, брегадире, немалое же время с ним вместе жил, и тогда он видел, Меньшая орда какое довольство и богатство у себя имела, не токмо белые кибитки, но и черные закаптелье кошмы лутчему в честь были, только б от жару и от дождя защиту иметь, многия по одной лошади, а овец только от пяти до десяти имели, а коров ни одной не бывало; и о том Букенбай-батырь сам известен и знает же, а как уже по прошению Абулгаир-хана и всей Киргис-кайсацкой орды высочайшим Е. и. в. указом брегадиром Тевкелевым приняты они в подданство Российской империи и какие они от того себе доброты и многие пользы получили, от которых они отретчись не могут. Е. и. в. всемилостивейшая государыня, милосердуя к ним, киргис-кайсацкому народу, для их прошения указать соизволила построить город Оренбург и тут соизволила указать учредить торг, которой уже и производится действительно, понеже они и сами могут разсудить, что город Оренбург с принадлежащими к нему построен с великим коштом, и тут люди содержатся все на коште Е. и. в., да и купцы присыланы сюда с товарами неволею, а купцы б российския, ведая их поступки и обычия, волею торговать в Оренбург отнюдь бы не поехали, и оное учреждено для киргис-кайсацкого народа высочайшим Е. и. в. указом для милосердия к ним, чтоб они от того себе пользы и довольства получали, от чего они уже сами самовидцы и свои пользы получают и тем торгом весьма набогатилися; 2-е как волским калмыком, так всем башкирцам и руским сибирским и

яицким казакам, как они принели российское подданство, Е. и. в. высочайшим указом накрепчайше подтверждено и запрещено, чтоб из них никто отнюдь без указа на них, киргис-кайсаков, войною ходить и разорять не дерзали [42], а сибирские и яицкие казаки со страхом наблюдают, яко русские запретительной указ имеют, а у волских калмык и у башкирцов у лошадей ноги не переломаны, и руки целы тогда, как они их разоряли, и ныне в таком же состоянии, токмо без указа и они не то поступить не смеют, однако хотя между ими некоторые и есть отважные к продерзостям воровским, и то только для отгону лошадей чинят набеги, и для такого случая Е. и. в., сожалея их, киргис-кайсаков, яко подданных, соизволила указать учредить фарпосты по реке Яику вверх от башкирцов оренбургскими городами, а на низ до Гурьева-городка яицкими казаками, чтобы отнюдь из них никто на киргис-кайсацкой народ никаких набегов не чинил, не токмо, чтоб им самим какого вреда чинить, но и скота б от них не отгоняли, и для того те фарпосты без указа никого не пропустят за реку Яик, от чего уже действительно и опыт зделан, ибо на тех фарпостах воровских калмык и то немноглюдно, самое малое число, которые ходили воровски в Киргис-кайсацкую орду, только для отгону лошадей яицкие казаки перенели и несколько человек их побили до смерти, а лошадей большую часть от них отбили и господином тайным советником и Оренбургской губернии губернатором им, киргис-кайсакам, паки тем хозяевам, возвращены, а достальных, которых увели калмыки, были збираемы, и те калмыки содержалися под караулом, и оное возвращение и тем калмыкам наказание остановилось от их продерзостей, которое ниже упомянется, и никто из них — как волские калмыки, так и башкирцы — не токмо им какой обиды чинить, но не смеют за реку Яик ни один человек без указа перейти. И оная Киргис-кайсацкая орда в такой защите ни с какой стороны их опасности нет и живут во всяком покое, как в пазухе, и такую Е. и. в. всемилостивейшей государыни к ним, киргис-кайсацким народам, оказанную высочайшую милость весьма им надлежало чувствовать и всеподданническое и рабское благодарение приносить и всегда усердные и верные услуги действительно оказывать, а они, напротив того некоторые из них лежкомысленные делали многие шалости и плутовство, а имянно: после принятия их Киргис-кайсацкую орду в подданство Российской империи: 1-е —

ограбили идущей российской караван в 738 году в Ташкент и объявляли, якобы ограбили тот караван Большой орды киргисцы [43], однако в самом деле явился подвох от провожатых Средней орды киргисцов, и купцы их явно обличили, что при том нападении на караван у купцов ружьи отбирали оные провожатые, и с теми ворами грабили, и вместе тот товар делили равно, и тем грабителем приговаривая как афицера, так и всех купцов убить до смерти; 2-е — уже для их прошения во учрежденной торг едущих купцов в Оренбург и возвращающих паки в Россию многократно грабили и людей до смерти побивали; 3-е — на поселенные крепости в ведомстве Оренбургском многократно нападали, людей брали в полон, отгоняли скота немалое число, которых лицом людей и возвращали, а скот остался у них; 4-е — несколько кратно ходили со многолюдным собранием под тем протестом, якобы на калмык, а нападали на русских людей, едущих по Волге в Астрахань, и по Волге же имеющимся на рыбных промыслах чинили грабеж и людей до смерти побивали, а уже напоследок нарядным делом воровски, минуя по Яику учрежденных фарпостов ниже Гурьева-городка, по взморию перешед, напали под Астраханью на российской городок Красной Яр и при том городке — на кочующих калмык, и отбили многое число скота, и взяли как русских, так и калмык в полон немалое число, и многих побили до смерти. Как и выше показано, отгонные лошади от них калмыками, которых отбили яицкие казаки, им, киргисцам, отданы, а достальные, которых угнали калмыки, и те отысканы наместником Калмыцкого ханства Дундук-Дайшею и собраны были в одно место, только было к ним назад отсылать, а те калмыки взяты были под крепкой караул, чтоб за то достойное им учинить наказание, и того воровским их под Красной Яр приходом той отсылки остановили, и притчиною стали они, киргисцы, сами, и кроме вышеобъявленных шалостей многие их киргис-кайсацких народов продерзости происходили, о тех он, брегадир, не упоминает, оставляет, понеже как он, Букенбай-батырь, так и Джанебек-тархан люди знатные и умные, оне сами могут разсудить вышепомянутые Е. и. в. всемилостивейшей государыни нашей высочайшие уже действительно оказанные матеренские зело многие милости, сходно будет ли киргис-кайсацких народов неразумными и непотребными поступками еще Е. и. в. всемилостивейшая государыня, яко бог, милостива, соизволит иметь суще своих

подданных, несмотря на их продерзости, сожаление, чтоб между ими, плутами, не пропали добрые люди, чтоб за плутов не пролилось крови неповинных, ожидая от них чюство и повинное прошение, соизволила указать удержаться воздвигнуть на них гневу, но ежели, паче чаяния, их киргис-кайсацкой глупой народ безумием своим не очуствуется, и упрямством по своей погрешности надлежащим образом не окончат, и паки противности и досады станут делать, от чего, боже сохрани, и нанесут на себя Е. и. в. тяжкой гнев, и соизволит указать к огню и мечу предать и повелит ото всех стран всем российским подданным киргис-кайсацкого народа до основания рубить и разорять, и в полон брать, и тогда куды они попалися, и какую себе оборону същут, и какое прибежище имеют, понеже имеющую защиту и оборону, которую они по случаю достали, ту безо всякого порядка потеряют, на что они годятся, может он, Букенбай-батырь, весьма разумно разсудить. Ежели такой глубокой гнев Е. и. в. на них падет, он сам, Букенбай-батырь, знает, когда на них от волских калмык или башкирцов бывали нападения, и тогда куды деться, место не знали, кроме Сибирскаго войска и яицких казаков, когда же все вдруг по указу нападут, не упоминая уже регулярного войска, тогда будет ли время самим себя оборонять или жон и детей своих охранять, или беречь скот свой, и в таком жарком гневе божием и Е. и. в. врят им паметию своею собраться, и он, бригадир Тевкелев, токмо сожалеет, что в том числе добрые люди и невинные младенцы неповинно могут згинуть и пропасть, понеже в таком случае войско никого разбирать не будут, егда они, во-первых, скот свой потеряют, чему они годны будут, и какое себе пропитание будут иметь, ежели в даль пойдут, как и прежде ходили, он сам, Букенбай, свидетель в тех местах (от него, бригадира Тевкелева, таить нельзя, он все их обстоятельства досконально знает), не токмо их пропитанием удовольствоваться, но и сами с нуждою пищу имеют, и места к их кочевью по их обычию умножать скота негде, весьма неугожие и худые места. И как Джанебек-тархан ему, Букенбай-батырю, яко своему ближнему, умному и надежному родственнику, поверя, чрез него от бригадира Тевкелева как киргис-кайсацкое худое дело поправить, дружеское требовал наставление, и за то он, бригадир Тевкелев, как Джанебек-тархана и ево, Букенбая-батыря, их достаточным умом весьма доволен и их за то похваляет, что они по их разуму за

добрые дела принелись всю свою орду охранить, и от великой беды освободить трудятся, и оные дела их знатностию и умом сходно, и как они сами могут засвидетельствовать, что бригадир Тевкелев им доброжелателен и свой дружеской дает совет, как они первые и знатные и умные старшина, должны они в их орде глупых людей поправлять, и на доброе наставлять, и до продерзости не допускать, и о благополучии их ординском попечение иметь, ибо за невоздержание и за ненаставление на добрые дела от поступок худых людей они, знатная старшина, могут, во-первых, себе стыд и тяжкой гнев получить, как довольно и странно представляя изъяснено и плута Гаипа поступки, и бригадир Тевкелев в совете кроме сего способа изыскать не умеет, но по дружбе ему, Букенбай-батырю, наставляет, чтоб они обще с Джанебек-тарханом для пользы их орды и для поправления глупых их народов дела принели себе труд и попечение, а имянно: таким образом всех пленников и взятой скот возвратить и в вине их всеподданнейше рабское у Е. и. в. просить прощение, а впредь никаких шалостей не делать и знатым старшинам глупых людей до того не допускать, и при ханском сыне старшинских детей дать в аманаты для того, когда старшинские дети в оманатах будут, простой народ от них будут бояться и шалости делать дерзать не посмеют, и теми порядками оне может быть Е. и. в. и гнев утолят, и по исполнении того и он, бригадир Тевкелев, всеподданнейше об них просит и к пользе их и всей Киргискайсацкой орды к благополучию старание иметь не оставит.

И на то Букенбай-батырь сказал, что он добрыми и полезными и пристойными ево, бригадира, наставлениями весьма доволен и вышепомянутые ево, бригадира, представления и советы пред богом угодны, и их киргис-кайсацкие порченые дела поправить кроме вышепоказанных от него, бригадира Тевкелева, достойных резонов и способов к лутчему порядочному житью впредь к благополучию их в пользу сыскать никак не можно, и за такое ево, бригадира, искренное к их орде доброжелательство и за доброе наставление ему благодарить и услужить никак не могут, только станут за ево здравье богу молить, чтоб он был всегда в милости Е. и. в. И потом Букенбай-батырь бригадиру Тевкелеву еще представлял, хотя он, Букенбай-батырь довольно ведает, что бригадир Тевкелев их обычия и все поведении достаточно знает, токмо ни в какой другой образно по усердию своему приносят

свое прошение, чтоб пожаловал на время по тех мест, пока основание зделают о пленниках, а о скотах поумолчал, понеже их народ, яко дикой и неразумной, помешает надлежащее зделать им, старшинам, а как уже и о пленниках основание положат, и оное будет нетрудно. И на то бригадир Тевкелев за усердие ево, Букенбая, зело похвалил и сказал, что он знает при свидании по их обычаю полезные меры употреблять, чтоб каким ни есть способом их глупого народа от гневу Е. и. в. освободить, крайния свои труды прилагать будет, и он, Букенбай-батырь, за то бригадиру весьма благодарил и, окончав, поехал от него к Джанебек-тархану. При самом отъезде Букенбай-батырю и Джанебек-тархана сыну о плутовских словах плута Гаипа повторительно от бригадира Тевкелева довольно говорено, чтоб они таких плутов унимали и ни х каким бы делам ево, плута, не употребляли; ежели он к бригадиру Тевкелеву приедит, и отнюдь от него, бригадира, за ево многие плутовские дела без надлежащего наказания не отпустится, и Букенбай-батырь ево весьма не хвалил и сам хотел Джанебеку оное объявить. При отъезде Букенбай-батырь просил бригадира Тевкелева, что им дозволено будет ли вторично при прощении отдать поклон Абулгаир-хана сыну Ходжа-Ахмет-салтану, яко своему владельцу, и бригадир на то ему сказал, как и прежде ему о том объявлено, что к нему, салтану, никакого и никому ходить запрещенія нет; ежели хочет, оное состоит в ево желании, по сему и были допущены.

Июня двадесят перваго числа посланной от бригадира Тевкелева к Абулгаир-хану сакмарских казаков старшина Кубек возвратился, и с ним Абулгаир-хан и ханша ево Попай отправили киргис-кайсацкую старшину, часто упоминаемого Исергапа-батыря, которой в крайней милости у ханши, и в Орскую крепость того ж дня к бригадиру Тевкелеву приехали. И оной сакмарской старшина Кубек бригадиру сказал, что ему, Кубеку, и Байбеку, и Исергапу было от него, бригадира, приказано словесно Абулгаир-хану и ево ханше со обстоятельством объявить, и они сие троя единогласно оное изъяснили подробно и, выслуша Абулгаир-хан и ханша их словесное объявление, разсуждали-де зело изрядно, а потом и письмо от бригадира вручили, и что он, Кубек, будучи у Абулгаир-хана видел и слышал, доносил нижеследующее:

1-е. Абулгаир-хан посланное от него, бригадира Тевкелева, письмо велел прочесть при всех киргисцах и егда прочли, как он,

Абулгаир-хан, так и все киргис-кайсацкие старшина зело обрадовались, и все, встав с места, сняв свои шапки, учинили Е. и. в. поклон и приносили своя всеподданническое благодарение за то, что всемилостивейше соизволила указать к ним для их нужд прислать брегандира Тевкелева, которой их степное зверское поведение издавна знает, их худое дело поправлять и дуракам по их обычию доброе наставление по искусству своему дать может, к тому же всего лутче, что он сам язык знает и изъяснение ево всем им понятно и приятно.

2-е. После тех киргис-кайсацких старшин разговоров Абулгаир-хан всем при том присутствующим старшинам с великою горестию и сердцем, и с немалым криком, и почти з бранию объявил следующие, что он, Абулгаир-хан, сию благодать и неизреченное сокровище им, киргис-кайсакам, нашол один и без них всеподданнейше просил Е. и. в., чтоб как ево, Абулгаир-хана, так и всю Киргис-кайсацкую орду, соизволила всемилостивейше указать принять в подданство Российской империи, и потому Е. и. в. всемилостивейше соизволила указать повелеть для принятия их в подданство и к присяги привести прислать мурзу Тевкелева, которой в 731-м году и был, и тогда они не токмо киргис-кайсацкие старшина, и весь народ от него, Абулгаир-хана, были недовольны, но зло с ним поступили и крайния делали досады, представляя то, что Абулгаир-хан без их совету и согласия оное учинил и просил быть в подданстве. Однако он, Абулгаир-хан, несмотря на их неразумное дурачество, отнюдь от своего прошения не отрекся и крайне старался оное действительно совершить, и он, Абулгаир-хан, по своему старанию и мурзы Тевкелева их киргис-кайсацкие зверские степные познаемости и искусству вспоможением ево их действительно в подданство привел, в том они и присегали, ибо он, Абулгаир-хан, на оное поступил не для себя, но для пользы и спокойного жития всего киргис-кайсацкого народа, а они не токмо ему, Абулгаир-хану, за то приносили благодарение, но многие досады и противности делали [44]. Ныне же, как увидели киргис-кайсацкой весь народ, что то учинено, им, Абулгаир-ханом, для их благополучия, которое они уже ныне у себя имеют, ибо всемилостивейшая государыня по ево, Абулгаир-хана, прошению соизволила указать город Оренбург построить и тут для киргисского народа базар учредить, как они ныне свои от того пользы получают, и за то им, киргисцам, надлежало Е. и. в. всеподданническое рабское благо-

дарение принести и во всем быть верным, а они вместо того делают немалые противности и по присяжной своей должности надлежащие поступки, и тем ево, Абулгаир-хана, приводят Е. и. в. к гневу, и ему великий стыд делают, и многие к тому приличные весьма полезные слова, укоряя их, киргис-кайсацкой народ, говорил; и на то-де киргис-кайсацкая старшина слова ево, Абулхаир-хана, никакого ответа не дали, токмо молчанием препроводили.

3-е. При том же собрани Абулгаир-хана ханша Попай присутствовала и по окончании Абулгаир-хана слов им же, киргиским старшинам, к пользе высочайшего Е. и. в. интереса со многими по их обычию сперва зело многоприятными словами их угобжала, а потом толь их поступками укоряя, представляла им то, что Киргис-кайсацкая орда чего никогда не имела, как Е. и. в. высочайшую милость себе получила: 1-е — спокойное житие; 2-е — никогда неприятель на них отважно не нападет и имеют себе немалую оборону, токмо они, киргис-кайсацкой народ, сами не чувствуя такую великую Е. и. в. милость, всегда делают продерзости, и Абулгаир-хана приводят в стыд, и ево слова, яко своего владельца, не принимают и не слушают. Ныне же сын их содержится в аманатах и надлежит другим сыном переменить, понеже-де не токмо человек, но и звери к своим детям жалость имеют, и оне, так же как и другие, детей своих любят, а Абулгаир-хан детей своих в оманаты отдает не для поступок и ради неверки своей и детей ево, но для непостоянства киргис-кайсацкого народа их обычия, и она, ханша, к тому подобно употребляя весьма полезные слова, немалое время продолжала.

4-е. На ее, ханши, слова их киргис-кайсацких старшин ни один ничего не мог отвечать, токмо все с немалою уклонностию объявляли, что-де она изволит изъяснить — все правда. Потом Абулгаир-хан тех старшин от себя отослал, чтоб они немедленно собрались и советовали, что ему делать, и на чем положат, и к нему б пришли и докладывали. И тех старшин было немалое число, собравшись в одном месте, советовали между ими в разговорах, вину свою сняли на себя, понеже-де многие продерзости происходили от них, киргисцов, а от стороны Российской империи ни на одного ничего доказать не могли, и того ради по совету положиться во всем отдаться на волю Абулгаир-хана и просить ево, хана, к лутчему сысканию добраго способа дабы старался, объявляя то, что они больше сего примыслить не могли, что

пленников русских и калмыцких ото всех киргисцов, у кого имеются, отобрать, а ежели кто заупрямится, от того всем миром сильно отнять и отдать брегадиру Тевкелеву, и впредь глупых людей до шалости не допускать, токмо ему, хану, надлежит ныне содержащаго в аманатах сына своего переменить другим сыном Айчюваком, и оное он, Абулгаир-хан, по прежнему своему обещанию необходимо учинить должен. С тем ко Абулгаир-хану и пришли и просили ево, чтоб он, Абулгаир-хан, добрыми способами мог их худое дело поправить, токмо ханша, как скоро услышала старшинская предложения, и прозьбу им стала говорить: ничего того не будет, ежели оные старшина, когда по домам разойдутся, ни одно дело в действе не будет, во всем том останется в стыду Абулгаир-хан, а они будут в стороне. И на то ханше старшина отвечали: исполнять будут; и потом как Абулгаир-хан, и все киргис-кайсацкие старшина, положили термин ехать к брегадиру Тевкелеву в Орскую крепость будущаго июля к 5-му числу, ежели на тот срок возвратится от Каракалпацкой орды сын Абулгаир-хана Айчювак-салтан, а ежели-де на показанной срок не возвратится, положили другой срок — того же июля к 10-му числу.

5-е. После ж того их совету несколько дней спустя приехали к Абулгаир-хану из Средней орды знатные киргис-кайсацкие старшины Джанебек-тархан и Букенбай-батырь со многими же старшинами для совету же, где как оные Средней орды, так и Меньшей орды, немалое число в том собрании старшина были, и в том совете також-де на основании, как и выше показано и на прежнем совете было положено, так поступать согласились. Средней орды дела исправлять положили на Джанебек-тархана, токмо-де Джанебек-тархан, как услышал, что оную тягость кладут на него, зело многие укорительные з бранию Меньшей орды киргисцам слова говорил тако: все-де продерзости делали Меньшей орды, и за их безпутные поступки принуждены из Средней орды и оне претерпеть сии трудности, хотя-де Средней орды кипчацкого роду некоторые плуты, сообщась с ними, Меньшей орды, плутовали, для того оной кипчацкой род кочуют с ними, Меньшей орды киргисцами, вместе, а от Средней орды в дальном расстоянии; окроме-де того из Средней орды никто никаких продерзостей не делали, и какие б шалости не происходили, оное все от Меньшей орды; ежели б-де их человек по дватцети в городах

держали в тюрьме в железах, то б-де и плутовать перестали, а Абулгаир-хана не слушают, а он за них худое слово несет на себе, в том и остается; ежели б-де он, Абулгаир-хан, их худые поступки на себя не принимал и добрые б-де старшина ему, Абулгаир-хану, помогали и, тех плутов поймав, отдавали по крепостям и сидели б оне несколько в тюрьме, то б-де такие продерзости делать опасались и другие, а без того-де уже плутов унять стало невозможно; к тому же-де подобно Джанебек-тархана словам, помогая ему, Джанебек-тархану, многие полезные слова говорил и Букенбай-батыр, и потом и они положили для свидания з бригадиром Тевкелевым до вышепомянутого же числа и ожидать ханского сына Айчювака, и, как Абулгаир-хан, так и ханша и вся киргис-кайсацкая старшина с тем известием оного Кубека и Исергапа к нему, бригадиру, и отправили наскоро.

6-е. Потом бригадиру Тевкелеву киргисец Исергап точно тоже объявил, письмо-де Абулгаир-хан не дал для того, что тому назад дней за пять у писаря ево пропали два верблюда и поехал-де искать, и за тем писать было некому, а при отправлении ево, Кубека, ханша приказывала, чтоб он бригадиру Тевкелеву объявил, как сын ее Айчювак-салтан ис походу приедет, то уже всемерно ево они на смену Ходже-Ахмет-салтану отправят; платя-де уже от него, бригадира, к нему прислано, только не имеется у него шапки, чтоб было к нему, бригадиру, приехать при российских афицерах не стыдно; черную лисицу или пару хороших соболей, чтоб бригадир Тевкелев пожаловал прислал, понеже-де он сам знает, они, яко степные народы, и тамо им взять негде.

7-е. Абулгаир-де-хан к бригадиру Тевкелеву старшиною Кубеком особливо донести приказал, что-де главного наездника плута Тювеля, и еще он напоминает, дабы-де для удержания ево приложит крайнее старание, ибо-де как он сыщется, то и к свободе пленных, которые имеются у его кипчацкого рода, отдавать поскорее поворачиваться будут, и затем в Астрахань пошлет или не пошлет, оное-де уже зависит в воле бригадира Тевкелева, однако ж-де он не для чего иного, но к единой своей верности о том напоминает, понеже не только нужен он для нынешних ясырей, чрез него освободит из его роду, но и наивяще потребен для передо несколько подержать ево в железах помучить, а егда хотя время придет, и освободить, и тогда ево дать добрым старшинам на чистые поруки, чтоб он отнюдь ни в каких плутовствах

предводителем и ниже согласником не был, понеже он не глуп и тем способом, ежели оборотится ко истенному, и добрым человеком будет, тогда многие тысячи плуты, на него глядя, перестанут и ево послушают.

Июня двадесят втораго числа отправлен от брегадира Тевкелева к Джанебек-тархану с письмом знатной старшина Букенбай-батырь, а в письме писано: «Высокопочтенной господин Киргис-кайсацкой Средней орды знатная старшина Джанебек-тархан, а мой сущей друг. Ваш родственник знатной старшина Букенбай-батырь и сын ваш Евгайтар и с ними шесть человек старшина ко мне в Орскую крепость приехали и вышепомянутой родственник ваш знатная старшина Букенбай-батырь словесной ваш приказ мне объявил, что вы приказали чрез одного Букенбая-батыря Е. и. в. непоколебимую и твердою подданническую верность засвидетельствовать, которой не токмо вашей хвале достойно, но за оную вашу верность и высочайшую Е. и. в. милостию всегда оставлены не будете, и напротиву того вашего словесного з Букенбай-батырем приказания и я приказал словесно чрез одного же вашего родственника Букенбая-батыря объявить, как вам в ординских ваших делах по моей комиссии поступать». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июня двадесят третияго числа послан от брегадира Тевкелева с письмом к Абулгаир-хану сакмарских казаков старшина Кубек Байназаров, а в письме писано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и сущей благодетель. Посланной от меня старшина Кубек от вашего высокостепенства в Орск возвратился, с ним же и старшина ж ваш Исергап-батырь ко мне прибыл; и как от него, так и от Кубека, о чем ваше высокостепенства словесно приказывать ко мне изволили, я все оное з довольною приятностию мог слышать, которые усердные ваши поступки не только похвале, но и всему киргискому народу немало служить может, да и впредь по делам вашим по усердию вашему таким же образом добропорядочно поступать надлежит. Что же ваше высокостепенство изволите ко свиданию со мною которой день назначить, и я о том чрез присланных вашего высокостепенства известен же, да и видеть и того с крайнею моею приятностию желаю, а присланной от вас Исергап отпущен с сим Кубеком обратно». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июня двадцат шестаго числа получено бригадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана письмо, в коем написано: «Высокородному и превосходительному истинному и искреннему, яко душе моей подобному, другу и усердному благодетелю господину бригадиру мурзе желаю на безчисленные лета благополучного здоровья. Приятнейшие ваши письма чрез Байбека и Кубека да Исергапа я со всяким моим удовольствием получил, а при том и доношу, что напротив моего словесного представления вы ко мне изволили сообщить письменно, за что благодарствую, уже ныне ничего более сего не распространяя, кратко вам объявляю для того, хотя сколько отселева мы о делах наших к вам письменно представляли, точию без того вам неимоверно, чтоб мне при свидании с вами персонально обо всем не говорить, и того вы с крайним своим желанием ожидать имеете, в которой бы день я для свидания с вами к вам приехать мог, и оное вы учинить изволили весьма изрядно, за что вам даруй бог счастливаго благополучия, в том что желаете вы наши дела твердо и порядочно ко окончанию привести, чего я и сам за благо принимаю и сего месяца резяпа, то есть июля к десятому числу, аще бог благоволит, к вам неотменно приеду, а прежде себе со известием отправлю к вам на почте Кутлумбеть-ясаула. Между тем прошу для спокойства нашего народа, ежели вам не противно будет, что прежде сего от нас требовали Карасакала, точию в тогдашнее время никто ево поймать не мог, оной же плут Карасакал подбежал под имеющихся по реке Тоболу русские жилища, ис которых несколько русских и в полон к себе взял, а потом за ним гнались русские люди и вместо тех своих пленников взяли они в полон же атгайского роду у киргисца Алимбетья людей ево; и означенной Алимбетья приезжал к рускому жилищу и требовал своих людей, где ему тогда некоторых возвратно и отдали, а достальных-де не отдают для того, что-де у вас имеются наши русские пленники, а хотя они и имеются, токмо не у него, Алимбетья, но в других улусах, а имянно: найман-герейского роду у киргисца Калкамана, от которого ныне дети ево поехали торговать в Оренбург, и при таком способном случае, не упущая времени, прикажите из них десять человек удержать и к себе привести, понеже когда они возвратятся, то трудно будет их доставить, потому что они в дальности кочуют. А когда привезены будут, такое увещание объявить, якобы вы держите до приезду моего и со мною имеете

говорить о нужде, ежели наша прозьба за благо применена быть имеет, и вы меня послушать не отречетесь, то прошу, как возможно, их удержать до меня, а я скоро к вам буду; такожде прошу Исергапа з Байтурой оставить при Ходже-Ахмет-салтане, а находящагося при нем Ерлыкапа с Бусаем изволите ко мне уволить». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Июня двадесят шестаго ж числа посыланной от брегадира Тевкелева сакмарских казаков старшина Кубек Байназаров и с ними от Абулгаир-хана Байбек и Исергап батыри в Орскую крепость прибыли, и он, Кубек, брегадиру Тевкелеву объявил словесно, что Абулгаир-хан свои производит порядки зело изрядно, а ханша ево чрезвычайно употребляет умные и полезные поступки; видно-де уже и киргис-кайсацкой народ поправляются и от него, брегадира Тевкелева, чрез него, Кубьяка, такожде и чрез Байбека и Исергапа объявленные наставления они внятно стали принимать и разсуждать, и уже не так дико и ветерно поступают, как было прежде, и Абулгаир-хан и ханша нетерпеливо ожидают своего сына Айчювак-салтана возвращение от каракалпак и по возвращении ево, не мешкав, желают привести на смену Ходже-Ахмет-салтану. А Байбек и Исергап объявили тоже, да при том они объявили: Абулгаир-хан брегадира Тевкелева просил, чтоб он ему пожаловал и прислал немецкого черного одного бобра, в котором ему есть нужда, да еще четыре аршина красного хорошего с урезом сукна, да еще же просил гвоздики и перцу. А Кубек о Байбеке объявил, что он толь порядочно ево, брегадира, словесные наставления как Абулгаир-хану, так и ханше и всему киргис-кайсацкому народу пояснял, и в том такие усердные и умные труды прилагал, как доброму и верному рабу надлежит, и он-де, Байбек, человек весьма не глупой, к тому же и доброжелателен.

И сего июня двадесят седьмаго числа брегадир Тевкелев как ево Кубека, так и Байбека и Исергапа, з довольным наставлением их паки к Абулгаир-хану отпустил, а о тех вещах, которые Абулгаир-хан просил, что у него, брегадира, при казенных вещах не имеется, того ради он разсудил отправить в Оренбург, оттуда привести, а хану велел объявить, что по требованию ево вышепомянутые вещи немедленно от него, брегадира Тевкелева, присланы будут.

Июня двадесят седьмаго ж числа отправлены от брегадира Тевкелева к Абулгаир-хану с письмом присланные от него Байбек и Исергап-батыр, а в письме писано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой особливой друг и древней приятель. Мне многоприятнейшее вашего высокостепенства письмо чрез посланного моего Кубека и присланных от вас Байбека и Исергапа, я с крайним моим удовольствием получил и содержания оного выразумил, и чему весьма радовался, и егда с вами увижусь, и больше того обрадуюсь; и словесные ваши приказы они мне объявили, напротиво того и я им приказал вашему высокостепенству словесно ж донести, а что же просили отпустить к вам Ерлыкапа, я оного Ерлыкапа отпустил, а вместо ево здесь при сыне вашем оставил родного ево брата Босая». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июля втораго числа получено брегадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана письмо, в коем написано: «Высокоблагородному и превосходительному и истенному и искреннему другу господину брегадиру, яко душе моей, подобному, благодетелю мурзе, желаю благополучного здоровья, при том доношу вашему превосходительству: посланное от вас письмо чрез Кубека и Байбека я здесь получил, и словесное ваше приказание они мне, изъясняя, доносили, вы изволили приказывать, чтоб мне одному прежде времени не приезжать, но приехать бы со обстоятельным окончанием всех наших дел, за тем я и намерен был выступить к предбудущему дни четвергу, точию ныне у нас начинается немалое собрание, чего для я ныне и умедлил, и что вы словесно напротив сего изволите приказывать, того я и ожидать имею. Писание ж ваше зело мне достойно, а и словесное ваше наставление к лутчему нашему совету небезполезно есть, но я оное мню и довольно разумею, в чем извольте и быть благонадежны. Ныне же некоторые наши люди ис походу возвратились, и уже ожидаем того, чтоб обстоятельно с теми к вам приехать, в чем изволите быть без сумнения. Вы же изволили приказывать доколе с вами не увижусь, дабы иными не утруждать, того ради для обстоятельного уведомления посылаю к вам моего служителя Аралбая, а Худайбердея к Ходже-Ахмет-салтану с кумызом отправил». «При сем и я, Попай-ханша, вашему превосходительству желаю многолетнего здоровья, при том прошу пожаловать прислать ко мне две бутылки самой хорошей вотки да пшеничной муки, ибо в

том имею некоторую нужду». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Июля третияго числа к брегадиру Тевкелеву прислали Абулгаир-хан и ханша ево наскора Кубекова сына Кудайгула, да Байбека сына Амангилдея с тем известием, что их сын Айчювак-салтан ис каракалпак ис походу возвратился и к ним прибыл на другой день, так как самовидцами тех Кубекова и Байбекова сыновей к нему, брегадиру Тевкелеву, и отправили уже-де в непродолжительном времени. Оного сына своего Айчювак-салтана на смену Ходжа-Ахмет-салтану к нему, брегадиру, он, Абулгаир-хан, привезет неотменно, только за тем остановка за черною лисицою да сукном, да ожидает черного немецкаго бобра, а Кубека Абулгаир-хан за тем удержал, имеет у них быть сильное собрание о том деле, о чем прислал, он, брегадир Тевкелев, и как оное собрание окончится, он, Абулгаир-хан, Кубека и Байбека прежде своего приезде к нему, брегадиру, со известием наскоро пришлет.

И на другой день, то есть **июля 4 числа**, рано оных Кубекова сына и Байбекова сына ж брегадир Тевкелев с вышепомянутыми вещми немедленно к Абулгаир-хану и ханше отправил, а словесно с ними брегадир Тевкелев ничего не приказывал, для того их дело робячье, хотя без умыслу простотою кому ни есть киргисцам открыть могут, или по их робячеству не так могут изъяснить, чтоб ис того побочного затруднения не было, только велел им объявить хану и ханше, что он приказывал с Кубеком и Байбеком, ежели в действо произведет, оное будет несколько с ево честью и присягою сходно, и послал с ними письмо к нему, Абулгаир-хану, о вышеписанных вещах, и в том письме брегадир о словесных приказах, что он велел ему, хану, донести чрез Кубека и Байбека, имянно изъяснил.

Того ж **июля третияго числа** отправлены от брегадира Тевкелева ко Абулгаир-хану с письмом сакмарского старшины Кубека да киргиского старшины Байбека дети, в котором написано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой особый друг и древней приятель. Пред сим несколько времени прислали ваше высокостепенство с словесными объявлениями посланного от меня к вам Кубека, которые также и от меня напротив того словесными объявлениями паки к вам отправлены, да при том же чрез них приказали ваше высо-

костепенство мне объявить словесно, чтоб я к вам прислал для вас одного черного немецкого бобра да четыре аршина кармазинного сукна, да с ними же приказывала ее высокостепенство ханша Попай для вашего сына Айчювака черной лисицы на шапку, в чем бы ему пристойно было приехать сюда, за которыми вещми и послали ваше высокостепенство Кубекова и Байбекова сыновей, с которыми по прозбе вашего высокостепенства и ханши вашей вышепомянутые вещи: черной немецкой бобр и черная лисица на шапку и на вершок той шапки сукна и четыре аршина самого хорошего кармазинного красного сукна при сем и отправил. И как со всем исправитесь, прошу прежде о приезде вашего высокостепенства с Айчюваком-салтаном дать мне знать и с тем прислать Кубека и Байбека со известием. С оными же Кубековым и Байбековым детьми послано того числа к Абулгаир-хану перцу немецкого три фунта». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июля четвертаго числа отправлен от брегадира Тевкелева к Абулгаир-хану с письмом присланной от него киргизец Аралбай, а в письме написано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой особливой друг и древней приятель. Вашего высокостепенства приятнейшее письмо чрез человека вашего Аралбая я с крайним моим удовольствием при Орску получил сего июля 2 числа, и ис того ж усмотря о желаемом ко утверждению в делах ваших основании и о намеренном со мною свидании, тому наиболее доволен нахожусь и искренно вашего высокостепенства с положенным и полезным делом при благополучном счастье видеть желаю. Что же вы за собранием к вам народа остановились для исправления ваших ординских дел, оное дело изрядно, к тому ж сын ваш Айчювак-салтан уже приехал ис походу, и как приедете вместе, лутче б того быть невозможно, и надеяся потом во всех ваших делах быть может доброй успех, и орда вся или большая часть из повеления вашего выступить отважится, уповаю, не будет, чего с крайним моим усердием и ожидать имею; а за приятнейшее приписание в письме вашем ее высокостепенства ханши Попай ко мне униженно и усердно благодарствую, и при сем во удовольствие ее высокостепенства посылаю лекарьственной вотки боченок и пшеничной муки четыре пуда, желаю во здравие кушать. И онаго присланного от вашего высокостепенства Аралбая с товарищем паки отпустил к

вашему высокостепенству со удовольствием». Подлинное подписано рукою брегандира Тевкелева.

Июля шестаго числа приехал в Орскую крепость к брегандиру Тевкелеву Киргис-кайсацкой Меньшей орды чеклинского роду знатной и весьма доброжелательной и верной старшина Кара-батырь и при нем три киргисца: один — родного брата ево знатного же старшины Баембет-батырев сын Чигирбай, второй — чиклинского же роду знатного же старшины Бактынбай-батырев сын Асан, третьей — чиклинского же роду кощей Бусурман, и поставлены они на квартиру.

А на другой день, то есть 7 дня июля, он, Кара-батырь, у брегандира Тевкелева был один, без товарищей, после комплементу стал говорить следующее: понеже как они по указу Е. и. в. в 731 году принеты брегандиром Тевкелевым в подданство Российской империи, и с того времени вся Киргис-кайсацкая орда живет во всяком благополучии и ни от каких неприятелей себе наглого нападения и раззорения не получают, и по высочайшему Е. и. в. указу построен для них город Оренбург и учрежден торг, и Киргис-кайсацкая орда от того торгу не токмо получают себе пользы, но и разбагателися и за многия неизреченные Е. и. в. всемилостивейшей государыни уже действительно оказанные милости он, Кара-батырь, все совершенно чувствует и Е. и. в. всемилостивейшей государыни, припадая к стопам, всеподданческое приносит благодарение и рабское земное поклонение, причем до земли и поклонился, и, встав, говорил, что желает он по присяжной своей должности до последнего дыхания Е. и. в. служить верно, а потом стал говорить, как брегандир Тевкелев искусно порядочными трудами привел Киргис-кайсацкую орду в подданство Российской империи, яко диких зверей, зная их лекомышленные обычи, несмотря на их зверские поступки, обходился с ними терпеливо и великодушно и, снося на себе многие их досады и продерзости, благополучно окончал свое дело; и за то и брегандиру Тевкелеву благодарствует же и сердечно радуется, что он удостоился ево, брегандира, персонально видить, и несумненно надеется, их киргис-кайсацкие глупые и непорядочные дела приездом ево, брегандира, всеконечно поправлены быть имеют.

На то ему брегандир Тевкелев в ответ говорил: Е. и. в. всемилостивейшая государыня, яко бог, милостива и справедлива, и

соизволит монаршескою своею властью и матерьею милостию всех верных подданных жаловать и охранять, чтоб все верноподданные Е. и. в. жили с покоем и в благополучии бы; и егда оной знатная старшина оное чувствует Е. и. в. действительно оказанные многие милосердия, следственно, и впредь должно им всегда быть тайно и явно верными, и чтоб оказывали за оные высочайшия Е. и. в. многия неизреченные милости свои усердные службы, и за то бригадир Тевкелев их обнадеживает Е. и. в. и наивяще многими милосердиями и за их верности и впредь всегда награждены быть могут. И по окончании вышепомянутых речей он, Кара-батыр, объявил бригадиру Тевкелеву, что он приехал к нему прежде хана и прежде других старшин нарочно для того, как он, бригадир Тевкелев, сам довольно знает в бытность ево в Киргис-кайсацкой орде, как Кара-батыр ево острегал и советы киргисские ему секретно объявлял и по их обычаю, усмотря по матери дела и в ответ, что говорить, свое мнение представлял, отчего он, бригадир, многие полезные способы находил. В такой новости хотя тогда еще он, Кара-батыр, в подданстве быть и не присягал, а ему, бригадиру, усердные услуги оказывал, а ныне уже он, Кара-батыр, Е. и. в. действительной подданной и неоднократно в верности быть присягу чинил, к тому ж, хотя он и прежде сего был богат, однако ныне, как они принеты в российское подданство, и наивяще обогатились; к тому же присяжная должность ево принудила, и по старой дружбе к бригадиру Тевкелеву он приехал: первое — для свидания; второе — для изъяснения их киргис-кайсацких обстоятельств в следующем порядке.

Понеже он, Кара-батыр, как верноподданной Е. и. в. и по дружбе к бригадиру Тевкелеву самую их нутреннюю имеет объявить секретно, как киргис-кайсацкий народ принет в подданство Е. и. в., они ото всех стран стали быть спокойны, и никто их не разорял, а скота у них чрезмерно много умножилось, в таком случае, как бригадир Тевкелев сам о киргис-кайсацких обычаях довольно знает, по древнему замерзелому самовольному их нраву из них некоторые необузданные молодые люди делали многие продерзости, стариков и добрых людей и желателей спокойного жития наставления не принимали и слов их не слушали, как ему, бригадиру, самому известно, что киргис-кайсаки над собою никакой власти не имели, и ни от кого страху им не было и никого не боялись, все то чинили не разсуждая, худо или добро воспос-

ледует, что им в голову придет, по своему лехкомыслию поступали. А как он, брегадир Тевкелев, по указу Е. и. в. в Орскую крепость прибыл и призывает Абулгаир-хана и их, старшин, к себе для свидания и для ординских дел, то ныне у них во всех советах происходит таким образом: те добрые старшина и желатели покоя их журят и посылают тех воинов самих, чтоб они сами поехали к нему и о своих поступках сами ответ дали, представляя тот резон, что оные старшина сами никакой противности не делали и отвечать не умеют, а за них стыда принять не хотят; а те бездельники сами ехать боятся, просят Абулгаир-хана и знатных старшин, чтоб они ехали к брегадиру Тевкелеву, как возможно их поступки уничтожить, старались; а Абулгаир-хан и те-де старшина говорят, ежели им ехать, чтоб они собрали пленников и отдали им, с тем они поедут и об отпущении вин их просить будут, а бес того не поедут, и за тем и советы у них расходятся, и приездом к нему продолжается, понеже самовласно у них пленников отбирать неможно, яко вольной народ, а сами разнотою скоро собрать не могут же и за тем скоро к нему, брегадиру Тевкелеву, и не будут кроме того никакой притчины нет.

При том же он, Кара-батырь, по прежней к нему, брегадиру, дружбе от себя секретно объявляет, что-де ныне Киргис-кайсацкая орда в великом страхе, что многия продерзости делали и гнева Е. и. в. опасаются для того, что столько у них скота умножилось, едва они смотрением обнять могут, и презельно боятся Е. и. в. глубокого гнева. Когда же изо всех стран указом повелено будет на них итти оружием раззорять, куды они денутся, и как они могут охранять жон и детей, и скота, и тогда могут совсем пропасть, и старшина им о том всегда говорят, что за их худые дела они могут пропасть, и оное они сами знают и меж собою разсуждают и чувствуют, и суще он, Кара-батырь, ведает, что и брегадир Тевкелев о том со обстоятельными документами многим старшинам самим толковал и разсуждал, а протчим и от него, брегадира, посланные в народ изъясняли, однако они те обстоятельстввы все в тонкость сами, что от того могут они получить гибиль, знают, только то одно, издревля к самовольству обыкли, и того обычия скоро отставить или бросить не могут.

На то брегадир Тевкелев ему, Кара-батырю, в ответ говорил, что долго ль тому будет, чтоб их обычия тешить, понеже они всегда будут, объявляя то, что у них обычия вольные, делать

всякие продерзости, и оные их шалости с Е. и. в. к ним много оказанными милосердиями и с Е. и. в. интересам будет несходно, ежели же они за учиненные продерзости рабское прощение просить не будут и взятое не возвратят, и брегадир Тевкелев ему, яко друг, объявляет, уже ныне обычие их тешить не будут, и между плутами пропасть могут и добрые лоды. На оное Кара-батырь сказал, уже все, конечно, что он надеется, шалости делать дерзать не будут и уже-де стали знать, что худое или доброе благополучное житие или гибель. На то паки брегадир Тевкелев сказал, по их лехкомысленному обычию еще им скоро верить невозможно, разве они знатная и добраго спокойного жития желающия старшина для себя их от того будут удерживать или каков иной способ примысляют, или на добром порядке основать.

На оное Кара-батырь говорил, киргисцы ныне весьма богаты, а богатство их состоит все в скоте, ежели на них воспоследует Е. и. в. гнев, им с тем многочисленным скотом иттить некуды; ежели пойдут в Хиву и в Бухарию, весь скот свой могут потерять, как и прежде того они искусилися или опробовали, что выехали оттудова почти пешками, для того тамо места жаркия, и трава вся згорает, а хотя осенью трава и выходит, и та трава только станет для них самих, а для такой аравы киргис-кайсаков на месяц не будет; и зная те обстоятельства, они делать шалости, уповаает, оставят, ибо и то суще разсуждают, что уже Е. и. в. больше их дурачеству терпеть не соизволит, к тому же и знатная старшина крайне будут стараться для себя их от того отвращать, чтоб за их шалости тут же и они не пропали також-де от него, брегадира Тевкелева, от своих дел тяшко стыдятся и боятся и ныне от стыда приехать к нему скоро не осмеливаются, ибо как он, брегадир, в Оренбург приехал, и Киргис-кайсацкая орда услышала приезд ево, брегадира, прошлой осени и зимою отнюдь никуды и никто из них никакой шалости делать дерзать не смели ж, тако уже о том они на него надеются, что он, брегадир, прежняя их шалости и продерзости поправить и загладить по ево искусству может. Он же, Кара-батырь, брегадиру Тевкелеву словесно объявляет, которое самое истинное, что ныне киргисцы, хотя и станут некоторую якобы свою несклонность показывать и будут, якобы представляя свои ветреные обычию, что лехкомысленных народов удерживать не могут, тому б ничему нутренно не верить, понеже-де они весьма в страху для того, что у них скота

много, а иттить некуды, а как от российских подданных будут нападении, совсем раззорятся; и он, Кара-батыр, так уповает, вперет отнюдь зла делать не будут, ежели сие пройдет.

На то брегадир в ответ сказал, что он сердечно рад и может их шалости и продерзости поправить, ежели они ево послушают и ево наставлении усердно примут, и как они будут действительно поступать по ево наставлениям смело, он, брегадир, их обнадеживает, что всегда благополучно и с покоем жить и Е. и. в. в милости находиться могут.

И потом он, Кара-батырь, говорил, что киргис-кайсаком ево, брегадира, наставлении не слушать невозможно, понеже он им наставляет на доброе, они ж, киргис-кайсаки, ево, брегадира, приезд в Оренбург с крайним желанием ожидали, а по прибытии ево несказанно обрадовались тем намерением, что он их киргисские дела по ево искусству может поправить; к тому же киргисцы ево, брегадира, безмерно любят, столько же от него и страх имеют. И на то брегадир Тевкелев говорил, егда Киргис-кайсацкая орда будет ево наставлении принимать и потом поступать, то она орда все свое благополучие совершенно всегда иметь будет.

Однако он, Кара-батырь, еще свое усердие объявляет, хотя они и в таком страхе находятся, только чтоб он, брегадир, еще с ними, яко дикими зверьми, вдруг крута не поступил, чтоб до времени пока о пленниках окончится, о скоте не весьма часто упоминать, для того дики и замерзены народ вдруг оное за невозможность причитая, в отчаяние б не пришли, а как первое исправят, и последнее исправить способ сыскать будет можно. И на то брегадир Тевкелев сказал, он приехал их худое дело поправлять, и по их легкомыслию он знает, сперва каким образом к их благополучию пользы употреблять. И потом он, Кара-батыр, от брегадира Тевкелева те речи услыша, встав, благодарил и стал ево, брегадира, просить, что он по старой к нему дружбе привел ему от усердия своего заводу своего ж в подарок двух иноходцов, чтоб приказал принять. И на то брегадир Тевкелев ему в ответ сказал, он сам, Кара-батырь, знает, что брегадир Тевкелев когда был в Казачей орде и находился в крайнем недостатке, и тут ни от кого ничего не брал, кроме того, что у него брал овец, и то для того по необходимости, что не было пищи, а он, брегадир, ему, Кара-батырю, друг не для подарков, но для верности ево к Е. и. в., и как он, Кара-батырь, прежде был верен,

да и впредь будет в верности же себя непоколебимо содержать и тем он, бригадир, больше драгоценных подарков им, Кара-батырем, будет доволен и сущим другом себе почитать никогда не преминет, а он, бригадир Тевкелев, Е. и. в. высочайшею милостию награжден и всем доволен и богат, чтоб он, Кара-батырь, не принел себе за неудовольствие, иноходцов он у него не примет не для чего иного, только то, что он тому не привык и бес того он, бригадир, ево друзьям всегда за ево верность иметь будет.

И по окончании вышепомянутых речей он, Кара-батырь, стал усердно бригадира Тевкелева просить, что тому назад лет з дватцать племянник ево чиклинского роду Бахтыбаев сын Девлетъбай имеется в Питербурге в салдатах, а видели-де ево в Санкт-Петербурге и Абулгаир-хана сына Ходжа-Ахметъ-салтана люди и просил бригадира Тевкелева за ево верные услуги оного племянника об отпуске к нему, куды надлежит представить, ежели ево оной племянник Е. и. в. высочайшим указом будет для ево прозъбы из России освобожден, то он со всем своим родом до капли крови Е. и. в. служить верно должен и будет.

И на то ему бригадир Тевкелев в ответ говорил, что он ево племянника в Санкт-Петербурге не видал и не знает, а за ево верные Е. и. в. услуги о том, куды надлежит, рабски донося, просить будет, ежели он не крещен. И на то Кара-батырь сказал, что Ходжа-Ахметъ-салтана люди с ним говорили, и он им объявлял, что оной ево племянник подлинно не крещен, а когда б он был крещен, то ему и самому об нем просить невозможно. И бригадир Тевкелев сказал, что он по возможности крайне стараться для него о освобождении ево племянника будет, тем и речь окончалась. А понеже он, Кара-батырь, к российской стороне весьма верен и доброжелателен, а в бытность в Киргис-кайсацкой орде в 731 и в 732 годах бригадира Тевкелева многие добродетели оказывал, и многократно приезжал к бригадиру Тевкелеву тайно по ночам и объявлял киргис-кайсацкие намерения, и давал бригадиру Тевкелеву знать ту материю, что против киргисских старшин какие ответы употреблять, сверх же того, когда бригадир Тевкелев со всею своею командою в крайней нужде был, пищею и в таком случае он, Кара-батырь, тогда несколько баранов давал на пищу от себя, а потом ссужал и на кредит, и тем бригадир со всею своею командою от голоду и спасся, а у оного Кара-батыря отец Аккишибей в Меньшей Орде был первой человек и богатея

ево из знатных старшин не было, и всегда и отец ево народ наставлял на доброе и от худого отвращал, и как же отец ево, так и он, Кара-батырь, от роду их никогда и никуды никаких набегов не чинивали, живут своим богатством и желают покою.

Он же, Кара-батырь, объявлял в разговорах, что прошлой зимы зимовали они близ Гурьева-городка несколько родов и в том Гурьевом городке имели торг, хотя он сам и не был, только видел тех, которые, расторговавшись, приехали весьма изрядно. Все-де киргисцы говорили, что тамо в Гурьеве-городке товару гораздо дешевле, нежели в Оренбурге, а были-де на торгу немалое число, и тамошние киргисцы еще ожидают того время, чтоб им в Гурьевом городке торговать, а в Оренбург не едут; к тому ж оные киргисцы покупали у рыболовных калмык маленьких робят, и те киргисцы, которые покупали, приехав, объявляли, знатно-де из детей продавать указом запрещено, что украдкою отдавали и тайно цену скотом принимали, а числом-де их, как он, Кара-батырь, слышел, что малых робят калмычат и девок выменено киргисцами от тридцети до сорока человек. А потом дано ему, Кара-батырю, за ево прежние и нынешние верные службы, да и впредь надежен, наодине четыре аршина самага доброго с урезом красного сукна один косяк и светлокоришневых голей, да четыре красные кожи, да бригадир Тевкелев от себя из собственного своего пажитку за прежние ево в бытность в Казачей орде бригадиру Тевкелеву добродетели дал два куска московской фабрики бархату, один кусок малиноваго бархату восемь аршин, а другой кусок черного бархату восемь же аршин (да четыре кожи красные), да публично всем четверым вместе, в том числе и ему, Кара-батырю, дано по четыре аршина сукна ценою по рублю аршин, а имянно: Кара-батырю, Асан-батырю да Чигирбаю-батырю по четыре аршина красного, да третьему — Бусурману — четыре аршина зеленого, да по одной красной кожи.

Июля осьмага числа получено бригадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана письмо, в коем написано: «Высокоблагородному и высокопочтенному превосходительному истинному и искреннему, яко душе моей подобному благодетелю, господину бригадиру мурзе желаю благосчастливого здаровья. Вашего превосходительства почтеннейшее письмо мне Кубеков и Байбеков сыновья вручили верно, и посланные от вас вещи чрез них же я получил исправно, за что нижайше и благодарствую, и даруй бог всякаго

счастливаго благополучия. Что ж изволили писать, дабы к совершению наших дел заблаговременно к вам дни за два Кубека и Байбека со известием отправить, и оное мне весьма приятно, почему я оных со известием пришлю, а по милости вашей, аще бог благоволит, и бес того ежедневно вас уведомлять будем, которого и мы по воли всемогущего бога отриновенны от вас быть не чаем, а я уже от самой весны всячески стараюсь, чтоб нашего дикаго народа привести в доброй порядок, токмо мне по их обычию в такой порядок одному скоро было привести невозможно, а ныне по вашей помощи и с немалым моим усердным старанием чрез великую мочь уже их склонил, и касающаяся до меня здешние дела соверша, к вам прибуду после нашего собрания, а потом достольные дела полагаю на разсуждение вашего превосходительства, и уповаем, что вы обо всех наших нуждах впредь старанием своим не оставите, и даруй бог нам благополучно и радостно с вами видиться, как мы и прежде сего с вами видалися и того всеусердно желаю. Сын мой Ходжа-Ахметь-салтан человеку моему Кудайбердею приказывал паки к нему приехать, и до приезде нашего намерен ево послать за покупкою в Оренбург, чего для я оного при сем и отправил, которого прошу не оставляя, придав от себя человека, на подводах отправить, такожде и ево высокопревосходительству господину генералу рекомендовать. Его же высокопревосходительству от меня письмо послано, ни о чем ином, точию о уведомлении себя ко удовольствию ево высокопревосходительства. При сем до услуг ваших послал служителя вашего, а моего писаря Алмухамметева сына Танрибердея да моих людей Аралбая, Кудайбердея, и они имеются собственные мои люди, а не протчие киргисцы. Они же никаких дел и слов не разумеют. От урочища Камышлак-реки. Июля 4 дня 1748 году». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

При подаче же сего письма присланной же от Абулгаир-хана киргизец и ево человек Аралбай объявил оного хана сына ево Айчювак-салтана чернильную печать и при том доносил, что оной-де Айчювак велел господину бригадиру Тевкелеву донести ж, яко он сам грамоте не знает, а к тому ж за скоростию и писать было некогда, только верно в том состоять, что он брата своего Ходжу-Ахметь-салтана сменить желает и для того во знак и печать свою посылает.

Июля первого на десять числа поутру посланной от бригадира Тевкелева к Абулгаир-хану старшина Кубек возвратился паки в Орскую крепость и от Абулгаир-хана привез письмо, и с ним прибыли от Абулгаир-хана два есаула из сильных родов, да восемь человек Меньшой орды сильных же родов знатных старшин дети, а из них некоторые назначены с сыном ево, Абулгаир-хана, Айчюваком в аманаты, и оные киргисцы поставлены на квартиры. И пришед Кубек к бригадиру Тевкелеву, объявил, что Абулгаир-хан приказывал с ним, Кубеком, бригадиру Тевкелеву, чтоб сих старшинских детей, как возможно, бригадир Тевкелев угожал и приласкал, понеже они, как дикие народы, еще к тому не обыкли, сильных родов знатных старшинских детей в оманаты прежде не даывали, и им, во-первых, ныне кажется дико, а он, бригадир Тевкелев, по искусству своему сперва пристойными словами их чтоб наставлял, и ис того какое их благополучное житие воспоследует, со обстоятельством изъяснил, а потом по рассмотрению ево, чем ни есть, их подарил; и как оные старшинские дети со удовольствием от него, бригадира, возвратятся, и он, Абулгаир-хан, уповает, что всему доброму делу от того воспоследуют полезные успехи.

При том старшина Кубек бригадиру Тевкелеву, что видел и слышел, доносил: Абулгаир-хана сын Айчювак-салтан при собрании при всех знатных старшинах просил у отца своего позволения, чтоб он при собрании свое намерение изъяснил, на что от Абулгаир-хана и позволение дано, и он, Айчювак-салтан, в учтивых терминах речь говорил следующие: что он, Айчювак-салтан, яко сын ево, Абулгаир-хана, во всем в отеческом послушании и покорности быть должен, ежели сие дело есть собственное отца ево, Абулгаир-хана, то он живота своего для воли отца своего не жалеет. Ежели же он, Айчювак-салтан, по воли отца своего посылается на смену брата ево Ходжу-Ахметь-салтану в аманаты для киргис-кайсацких дел без основательных резонов, то ему ехать весьма не сходно, понеже, когда отец ево тех ево братьев, а своих детей, в оманаты отдавал, в то время они были в молодых летах и никакого обстоятельства не знали и не рассуждали, а ныне он, Айчювак-салтан, уже посылается в возрасте и в совершенном в смысле, а без основания ехать ему в оманаты так, как и те братья ево без основания ж отданы были, то ис того никакой и ни в которую сторону нимало пользы быть не может для того: 1-е — киргис-кайсацкой

народ самовольно издревля обыкли лехкомысленно поступать, как ханов, так и добропорядочных старшин мало слушают и поступают своевольно, и как братия ево в оманатах были, они уже то действительно и чинили, а егда он пойдет на смену брата своего в оманаты, а их киргис-кайсацкие бездельники станут делать пакостные продерзости, и тем ему, Айчювак-салтану, они нанесут великую горесть и печаль, и немалой стыд, понеже как киргис-кайсаки в бытность тех ево братиев в оманатах делали продерзости, а может быть тем братием ево за то и надлежащая бывали выговоры, однако тем братием ево было чем и отговариваться или отмалчиваться малолетством и незнанием их обстоятельств; и тамо в России, яко умные люди и знатные персоны, их той ради притчины за молоденчества и не скучали и не печалили, а при них из сильных родов знатных старшинских детей в оманатах не было, и тех бездельных киргисцов от шалостей удерживать или к тому какие способы сыскать или примыслить не допустить до той продерзости из старшин отцу ево Абулгаир-хану никто не помогал и, как он сам самовидец, отец ево Абулгаир-хан трудится, бьется, домогается для того, что кровь ево-сын ево отчего ему к сердцу его болезнь приносится, один учинить ничего не может с печалию и з горестию, так со слезами и останется, и тем отец ево Абулгаир-хан всю тягость и весь стыд несет на себе, а киргис-кайсацкая знатная старшина, оставя всю тягость на отца, живут во всяком покое, ибо детей своих з братьями ево в оманаты не давали, и им печалиться и крушиться, и крайним соблезнованием с отцом ево вместе трудиться и ему помогать тех киргиских бездельников от продерзости удерживать сердечно сожаления и не имеют, и от того происходят худые следствия и лишние затруднения, как и ныне то есть. А он, Айчювак-салтан, уже в совершенных летах и в совершенном в смысле, и в бытность ево в оманатах, ежели киргис-кайсацкие бездельники станут делать к российской стороне какие шалости и продерзости, а от российских знатных персон ему за то будут выговоры, и ему уже отговариваться малолетством и отмалчиваться не сходно и не резон, и того снести не может, и отмалчиваться ему будет стыдно, и той ради притчины и, убегая всех тех выше объявленных затруднений, требует он, Айчювак-салтан, Меньшой орды из сильных родов знатных старшинских детей с собою в оманаты, ежели же из сильных родов знатная старшина детей с ним не отдадут в оманаты, то чем ему будучи в оманатах за худые

ис киргиских некоторых людей поступки от российских знатных персон от выговору от стыда ему сокрушаться, лутче ему под гневом Е. и. в. от российского войска с ними вместе умереть, а как из сильных родов знатная старшина с ним своих детей отдадут в оманаты, тогда он имеет надежду и упование, что киргис-кайсацкие худые люди продерзости делать от тех сильных родов старшин отважиться не осмелятся, а хотя некоторые, яко самовольной народ, какую ни есть продерзость и зделают, и тогда оные из сильных родов знатная старшина, у которых дети с ним, Айчювак-салтаном, будут, соболезнуя детей своих, отцу ево Абулгаирхану помогать и крайне вспомоществовать, как оное поправить, будут принуждены.

2-е — как отец ево, Абулгаир-хан, принят со всею Киргис-кайсацкою ордою под российское подданство, тогда отец ево с совету всей Киргис-кайсацкой орды отдал сына своего, а ево родного брата Ирали-салтана в оманаты брегадиру Тевкелеву, когда он был послом в Казачей орде для принятия в подданство всю Киргис-кайсацкую орду, тогда было говорено, чтоб аманатов на каждой год переменять, а что оные ево братья долговременно житием продолжались от не порядков киргис-кайсацкого народа и от непостоянства худых людей, а ныне он, Айчювак-салтан, сколько братья ево жили продолжительно, к тому же без основания, столько беспорядочно жить себе в тягость и в обиду причитает. Ежели киргис-кайсацкие старшина на вышепоказанных ево, Айчювак-салтана, представлениях оснуются и из сильных родов знатных старшин с ним дадут в аманаты детей, и чтоб погодно как ево, так и знатных старшин детей переменять, и чтоб знатым старшинам худых людей ис киргис-кайсаков до шалостей не допускать, в том все обяжутся, то он итти на смену брата своего в оманаты готов.

И в том собрании киргис-кайсацкая старшина, выслушав от него, Айчювак-салтана, представлении, принели весьма за благо, и все радостно ево, Айчювак-салтана, за то похвалили и благодарили, что он умно и порядочно представлял, к ординскому их спокойному житию дал доброй способ, для того-де ево слова весьма полезные, и те киргисцы, которые делают шалости, имеются в сем собрании, и о том все слышат и знатым старшинам их от того удерживать показал дорогу, и знать дал ту притчину; и они, знатная старшина, когда детей своих отдают, а плутам воли

продерзости делать уже не дадут, и объявили ему всем миром и отдали на его волю из сильных родов знатных старшинских детей, и которых он, салтан, пожелает, чтоб объявил, коих они тех без всякого прекословия и отдадут. И он, Айчювак-салтан, тогда же назначил, которых родов и чьих детей требует, и все киргис-кайсацкая старшина ему объявили, которых он требует, они ему тех отдали, и тем речь и окончали, и намере положили и по своему обычаю учинили пата, то есть пата о зачатии доброго намерения приносят богу благодарение и просят благополучного окончания, и оное дело тем утверждают, и тем у них бывает патою всякое дело твердо. А он, Абулгаир-хан, Кубеку приказывал, что он для того знатных старшинских детей прислал к бригадиру Тевкелеву, чтоб они, во-первых, яко дикой народ, увидя его, бригадира, искусство, пообаркались и привыкали, а как ныне сии старшинские дети сперва дорогу сделают, то уже з другим его сыном на предбудущей год без всякого прекословия на смену знатных же старшин детей отдавать не отрекутся.

Того ж **июля 11 числа** пополудни оные два ясаула и старшинские дети восемь человек у бригадира Тевкелева были и после надлежащаго комплемента два ясаула от Абулгаир-хана словесной приказ объявили следующие: что Абулгаир-хан и киргис-кайсацкие старшина советы свои окончили и намере положили, что по рождению сего месяца в третьей или в четвертой день в Орскую крепость для свидания к нему, бригадиру, приедут, а сына его Айчювак-салтана на смену Ходже-Ахметь-салтану привезет с собою, и с ним, Айчювак-салтаном, из Меньшей орды из сильных родов знатных старшинских детей, которые назначены, Абулгаир-хан их прислал к нему, бригадиру Тевкелеву, чтоб он их видел и смотрел, а в протчем он, Абулгаир-хан, к Е. и. в. по присяжной своей должности состоит во всякой верности и приказал и ему, бригадиру Тевкелеву, его, Абулгаир-хана, всегда доброжелательства и чистосердечное усердие засвидетельствовать.

На оное бригадир Тевкелев в ответ говорил: что он, бригадир Тевкелев, нимало не сомневается к Е. и. в. всемилостивейшей государыне нашей его, Абулгаир-хана, по присяжной своей должности ныне и впредь непоколебимо о верных поступках, также и к нему, бригадиру, его Абулгаир-хана, всегда о продолжаемой дружбе несумненно ж верить, а что он, Абулгаир-хан, и вся

киргис-кайсацкая старшина о пользе их ординских дел свои советы добрым порядком окончали, он, бригадир, тому весьма радуется, а что в том совете основали отдать Абулгаир-хана сына Айчювак-салтана на смену брата ево Ходжа-Ахметь-салтана и с ним несколько сильных родов назначели знатных старшинских детей, и оное как Абулгаир-хан, так и киргис-кайсацкая старшина учинили по многим обстоятельствам и резонам весьма к лучшей пользе своего киргис-кайсацкого народа и для своего благополучия и спокойного жития; а что ж Абулгаир-хан и знатная старшина положили приехать к бригадиру Тевкелеву для принятия Е. и. в. всемилостивейшей грамоты и для свидания с ним, бригадиром Тевкелевым, и оное ему Абулгаир-хану, и киргис-кайсацким старшинам необходимо нужно и надлежит, понеже в том вся их киргис-кайсацкого народа благополучность и к спокойному житию зависит немалая польза, и они оное учинят не для чего другога, но для себя.

А потом бригадир Тевкелев о присылке от Абулгаир-хана старшинских детей речь продолжал следующие: что он, Абулгаир-хан, с ними двумя ясаулами прислал к нему, бригадиру, для свидания знатных старшинских детей, и из них некоторые назначены с сыном ево в оманаты, он, бригадир, за немалую себе приятность принимает для того, что они люди еще молодые и взрослые в степях, и никаких добрых и полезных порядков не видали и не знают, и как они будут в оманатах и при знатных российских персонах, хотя и один год, однако, как видно, они, знатных старшин дети, природной ум имеют, будучи в аманатах, станут насматриваться российских добрых порядков и полезные учреждения примечать, то они будут уже и знать и рассуждать, что есть доброе основание, какое от того благополучие и польза, или от чего происходят худые следствия со вредом народа, и тогда, как они возвратятся в свою орду, не токмо они сами находиться будут с их ординскою пользою, но и многих неразсудных людей и недоброжелателей спокойного жития наставлением и увещанием в доброй и полезной порядок привести могут. К тому же бригадир Тевкелев им и то толковал, что как они в прежних годах от беспокойных их от некоторых киргис-кайсацкого народа людей поступок в разные места разбиты и растощены были по многим неудобным местам, бегаючи и таскаючись, потеряли свой скот и пажить, были чрезмерно бедны, едва и с

нуждою пропитание имели, о чем он, брегадир, и сам того самовидиц в бытность ево в Казачей орде довольно насмотрелся, а как уже Абулгаир-хан и вся Киргис-кайсацкая орда пришли в подданство Российской империи, то уже она Киргис-кайсацкая орда Е. и. в. по всемилостивейшей высочайшей протекции ни от которых сторон от прежних их неприятелей себе нападений и раззорений не получали, но жили во всяком благополучии и тем свой скот умножали, к тому же Е. и. в. всемилостивейшая государыня наша для пользы киргис-кайсацкого народа, яко верным подданным, показуя милосердие, соизволила указать город Оренбург построить и тут торг учредить, где действительно и торг имеют, отчего и набогатилися, и оную Е.и.в. высочайшую милость их отцам, яко знатым старшинам, надлежит весьма чествовать и худых людей киргисцов, нежелателей покоя, от продерзостей воздерживать и до того не допустить, что, боже сохрани, за невоздержание худых людей не воздвигнуть бы им на себя Е. и. в. тяшкого гнева, понеже как Е. и. в. высочайшаго милосердия всем верноподданным за добрые поступки всегда уповать и ожидать надлежит, столько же или еще наивяще за худые поступки и за продерзости весьма надобно и тяшкого гнева крайней страх иметь и опасаться; и как они знатных старшин дети сии полезные и вредные порядки знать и разсуждать будут, еще они люди молодые насмотрются, и в разсуждение взять еще время есть, и как они станут поступать добропорядочно, еще превосходнее и лутче отцов их, в знать войти могут и Е. и. в. в милости содержаны быть имеют.

И как оные старшинские дети от него, брегадира Тевкелева, вышереченные наставления услыша, усердно благодарили и кланялися за то, что отцы их столько наставления на добрые дела дать им не могут, понеже-де они и сами того не знают, как они в сие малое время от него, брегадира Тевкелева, полезными наставлениями великия добродетели получили, а что прежде как отцы их в оманаты с ханскими детьми их не отдавали, они и сами от того отрекались. Ныне как они хотя молодые люди, усмотрели, что прежния их от того отрицании крайняя ошипка, и как они от брегадира поедут к своим отцам, сами им будут о той ошипке толковать и с радостию ныне с ханским сыном, которые из них назначены, несумненно приедут, и впредь из них другия сменятся, уже отнюдь не отречутся.

На то им брегадир говорил, что они сами уже разсудили, как они знатных старшин дети, от природного своего ума в самом малом времени сколько добрые дела понять могли, а ежели поболее при российских знатных персонах поживут, тогда наивяще полироваться и к добрым делам научиться могут, а других, приехав в орду, сами учить будут и станут знать, что есть людность, и разделять от степных зверей. И сими последними брегадира Тевкелева речьми весьма довольны явились, и видно, что сие несколько им зело приятно было, и веселое лицо свое оказывали, и с радостию и с крайним удовольствием оные старшинские дети от него, брегадира, отъехали, и при отъезде говорили, что они рабски будут Абулгаир-хана благодарить за то, что он прислал их к брегадиру Тевкелеву, от чего они себе немалую и пользу получили, и глаза их несколько открылися, и при том они достойно и трактованы.

При отпуске ж их брегадир Тевкелев им, старшинским детям и есаулам, подарил, а имянно: старшинским детям роду чюмекей Тюрке Кидай-биеву сыну, Актамуберде Аллаир-биеву сыну, Трумбетъ Алучи-биеву, Елбаю Сакав-биеву, Конаю Сакал-биеву, Раимберде Кутлумбетеву; каракисяцкого роду Алебеку Багузе, чеклинского роду Бакимбай Муйнак-биеву; ясаулом: чемекейского роду Кутлумбетю, чеклинского роду Киекбаю, итого десяти человекам красного сукна по рублю аршин по четыре аршина и по два конца китайки, в том числе первым трем старшинским детям Тюрке, и Актаму, и Алебеку и двум ясаулом — красного цвету, а протчим пяти — зеленого, да им же всем по две красные кожи, да имеющимся при них кощьям Каньназару, Елгилде да Небеку — синего сукна по семидесят по три копейки аршин по четыре аршина, да по одной коже. Да секретно дано трем знатым старшинским детям: Тюрке Кидай-биеву, Актамуберде Аллаяр-биеву сыну, Алебеку Багузе — алого сукна по два рубля по пятнатцети копеек аршин по четыре ж аршина, для того, отцы их, первое, то, что между ими знатные, второе, к российской стороне доброжелательные, чтоб они за то себе отмену получили и тем наивяще усердие свое оказывать всегда трудились. При том же и двум ясаулом, которые сильных родов, к тому же и в собрании они немалой имеют голос, дано того ж алого сукна и по той же цене до два рубли по пятнатцети копеек по четыре ж аршина.

Июля втораго на десять числа получено брегадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана письмо, в коем написано: «Высокоблагородному превосходительному истинному и искреннему, яко душе моей подобному, другу господину брегадиру мурзе. При сем для удовольствия и обрадования вашего превосходительства объявляю, что мы уже здесь со всею нашею Меньшею ордою алчинского роду с знатыми биями и старшинами, особливо сильного роду биями ж Алимчюманом, быв при мне, в совете дела наши окончав, положили на одном слове и означенного ж бия Алимчюмана баулинского роду все двенатцеть родов, в том числе и жетирувской род, слушают вышепомянутых старшин, и всякого роду знатные бии обещались отдать в оманаты детей своих с Айчювак-салтаном, того для с Кубеком и послал до вас вышеписанных биевых детей и братьев их; к тому ж прежде сего вы сами изволили ко мне писать, чтоб заблаговременно к вам отпустить со известием Кубека, а я только ожидаю приезду Нурали-салтана, однако что уже и он следует в пути, а словесно от меня вам донести могут посланные Кутлумбетъ и Киикбай ясаулы о состоянии Средней и Меньшей орд. Ежели б вы оных людей изволили отправить со обнадеживанием, то б они по приезде сюда похвалу приносить могли, понеже знатные бии заблагодарасудили их к вам послать, которые желают быть со мною для свидания с вами. Байбек и Кубек вседневно-де и бес того ездят и того ради чрез вышеписанных ныне посланных желают о вашем пребывании уведомиться. При сем до услуг ваших и для обнадеживания с Кубеком послал, а имянно: Алибека Байгузина, Тюкрия Кудайбиева, Трумбетя Алучи-биева, Актабердея, Яикбая Муйнак-биева, Юлбая Сакау-биева, Каная, Раимберду, итого одиннатцать человек, да при них три кощей. Июля 11 дня 1748 году, от урочища Камышлак-реки». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Июля втораго ж на десять числа отправлены от брегадира Тевкелева к Абулгаир-хану с письмом присланные ево ясаулы Кутлумбет да Киикбай с товарищи, а в письме написано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и сущей приятель. Вашего высокостепенства мне многоприятнейшее письмо чрез ясаула вашего Кутлумбетя с товарищи от 11 сего июля я здесь того ж числа с крайним моим удовольствием получил и премного благодарствую.

Что же изволите обещать приехать ко мне в Орскую крепость и привести на смену любезному сыну вашему Ходже-Ахметь-салтану сына ж вашего Айчювак-салтана и знатных старшин з детьми и при вас же и з другими старшинами, и оное zelo изрядно, только прошу неумедлее приехать, понеже время уже к тому пришло, чего с крайним моим желанием ожидать буду, притом прошу вас уже больше сего прежде себя ко мне никого не извольте присылать, сами извольте приехать, а присланные от вашего высокостепенства десять человек знатных старшин дети, в том числе два ясаула с кощеями, со всяким удовольствием отправлены». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июля третьяго на десять числа брегадир Тевкелев приказал присланному от Абулгаир-хана с Кубековым сыном Кудайгулом джагалбайлинского роду киргисцу Айбашу, которой привез от него, хана, письмо к нему, брегадиру, о уведомлении аки бы торгующими ныне в Оренбурге Средней орды каракисяк-аргынского роду Кутырь-батыря товарищами русских трех человек во удовольствие ево, хана, за то вернейшее усердие дать оному киргисцу одну красную кожу, а в письме ево, ханском, изъяснено: «Высокоблагородному превосходительному и высокомилоствому, истинному и искреннему благодетелю, яко душе моей подобному, господину брегадиру мурзе. По нашей верности чювствую того, чтобы нам впредь было не стыдно, при сем объявляю, что ныне имеющийся в Оренбурге для торгу киргисцы Средней орды кара-кисяк-аргынского роду Кутырь-батыря товарищи увезли-де трех человек русских людей, а он, Кутырь, и поныне обретается в Оренбурге ж, а когда ево товарищи тех русских людей повезли, то видел Чюмак Абызов, сын которой, приехав к нам в орду, мне и объявил, о чем и я известую, как о том за благо разсудите, а по моему мнению, ежели то суще будет правда, лутче б оного Кутыря да с ним трех человек приказали б задержать и распросить, и оное б было весьма сходно, чего для я нарочно к вам отправил наскора Кубекова сына да киргисца Айбаша. По должности моей сие я доносил, в протчем состоит в воле вашей. Июля 13 дня 1748 году, от урочища Камышлак-реки». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Р. С. «И мы ваши раби, ханской писарь Алмухамметь, да ханской человек Байбек, по нашему к вам усердной верности, не

щеда своих животов, что услышим и увидем, то непременно к вам и объявлять будем, хотя Кубек и при вас находится, однако и я, нижайший Байбек, с ханским писарем всегда вам доносить будем и о сем доносим, что надлежит, и хану станем объявлять».

Июля четвертаго на десять числа отправлены к Абулгаир-хану с письмом сакмарского старшины Кубека сын Кудайгул да киргизец Айбаш, а в письме писано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и сущей благодетель. Вашего высокостепенства мне многоприятнейшее письмо чрез Кубекова сына Кудайгула и киргисца Айбаша я с немалым удовольствием получил сего июля 13 дня, за которое, особливо же за оказанное к Е. и. в. высшего высокостепенства искреннее усердие, премного и благодарствую, и желаю, дабы и впредь також бы ваши вернейшие поступки продолжаемы были, за что и высочайшей Е. и. в. милости оставлены не будите. А что ваше высокостепенство изволите объявлять, якобы бывшие для торгу в Оренбурге киргисцы Средней орды каракияк-аргинского роду Кутырь-батыря товарищи увезли русских трех человек, и ежели б так подлинно учинилось, то бы господин тайной советник и ковалер Неплюев немедленно о том ко мне мог сообщить для того, что касающиеся до того киргис-кайсацкие дела положены на меня, однако ж я для лутчаго о том осведомления того ж дня писал к нему, тайному советнику, с нарочным, и какое от него известие получю, о том имею представить при свидании со мною вашему высокостепенству». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июля четвертаго на десять числа брегадир Тевкелев приказал Абулгаир-хана собственному ево человеку Аралбаю, которой привез от сына ево ханского Айчювак-салтана к брегадиру Тевкелеву вместо письма собственную ево, Айчювак-салтанскую, печать, во знак того, что он, Айчювак, в оманаты на смену брата своего Ходже-Ахметь-салтана неотменно идет и в том тою печатью уверяет, а письма-де не прислал за отлучением писаря, и для того во удовольствие ево ж, Айчювака, дать оному Аралбаю одну кожу, да с ним же прибывшим и ево ханским людям для свидания с пребывающими при Ходже-Ахметь-салтане в оманатах с родственники киргисцем Бекберде да Асану ко удовольствию помянутого ж хана обоим одну кожу.

Июля седьмаго на десять числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Средней орды от знатного старшины

Джанебек-тархана письмо, в коем написано: «Высокоблагородному высокодостойному и благоразумному, премногомилосердому и превосходительному, дражайшему и особливо моему благодетелю господину брегадиру мурзе желаю от всемогущаго творца при всяком благополучии и щасливом пребывании премного лет здравствовать. При том доношу вам, что мы ко услуге к вам уже выступили, о чем изволите быть известны, и для того с сим к вам посылаю Сююндюка с Байкарою и з доброжелательством к вам прибуду, Джанебек-тархан». На обороте того письма ево, Джанебек-тархана, чернильная печать приложена.

Июля седьмаго на десять числа брегадир Тевкелев приказал посыланному за покупками в Оренбург от Абулгаир-хана для ево и сына его Ходже-Ахметь-салтана собственных надобностей собственному человеку киргисцу Кудайбердею, которой оттоль благополучно возвратился во удовольствие ево, хана, дать ему, Кудайбердею, одну красную кожу.

Июля осьмаго на десять числа приехали из Средней орды от знатного старшины Джанебек-тархана и от других старшин два человека киргисцов чакчак-аргинского роду Джанебек-тархана родной племянник брата ево родного Тордогула сын Сююндюк, да другой того же роду дальней ево родственник Байкара, привезли к брегадиру Тевкелеву письмо с тем известием, что Джанебек-тархан из Средней орды с знатными старшинами и батырями сто человек выехали и едут к Орской крепости для свидания к брегадиру Тевкелеву; и оные посланцы объявили словесно, что по выезде своем Джанебек-тархан отправил ко Абулгаир-хану двух человек, объявляя, что он поехал к брегадиру Тевкелеву.

А сего **июля 19 числа** оные Джанебек-тархана племянник с товарищем паки от него, брегадира Тевкелева, к нему, Джанебек-тархану, отправлены навстречу, и при отпуске им дано: племяннику ево зеленого сукна четыре аршина по семидесят по три копейки аршин да одна красная кожа; другому — синего сукна четыре же аршина по той же цене и одна красная кожа.

И сего **июля 20 числа** поутру оной Джанебек-тархана племянник Сююндюк к брегадиру Тевкелеву паки возвратился и объявил, что Джанебек-тархан со многими Средней орды старшинами к речке Ташкечю (то есть Каменной брод) от Орской крепости в семи верстах приехал, и приказали Джанебек-тархан и все старшины ему, брегадиру Тевкелеву, объявить их нижай-

ший поклон и о здоровье его спросить и при том приказал просить Джанебек-тархан позволения, что он желает тут стать и ожидать Абулгаир-хана, да между ими три человека посланцов от Абулмаметь-салтана присланы к бригадиру Тевкелеву с письмом.

Того же числа пополуночи в 8-м часу бригадир Тевкелев послал от себя толмача Усмана Арасланова к нему, Джанебек-тархану, и ко всем старшинам поздравить приездом их к Орской крепости, и что он желает тамо ожидать приезд Абулгаир-хана, и он, бригадир, оное ево, Джанебек-тархана, намерение разсуждает зело изрядно. И посланной от бригадира Тевкелева толмачь Усман того же числа пополуночи в 1-м часу возвратился, которой объявил, что Джанебек-тархан и все Средней орды старшина крайне обрадовались, что бригадир Тевкелев прислал к ним с приездом их поздравить, и оное они за великое себе щастие почитают, и все усердно нижайше ево, бригадира, благодарят. При том Джанебек-тархан приказывал толмачю Арасланову донести бригадиру Тевкелеву, что он, Джанебек-тархан, многие годы с ним, бригадиром, свидания не имел и сердечно того и нетерпеливо всегда ево суды ожидал, а как он, бригадир, милосердием Е. и. в. по указу к ним приехал, и он, Джанебек-тархан, по окончании их ординские советы тому ныне назад десять дней с немалою и неизреченною жадностию ехал к Орской крепости ево, бригадира, видить. Уже приехав к Орской крепости, ево терпения не достает и не может того снести, чтоб с ним, бригадиром, не иметь свидания и усердно просит, чтоб он и до приезде хана к нему, бригадиру, был допущен вначале для принесения Е. и. в. всемилостивейшей государыне ево всеподданнического благодарения и ему, бригадиру Тевкелеву, отдать ево должной поклон, для того он, бригадир, по высочайшему Е. и. в. указу, прислан к ним для поправления их ординских дел с полною мочию. И с великою радостию с себя скиня ташкенской чапан (то есть бумажной кафтан), подарил толмачю Арасланову, оговариваясь, что они иного ничего другога не имеют подарить, и оной Арасланов много отговаривался, однако он усилил то взять; притом оной толмач и то говорил, что он не смеет взять бригадира Тевкелева, понеже-де он и сам не берет, однако он, Джанебек-тархан, от усердия и от радости, что ево, бригадира, видит в Орской крепости, дарует ево, чем богат, тем и рад.

Потом бригадир Тевкелев к нему, Джанебек-тархану, и всем Средней орды старшинам послал с тем же толмачем Араслановым

на первой приезд всем им стам человекам одного быка да одного барана, ведро простого вина да ведро меду, да полатку для него, Джанебек-тархана, да две полатки салдацкие для других старшин, и он, Джанебек-тархан, и протчие старшина за высочайшую Е. и. в. милость всеподданнейше приносили поклонение и ево, брегадира, с радостию и с крайним усердием благодарили.

Сего же **июля 20 числа** Средней орды аргин-каракияцкого роду Кутырь-батырь приехал к брегадиру Тевкелеву, которой был в Оренбурге для провожания ташкенских и кашкарских купцов, и просил брегадира Тевкелева, чтоб он дал от себя подорожную им ехать внутреннюю стороною реки Яика, чтоб Меньшей орды киргисцы им какой обиды не учинили, которому подорожная и дана. Притом брегадир Тевкелев с ним, Кутырь-батырем, имел наодне разговоры. Между протчих брегадир Тевкелев спросил у него, чего для Средняя орда от здешних мест, вдаль отдалается? На то Кутырь-батырь отвечал, что Средняя орда отдалается от здешних мест, никакой другой притчины нет, едино то, что пресекася в Орской крепости торг, а до Оренбурга кочевьем итти место не дает, а ежели только с торгом, то за дальностию никто не едит, разве тот поедет, кому уже обойтися невозможно. На то брегадир Тевкелев спросил, когда Средняя орда за дальностию в Оренбург с торгом не едит, где же они себе надобные вещи покупают? Кутырь-батырь паки отвечал: ездят поблизости к границам зюнгорских калмык, там корсоков, лисиц меняют на разные товары, ежели что там достать невозможно, в таком случае ездят в Бухары чрез город Нурата, а товару никакого туда не возят, кроме лошадей, а лошадей гоняют самых добрых выбором зело многое число. Брегадир Тевкелев еще спросил: лисиц и корсаков калмыки на что покупают и куды девают, понеже у них и у самих многа, а ежели в Орской крепости будет торг, Средняя орда вся будет ли торговать? На то Кутырь-батырь сказал, что зюнгорцы лисиц и корсаков куды девают, о том он не знает, а ежели в Орской крепости будет торг, то Средняя орда вся блиско к Орской крепости прикочуют и тут станут торговать, к зюнгорцам и в Бухары отнюдь торговать не поедут.

А сего **июля 20 же числа** у брегадира Тевкелева Средней орды от Абулмаммет-салтана посланцы два человека были и от него, салтана, письмо подали, а имянно: роду атагай Байназар Бекбулатов, роду саръетем-чакчак Шамаметь и словесно объ-

явили, что Абулмамет-салтан к нему, бригадиру, ныне не приехал за дальностию пути, и как от него, Абулмамет-салтана, отъехали, ево кочевье было по ту сторону реки Ишим на вершинах реки Иртыша подле горы Куктав, и ево владения о киргиских делах прислал поверенную к Джанебек-тархану. И как бригадир Тевкелев прочел оное письмо, увидел одно ненадлежащее слово, то есть сам себя назвал царем, говорил тому Абулмамет-салтану посланцу, что, он, бригадир Тевкелев, как ему Абулмамет-салтану друг, ево острегает, чтоб впредь незнающему писарю писать не велел, что тут одно слово есть ненадлежащее, однако он, бригадир, ведает, что Абулмамет-салтан человек умной, того сам не зделает, изо всего видно, и он, бригадир, и сам узнал, что оное письмо писано самым незнающим худым учеником, а он, Абулмамет-салтан, читать и писать не умеет и знать ему было не почем, того ради он, бригадир Тевкелев, показуя к нему, Абулмамет-салтану, свою дружбу, и оное письмо он, бригадир Тевкелев, никому не покажет, а ежели б он, бригадир, оное письмо от него, Байназара, не принел и отослал бы к нему, Абулмамет-салтану, назад, то б киргис-кайсацкой народ пришли, незнаючи ту материю, в немалое размышление, якобы он какую большую продерзость зделал, что письмо у него не принято. И оной посланец ево, Абулмамет-салтана, Байназар бригадиру Тевкелеву поклонился до земли и просил прощения, и он те же резоны представлял, как выше сего упоминал бригадир Тевкелев, и хотел Абулмамет-салтану объявить и засвидетельствовать ево, бригадира Тевкелева, крайнюю милость и сущую дружбу.

О том же письме бригадир Тевкелев собственно разсуждал и усмотрил, что оно писано самым худым и ученическим почерком, которого к переводу и разобрать и истолковать весьма трудно, того ради то письмо и в журнал не внесено.

А потом оной Абулмамет-салтана посланец Байназар Бекбулатов, у которого отец Бекбулат в прошлых давних годах был ис Киргис-кайсацкой орды посылан посланцом в город Тобольск, где оной ево отец Бекбулат был одержим под караулом десеть лет, а когда приезжал в Казачью орду бригадир Тевкелев для принятия в российское подданство Абулгаир-хана и всю Киргис-кайсацкую орду, тогда при отъезде ево, бригадира Тевкелева, в Россию как Абулгаир-хан, так и вся киргис-кайсацкие старшина просили об освобождении об отце ево Бекбулате и по представ-

лению ево, брегадира, отец ево Бекбулат в 733 году освобожден и отпущен в Казачью орду, где и ныне обретается. И за такое Е. и. в. милосердие всеподданнейше принести поклонение и ево, брегадира Тевкелева, за благодеяние отец ево Бекбулат за старостию, а паче за дальностию, сам приехать не мог, послал ево, Байназара, к нему, брегадиру, всеусердно благодарить.

И по многим разговорам брегадир Тевкелев спрашивал, чего для оная Средняя орда так от здешних мест очень далеко отдалается? На то он, Байназар, сказал, для того что здесь близко нет торгу, затем вдаль и отъезжают, и брегадир Тевкелев спросил, откудова они получают товаров. И часто упоминаемой посланец Байназар сказал, самые нужные вещи бещего им пробыть не можно, покупают от зюнгорцов, а протчие в приданы для дочерей — бархату, кавров и парчей персидских — покупают в Бухарии. Он же, Байназар, в конфеденции объявил, что их больше ныне ласкают и обманывают зюнгорские калмыки, и всеми мерами к себе привлекают, и ныне Абулмаметь-салтан больше за тем не поехал, ожидал к себе от зюнгорскаго владельца посланцов, а с чем они едут, того он, Байназар, не ведает, для того при нем оные посланцы не бывали, а он, Байназар, от сердца своего желает, чтоб они к российской стороне прилеглись; ежели-де в Орской крепости торг будет, то Средняя орда все от той стороны отстанут, и сюды прилепятся.

Июля 21 числа Средней орды знатная старшина Джанебек-тархан с знатными же старшинами и брат ево Букенбай-батырь были у брегадира Тевкелева на квартире, в крепости. И после комплементу Джанебек-тархан засвидетельствовал ево и всей Средней орды киргис-кайсацкога народа к Е. и. в. их всеподданическую верность, и он, Джанебек-тархан, объявил о себе, что он приехал к нему, брегадиру, ото всей Средней орды поверенным и во всех делах; и всею ордою поверили ему, Джанебек-тархану, и как он, Джанебек-тархан, и другие с ним приехавшие старшина приносили Е. и. в. всерабское поклонение и всеподданическое благодарение, что по указу Е. и. в. для поправления их Киргис-кайсацкой орды, яко диких зверских дел, прислан он, брегадир Тевкелев, понеже он, брегадир, их степные обычие, и все их поведение досконально знает и может вылечить от болезни больнаго, яко доктор.

И на то брегадир Тевкелев в ответ говорил, что он, Джанебек-тархан, и весь Средней орды киргис-кайсацкой народ, чрез

него засвидетельствуют к Е. и. в. свои подданные верности, и тем они себя щисляют с верными и добрыми Е. и. в. подданными, и оное им всегда чинить неотменно надлежит, и должны, и он, бригадир, за то ево, Джанебек-тархана, яко знатного старшину, и всего киргис-кайсацкого народа, похваляет, и о том Е. и. в. всемилостивейшей государыне всерабски донести не оставит, ежели и впредь они будут верны и будут жить с покоем, он, бригадир, их обнадеживает, всегда они Е. и. в. в высочайшей милости содержаны быть имеют (а что же он, Джанебек-тархан, радуется о приезде ево, бригадира Тевкелева, к ним, и желает чрез ево искусство их ординские дела поправлены и в лутчей порядок приведены быть, ибо оное он говорил самую истинную), понеже об нем, Джанебек-тархане, к Е. и. в. о верности и о ординских их делах порядочных и умных поступках, он, бригадир Тевкелев, нимало не сумневается, токмо ежели их Средней орды, ярко необузданной самовольной киргис-кайсацкой народ ево добрые наставления будет принимать и потом поступать, то всемерно их все благополучие от того ево, бригадира Тевкелева, наставления всегда им воспоследовать может.

На то Джанебек-тархан в ответ сказал, что когда бригадир Тевкелев по указу в их орду приезжал для принятия их в подданство Российской империи, тогда Киргис-кайсацкая орда была еще дичея и глупея нынешнего, и в таком случае киргисцы, и в то время ево, бригадира, добрые наставления несколько принимали, а по отъезде ево, бригадира, ис Казачьей орды весьма узнали, что он, бригадир, их на доброе наставлял, понеже от того времени и до сего числа жили во всяком благополучии, и для того вся Киргис-кайсацкая орда, ево, бригадира, к себе как глаза и ожидали, и им ево, бригадира, не слушать, и по ево добрым наставлениям не поступать невозможно, а ежели Киргис-кайсацкая орда, ево, бригадира Тевкелева, наставление не послушает, то они могут пропасть, и при том присутствующие старшина все тоже подтвердили.

Потом Джанебек же тархан говорил, что Барак и Аблай салтанов кочевье состоит весьма в дальном разстоянии, за тем они приехать не могли и поручили ординские дела ему, Джанебек-тархану. На оное бригадир Тевкелев говорил, чего для они толь далеко отселева отъезжают, им способнее было кочевать по трем рекам Тергае и около Табольских вершин и по речке Улкае, да по речке Мамотли-Джигде, где и прежде кочевали.

На то Джанебек-тархан ответственал, правда прежде сего Средняя орда кочевали в вышепомянутых местах; когда они приняты в подданство Российской империи, они разбогатели, и скота чрез силу стало быть много, а имянно: в Меньшей орде больше овец, а в Средней орде — лошадей, и по указу Е. и. в учрежден был торг в Орской крепости, и до того времени они держались в летнее кочевье около вышепомянутых мест, пока в Орской крепости торг был не токмо мужеской, но Средней орды и женской пол торговали, а ныне учрежден торг в Оренбурге, и им стало очень далеко и неспособно, того ради отделились, и торг получают поблизости тех мест от тамошних народов, и как он о торгу объявил, и бригадир публично с ним при всех старшинах о торгу речь не стал распространять, прекратил с тем и разъехались.

Июля 21 числа из Меньшей орды приехали семиродных родов (то есть джитру), табинского роду старшина Тюлебай-бий, и с ним три человека старшин, которой к российской стороне доброжелателен, и человек весьма умной — когда в бытность бригадира Тевкелева в Казачей орде в 731 году немалые услуги и добродетели, он, Тюлебай, оказал, и знатного старшины того же роду Букенбай-батырь (и он, Букенбай-батырь, в 742 году убит трухменцами), которой в бытность бригадира Тевкелева в Казачей орде весьма многия добродетели делал ему, двоюродной брат и он, Тюлебай, того же числа у бригадира Тевкелева был, и многия добрые и полезные слова говорил, и объявлял, что как уже бригадир Тевкелев приехал в Оренбург, и все киргис-кайсацкие дела поправиться могут, плуты пропадут, шалости делать дерзать не осмелются, и им, старшинам, будет он, бригадир Тевкелев, к удерживанию дураков от шалостей великая подпора, и по знаемости их киргис-кайсацкого обычая от него, бригадира, бездельники киргисцы великой страх имеют, и он, Тюлебай-бий, крепко надеется, что необузданные киргисцы уже делать впредь не будут.

И на то бригадир Тевкелев сказал, как они по высочайшему Е. и. в. указу приняты в подданство Российской империи, получили спокойное житие, и ни от кого себе нападения и раззорения не видали, и тем крайне скотом обогатились, а ежели оную Е. и. в. высочайшую милость не будут чувствовать, станут всегда делать продерзости, то они могут себе паки прежнее состояние получить, и бегаючи, от скота своего лишатся и придут в крайнее

убожество, а егда будут жить с покоем и продерзости делать не будут, еще и наивяще скота у них умножится, и разбогатеют.

На то Тюлебай-бий отвечал, уже-де ево, брегадира, чрез посланных ево наставлении Киргис-кайсацкая орда вся знает, и довольно слышали и выразумели, и он обнадеживает, уже ныне затем продерзости из них делать никто не отважится. И брегадир Тевкелев говорил, что они, киргисцы, станут делать худо или добро, оное им самим обратится за худые поступки, и за плутовство такое им и воздояние будет, а ежели будут жить порядочно и продерзостей делать не будут, и он, брегадир, их обнадеживает всегда Е. и. в. высочайшею милостию и тем речь окончил.

Июля 21 ж числа приехали от сына Абулхаир-хана Айчювак-салтана (которой в аманаты отдается) посланец Дост-салтан и Байбек-батырь, да ево ясаул роду чюмекей Кангилди, да двое знатных старшин дети, один из них роду чюмекей Мосурман Гедей-биев сын, а другой того же роду Айтембеть Аллаяр-биев сын, и оные посланцы брегадиру Тевкелеву от него, Айчювак-салтана, подали письмо, а по отправлении комплементу объявили, что Байбек имеет от него, Айчювак-салтана, к нему, брегадиру Тевкелеву, некоторые наодине словесные объявления, с тем и отъехали в квартиру.

Того же числа оной Байбек наодине у брегадира Тевкелева был и говорил следующее: «Айчювак-салтан ему, Байбеку, приказал брегадиру Тевкелеву объявить, что он, Айчювак-салтан, ево, брегадира, имеет себе за родного дядю, или еще и паче, чтоб он, брегадир Тевкелев, на него не подасадовал, что он, Айчювак, к нему, брегадиру, так долгое время не ехал, той ради притчины, как ему, брегадиру, самому известно, что прежде сего когда по прошению отца ево Абулгаир-хана в 731 году по указу Е. и. в. они со всею Киргис-кайсацкою ордою принеты в подданство Российской империи и в верности быть присягали, и потом во знак своей подданнической верности отец ево Абулгаир-хан отдал сына своего, а ево родного брата, Ирали-салтана в оманаты, и оной ево брат в России был шесть лет, а потом в 738 году оной брат ево Ирали-салтан переменен братом же ево родным Ходжа-Ахметь-салтаном, которой и до днесь тамо обретается, а понеже тогда братья ево, когда в оманаты отдаваны были, они в молодых летах о киргис-кайсацких обрядах за малолетством не знали и не разсуждали, а Киргис-кайсацкая орда издревля самоволь-

ной и безстрашной народ, чинили всякие продерзости, а может быть ево братием от российских командиров были за то надлежащие и выговоры, хотя тем братьем ево и несущие оправдательные отговорки были, однако, что было им иное представлять кроме малолетством и незнанием отговариваться, к тому же при них из знатных родов киргис-кайсацкого народа знатных старшин дети не отдаваны были, и потому самовольных людей от продерзостей удерживать отцу ево никто не помогал, за тем брат ево Ходжа-Ахметь-салтан переменою и продлился, а он, Айчювак-салтан, уже в совершенных своих летах, и в смысле и, киргис-кайсацкое самовольное обычие знает, и когда он будет в аманатах, киргисцы по своевольству также будут делать по-прежнему всякие продерзости, и ему оное будет несносной стыд и отговариваться ему за малолетством уже не можно, того ради он, Айчювак-салтан, объявил отцу своему, что он по воли ево брата своего сменить должен, токмо объявляя вышепомянутые резоны, просил у отца своего позволения, чтоб ему при собрании киргис-кайсацким старшинам несколько от себя предложении объявить, ежели киргис-кайсацкие старшина ево оные предложении примут за благо и в том обяжутся, то он, Айчювак-салтан, на смену брата своего Ходжа-Ахметь-салтана иттить с охотою готов, на что от отца ево дано и позволение.

И он, Айчювак-салтан, при собрании всем старшинам представлял следующее: как им, киргис-кайсацким старшинам, известно, что по прощению отца ево Абулгаир-хана принет он со всею ордою в подданство Е. и. в., и отец ево Абулгаир-хан для воздержания их продерзостей отдал своего сына в оманаты, а Киргис-кайсацкая орда с того времени не токмо во всяком благополучии жили, но и чрезмерно скотом и протчими пожитками обогатились, и за оные отца ево, к ним оказанные милости и добродетели не токмо приносили благодарение и услуги, но всякими непотребными продерзостями, отца ево Е. и. в. и российским генералом приводили в стыд и во огорчение, и о братьях своих, и о себе представляя выше объявленные резоны, говорил: 1-е, ежели киргис-кайсацкие старшина примут на себя самовольных киргисцов от продерзостей удерживать, и до того их не допускать, и в том обяжутся; 2-е, и для подкрепления того их обязательства из сильных родов знатных старшинским дадут в оманаты детей; 3-е, чтоб ево предбудущею весною переменить, а далее предбудущей

весны в оманатах не держать; 4-е, когда отец ево брата Адиль-салтана предбудущею весною на смену ему будет отдавать, тогда таким же образом сильных родов знатных старшин детей со оным ево братом без всякого прекословия прислать; 5-е, ежели паче чаяния, самовольные киргисцы, не послуша их, вознамерятся чинить продерзости, в таком случае соединяясь с отцом ево Абулгаир-ханом и с ево братьями, на то удержание все свои силы употребить, а егда и тем будет удерживать их невозможно, тогда немедленно, и не упуская времени, где по способности российским городам об них дать знать. Ежели на сии предложения ево, Айчювак-салтана, киргис-кайсацкие старшина обяжутся и ево в том уверют, то он на смену брата своего на тех кондициях в оманаты иттить готов.

И выслушав от него, Айчювак-салтана, вышеобъявленные предложения, киргис-кайсацкие старшина (в собрании было больше пятисот человек) за умные и полезные ево представлении все благодарили и похвалили, и яко своему владельцу, кланялися, и потом оные старшина еще говорили, что оные ево представлении не только ево, Айчювак-салтана, но и всего киргис-кайсацкого народа польза, и сии ево, Айчювак-салтана, представлении всему киргис-кайсацкому народу публично объявлено быть имеет, и самовольным людям будет от того страх и от продерзостей удержатся, а как самовольные люди от подерзостей удержатся, то они и под гневом Е. и. в. не будут и будут жить с покоем; и на все вышепомянутые ево, Айчювак-салтана, представлении киргис-кайсацкие старшина во исполнении обяжутся и на себя принимают, и Айчювак-салтан тех всех обязал.

Ныне он, Айчювак-салтан, к брегадиру Тевкелеву с тем прислал Байбека, что он, Айчювак-салтан, идет на смену брату своему Ходжа-Ахметь-салтану в аманаты с надлежащим основанием их киргис-кайсацкого народа, токмо недостает одно от стороны дяди ево брегадира Тевкелева, ежели он обещает ево держать в Оренбурге, а вдаль не вести, то он из обеих сторон удовольствован будет, а далее он в Казане и в протчих местах жить не желает, а хотя б и в Казани ему жить, только одно будет в переездах затруднение, того дядя и просит покорно и прилежно, чтоб ему жить до предбудущей весны дозволено было в Оренбурге, и ожидать будет он, Айчювак-салтан, от него, брегадира, яко от родного своего дяди, на то ответу, и на то позволения, и

просит завтрешней день от него ответ получить, того же часу он, Байбек, и поедит к нему, Айчювак-салтану.

На что ему, Байбеку, он, бригадир Тевкелев, в ответ велел ему, Айчюваку, сказать, что он Киргис-кайсацкой орды добрым порядком обязал и основал, и детей знатных старшин с собою в оманаты берет, и оной ево ум всякой хвалы достойно, с ево и киргис-кайсацкого народа пользою сходно, а что же он, Айчювак-салтан, жить просит в Оренбурге, хотя он, бригадир Тевкелев, на то точнаго указа не имеет, однако для него ту всю тягость сымет на себя, и будет он жить в Оренбурге, чтоб, не мешкав, он, Айчювак-салтан, к нему, бригадиру, приезжал для смены брата своего Ходжа-Ахметь-салтана, тем он, Байбек, того ж числа и отправлен.

И бригадир Тевкелев крайне и усиленно домогался, чтоб на смену Ходжа-Ахметь-салтану в аманаты взять Айчювак-салтана для ниже следующих резонов: понеже как бригадир Тевкелев сведом о киргис-кайсацком состоянии, и все их обычаи знающь, и живучи в их Киргис-кайсацкой орде два года, довольно на-смотрелся, что киргис-кайсацкой народ издревля самовольные и необузданные люди, и делают то и так поступают, что им по их лехкомыслию в мысль придет, а озадок не разсуждают, что оные их поступки к лутчему или ко вреду; ханов и салтанов и знатных старшин, когда вознамерятся на худые дела, мало слушают: токмо (только) тогда те лехкомысленные киргисцы имеют великое опасение, когда согласятся с ханом и с салтанами, знатная старшина при генеральном их ординском собрании за непослушание их за худые поступки к наказанию, на чем положат в то время миром и раззорить их они в состоянии до основания.

И для тех резонов бригадир Тевкелев для высочайшей пользы Е. и. в. интереса впредь для удержания их киргис-кайсацкого народа от продерзости, мало помалу в лутчей их порядок привести и от прежних их зверских самовольных обычей отдалять и отвращать разсудил с сим способом, понеже Абулгаир-хана сын Айчювак-салтан (которой ныне в оманаты отдается), хотя когда в бытность бригадира Тевкелева в Казачей орде он, Айчювак-салтан, был в малых летах, однако можно было и тогда приметить, что у него натуральной ум имелся, а как он, бригадир, в Орскую крепость приехал, чрез многих слышал о ево умных поступках и порядках и стал крайне домогаться, чтоб ево наперед в оманаты

взять, для того он без основания и без укрепления озадок, и не утвердя старшин, и без обезательства их в оманаты не пойдёт, и как он с лутчим основанием в аманаты взят будет, то и вперед тот порядок исполнять и делать будут принужды к тому вперед, и еще смотря по конъюнктом, к лутчим порядком и другие полезные способы употреблять будет нетрудно, ибо есть у них такое обычие, как они к одному лутчему порядку сперва склонятся, а после другие полезные дела исполнять и за трудно себе причитать не будут.

И как уже брегадир Тевкелев Абулгаир-хана и ево, Айчювак-салтана, представляя к их пользе приличные резоны, на то склонил, и он, Айчювак-салтан, уже лутчие порядки основав, и на то всех старшин обявав, в оманаты и приехал, а понеже Абулгаир-хан не токмо побочного сына Чингиза [45] и меньшаго своего сына от настоящей жены Адиль-салтана без всякого затруднения отдавал, токмо на то брегадир Тевкелев нимало для вышеобъявленных резонов не склонился, для того, что Адиль-салтан еще не весьма летами совершен; и так как зделал Айчювак-салтан ныне основание, он, Адиль-салтан, за малолетством зделать не может, также бы ево отдал отец Абулгаир-хан без всякого порядку, как и прежних малолетних детей своих, а ныне, как з довольным основанием Айчювак-салтан в аманаты пришол сам, то уже впредь и Адиль-салтана отдавать в оманаты доброй путь и надлежащей порядок показан. Того ради брегадир Тевкелев в разсуждении своем о Чингизе и грамоту Е. и. в. удержал, а ежели б ту грамоту Абулгаир-хану вручить, то б он из других детей для Чингиза не отдал, да и знатная старшина детей для Чингиза не отдал, да и знатная старшина детей бы своих для него, Чингиза, не дали ж, и тако б настоящее дело могло остаться без доброго основания. И для того брегадир Тевкелев на представление ево, Айчювака, чтоб ему жить в Оренбурге, к ево удовольствию и склонился, понеже в том разсуждении, хотя ево и в Оренбурге содержать никакого сумнительства и опасения от ево побегу ныне нет. Для того, первое, что он в оманаты пошол своею охотою, а не неволею, второе — з достаточным основанием, третье — уже они учредили аманатов погодно переменять, четвертое — да и уйти ему по многим обстоятельствам самому Айчюваку-салтану не захочется, для того как он умной и рассудной человек; ежели уйдет, то он всю свою честь, и ум, и отца своего, и братиев, и всей Киргис-кайсацкой орды пользу потеряет, и в Киргис-кайсацкую орду приехав, благополучия себе не сыщет,

но как отца своего, так и братьев, и всю Киргис-кайсацкую орду, он себе во озлобление приведет, для того он, как человек умной, к тому ж и немалой амбициоз, разсудит, и ныне так разсуждает, что он не в плен взят, но отдан из воли для пользы отца ево и братьев, и всей Киргис-кайсацкой орды, к тому ж погодно будут перемениять, и не долго ему в аманатах жить; и от отца своего, и от матери, живучи в Оренбурге, частые извести получать станет, и о том уже ныне ему и думать не о чем и неприлично, а еще же к тому способ, что он взял с собою в аманаты знатных из сильных родов старшинских детей, а всем им вдруг уйти никоим образом невозможно, а ежели он один хотя б и ушел, те знатные старшина за детей своих ево жива не пустят, и кроме тех по многим резонам и обстоятельствам ему и в Оренбурге жить, будет уйти невозможно и сам того не захочет, понеже как из Сорочинской крепости Ходжа-Ахметь-салтан был намерен уйти, в то время он был молод и ни о чем разсуждать не знал, и не с таким основанием он тамо и жил, и при нем из старшин, кто б добрые и порядочные наставления ему давал, таких не было. К тому ж он, Ходжа-Ахметь-салтан, от природы грубого обычия, а Айчувак сам молодец умной и чистолубивой, к тому же при нем три человека добрые наставники приставлены, а именно: Юлумбет, Исергепь, Байбек и с ним же в оманатах знатных старшин дети; сверх же того приставлен от тайного советника и ковалера Неплюева для присмотру Ходжа-Ахметь-салтана поруччик Яковлев, которой потребен при всех аманатах для присмотру всегда быть, понеже как ныне он при бригадире Тевкелеве при смотре аманатов был, весьма человек постоянной, и умной, и порядочной, и не пьяница, к тому же и их языка и письма знающ, только надлежит ему, Яковлеву, в том для лутчего ево рачения и усердия кураж дать. И для вышпоказанных резонов, и для удовольствия ево, Айчувак-салтана, також-де и отцу ево Абулгаир-хану и знатым старшинам, у которых дети с ним оманаты отданы будет, им приятно для того в Оренбурге им жить, дать и обещал; и как Байбек, приехав, ему и Айчувак-салтану, и всем старшинам объявил, он, Айчувак, того же дни с охотою и поехал и сильных родов знатная старшина с радостию детей своих с ним, Айчувак-салтаном, отправили. И на оное не токмо Абулгаир-хан и ханша ево Попай, и вся Киргис-кайсацкая орда крайне обрадовались, как хан, так и все старшина с крайнею радостию к бригадиру, как наискоря, ехать спешили.

Июля двадцат второго числа получено брегадиром Тевкелевым от Абулгаир-ханского сына Айчювак-салтана письмо, в котором написано: «Высокоблагородны, превосходителны, истинны и искренны, яко душой моей подобны и премного милостливы, дядюшка господин брегадир мурза. Слышав ваши приятнейшие ко мне писания, я, Айчювак-салтан, вседушевно радовался и с крайним моим усердием получить удостоился, и вы, содержа меня в памяти своей, милостивым и любезным писанием своим оставить не могли. Я же за оные ваши оказанные ко мне высокие милости премного благодарствую, токмо я, напротив того, вашего писания прежде сего ответственать не мог, понеже я от народа нашего несколько был недоволен, за что прошу на меня не зазреть, и аще бог благоволит, то уже ныне я, не взирая ни на что, совершенно подпоясался вначале для удовольствия родителя моего, потом и ко услугам к вам прибыть имею в такой надежде, ибо вы и впредь обо всех моих нуждах и прозъбах за благо принять не оставите, понеже у нас неприятелей больше, а нежели приятелей, и все мои дела вначале как на бога, такожде и на вас полагаю, и сам отдаюсь в вашу волю, как вы соизволите, ибо я, признавая вас за истинного себе дядю, столько много и дерзать смелость возимел и с присланного же от вас к родителю моему письма я видел и слышел, что вы изволили писать, чтоб он прежде себя к вам никого не посылал, однако мы не могли, чтоб сим вас не уведомить, для того, что мы имелись в разных родах, а имянно: Нурали-салтан в байулыском, а я — в тюртькарынском, а Адиль — в чюмякайском, и съезжаясь в одно место за тем, что хотя от большего хана, то есть от родителя нашего, к вам письма и не имеется, токмо мы для обрадования вас посылаем к вам своих людей с Дост-салтаном, Байбека, Айтимбетя и для уверения впредь будущего при мне Кидай-биева сына Бусурмана, да Большой орды Чемира с одним кощеем, с которыми уже встретиться в пути желаю. А я, уже оставя дом свой, ко услугам к вам отдался, того для, что мы знатных нашего народа уже чрез ваши добрые порядки и глупых людей покорить уповаем. Байбек же все ваши словесные наставления хотя мне со изъяснением и доносил, однако я еще для подлинного уверения послал к вам Кангилдея-ясаула, чрез которого и слышать желаю. 1748 году». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-ханского сына Айчювак-салтана, чернильная печать приложена.

Июля двадесят третияго числа отправлены от брегадира Тевкелева с письмом ко Абулгаир-ханскому сыну Айчюваку-салтану при-сыланные от него Дост-салтан и Байбек-батыр с товарищи, а в письме написано: «Высокопочтенной и высокодостойной Киргискайсацкой орды Айчювак-салтан, а мой любезной племянник. Ваше моего любезнейшаго племянника мне многоприятнейшее письмо сего июля 22 числа я чрез Байбека и протчих с радостию получил, что же вы отдаетесь в мою волю, оное не от иного чего, но суще от природного вашего ума, понеже вы сами знаете, как я вас прежде любил, когда вы были еще в молоденчестве, так как своего сына и ныне люблю, и егда я вам буду наставлении давать, и оное всемерно с немалою вашею пользою быть имеет. Что же вам по моему приказу Байбек доносил, и то правда, ис того сами извольте разсудить, что я во всем доброжелателен, что же вы совершенно и неотменно сюда на смену брату вашему Ходжа-Ахметь-салтану, учиня настояще вашим ординским делам основание, и оной ваш умной порядок всякой хвалы достойно и с вашею и всего вашего киргискайсацкого народа несумненно с благополучною пользою сходно; и ныне и что вам Байбек скажет, извольте тому верить, и прошу вас поскорая сюда ехать, чтоб доброе дело окончать з благополучием. Уже прежде сего никого ко мне не извольте присылать, и буду вашего высокодостойнства в непродолжительном времени здесь ожидать...» Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июля двадесят третияго ж числа получено брегадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана письмо, в котором написано: «Высокоблагородны, превосходительны, истинны и искренны, яко душе моей подобны, благодетель господин брегадир мурза, желаю вам благополучного здоровья. Я уже ныне в непрременном своем слове устоял и совсем в готовности выступил, и не только я, но и всякие нашей орды люди для всякого благополучия обще со мною едут, и еще бог дарует добры час, то уже я посланных ныне от меня к вам людей и сам достигнуть имею ныне же. Я к вам на почте послал Чюмана да Ванбая, Ходжагула, Тугая, Кунашая, Кошкулака, Утяша, Исеня, Джияша, Утарбая, Сермия, Токибая, Чанчару, Ислямяса, а словесно вам от меня донести имеет Кутлумбетъ-ясаул. 1748 году...» На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Июля двадесят третияго ж числа получено брегадиром Тевкелевым от Нуралы-салтана письмо, в коем написано: «Высоко-

благородному, превосходительному, истинному и искреннему и премногомилостивому дядюшке, господину брегадиру мурзе, желаю вам на неисчисленные лета добраго здоровья, з глубочайшим и усердным моим старанием до услуг к вам прибыть и персонально с вами видиться намерение имею. Я ныне к родителю моему Абулгаир-хану прибыл, и неосновательные их здешние дела между ими я, быв посредником, и в доброй порядок привел, причем были из двенатцети родов, в том числе байулинского, и все Меньшей орды знатные люди к тому ж склонились, дабы и впредь в нашей орде не было какого беспокойства, более для того и замедлил. А ныне уже по совершении тех наших дел вскоре и к вам прибыть имеем, ныне ж для довольствия вашего нарочно с тем известием до услуг ваших послал своих людей Муртазая, Юлбая, Акмурзу да Вулавакася з двумя кощеями, чрез которых вас обрадываю по моей к вам любезной и усердной верности». На подлинном татарском письме ево, Нуралы-салтана, чернильная печать приложена.

Июля двадесят третияго ж числа Абулгаир-хана шурин, а ханши ево Попай родной брат адайского роду Муртазай Сатыралды-биев сын брегадиру Тевкелеву от большого Абулгаир ханова сына Нуралы-салтана подал письмо и отправил от него, салтана, надлежащей комплемент; и от него, брегадира Тевкелева, равным же образом ответствовано, и потом по знаемости ево к брегадиру Тевкелеву наодине многие полезные слова продолжали.

И между протчим он, Муртазай, ему, брегадиру Тевкелеву, яко в дружбе и яко смеючись, говорил, что он, брегадир, Нуралы салтану давношной друг, и Нуралы-салтан ево причитает себе дядею и во всем на него имеет надежду. Он, Муртазай, по многим разговорам слышать мог, что он, брегадир, ево, Нуралы-хана, называет салтаном, а он, Нуралы-хан, учинен ханом в городе Хиве с надлежащим обыкновением, как в ханы ставятся [46].

И на оное брегадир Тевкелев в ответ говорил, что он, брегадир, ево, Нуралы-салтана, как сердечно прежде любил, так и ныне неотменно таким же образом любит, и что он во всем на него, брегадира, надежду имеет, и оное суще правда, понеже брегадир Тевкелев ему, Нуралы-салтану, надежной друг; что же до звания ево касается, оное непартикулярное дело и не от него, брегадира Тевкелева, то зависит, понеже он, брегадир, как племяннику ево Нуралы-салтану, так и ему, Муртазаю, истинной

друг, только он сущую правду ему может наедине открыть, что в России регула и должность всем верноподданным поступать и исполнять по указу Е. и. в., а что не согласно Е. и. в. указом, ни один российской подданной того учинить и делать дерзать не будет и не может.

А он, Нуралы-салтан, подданной Е. и. в. и в верности быть присягал, и для того ему, Нуралы-салтану, из другога места ханство принимать было не должно, и егда он Е. и. в. указом ханом не учинен, ни один из российских подданных ево ханом именовать и в письмах писать не может и не смеет, ибо он, брегадир, ему, Муртазаю, тому пример может объявить, которое он сам самовидец и знает. Когда брегадир Тевкелев был в Казачей орде для принятия Е. и. в. в подданство Абулгаир-хана и всю Киргискайсацкую орду, тогда Батырь-салтан в присяге хотел себя написать ханом, что он также был учинен ханом в Хиве [47], однако он, брегадир Тевкелев, ево тогда ханом писаться не допустил, объявля ему, ежели он будет претендовать ханства, он, брегадир Тевкелев, ево в подданство Е. и. в. не примет и к присяге не допустит, понеже тогда не киргисцами был он учинен ханом, но хивинцами. На то он, Муртазай, сказал: «правда, он то знает, оного Батырь-салтана также претензия была, однако не киргисцами ж и Абулгаир-хан ханом зделан, для чего ево ханом признавают» [48].

На то брегадир Тевкелев ему в ответ говорил: то правда, Абулгаир-хан хотя был зделан ханом не киргискайсацким народом, но токмо, во-первых, просил он, Абулгаир-хан, Е. и. в., чтоб он со всею ево ордою был принят в подданство Российской империи, то тогда указом Е. и. в. он, Абулгаир-хан, в ханство признан и в высочайшей Е. и. в. грамоте он, Абулгаир-хан, написан ханом; уже он и стал действительной хан, и все российские подданные ево, Абулгаир-хана, ханом признавать и в письмах писать должны. А уже ныне, как вся Киргискайсацкая орда принята Е. и. в. в подданство, и оная орда от себя без указу Е. и. в. из салтанов в ханы ставить и именовать не должна, а хотя они по прежней их самовольности кого из салтанов в ханы от себя ставить и именовать будут, но того салтана ханом из российских подданных не токмо из знатных персон, и подлой народ ханом именовать и в письмах писать не может и не имеет, только того будут ханом признавать и именовать, и писать, кого Е. и. в. соизволит высочайшим указом пожаловать.

Еще же брегадир Тевкелев пример представил, что при Аюкехане были знатные калмыцкие владельцы, а имянно: сильные Доржа Назаров, Четерь; киргисцы больше боялися от Доржи Назарова нежели от Аюки-хана, однако Аюка-хан был ханом пожалован от Е. и. в., а они были ханом не пожалованы, и из них никто не смел ханом называться. А после Аюки-хана также Даржа Назаров и Четерь остались, и Е. и. в. пожаловала сына Аюки-хана Черен-Дундука, а после смерти Черен-Дундука пожалован ханом Дундук-Омбо, а после Дундук-Омбы Е. и. в. высочайшим указом определен наместником ханства Дундук-Даиши и доньине ханом не пожалован, и ханом ево никто не именует и не пишет, и сам о себе ханом не пишет же и не называется [49]. И на оное он, Муртазай, говорил: уже-де киргис-кайсаки потому никого из салтанов ханом зделать не могут.

Брегадир Тевкелев на то сказал, что отнюдь не могут, хотя по степному их обычию и назовут кого из салтанов ханом, только будут о том сами слышать, а никто ево ханом называть и признавать не будет, для того когда они не были в подданстве Е. и. в. как хотели, так и делали, а когда они уже по указу Е. и. в. приняты в подданство, без указу в ханы постановить им невозможно, и тому только самому себя называть ханом, стыдно самозванцом быть. На то Муртазай сказал, потому-де киргисцам из салтанов ханом именовать пора перестать. Брегадир Тевкелев отвечал: суще так; тем и окончалося.

Июля двадесят четвертаго числа к Орской крепости приехал Абулгаир-хан с тремя своими сыновьями и стал на реке Орь от крепости верстах в трех лагирем, и прислал к нему, брегадиру, с поздравлением Байбека и других киргисцов пять человек, напротив того от брегадира Тевкелева посланы с поздравлением же толмачь Усман Арасланов и сакмарских казаков старшина Кубек, и с ними на первой приезд послано на пищу два быка и четыре барана, вина простаго три ведра, и меду пять ведр да и с казенных три полатки, в том числе один большой намет да две маленьки салдацки, да взятые на время из собственных у порутчика Николая Максютова зеленая полатка ценою в восемь рублей, да у орскаго из татар казака Абдуллы Кулмаметева, два котла чугунных в четыре рубли.

Июля двадесят пятого числа Абулгаир-хан приехал к брегадиру Тевкелеву в лагерь пополудни в 4-м часу, и приказал бре-

гадир Тевкелев для чести ево, Абулгаир-хана, а наивяще в таком разсуждении, дабы он знал, что в Орско́й крепости пушек до-вольность выпалилить ис крепости, ис тринацети, а в лагаре — ис пяти пушек, в лагаре же как регулярные, так и нерегулярные были в параде, и з барабанным боем, и с музыкою отдана честь, где имели наодине разговоры. И брегадир Тевкелев ему объявил, что он имеет Е. и. в. грамоту, чтоб он, хан, заутра собрал всех знатных старшин для принятия оной Е. и. в. всемилостивейшей грамоты и по силе той всемилостивейшей грамоты он, брегадир, от него, хана, и от всей Киргис-кайсацкой орды требует исполне-ния; а потом, что надлежит, брегадир Тевкелев, по силе данной ему инструкции и к тому еще к пользе Е. и. в. высочайшего интереса многие приличные резоны представляя ему, Абулгаир-хану, наодине говорил о всех непорядочных киргис-кайсацких поступках, со всякими пристойными документами представлял и изъяснял, притом стал прямо говорить, что он, брегадир, ему, хану, друг и будет он ему, хану, о ево поступках говорить прямо, а не обянками. Он, брегадир, ведает, что хан на воровство киргисцов не посылает и им не потакает, делают оные плуты сами, однако он, хан, и сам непорядочно поступает, и кто к нему откудова б не приехал, что у него есть, волию и неволию и обманом у тех пожитки обирает, и то стало грабеж, а тому раз-зорению ему же, хану, крайнее безсловие и с честью ево зело несходно, для того те отъезжающие от него обиженные везде ево худым словом обносят; ежели б оное до вышних дошло, то б очень ему, хану, оное имя было б неприлично, однако он, брега-дир, по своей к нему дружбе весьма оные худые ево, хана, по-ступки закрывал, ныне уже и мочи ево закрывать не достает, чтоб он, хан, те поступки свои отставил, а ежели оные поступки не отставит, во-первых, ево самого станут вором называть и до вышних оное дойдет, и поправить будет после трудно.

И Абулгаир-хан ево, брегадира, за то благодарил и приносил прежним поступкам покойние, и впредь так поступать не будет, чтоб он, брегадир, не оставил ево прежния поступки закрывать.

На то брегадир ему, хану, говорил, ежели он, хан, прежния свои поступки постоянно и добрым порядком будет содержать, он ему всегда будет помощник, притом брегадир и то ему, хану, говорил, что сын ево, Абулгаир-хана, во знак ево верности в России содержится, а паче по природному и всему свету извест-

ному Е. и. в. великодушию и милосердию, чтоб невинные тому киргис-кайсаки не пострадали и кровь их не пролилась; чего ради на таких российским казакам и калмыкам и позволения не дано, а вместо всего того с милостивейшим Е. и. в. увещеванием прислан к нему, хану, он, бригадир, в той надежде, что он, хан, такие киргис-кайсацкие их же народу разорительные поступки добрым порядком поправить может. Бригадир Тевкелев ему, хану, еще свою дружбу засвидетельствует, что он ныне, приехавши в Оренбург, принужден нашолся слышать, что и сего года лехкомысленные киргис-кайсаки и еще к Волге ходили, и хотя некоторой малой грабеж и отгон скота учинили, но от яицких казаков розбиты и больше потеряли, нежели добычь получили, а имянно: до пятидесят человек побито до смерти, да один живой пойман; и тако когда и сей их дерзновенной поступок ко двору Е. и. в. в слухи дойдет, а к тому ежели и еще то же от них повторено будет, то уже может статья, что и Е. и. в., сколько она не милосерда, но притом и справедлива, на гнев привести могут. И когда Е. и. в. единожды прогневаются, и посланы будут на них с волскою стороны многочисленные войска с приобщением к ним яицких и калмыцких войск, а от оренбургской стороны регулярные войска (то есть драгуны и салдаты), також-де башкирцы и мещеряки [50], а от сибирской стороны — сибирские войска, в таком случае, что они будут делать, бедные киргис-кайсаки, разве только принуждены будут в Аральском море топиться, ибо тогда их от гнева Е. и. в. никто не защитит; а ныне Е. и. в. умилоствить еще многие средства и способы есть, и что сие все он, бригадир Тевкелев, ему, хану, говорит не по указу, но сам собою по искреннейшей своей с ним, Абулгаир-ханом, дружбе; и хотя он, бригадир, ведая ево ханской доброй ум и понятие о должной его к Е. и. в. верности, нималого сумнения не имеет, и в бытность свою в резыденции при случае министрам российским всегда ево, хана, выхваляя и называл постоянным, и почти за него ручался; и протчее все изъяснено довольно.

На что Абулгаир-хан, во-первых, встав с места, учинил Е. и. в. всемилостивейшей государыне нижайший поклон, а потом объявил он, Абулгаир-хан, что от бригадира Тевкелева выговоры довольно слышал, и оные выговоры порядочны и дельны, и просит, чтоб он, бригадир, и ныне ево не оставлял по-прежнему, чтоб также пожаловал, рекомендовал, а что киргисские непотребные люди по своему

лехкомыслию многие зделали продерзости, и о том никакого оправдания принести не может, однако уже впредь оные продерзости делать сильных родов старшина их не допустят, для того он, хан, сына своего Айчювак-салтана отдаст на смену сыну своему Ходжа-Ахметь-салтану, которой не ребенок, но в самом совершенном смысле. И он, Айчювак-салтан, идет в аманаты з достаточным основанием: первое — сильных родов знатных старшин утвердил, чтоб они лехкомысленных киргисцов до продерзостей не допустили, и старшина оное на себя сняли; второе — чтоб из сильных родов знатная старшина с ним отдали своих детей, когда они лехкомысленных народов от продерзостей удерживать будут принуждены, понеже дети их будут при нем, и на том основании вся старшина утвердилися, и сын ево Айчювак-салтан в том их обязал. И как он, хан, заутра приедит к нему, брегадиру, со всеми старшинами для принятия Е. и. в. всемилостивейшей грамоты, а по принятии о исполнении старание иметь будет.

Да потом зачел Абулгаир-хан продолжать слова о тайном советнике господине Неплюеве, якобы он Е. и. в. о ево делах не все доносил; и за что он, тайной советник, на него сердит, он, Абулгаир-хан, знать не может. На то ему, Абулгаир-хану, брегадир Тевкелев в ответ говорил: как, он, Абулгаир-хан, и сам знает, что брегадир Тевкелев ему друг и никогда ничего ему фальшиво или, лаская ево, неправду говорить не будет, и что будет ему, Абулгаир-хану, говорить, и то самую истинную и ево, хана, с пользою сходно, понеже тайной советник и ковалер Неплюев пред ним, ханом, нимало не виноват, и он, хан, на него сердится, якобы о ево делах Е. и. в. он, тайной советник, не все доносил, и ему, Абулгаир-хану, за то ево, тайного советника, весьма надлежит благодарить, а не сердиться. Ежели б о всех ево, Абулгаир-хана, поступках тайной советник доносил, очень бы было нехорошо; о многих ево худых поступках, он, тайной советник, умалчивал, а что к пользе ево, хана, получить, все доносил, в чем и самому ему, брегадиру, случилось, будучи в Санкт-Петербурге, о том засвидетельствовать. И он, брегадир, ему, хану, яко сущей друг, без обьянков говорит, ево, хана, поступок, и он, брегадир, не хвалит для того, что он, хан, сам хотя малинкую худобу зделает, а видя то, киргис-кайсацкие дураки уже и многие продерзости зделали, и, стало быть, главным разбойником он сам, хан; ежели б он, хан, ото всего был чист, то б и киргисцы многие продерзо-

сти делать не отважились. И бригадир Тевкелев ево, хана, о многих непорядочных поступках толковал довольно, а при том и о Ганюшкине; и бригадир Тевкелев ему, хану, яко друг, советует, чтоб он ненадлежащие поступки, отчего ему великой стыд и в безглавие притти может, отставил, и потом от него киргисцы будут иметь страх и продерзости делать не будет.

На то Абулгаир-хан говорил, что он бригадира подлинно себе имеет истинного друга и ему во всем верит, токмо ему, хану, сказывали, что тайной советник с ним не так поступает, как надлежит; к тому же по письмам ево не одержал киргисцов, которые делали продерзости. На то бригадир говорил, что ему, хану, не надлежит от плутов принимать ненадлежащие слова, понеже плуты нарочно то делают, чтоб он с тайным советником был в ссоре, чтоб им между тем было вольно плутовать; и он, бригадир, засвидетельствует, что тайной советник — ево приятель и всегда и о пользе ево, хана, и всего киргис-кайсацкого народа старается, и тайной советник человек умной и знатной и никогда, чтоб ево, Абулгаир-хана, с честью не сходно, делать отнюдь не станет; и для того ему, хану, все прежнее надобно оставить, только бригадир ему, хану, яко ево друг, советует, чтоб он сам оставил худые поступки делать, и чего для он, тайной советник, по письму ево киргисцов не одержал, довольно же истолковано. И Абулгаир-хан за те добрые ево, бригадира Тевкелева, наставлении благодарил и просил ево не оставить и впредь, а в том он, хан, клятвенно обещает уже худых поступок делать впредь не будет, и тайного советника будет иметь себе другом, и станут жить впредь согласно, и будут по указам Е. и. в. служить обще. И бригадир Тевкелев говорил, ежели Абулгаир-хан по обещанию своему худых поступок оставит и жить будет порядочно, и за то наивыше в милости Е. и. в. всегда быть имеет.

Потом бригадир Тевкелев зделал богатой ужен и трактовал изрядно разными виноградными винами. Вначале Абулгаир-хан пил пакал за здравие Е. и. в., и выпалено ис пяти пушек; второй пакал пил за здравие Ево императорского высочества, также выпалено ис пяти пушек; третьей пакал пил за здравие Ея императорского высочества, и выпалено ис пяти пушек. И поехал он, Абулгаир-хан, от него, бригадира Тевкелева, в каляске с крайним удовольствием и при отъезде объявил, что и он, Абулгаир-хан, уже стал привыкать ездить в каляске. На то бригадир ему, хану,

отвечал, когда Абулгаир-хан стал привыкать в каляске ездить, то знак доброй, и киргис-кайсацкой народ, яко необузданные люди, все имеют жить добропорядочно; и Абулгаир-хан на то сказал: к тому боже помогай, с тем и разъехались.

Июля 26 числа Абулгаир-хан и знатная киргис-кайсацкого народа старшина у брегадира Тевкелева были, Средней и Меньшей орды всех сорок человек, пополудни в 3-м часу, и брегадир Тевкелев Е. и. в. всемилостивейшую грамоту Абулгаир-хану вручил; и Абулгаир-хан, приняв, положил на темя свое, а потом отдал старшинам, и каждой подымали на главы свои и потом, распечатав, читали, в то время ответу брегадиру ничего не говорили и просили позволения, чтоб им дать на несколько времени сроку, по тех мест станут меж собой советовать, а потом о исполнении принесут ему, брегадиру, ответ.

На то брегадир Тевкелев хану и им, старшинам, по силе ему данной инструкции и к тому еще усмотря обстоятельство, приличными резонами довольно говорил. И как хан, оные слова услыша, старшинам зело сердито кричал и говорил: он, хан, принимает тот стыд себе от них, старшин, для того те старшины каждой своего роду дураков не унимает, и от того делаются всякие продерзости и дуракам повод. И на оныя ево, брегадира Тевкелева, слова оные старшина нимало оправдания принести не могли, токмо просили, чтоб им от него, брегадира, дан был срок для совету на два дни; с тем и разъехались.

Июля 27 числа в 3-м часу пополудни Абулгаир-хана большой сын Нуралы-салтан и з двумя своими братьями Адиль-салтаном и Чингизом у брегадира Тевкелева в лагаре были, токмо как ис крепости, так и в лагаре к приезду ево ис пушок не палили, токмо отдана честь с барабанным боем и с музыкою. И со оным Нуралы-салтаном у брегадира Тевкелева разговоры продолжались зело изрядные и полезные, и он, Нуралы-салтан, человек хотя и молод, однако видно весьма добраго и твердого состояния, и все разговоры говорил так, как надлежит честному и доброму человеку; а потом он, Нуралы-салтан, таким же образом, как и отец ево от него, брегадира, богатым же уженом и разными виноградными винами трактован, и вначале первой пакал пили за здравие Е. и. в. и ис пяти пушек палили, второй пакал — за здравие Его императорскаго высочества, третьей пакал — за здравие Ея императорскаго высочества с пушечною пальбою.

При том он, Нуралы-салтан, брегадиру Тевкелеву говорил, что брат ево Айчювак-салтан в аманаты идет в совершенных летах и в смыслу, и основание доброе зделал и киргис-кайсацких старшин обязал, чтоб им лехкомысленных киргисцов ото всех шалостей удержатъ и до того не допускать, и тем еще утвердил сильных родов знатных старшин детей с собою взял в аманаты, а прежняя ево братья в оманаты отданы в малых летах без всякого основания, той ради притчины киргисцы всякие шалости и продерзости делали и отцу ево помогать из сильных родов старшина, яко степной народ, притчину не имели, а ныне уже, как они утверждены и детей своих отдали в аманаты, принуждены до продерзостей дураков не допускать. Той ради притчины он, Нуралы-салтан, просит прилежно ево, брегадира, яко уже в совершенных летах брат ево Айчювак-салтан, для вышепомянутых ево добрых порядков ему пред теми братьями зделать некоторую отмену, також-де и старшинским детям перед прежними, чтоб ему, Айчювак-салтану, было несколько отраднее. И чтоб он и вперед Е. и. в. верные свои услуги оказывать имел ревность.

И на то брегадир Тевкелев ему, Нуралы-салтану, в ответ говорил, что брата ево Айчювак-салтана поступки и им зделанные порядки всякой хвалы достойны, и оное ничто другое, токмо их самих собственная и всей их орды народная польза, однако он, брегадир, для ево, Нуралы-салтана, прозбы, також-де за умные Айчювак-салтана поступки и за добрые порядки, и что ему, брегадиру, будет возможно, зделать не приминет. И Нуралы-салтан ему, брегадиру, говорил, что они Е. и. в. как он, так и все ево братья свои верности нимало не отменят, но наивяще усердные услуги оказывать всегда будут тчиться; и брегадир Тевкелев за такие ево добрые намерения обнадеживает Е. и. в. всемилостивейшей государыни милостию всегда, и за то он, Нуралы-салтан, ево, брегадира Тевкелева, усердно благодарил; с тем и разъехались.

Июля 29 числа от Абулгаир-хана и ото всего киргис-кайсацкого народа присланы к брегадиру Тевкелеву Средней и Меньшей орды знатные старшина, ото всего мира поверенные депутатами, о делах разговоры иметь, а имянно:

Меньшей орды алчин-каракисяцкого роду Ходжанай-бий, чектинского роду Мойнак-бий, роду чюмекей Гедей-бий, роду чаббасс Утетлев, роду алача Бабатай-бий, из семиродной табин-

ского роду Тюлебай-бий; Средней орды саръетим-чакчак Букенбай-батыр, кипчацкого роду Чиндеветь, найман роду баганалы Утеген-батыр. И они объявили, что присланы к нему, брегадиру, от хана и от всего киргис-кайсацкого войска, во-первых, объявить, что Абулгаир-хан сына своего Ходжа-Ахметь-салтана сменит другим своим, от настоящей своей жены, сыном Айчювак-салтаном, а они, старшина из сильных родов, знатных старшин детей уже изготовили и нарядили. Первой из них алчин-каракисяцкого роду Ходжанай-бий сказал — нарежен сын ево; второй сказал, роду чюмекей Гедей-бий, — сын ево нарежен же; Средней орды сарчетим-чакчак знатной старшина Букенбай-батырь сказал, — родной племянник ево нарежен. А потом донесли еще они: присланы с прошением, что как они Е. и. в. всемилостивейшую грамоту чрез него, брегадира, всеподданнейше получили, ищего выразумели, что Е. и. в. на все киргис-кайсацкое войско имеет гнев, что из них некоторые киргисцы были обижены и раззорены от набегов волских калмык, яко самовольной и необузданной народ; без ведома Абулгаир-хана и знатных старшин для сатифакции поехали на калмык, а уже яко неразумной народ, по своему лежкомыслию и руским вред зделали и о том никакого оправдания принести не могут, токмо всеподданнейше рабски припадая, просят Е. и. в. всемилостивейшего упущения, понеже тех дураков бездельников не токмо намерение, но и куды они поехали, как хан, так и старшина, суще не знали. Оные же старшина в то же время говорили, что им от него, брегадира Тевкелева, многократные довольные выговоры и наставления были, и оные выговоры и наставления вся Киргис-кайсацкая орда принимает на себя и признавает за правильно и за истинно, токмо просят ево, чтоб он им помог просить от Е. и. в. всемилостивейшего прощения.

На оное им, старшинам, в ответ брегадир Тевкелев говорил, что он, брегадир, и так уже для них немалой стыд принимал, закрывая многия их пакостные продерзости, ныне коим образом он, брегадир, за них может заступить, он и сам может от непостоянства их пострадать, понеже, он, брегадир, им по их непостоянным поступкам сколько крат крепкие выговоры, к тому ж и полезные им наставления чинил, а уже он тому лекарства не знает для исцеления, кроме одного способу.

И оные старшина, не дожидаясь уже от него, брегадира Тевкелева, больше продолжения о том речей, говорили: вся Кир-

гис-кайсацкая орда признавает себя в том виновным, и сколько в их орде есть русских пленников и скота, всех отыщут и привезут в Оренбург, а впредь оные старшина лехкомысленных их народов самовольничать отнюдь не допустят до продерзостей, токмо просят они ево, брегадира, униженно, что у них имеется ссора с калмыками, как калмыки подали о своих обидах и разорениях от киргис-кайсацкого народа, и они такожде принели от калмык многия разорения, а до сего времени от них на калмык никакая жалоба не произошла для того, они, люди степные, прежде таких порятков ничего не знали и не разумели.

На то брегадир Тевкелев им, старшинам, в ответ говорил, что киргис-кайсацкие бездельники, которые ни хана, ни старшин не слуша, делали многие продерзости, оные их поступки ни с чем не сходны, токмо весьма худы и опасны, отчего б не впасть им под гнев Е. и. в., о которых им от брегадира Тевкелева зело многократно толковано, что на то только сие лекарство может быть их пользоваться будет, что приносят они Е. и. в. свои всеподданнически извинения и просят всерабское прощение, а впредь они, старшина, обещают до таких продерзостей киргис-кайсацких худых людей не допускать, а пленников и скота, всех отыскав, отдать в Оренбург, тогда, может быть, Е. и. в. милосердие соизволит над ними показать. И оные часто упоминаемые старшина ему, брегадиру Тевкелеву, представляли, что они в совете положили всех русских пленников и скот отдать; а о калмыцких пленниках и скотах и они имеют на них претензию, и крайне просили, чтоб он, брегадир Тевкелев, и у них принел на письме, какая от калмык им была обида и разорение, понеже и они такие же подданные Е. и. в., как и калмыки. На то брегадир Тевкелев им объявил, что он от них требует русских и калмык пленников и скота их, и потом оные старшина с тем от него, брегадира, поехали в их собрание.

Того же числа оные старшина от собрания к брегадиру Тевкелеву паки приехали и объявили, что как хан, так и старшина, просили брегадира Тевкелева, чтоб они заутро, то есть сего **июля 30 числа** допущены были к нему, имеют некоторыя свои нужды ему представить. И брегадир Тевкелев им объявил, что он с охотою своею желает их у себя в лагере видеть, с тем и поехали.

Сего **июля 30 числа** Абулгаир-хан, при нем и Джанебек-тархан, и Букенбай-батыр, Средней и Меньшей орды старшина и ис простых киргисцов из обеих орд было больше ста человек, к

брегадиру Тевкелеву в лагерь пополуночи в 1-м часу приехали. Из обеих орд в намет велел хан пустить только первых старшин сорок, ис каждой орды по дватцети человек, а протчие сидели за наметом на земле, и какие в намете были разговоры, по их обычию которым слышать было невозможно, им объявляли их ясаулы. Во-первых, брегадир Тевкелев Абулгаир-хану и Джанебек-тархану и протчим старшинам говорил, что вчерашняго числа приезжали к нему, брегадиру, от них поверенные депутаты — знатные старшина из Средней орды аргин-сарчетим-чакчацкокого роду Букенбай-батырь, Меньшей орды знатные старшина алчин-каракисяцкокого роду Ходжанай-бий да алчин-чюмекеева роду Гедей-бий с товарищи семь человек; объявляли о вышеписанных материях, на что и от него, брегадира, надлежащие ответы даваны; однако и затем он, Абулгаир-хан, и старшина чрез вышеписанных же депутатов просили ево, брегадира, нынешний день с ним свидание иметь, яко имеют некоторые предложения, и какие их есть предложении, чтоб при сем объявили.

Потом Абулгаир-хан дал позволение, после того Джанебек-тархан и протчие старшина по переменам говорили следующе: что как Абулгаир-хан, так и обеих орд вся киргис-кайсацкая старшина с общего согласия вышеписанных депутатов знатных старшин к нему, брегадиру, они посылали, и что им, депутатам, предлагать и доносить они приказывали, и им несколько было тягостно, что их прошения брегадир Тевкелев не принимает, понеже они такие же Е. и. в. подданными, как и калмыки, и оные калмыки Е. и. в. на них, киргисцов, жалобу принесли, а они еще на калмык претензию имеют, и больше затем для баранты ехали на калмык, дураки их киргисцы погрешили, руским непорядочно зделали обиды, и ту вину они на себя принимают и русских пленников и скот безо всякого прекословия отдадут. Токмо они, как Абулгаир-хан, так и вся киргис-кайсацкие старшина, ево, брегадира, униженно просят, чтоб он им дал сроку, они такожде о своих обидах и раззорениях им от калмык будут всеподданнейше плакаться и просить Е. и. в., чтоб высочайшим Е. и. в. указом повелено было о их делах с калмыками милостивейшее рассмотрение учинить, а ему, брегадиру Тевкелеву, они дадут на письме, какие им от калмык были раззорении.

Брегадир Тевкелев, от Абулгаир-хана и от знатных старшин выслушав их представлении, в ответ говорил: понеже, как им са-

мим довольно известно, что Абулгаир-хана и всю Киргис-кайсацкую орду по прошению их Е. и. в. всемилостивейше указала принять в подданство Российской империи, и в верности быть несколькократно присягали, а по принятии их в подданство Российской империи оная Киргис-кайсацкая орда уже не так стали жить, как прежде жили, понеже как ему, брегадиру, известно, живучи у них в орде два года, о их состояниях довольно насмотрелся и знает. И тогда такое их было беспокойство, что хотя откудова ни есть лживые ведомости получали от наружных своих соседей, то есть от волских калмык и от башкирцов, от яицких казаков и от сибирских войск, якобы на них идут, хотя не сущею войною, но набеги чинить, и тут они толь безразсудно бегивали многожды, ломали свои кибитки, покидали и бросали овец и протчего скота, а после являлися оные ведомости лживы, потом спустя несколько дней, возвращаяся назад, брали свой скот, а что изломают и потеряют, то пропадало, чему он, брегадир, тому сам самовидиц.

А уже как они принеты в подданство Российской империи, Е. и. в. всемилостивейшая государыня матереннею своею высочайшею милостию сожелея, яко своих подданных, соизволила всемилостивейше указать для их пользы построить город Оренбург, который ныне называется Орская крепость, соизволила указать тут учредить торг, чтоб они от того торгу получали без дальних своих трудов нужды, от чего они получали немалое богатство, и ни откудова им беспокойства не было, и оттого умножили свой скот. А прежде были они весьма скудны, и то пренебрегая, они, киргис-кайсаки, приезжающих и отъезжающих купцов с товарами грабили, а иных убивали до смерти, а потом многожды нападения чинили на крепости и на редуты, отгоняли всякого скота и брали в полон людей, которых и назад отдавали, а скот и купеческие товары и доньине у них остались, и кроме тех многие продерзости чинили. Однако Е. и. в. всемилостивейшая государыня, яко бог, милостива и много-терпелива, сожелея между ими невинных и сущих младенцов, и чтоб между теми плутами у невинных кровь не пролилась, соизволила милостивое терпение иметь с тем милостивейшим разсуждением, что может быть между ими умные старшина очювствуются, тех неразсудных лехкомысленных киргис-кайсацкого народа дураков унимать и от продерзостей удерживать будут.

И сверх того, несмотря на их многие неразсудные продерзости, еще Е. и. в. соизволила над ними милость показать, висо-

чайшим указом повелела башкирцам и калмыкам, и сибирским войскам запретить, чтоб они без указа Е. и. в. на них, киргисцов, не токмо формальною войною ходить, но и набегами никакой обиды и беспокойства им не чинить, которое уже суще оказалось явно, и им самим довольно известно:

1-е — башкирцам без указа чрез реку Яик ни для какой нужды переезжать (для того, чтоб тем протекстом какой шалости не делали) отнюдь не велено и не ездят;

2-е — сибирскому войску також-де указом запрещено на них набеги чинить;

3-е — хотя калмыкам указом Е. и. в. на них, киргисцов, формальною войною ходить и набеги чинить и запрещено, однако и они, такие ж степные люди, чтоб воровские калмыки воровски не чинили набеги, всемилостивейше указать соизволила учредить по реке Яику фарпосты для удержания воровских калмык от набегов, уже и опыт тому им ясно учинен. Третьяго году воровскими калмыками отгонные их, киргис-кайсаков, лошади со стоящими в тех фарпостах яицками казаками отбиты, и несколько человек воровских калмык побито до смерти, ис которых по разбитии тех воровских калмык яицкими казаками восемьсот шесть лошадей по приказу тайного советника и ковалера Неплюева хозяевам, киргис-кайсакам, возвращены; також-де во отыскании достальных обнадежены были, вследствие того и воры-калмыки наместником ханства Дондук-Дайшею жестко наказаны, и достальные лошади ко отдаче собираемы были, но до окончания того их киргис-кайсацкой приход не допустил; и тако за недоплаченных лошадей киргис-кайсакам такого неприятельского с невинными тому калмыками, а паче с красноярскими жителями, яко с российскими верноподданными, так поступать не для чего. Сверх того в 746 году калмыки от них уже ни одной овцы не похищали, а они, киргисцы, в прошлом 747 году и еще на калмык ходить и их грабить отважились, причем от Царицына несколько и крещеных калмык и скота захватили, кроме того, по Волге многие продерзости делали, и оные их поступки с высочайшею Е. и. в. им милостию и присяжною их должностию весьма несходно.

На оные брегадира Тевкелева слова киргис-кайсацкие старшина в ответ говорили, что они по принятии их в российское подданство учиненные Е. и. в. многие милости они знают и чувствуют, только то одно, что им от учиненных от калмык

многократных набегов их дураки, вольные люди, для отомщения ходили на калмык. На то брегадир Тевкелев говорил, что оные старшина объявляют, якобы их киргисцы во отомщение их дураки киргисцы ходили на калмык, и то не резон, понеже в 745 году прежде ими киргис-кайсаками задор учинен взятием у Гурьева-городка калмык дватцати четырех человек, и одного убили до смерти.

На оное киргис-кайсацкие старшина в ответ говорили, что они годы разобрать не знают, для того у них письменных обрядов нет, а они представляют, как он, брегадир Тевкелев, по указу Е. и. в. к ним приезжал в Киргис-кайсацкую орду и принял их в российское подданство, после того калмыками многократно им учиненные раззорении приносят.

Брегадир Тевкелев им на то говорил, когда уже они приняты в подданство Е. и. в., уже им надлежало поступать и исполнять, что повелено по указу Е. и. в., понеже хотя с немалым коштом казенным содержится по реке Яику яицкими казаками и протчим войском фарпосты, и то для их пользы, того ради для убежания и удержания их киргис-кайсацких дураков, такожде и глупых калмык, от таких беспокойств, они о том уже довольно знали, и многократно им от тайного советника и ковалера и оренбургского губернатора господина Неплюева о том объявлено, чтоб за реку Яик без указа как калмыкам на одну сторону, а киргисцам на другую сторону отнюдь не ездить, а ежели кто сам собою из них за реку Яик переедит, тот причтен будет за вора и за разбойника. Ежели б им правильное учиненное было от калмык какое раззорение, и в таком случае им надлежало приехать в Оренбург, и приносить жалобу тайному советнику и ковалеру Неплюеву, и просить управу. И он, тайный советник, яко их командир, должен бы нашелся их обиды отыскивать и о том бы нарочного послал от себя к наместнику ханства Калмыцкого Дундук Дайше, и тем бы можно их ссоры разорвать, и обидимого удовольствовать без дальних хлопот и раззорения, а им самим собою управляться, ветерных дураков киргисцов до того допускать отнюдь не надлежало, понеже Е. и. в. всемилостивейшая государыня отнюдь не желает, чтоб Ея величества подданные между собою имели ссоры и друг от друга получали раззорении; и Е. и. в. соизволит желать, чтоб все подданные жили с покоем и в благополучии. А ежели кто ис подданных Е. и. в. станет самовольничать и беспокойство чинить и тем приведет Е. и. в. во гнев, и те могут

получить себе до основания раззорение, а хотя они, киргис-кайсацкие старшина, и неправильные резоны представляют, чего им и делать не надлежало, что во отомщении многочисленным войском на калмык ходили, а русские люди им ни малейшей обиды не чинили как под Красным яром, так и в других во многих местах, русских людей раззорили и людей же взяли в полон, а многих побили до смерти, скот отогнали и пожитки пограбили, чего для без всякой притчины, такие их киргис-кайсацкие дураки такие продерзости делали, и они, старшина, тех плутов до того не допустили.

На то киргис-кайсацкие старшина отвечали, что их киргис-кайсацкие дураки издревля были, яко звери вольные, не слуша их, руским людям чинили раззорении; в том они Е. и. в. никакого оправдания принести не могут, токмо припадая к высочайшим Е. и. в. стопам, просят в том всеподданнейшее рабское прощение, а впредь отнюдь таких продерзостей делать не будут они сами подданным Е. и. в. и других киргис-кайсацких дураков до того не допустят, а взятых русских пленников и их скота всех соберут и отдадут в Оренбурге без всякого прекословия, и просили ево, брегадира Тевкелева, чтоб он им в том вспомошествовал о упущении, что дураки их весьма худо учинили руским людем, чинили раззорении, как он, брегадир Тевкелев и прежде их худые дела, яко степных людей, неразумные дела поправлял, чтоб и ныне их худые дела поправил, а они по наставлениям ево, брегадира Тевкелева, будут поступать и ничего худого, что Е. и. в. указам противно, делать не будут, в том ево, брегадира, уверяют.

А что же касается до калмыцкой претензии, чтоб он, брегадир, над ними милость показал, чтоб у них принес на письме, какие им от калмык от 740 году учинены обиды, понеже и они такие же подданные Е. и. в., как и калмыки, а что от калмык Е. и. в. доходили на них, киргисцов, жалобы, и они, давношные подданные, знают российския порядки и обычие, а Киргис-кайсацкая орда жили издревля в вольности, таких порядков не знали, и простотою так просто оставляли, и о учиненных от калмык им, киргисцам, раззорениях Е. и. в. затем и неизвестна. Той ради притчины они, старшина, ево, брегадира, прилежно и усердно просят, чтоб он дал им сроку о калмыцких ясырях и скотах, до указу они пошлют к Е. и. в. всеподданнейшее прошение, принося на оных калмык о своих раззорениях, а ежели ж указом Е. и. в.

повелено будет им, не принимая их оправдания о раззорениях их, отбирать калмыцких ясырей и скота, то они повинны будут беспрекословия по указу Е. и. в. оное исполнять, а какие были им раззорения от калмык, объявляли на словах и просили ево, брегадира, чтоб он от них принел и на письме.

На то брегадир Тевкелев говорил, что они, киргис-кайсацкие старшина, просят ево, брегадира, что их неразумные многие киргисцы чинили русским людям раззорения, приносят свои повинные и обещають всех русских пленников и скот возвратить, а впредь продерзости делать они киргис-кайсацких дураков не допустят и с ханским сыном в оманаты отдают сильных родов знатных старшин детей, и за то их брегадир Тевкелев зело похваляет, и хотя ему, брегадиру, и не надлежало, что им о калмыцких ясырах и скотах сроку давать, понеже они и сами представляют, что якобы калмыками от 740 году им многие раззорения учинены, а в котором году, и в коих местах, и кем, они и сами не умеют показать, и оное правда или нет, о том еще и знать не по чем; однако брегадир Тевкелев, хотя ему оное весьма тяжело, для них оную тягость сымет на себя и до указу им сроку даст, токмо он, брегадир, имеет сумнение, что и прежде он, брегадир, им многократно помогал и при высочайшей российской резиденции господам министрам как хана, так и знатных старшин, весьма выхлолял, а напротив того их киргис-кайсацкие дураки многие делали беспутные продерзости, едва он и сам от них, киргисцов, во лживцах не остался и для того о вышеписанных их, киргис-кайсацких старшин, обещаниях, какое обязательство дадут, чтоб он, брегадир, в их делах по-прежнему мог помогать.

И на оное Абулгаир-хан стал говорить своим старшинам с немалым сердцем и криком, что он, Абулгаир-хан, отдает детей своих в оманаты не для себя, но для беспутных киргис-кайсацких бездельников, а ему, хану, дети ево милы, как и им, старшинам, свои дети любимы, понеже он, хан, от их беспутных поступков и так принел немалой стыд и огорчал всем генералом, и для них нес на себе худое имя, а ныне он, хан, отдает сына своего в оманаты на смену другому сыну, чтоб для удержания киргис-кайсацких плутов из сильных родов знатная старшина с сыном ево отдали своих детей в оманаты, и еще, они, знатна старшина, присягали в том, чтоб каждой своего роду плутов впредь до продерзостей не допускать.

На оные ево, Абулгаир-хана, слова старшина в ответ говорили, что они, старшина, ево, Абулгаир-хана, к себе милости, что они спокойное житие чрез него получили, знают и чувствуют, и, яко своего владельца, повеление исполнять должны. А при Абулгаир-хане был их один знатной из духовных, ему приказал Абулгаир-хан взять алкуран, оной духовной алкуран и взял, и которой пункт до присяги надлежит, прочел; и все старшина, на ногах стоя, слушали, а потом оной духовной спросил всех старшин, что они впредь сами подданным Е. и. в. продерзости чинить не будут ли и каждой своего роду до того не допустят ли, из сильных родов знатная старшина детей своих с ханским сыном в аманаты отдадут ли?

И оные старшина оному духовному отвечали, что они детей своих с ханским сыном в аманаты дадут, и впредь сами худые дела делать не будут, и каждой своих родов дураков до шалости не допустят, и то все сымают на себя и обязуются. А оной духовны алкуран положил на стол и по их обычию поднул руки, так и все старшина руки подняли же, зделали пата (то есть обещание). И на оное брегадир Тевкелев еще говорил, что он на присягу их не сумнителен, однако им надлежит напротив Е. и. в. всемилостивейшей грамоты о получении и потому по их подданнической верности о исполнении послать всеподданнейшее их доношение, и в том доношении, чтоб имянно написали, что они русских пленников и взятой ими скот они отдадут всех и впредь никаких продерзостей делать не станут, то он, брегадир, о калмыцких пленниках и скотах им до указу может дать и сроку, також и о упущении вин их ему, брегадиру, где надлежит старание иметь, будет способнее.

На оное как хан, так и старшина единогласно согласились и того же время на имя Е. и. в., изображая все то вышеобъявленное, пункты написали и ему, брегадиру Тевкелеву, показали и с приложением Абулгаир-хана печати заутра, то есть 31 июля, прислать обещали.

И брегадир Тевкелев им объявил, что он им до указу о калмыцких ясырях и скотах сроку дает и от них показанное на калмык, яко об обидах, письмо примет, и куды надлежит, о том представит, и какая на оное воспоследует резолюция, о том им исходатайствует Е. и. в. указ. И за то киргис-кайсацкие старшина ево, брегадира, благодарили и просили, чтоб он их и впредь

не оставлял, понеже они, степные дикие люди, российских обычи-ев не знают, чтоб их к доброму, как и прежде, жаловал наставлял.

На то брегадир сказал, он, как прежде, им на добрые поступки давал наставления и ныне от того не отречется, токмо чтоб они сами жили постоянно и киргис-кайсацких дураков до продерзости не допускали, и по указам Е. и. в. всегда исполняли. И старшина отвечали, что они по указом Е. и. в. исполнят, и по наставлению ево, брегадира, поступать будут, и ханского сына Айчювак-салтана на смену брату ево Ходжа-Ахметь-салтану и с ним сильных родов знатных старшин детей в аманаты завтра Абулгаир-хана большой сын Нуралы-салтан к нему, брегадиру, приведет.

Брегадир Тевкелев Абулгаир-хану и старшинам говорил о гундровских ногайцах, чтоб их назад возвратить, а впредь запретить всему киргис-кайсацкому народу, чтоб таких беглых отнюдь не принимать, а что оные гундровские ногайцы ушли за недолгое время до приезде в Оренбург ево, брегадира, и как он о том уведал, просил тайного советника и ковалера Неплюева, чтоб он до свидания ево, брегадира, с ханом и старшинами о тех беглецах никуда не писал, разсуждая то, дабы такие беглых приемщики, киргис-кайсаки, ево, хана, и знатную старшину не привели Е. и. в. во гнев, и в том намерении был, что как хан, так и знатная старшина, по свидании с ним, брегадиром, уже всемерно отдадут и в погрешность не впадут, показуя им благодеяние тайного советника и ковалера Неплюева, что о том до времени умолчать уговорил, они и сами могут разсудить, что оные киргис-кайсацкие поступки весьма нехороши, и чтоб они тех гундровских ногайцов необходимо отдали и ево, брегадира, не оставили в слове, понеже тайной советник и ковалер Неплюев в том поверил ему, брегадиру, и никуда об них не писал, почти за них он, брегадир, ручался.

На оное старшина Ходжанай-би говорил, что они их держать не будут и впредь таких беглецов принимать не допустят, понеже оные гундровские ногайцы ныне живут во владении Нуралы-салтана в беряшском роду и просят ево, брегадира, чтоб он о том представлял Нуралы-салтану, и он за них стоять не будет, к тому же и они ему и о том об отдаче представлять станут.

И брегадир Тевкелев уже больше о том слова продолжать и оставил в том разсуждении, чтоб не вдруг с такими степными народами упорливо и круто поступить, и тем настоящее дело не

испортить, а как настоящее дело зделается, и оное исполнено несумненно бытъ имеет. Ежели с такими степными и необузданными людьми круто и сурово поступить, то б они могли без всякого основания, и не дав аманатов, разъехаться, а после поправлять весьма б было трудно; и брегадир Тевкелев, зная их обычие, больше о том с ними слов и не продолжал, ибо сей народ так, как дикие звери, в малом деле их погладить, то и настоящее дело зделать будет нетрудно. К тому же сего числа поутру Джанебек-тархан прислал к нему, брегадиру Тевкелеву, своего родного племянника, брата его родного Тордагула сына Сююндюка тайно с тем, чтоб он, брегадир, с ханом и старейшинами не весьма круто поступил, несколько, чтоб употребил снисхождение до того времени, что он получит себе ханского сына Айчювак-салтана и в настоящем деле обязательное письмо, а как он, брегадир, ханского сына и обязательное письмо себе получит, то все дела исполнять будет нетрудно; того для он, брегадир, о гундровских ногайцах больше слов не продолжал, и тем резонем брегадир Тевкелев им объявил, когда заутра он, Нуралы-салтан, приедит к нему, брегадиру, с аманатами, тогда ему, Нуралы-салтану, о том он, брегадир, представлять будет, понеже он, брегадир, немало не сумневается, что Нуралы-салтан, как человек умной, о том и сам, что оное надлежит, разсудить может [51].

Потом брегадир Тевкелев Е. и. в. милость им, старшинам, всем дал, чтоб они, кому надлежит, сами разделили, а имянно: Меньшей орде Абулгаир-хану ис присланного из Оренбурга покупки июля 27 дня голубого сукна, по семидесят копеек аршин, дватцать шесть аршин да прежняго приему красного сукна ж, по рублю аршин, шестнатцать аршин; зеленого — по семидесят по три копейки дватцать один аршин, синего — по семидесят же по три копейки четыре аршина, голей четыре, камок две, кож красных тритцеть; итого на сто на шезтьдесят рублей на сорок на пять копеек. Средней орде Джанебек-тархану ис покупного ж июля 27 числа красного сукна, по рублю аршин, четырнатцать аршин да по семидесят копеек голубого — двенатцать, темносиного — осмнатцать, зеленого — пятнадцать аршин, прежняго приему два косяка камок, кож красных дватцать; итого дано Средней орде на восемьдесят на три рубли на пятдесят копеек.

По окончании того всего ево, хана, и знатных старшин трактовал разными виноградными винами и обедали весьма изрядно,

а протчим киргисцам убиты были ис казенных скотин один бык и два барана, и по их обычию крошеным мясом на площади кормили и казенным же простым вином и медом довольно поили, и за обедом играла музыка. Хан начел, во-первых, пить за здравие Е. и. в. — ис пяти пушек палили, а потом за здравие их императорских высочеств то же чинил — и ис пяти ж пушек палили, а затем — всех российских министров и генералов. Потом брегадир пил благословии боже российского оружия, а после того российского флота, ханское здоровье, чтоб ему всегда быть Е. и. в. всемилостивейшей государыне верным; потом хан пил за здравие брегадира Тевкелева, а после всех верноподданных Е. и. в. и брегадир Тевкелев киргис-кайсацким старшинам объявил, что и они тут же щисляются, и все старшина за то благодарили; всех здравей было девять, и за все здравии ис пяти пушек палили, и со всяким удовольствием он, хан, и вся старшина от него, брегадира, отъехали, а хан препровожден в городской брегадира Тевкелева коляске и при выезде из лагиря он, Абулгаир-хан, увидел одну мартиру и одну гоубицу и спросил у него, брегадира, что за такие странные пушки, и он таких не видывал. Брегадир Тевкелев ему, хану, объявил, что оные — не пушки, мартиры имеют свое действо, особливое обстоятельно им растолковал, и таких арматур в сей крепости имеется довольно, и показал им одну песком чиненую бомбу. И Абулгаир-хан ево, брегадира, просил, чтоб он из них велел выстрелить, и выпалено из одной мартиры и из гоубицы, чему Абулгаир-хан, и вся киргис-кайсацкая старшина, и народ весьма дивилися и немало устрашилися.

Июля 30 числа послано от брегадира Тевкелева ко Абулгаир-хану письмо, в котором написано: «По вашей верноподданнической должности положено и утверждено, чтоб всех находящихся в Киргис-кайсацкой орде подданных Российской империи пленников возвратить в их отечество, каждого откуда они были взяты, о чем почтенно сим и представляю, чтоб ваше высокостепенство благоволили в том уже самым делом исполнить в непродолжительном времени и за что и высочайшею Е. и. в. милостию за вашу верность оставлены быть не можете. Кто же имяны и в которых годех русских и протчих пленников, скота и всякой пажити пограблено, о том приложен регестр, причем паки представляю ж, чтоб ваше высокостепенство благоволили ко оказанию вашей и всего вашего народа к Е. и. в. верности все то исполнить,

и пленников со всеми пожитками прикажите в Оренбург привести в непродолжительном времени, которое и самим вам и в лутшую вашу ж пользу ко ожидаемой от Е. и. в. высочайшей милости служить немало может». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Июля тритцать перваго числа послано от брегадира Тевкелева ко Абулгаир-хану письмо, в котором написано: «Высококопенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаирхан, а мой древней друг и сущей благодетель, вашему высококопенству Е. и. в. всемилостивейшей государыни высочайшую грамоту вручил, и что было по всемилостивейшим Е. и. в. указом повелено как вам, так и всему киргис-кайсацкому народу, знатным старшинам словесно объявить объявлял, и сына вашего Ходжа-Ахметь-салтана, привезши сюда, вам объявил же, чтоб вы сына своего сменили другим своим сыном, и ваше высококопенство изволили прислать ко мне Средней и Меньшей орд знатных старшин, а имянно: Меньшей орды алчин-каракисяцкого роду Ходжанай-бия, чеклинского роду Муйнак-бия, чюмекейского роду Кидай-бия, Баубяк-бия, байулы-джарбайского роду Утятляу-бия, семиродского роду Тюлюбай-бия; Средней орды аргин-чакчацкого роду Букенбай-батыря, кипчацкого роду Чиндаветь-батыря, баганалы-найманского роду Утяган-батыря. И они мне объявили, яко ваше высококопенство, при сыне своем Айчювак-салтане знатных биевых детей Средней орды трех, да Меньшей орды трех же человек в аманаты отдать обещаете. Во-первых, Ходжанай-биева сына, да и прежде сего ваше высококопенство, и сами июля 11 числа с есаулом Кутлумбетем и с старшинскими детьми ко мне писали, что вы уже, остановясь на одном основании, сыну своему Ходжа-Ахметь-салтану сына ж своего Айчювак-салтана привезть и отдать обещали и при нем знатных старшинских детей, а я по прозьбе вашей их обещал содержать в Оренбурге и вдаль не отлучать, а каждую весною переменять, того ради вашего высококопенства сим почтенно прошу, чтоб вы нынешней день, то есть сего июля 31 дня, сына своего и при нем объявленных знатных старшинских детей изволили привезть, о том бы и Е. и. в. всенижайше донести подчтился, и какие от вас и от знатных ваших биев Е. и. в. и о чем подданнейшие прошения имеются, то оные, написав, с собою ж привезть изволите, а с сим известием к вам послал повереннаго моего Кубека, на что от вас

и в ответ крайне ожидать имею». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Июля 31 числа пополуночи в 10-м часу к бригадиру Тевкелеву приехал Нуралы-салтан, а с ним братья ево Айчювак-салтан, Адиль-салтан да Чингиз для розмены брата своего Ходжа-Ахметь-салтана братом же ево Айчювак-салтаном, да при нем владения ево, Нуралы-салтана, изо всех байулинского роду старшин было тридцать человек, простых киргисцов человек сто; и отдана ему честь барабанным боем и игранием музыки, а команда как регулярная, так и не регулярная, все были в параде. А как они в ставки бригадира вошли, потом бригадир Тевкелев и Нуралы-салтан с тремя братьями сели бригадира Тевкелева в первой и лучей полатке, а в первом намете сидели все старшина, а в другом намете — протчие киргис-кайсаки.

И бригадир Тевкелев с ним, Нуралы-салтаном, продолжал разговоры таким же порядком, как и с отцом ево Абулгаир-ханом и ево старшинами, и между теми разговорами бригадир Тевкелев представлял ему, Нуралы-салтану, о гундровских ногайцах, понеже вчерашняго числа он, бригадир Тевкелев, отцу ево и всем киргис-кайсацким старшинам об отдаче тех гундровских ногайцов представлял, но токмо как отец ево Абулгаир-хан и старшина объявили, что оные ногайцы приняты и содержатся во владении ево, Нуралы-салтана, в ево дела они не мешаются; он сам, Нуралы-салтан, отыскав тех ногайцов, бес прекословия может возвратить. Понеже по присланной Е. и. в. всемилостивейшей грамоты и словесному ево, бригадира, представлению были сего июля 29 числа как от отца ево Абулгаир-хана, и от него, Нуралы-салтана, и ото всего киргис-кайсацкого войска присланы поверенные, в том числе и от его, Нуралы-салтана, владения были двоя старшин: один роду джаббас Утетлев-би, а другой роду алача Бабата-бий, однако он, бригадир, ис тех депутатов словесными в ответ приношениями доволен не был, ибо многова чрез то недо-ставало, а вчерашняго числа с отцом ево и с киргис-кайсацкими старшинами их киргис-кайсацкое дело на мере положили, о чем и он, Нуралы-салтан, чрез своих поверенных старшин всемерно о том известен. Однако он, бригадир, и еще о том ему повторяет, а имянно положили: 1-е — всех русских пленников пожитки и скот их, всех отыскав немедленно, отвести в Оренбург; 2-е — впредь отнюдь Е. и. в. подданным воровскими своими набегами ника-

кого раззорения не чинить; и о том каждого роду знатная старшина, сняв на себя, присягали и письменно обязались и обязательное доношение за печатью Абулгаир-хана на высочайшее Е. и. в. имя ему, брегадиру, сего числа прислать обещали; 3-е — что киргис-кайсацкие дураки безрассудно, не слуша хана и их владетельных салтанов и знатных старшин, чинили продерзости и раззоряли, Е. и. в. подданных, о том Е. и. в. всеподданнейше просили всемилостивейшего прощения; 4-е — о взятых пленниках и скотах от калмык все киргис-кайсацкие старшина просили ево, брегадира Тевкелева, чтоб он им дал сроку до указа, представляя, якобы от калмык о учиненных обидах хотели прислать ему, брегадиру, на письме; и хотя оное ему, брегадиру, делать было и не надлежало, чтоб им дать в том сроку, однако он, брегадир, ту несносную тягость и страх для них снял на себя, дал им в том сроку до получения указа, то уже он, Нуралы-салтан, как человек умной и порядочной, и постоянной о исполнении о вышепоказанных пунктах свое всеподданническое усердие с крайним прилежанием трудиться будет, и брегадир Тевкелев в том так, как и гундровских ногайцов возвратить и впредь в ево владении таких беглецов не принимать, на него всемерно надеятся. И те резоны и обстоятельства брегадир Тевкелев ему, Нуралы-салтану, изъяснял, как отцу ево Абулгаир-хану и всем киргис-кайсацким старшинам от него, брегадира, толковано.

И на оные ево, брегадира, слова Нуралы-салтан говорил, притом ево, брегадира, яко дядю своего, просил, чтоб он пожаловал ево слова терпеливно бы слушал; что он, Нуралы-салтан, о том о всем известен, и вышепомянутые депутаты к нему, брегадиру, посланы в том совете, и он был согласен, и что их киргис-кайсацкие дела с ним, брегадиром Тевкелевым, отец ево Абулгаир-хан и вся киргис-кайсацкие старшина на мере положили, и тому он согласен же, и том ведает. Что же брегадир Тевкелев по прежней своей к ним дружбе оную великую тягость взял на себя о калмыцких делах, до указа им дал сроку, на ту ево добродетель, ежели киргис-кайсацкой народ не будут знать, воздаст ему сам господь бог, а что касается до русских ясырей и взятых их пожитках, без всякого прекословия оное надлежит возвратить, и он, Нуралы-салтан, о том будет крайне старание иметь, что есть в ево владении, немедленно возвратить, а что впредь киргис-кайсацких дураков до продерзостей не допустить, киргис-кайсацкие

старшина письменно обязались, и то с его же совету, и он своего владения всех байулинских родов до того не допустит, и крайне наблюдать всегда будет. И он, Нурали-салтан, оное не инако рассуждает, как к лутчему их благополучию, понеже он, Нурали-салтан, дружеские ево, брегадира, наставления, и что к их благополучию или ко вреду, толковании внятно выразумил и знает, и за то ево благодарит, и о том сам зрелое рассуждение имеет, что ежели киргис-кайсацких дураков, как они яко владельцы, такожде и киргис-кайсацкие старшина от продерзостей унимать и удерживать не будут, и тем приведут Е. и. в. в тяжкой гнев, и указом Е. и. в., боже от того храни, повелено будет всем российским подданным ото всех стран, то есть калмыкам волским, и яицким казакам, и башкирцам, и драгунам, и салдатам, и сибирским народам окружить и воевать, то всеконечная их будет правым, и виноватым от того гибель. И он, Нуралы-салтан, яко своему дяде, ему, брегадиру Тевкелеву, искреннюю свою совесть в конфиденции открывает, хотя он до сего времени от него, брегадира, такие полезные наставления и не слышал, для того он с ним давно не видался. Однако он всем киргис-кайсакам вышепомянутые страхи и опасности всегда толковал и говаривал, чтоб они от таких продерзостей воздержались, ежели Е. и. в. приведут во гнев, не токмо потеряют такое их благополучное житие, но до основания могут разориться, жон и детей и скот весь потеряют, а сами преданы будут к огню и мечю так, как и башкирцы за их продерзости достаточно наказаны, а ныне они и сами от него, брегадира Тевкелева, своими ушми слышали, наиболее уже будут иметь страх. Для того сколько киргис-кайсацкой народ за добрые наставления ево, брегадира, любят, а вдвое того от него и опасаются, что он, брегадир, их состояние довольно знает и сведом; а о гундровских ногайцах он, Нуралы-салтан, о возвращении стараться должен и будет. Как он, брегадир, сам довольно о киргис-кайсацких народах известен, что у них, владельцев, нет топора и петьли, ни застенка, приказа и тюрьмы, издревля к вольности обыкли и необузданных степных людей скоро в состояние привести силою им невозможно, а ежели как русских ясырей, так и скот их и гундровских ногайцов к отдаче может быть по их застарелому лехкомыслию из них некоторые будут и ослушны, в таком случае просит он, Нуралы-салтан, как ево, брегадира, так и тайного советника, как ему, так и отцу ево они б вспоможении

чинили; понеже в которых родах будут ослушны, ис тех родов когда они покажут письменно, хотя праваго задержать, сказав ему резон, для чего он одержан; послать чрез них же в тот род известие, и кто будет ис того роду правы одержан, и ево родственники тово виноватова самого, связав, привезут, или, что требуется, то несумненно будет принужден отдать. А бес того таких ветерных и необузданных народов от продерзости удерживать и по указом Е. и. в. ко исполнению принудить весьма трудно, понеже у них, киргис-кайсаков, издревле у самих то обычие, что в Киргис-кайсацкой орде меж собою, ежели один на другом имеет претензию, а тот с тем добровольно не захочет розделаться, а по правом на того бить челом негде, да и прав письменных у них нет, и посылку чинить некому, а хотя и послать, не послушают, тот у них и суд свыше своей претензии, кто захватит баранту; тот уже, на ком претензия, неволею принужден будет сам искать третьейской суд и помириться, и что надлежит, возвратить. И везде с ними, киргис-кайсаками, как в Хиве, так и в Бухарах, и в протчих местах таким образом поступают и взятое возвращают, а инакова их усмирить, и что взятое возвратить, и впредь до продерзостей не допустить, он, Нурали-салтан, другова способу предоставить не умеет, для того и отец ево к тайному советнику о том многократно писал, однако по ево письмам ничего не зделано; затем киргис-кайсаки были и безстрашны, и никак их к послушанию привести было бес того невозможно.

На то брегадир говорил, что отец ево, Абулгаир-хан, ему, брегадиру, друг, он, Нурали-салтан, и сам о том засвидетельствовать может, однако тайной советник и ковалер Неплюев по письмам отца ево не все делал, и то правда; он, Нурали-салтан, и сам знает, и ему, брегадиру, довольно ведомо, что отец ево, Абулгаир-хан, человек горячий и скор, иногда сердится по степному своему обычаю за то, что иное зделать невозможно. Отец же ево Абулгаир-хан, хотя к тайному советнику и писал, чтоб ис трех орд киргисцов по десяти человек одержал, а Большая орда еще не принята Е. и. в. и в подданство и, следственно, их одерживать не резон, к тому же они живут от российских городов в дальном разстоянии, и в тех продерзостях они были невиновны; а что протчих двух орд Средней и Меньшей орды киргис-кайсаки не удержаны, то б он, Нурали-салтан, ему, брегадиру, повелел, что на то тайной советник и ковалер Неплюев не поступил ни

для чего иного, только из единого к нему, хану, доброжелательства, желая, чтоб он, хан, и бес того поправления то дело учинил, за что бы он, хан, по его, тайного советника, доношению от двора Е. и. в. и вящую похвалу и милость себе получить мог, а что по их брегадирскому, о состоянии кочевых народов сведению представление им, ханом, баранта с резонном и сходно б быть могло, но как он, брегадир, и прежде хану толковал, что во всем свете такого обычию нет, чтоб посланцов задерживать, что и в самом деле от стороны тайного советника и ковалера Неплюева тем доказано.

На то Нурали-салтан говорил, что брегадир Тевкелев представлял, он не спорит, все то правильно, и оное следует, где яко и в России все порядки издревля узаконены и утверждены, а их киргис-кайсацкой народ издревля обыкли к вольности, необузданные и неразумные люди, и никакого учрежденного закона нет, ни от кого и ни от чего не имеют страху, как и выше сего он упомянул, у них топора и петли, застенка и тюрьмы нет, унять нечем. А что отец ево, Абулгаир-хан, человек горячий и скор, и о том он и сам знает и не спорит, а к тому же родился и вырос на степе, в своей воле; может статься, что он иное и излишне говорит, а в самом деле он отнюдь злодействовать не будет, только по природному своему обычию, коль скоро выговорит, толь скоро сердце ево и отходит. А что же посланцов одерживать он, Нурали-салтан, и сам тому не согласен, а на торгу за продерзости и за непослушание которых родов такие противники явятся, тех же родов правых по ево письмам сильных людей, которые тех плутов к тому принудить в состоянии, одерживать весьма с пользою сходно, и потом мало по-малу, не токмо большие продерзости, но и маленькие шалости делать перестанут и жить будут с покоем, а что он пришлет письмо, от того отнюдь не отопрется, что оное дельно и надлежит.

На оное брегадир Тевкелев ему, Нурали-салтану, больше о боронте не распространял, видел то, что он весьма основателен и правильно и полезно говорит, на прежних своих словах основался, то и прекратил; и стал ему, Нурали-салтану, паки о гундровских ногайцах представлять, чтоб он по подданнической верности и по своему достаточному уму о немедленной отдаче имел свое крайнее старание и тем своим усердием к Е. и. в. свою верность оказал и в том он, брегадир, на него, Нурали-салтана, несумнительно

имеет надежду. И на то Нурали-салтан говорил, что он к отдаче тех гундровских ногайцов всемерно крайнее старание иметь будет, того для он, Нурали-салтан, ему, брегадиру, часто и упоминал, что без баранты киргис-кайсацких дураков унять и в покорность привести невозможно, для того оные гундровские ногайцы, прибыв в берсшской род, киргисцы переженились на их дочерях, и оные киргисцы всемерно несколько об них к неотдаче стараться станут, а когда ис того роду правые одержаны будут, то и те за гундровских ногайцов стоять будут не в состоянии. Однако он, Нуралы-салтан, всемерно ведает, и они, гундровские ногайцы, от страху также станут отбиваться, можно их обнадежить, что они ничем наказаны не будут, и он, Нуралы-салтан, и сам о том просит, и те б киргисцы не столько б за них стояли.

И на то брегадир Тевкелев говорил, чтоб он, Нурали-салтан, их без сумнения обнадежил, он, брегадир, сымает на себя, чтоб их вины у тайного советника и ковалера Неплюева упросить, для того он, тайной советник и ковалер, по прошению ево, брегадира, об них никуды еще не писал, и их вины простить ныне в ево силе; а егда упорливо поступят, и он в даль донесет, а после силою отдадут, тогда и у него, тайного советника, их вин простить силы не будет, а ныне он, брегадир, не токмо их вин у тайного советника упросить обещается, но и оставшей их скот к отдаче им у тайного советника и ковалера упросит.

И на то Нурали-салтан сказал, что он о том полную резолюцию от него, брегадира, получил. И на то брегадир Тевкелев ему, Нуралы-салтану, говорил о боранте, оное ему ныне в ответ, не выдавшись с тайным советником и ковалером Неплюевым, сказать не может, и как он, брегадир Тевкелев, в Оренбург приедет, о том с ним, тайным советником, будут советовать, к тому же и он, Нуралы-салтан, и сам намерен к нему, тайному советнику, ехать, и тамо обще будут и с ним, Нурали-салтаном, о баронте разсуждать, речь тем и окончилась. Потом Нурали-салтан паки подтверждал о брате своем Айчювак-салтане и прилежно просил об нем, чтоб он несколько был против тех братьев отменен, понеже у матери их ханши Попай он, Айчювак-салтан, любимой сын, и ей несколько будет оное приятно, к тому же он, Айчювак-салтан, всему киргис-кайсацкому народу своими добрыми поступками любим же, и как он на смену брату своему Ходжа-Ахметь-салтану пошел, то наперед в Киргис-кайсацкой орде зело

добрый порядок установил, которой уже и впредь тем порядком киргисцы поступать должны.

На то бригадир Тевкелев Нуралы-салтану говорил, что ему, бригадиру, будет возможно и в его силе сделать, не отречется; и окончав те речи, он, Нуралы-салтан, Айчювак-салтана бригадиру Тевкелеву и вручил, а Ходжа-Ахметь-салтан того числа ис крепости в лагерь к братьям своим для размены не поехал, и захватила его лихоратка, и потом бригадир Тевкелев его, Нуралы-салтана, показав Е. и. в. милость, всем старшинам и протчим киргисцам дал товарами, а имянно: прежняго приему голей две персидских из арбатов малої руки, два зеленого сукна, по рублю по пятидесят копеек аршин, девять аршин; кож красных дватцать да ис покупки присланной июля 27 дня сукна красного, по рублю шеснатцать аршин; темносиняго сукна, по семидесять копеек пятнатцать аршин; итого Нуралы-салтану для роздачи дано кроме персидских парчей на девяноста рублей, да в то же время Айчювак-салтану отдано прежняго приему китаек василькового цвету десеть концов, по осьмидесять копеек конец; кож красных пятнатцать, ис покупных июля 27 дня сукна, по семидесять копеек аршин, зеленого, гвоздишневаго — пятнатцеть же аршин; итого Айчювак-салтану дано на сорок на четыре рубли.

А потом стали обедать у бригадира Тевкелева: в первой палатке сели Нуралы-салтан с тремя своими братьями да несколько знатные старшина, а протчие в других наметах; и бригадир Тевкелев трактовал очень изрядно разными виноградными винами, играла музыка. Вначале пили за высочайшее здравие Е. и. в. и их императорских высочеств, также всех девять здаровой пили, как и при Абулгаир-хане, и палили ис пяти пушек за каждое здаровье; а для простых киргисцов убито казенных четыре барана, и поставлено им казенное же простое вино и ставленой мед; и простые киргисцы, хотя и пьяны напились, однако никаких шалостей не делали, сидели в своих местах весьма чинно и смирно.

И по окончании обеда Нуралы-салтан просил его, бригадира, что желает он з двумя его братьями ехать в крепость, проводить брата своего Айчювак-салтана до показанной ему квартиры, а брата другога Ходжа-Ахметь-салтана с собою возмет. И бригадир его, Нуралы-салтана, с радостию о том просил, из лагеря поехали в крепость в каляске бригадира Тевкелева, и он, Нуралы-салтан, проводя брата своего Айчювак-салтана до квартиры его,

потом был и у бригадира Тевкелева в квартире, просил о свободе брата своего Ходжа-Ахметь-салтана.

И на то бригадир Тевкелев со всякою учтивостию ему, Нурали-салтану, говорил, что уже ему, бригадиру, до брата ево Ходжа-Ахметь-салтана никакого дела нет, и он, бригадир, ис квартиры ево выбивать не будет и поедит по своей воле.

Потом Нурали-салтан послал к брату своему Ходжа-Ахметь-салтану, чтобы он с ним ехал к отцу. На оное Ходжа-Ахметь-салтан прислал от себя с прошением к бригадиру Тевкелеву, что он желает сию ночь переначевать в своей квартире, чтоб ему было позволено, а как совсем уберется завтра, за высочайшую Е. и. в. милость всерабски благодаря, а с ним, бригадиром, простясь, и поедит.

На то бригадир послал от себя порутчика Яковлева ему, Ходжа-Ахметь-салтану, объявить, что оное состоит в ево воле. Потом Нурали-салтан просил бригадира, чтоб он дал ему позволение: желает идти к брату своему Ходжа-Ахметь-салтану; и бригадир Тевкелев сказал, в ево воле состоит. И при отъезде увидел бригадира Тевкелева в поставце серебряную посуду, смотрел и дивился, и говорил о их житье, что они напрасно называются людьми и надлежит их самих называть дикими и степными словесными зверьми, и просил бригадира, чтоб он ему во знак своей любви подарил ево одним большим серебряным колпаком. И бригадир Тевкелев с веселым видом ему, Нурали-салтану, оной калпак подарил, а весом оной калпак тритцетъ четыре золотника. И он, Нурали-салтан, с крайним благодарением принял. А потом бригадир Тевкелев ему, Нурали-салтану, объявил, что он имеет Е. и. в. милость некоторые вещи дать, ныне ль он сам примет или за тем кого пришет, и оные вещи бригадир Тевкелев, отведя ево в свою спальню, показал, а имянно: новоманерная канфа в дватцать пять рублей да черная лисица в дватцать два рубли, кармазинного сукна мясного цвету с урезом, по четыре рубли аршин, четыре аршина; сукна ж алого по два рубли по тритцети копеек четыре аршина, зеленого чаю два фунта по цене на рубль, сахару бес четверти четыре фунта на семьдесят на восемь копеек, пряного перцу фунт на шездесят копеек да две красные кожи; итого на семьдесят на шесть рублей на пядесят на восемь копеек.

На то Нуралы-салтан, с места встав, за высочайшую Е. и. в. милость всерабски приносил благодарение и просил бригадира

Тевкелева, чтоб он тех вещей оставил у себя, а он за теми вещьми с письмом пришлет своего надежного человека, а ежели ему тех вещей ныне взять, то киргис-кайсацкие старшина все то у него выпросят, а по их степному обычию, не дать никак не возможно, того ради он, Нурали-салтан, ево, брегадира, яко своего дядю, просит до присылки от него человека оставить у себя.

И брегадир Тевкелев ему, Нурали-салтану, сказал, что он их обычие довольно знает, за тем ему и сказал, что ныне ль он возмет или после пришлет, и как он, Нурали-салтан, с письмом кого пришлет, немедленно велит отдать; с тем он, Нурали-салтан, от него, брегадира Тевкелева, и отъехал в свой кош. А два брата ево Адиль-салтан и Чингиз-салтан просили брегадира Тевкелева, чтоб он им дал позволение здесь в крепости на квартире брата их Айчювак-салтана сию ночь переначевать, чтоб, во-первых, брату их Айчювак-салтану, которой обык в степе в своей воле, а здесь ныне в одном месте ему было не скушно. И брегадир Тевкелев им объявил, что не токмо он им з братом их Айчювак-салтаном даст переночевать вместе, но о том их он, брегадир, сам просит, чтоб они переначевали, при том с ними еще и жертвовал, что они тем увеселят своего брата, а сами будут к тому привыкать, а как он, Адиль-салтан, на предбудущей год приедет на смену брату своему Айчювак-салтану, тогда ему оное уже не весьма дико покажется.

И на то Адиль-салтан отвечал, что как он, брегадир Тевкелев, к ним приехал, и они ево увидели, яко своего родного дядю, и им уже ничто дико и противно не будет, и будут сменяться с радостью, и первой знак их к нему усердия, что все четыре брата вместе в крепости ныне без всякого сумнения, но с крайнею радостью начуют.

На то брегадир Тевкелев ему, Адиль-салтану, в ответ говорил: он, брегадир, ево, Адиль-салтана, яко своего любезного племянника, за умное и за доброе приветствие благодарит, и притом же объявляет, что Российское государство из древних лет основано и узаконено порядком достохвальным и богом благословенною справедливостию, хотя б он, брегадир, или б кто другой был, отнюдь никогда несправедливость зделать и учинить всероссийские законы запрещают, и ни один неправды делать из россиан осмелиться не в состоянии, не токмо они четыре брата вместе начуют, хотя б и вся фамилия их приехала, хотя б кому оное

другому поручено было, их, яко дражайших гостей, их принимать и почитать с радостию будут, чтоб они, яко своему дяде, совершенно в том поверили.

На то он, Адиль-салтан, сказал, что они прежде не знали, а ныне, как ево, брегадира, увидели, и от него многие добрые наставления слышали, не токмо уже они, но яко дикой и степной народ, вся Киргис-кайсацкая орда уверились и никакого уже сомнения не имеют. Тем речь окончалася, они пошли в квартиру Айчювак-салтана, и брегадир Тевкелев им послал для их удовольствия виноградных вин, вотки, меда и простого вина и баранов.

Июля тритцеть первого числа по прибытии в свой кош Нурали-салтан прислал к брегадиру Тевкелеву письмо, в коем написано следующее: «Высокоблагородны, превосходительны, истинны и искренны, мой дядюшка господин брегадир мурза, всеусердно и верно вашему превосходительству с прошением моим доношу. Я, племянник ваш Нурали-салтан, со всеусердием моим стараться и служить буду и из двенатцети родов во владении моем байулинском роду народные дела и непорядочных людей поправить, и имеющихся у них пленников и с их пажитом по возможности моей от них отбирать и к вам возвращать имею, а ежели они мои слова и наставление не примут и учинятся сильны, тогда по нашему обыкновению, понеже у нас всегда у самих то водится удерживать людей, хотя и правых, только того роду, те правые сами, виноватых поймав, привезут тем резонем, что безвинные за тех плутов страждут, тогда все дела порядочно происходить будут; и тако о сем вас прошу, ежели когда вашему превосходительству от меня за моею печатью письмо получить изволите в такой силе, чтоб таковых удерживать, когда они для торгу поедут, о чем и впредь прошу не оставить. Когда же за моею печатью письмо получить изволите, чтоб оных освободить, тогда вы изволите приказать их и отпустить, и тем нашего народа непорядочные дела и окончатся могли, а мы только на вас и надежду имеем, и всякое вспомоществование от вас получить желаем, и ежели вы без указу того учинить не смеете, то всепокорно просим Е. и. в. всемилостивейшей государыне всеподданнейшие наши доношения представить и высочайшаго указу о том исходатайствовать». На подлинном татарском письме ево, Нурали-салтана, чернильная печать приложена.

Августа первого числа к брегадиру Тевкелеву приехал еще Нурали-салтан да с ним Меньшей орды сильных родов знатные

старшина: роду каракисяк Ходжанай-бий, роду чюмекей Гедейбий; своих детей привели в аманаты, с Айчювак-салтаном быть вместе, и отдали брегадиру Тевкелеву. И он, Нуралы-салтан, и другие многие знатные старшина у брегадира Тевкелева обедали и трактованы изрядно.

Августа перваго ж числа и Ходжа-Ахметь в верности быть Е. и. в. приведен к присяге, и при отпуске от брегадира ему изъяснено довольное наставление, чтоб он Е. и. в., будучи в своей орде, служил верно, за что и наивяще милостию Е. и. в. награжден будет, притом Е. и. в. жалование ему дано, а имянно: новоманерная канфа [52] в дватцать пять рублей, две голи в тритцать рублей, штофу по дикой земле по два рубли десять аршин [53], черная лисица в дватцать два рубли, выдр пять по два рубли, мех белей в три рубли в пятьдесят копеек, сукна мяснаго цвету с урезом, по четыре рубли аршин, четыре аршина; алаго — по два рубли по тритцати копеек, четыре аршина; кож красных десять; итого дано по цене на сто на сорок на пять рублей на семьдесят копеек.

И при отъезде Ходжа-Ахметь-салтан выпросил у брегадира из собственной ево посуды серебряных больших два колпака весом шестьдесят восемь золотников, да он же, Ходжа-Ахметь-салтан, как от брегадира Тевкелева Е. и. в. жалование получил, не весьма был он тем доволен, однако брегадир Тевкелев ево пристойными словами обнадежил, что ежели он, будучи в своей орде, будет оказывать Е. и. в. свои верные услуги, и впредь Е. и. в. милостию оставлен не будет, и тем он стал быть доволен, однако притом он, Ходжа-Ахметь-салтан, говорил, что при отпуске брату ево Ирали-салтану дано пансарь и ружье и сабля, а ему, Ходжа-Ахметь-салтану, ис тех знаков, чем Е. и. в. служить, ничего не дано, и просит у него, брегадира Тевкелева, хотя б ему с насекомю серебряною зделать велеть один сайдак и прислать к нему, чтоб того и киргисцы видели, что он от Е. и. в. всем награжден.

На то брегадир Тевкелев ему сказал, что ежели он покажет, будучи в орде, свои верные услуги, может от Е. и. в. милость и саблю получить, а ныне для удовольствия ево с насекомю серебряною, как приедет в Оренбург, зделав, к нему пришет, и тем он, Ходжа-Ахметь-салтан, отъехал от него, брегадира, со удовольствием.

Августа первого ж числа Нурали-салтан и Ходжа-Ахметь-салтан, Адиль-салтан и Чингиз, з бригадиром Тевкелевым простясь, поехали, и при отъезде Нурали-салтан бригадира Тевкелева просил, что он уведомился, из Астрахани привезены в Оренбург несколько человек, содержащихся тамо под караулом, киргисцов, чтоб тех киргисцов он приказал освободить.

На оное ему, Нуралы-салтану, бригадир говорил, он, бригадир, для него что возможно зделать, никогда не отречется, но токмо он о тех киргисцах, каким образом они в Астрахани одержаны, и за какое дело, и почему они в Оренбург привезены, он, бригадир, ни о чем неизвестен, следственно, о тех киргисцах ему, Нуралы-салтану, ничего ответствовать не умеет; когда он, Нуралы-салтан, приедет сам в Оренбург, где будет и бригадир Тевкелев, тогда, ежели они подлинно из Астрахани привезены, с тайным советником и ковалером господином Неплюевым вместе об них разсуждение иметь будут, тем и окончал.

Оной же Нурали-салтан и Ходжа-Ахметь-салтан, да и Айчювак-салтан обще просили бригадира Тевкелева, что и отец их о том прилежную прозьбу приложить приказал же, дабы киргисца Утямыша, которой находился в содержании при Ходже-Ахметь-салтане, отдать им ево, и тем их удовольствовать, и хотя бригадир Тевкелев разсуждал, дабы ево, Утямыша, еще подержать в России несколько, но понеже в нем никакой важной нужды не зависит и стоять не о чем, а к тому же ежели ево держать, то в даче ис казны кормовых денег последует напрасная трата, того ради ево, Утямыша, помянутому Нуралы-салтану и отдал, за что они ево, бригадира, и благодарствовали.

Августа первого ж числа при отпуске Адиль-салтану дано: мясного цвету сукна, по четыре рубли аршин, четыре аршина; да Чингиз-салтану — алаго, по два рубли по тридцети копеек, четыре ж аршина.

Августа первого ж числа бригадир Абулгаир-хану с сыном ево Ходжа-Ахметь-салтаном тайно от киргисцов послал Е. и. в. жалования, а имянно: новоманерная канфа в дватцетъ пять рублей, с урезом кармазиннаго мяснаго цвету сукна, по четыре рубли, четыре аршина; три выдры шесть рублей, зеленого сукна ис покупки июля 27-го числа, по семидесят копеек, четыре аршина; да на обертку того красная кожа, итого по цене на пятьдесят рублей на восемьдесят копеек.

Того ж **августа первого числа** Абулгаир-хан со всеми своими детьми и старшинами поехал в свою орду, и данные ему казенные полатки, а имянно: взятая из Оренбурга зеленая, да из принятых от майора Кублицкаго салдацких две, взятая ж у порутчика князя Максютова зеленая, также и два чугунные котла у орскаго ис татар казака Абдуллы Кулметева, о которых выше показано, увезены с ним же, ханом, а хозяевам, у коих котлы взяты, заплачено ис казны деньги, а имянно: князю Максютову восемь рублей, казаку Абдулле Кулметеву по два рубли за котел, итого четыре рубли; и при отъезде ж своим он, Абулгаир-хан, прислал к нему, брегадиру Тевкелеву, Байбека, что ханша ево Попай ожидает себе Е. и. в. милость. И брегадир Тевкелев, хотя столько к ней послать казенных товаров имел, однако зная ево, хана, и салтанов, и киргис-кайсацких старшин обычия, что они бесстыдные и нахаливы, ответствовал: он, брегадир, хотя к ней и послал, однако и еще намерен был послать, токмо ему, хану, и салтанам, и протчим киргисцам за роздачею у него казенных товаров ничего не осталось, а здесь казенных никаких вещей не имеется, пришет к ней, что надлежит, из Оренбурга, для того он, брегадир, так отвечал, чтоб от других тем способом отговорится мог; с тем хана Байбека и отправил, и хан тем был доволен.

Августа первого числа послано с сакмарским старшиною Кубеком к Джанебек-тархану и велено отдать наодине бес киргисцов кармазинного сукна мяснаго цвету с урезом по четыре рубли аршин, да алаго аглинскаго, по два рубли по пятнатцети копеек, по четыре аршина; белих мехов два.

Августа второго числа приехали к брегадиру Тевкелеву в крепость Средней орды знатная старшина Джанебек-тархан и Букенбай-батыр и еще человек з десять другие старшина и привезли аманатов, один — Джанебек-тархана ближней родственник, а Букенбай-батырю — родной племянник Дусак, а другой — той же Средней орды кипчацкаго роду старшина Байтюбеть-аталык [54], и говорил Джанебек-тархан, что оной аталык в Средней орде не бес почтения, и человек весьма умной, и к тому же и добрава сердца, и он, аталык будет аманатом и годится Айчювак-салтану и в дятки; потом он, Джанебек-тархан, и Букенбай-батырь просили о неоставлении племянника их.

На то брегадир сказал, чтоб они были в том несумненно благонадежны, что он, брегадир, для них их племянника никогда

не оставит, к тому же и тайной советник и ковалер господин Неплюев до них милостив, и он племянника их в своей милости содержать не оставит же, а что же из Средней орды они в аманаты дали доброго же старшину Байтюбеть-аталыка, и оное знак их к Е. и. в. подданныческой верности. А потом по трактовании его, Джанебек-тархана, им милость Е. и. в. объявлена и в подарок дано, а имянно: Джанебек-тархану большой руки из арбат персицкой по тусинской земле с мелкими шелковыми травами; да брату ево Турдагулу аглинскаго алаго сукна, по два рубли по тридцети копеек аршин, четыре аршина; ему же — перцу осмуха фунта, да Букенбаю-батырю — того ж сукна, и найманского роду Утебаю-батырю — по четыре ж аршина, да будущим при них аргын-туртугулскаго роду Явгачтину, аргин-кипчацкаго роду Чинмурзе — ис покупнаго июля 27-го числа темносинего сукна ценою по семидесят копеек аршин, по четыре аршина; итого дано всем по цене (кроме) из арбата, на тридцать на шесть рублей на семьдесят на две копейки.

Августа второго числа послано от бригадира Тевкелева к Джанебек-тархану письмо, в коем написано: «Почтенной Киргис-кайсацкой Средней орды знатная старшина господин Джанебек-тархан. По вашей верноподданныческой должности положено и утверждено, чтоб всех находящихся подданных Российской империи в Киргис-кайсацкой орде пленников возвратить в их отечество, каждого откудова они взяты, о чем почтенно сим и представляю, чтоб ваше почтенство благоволили в том уже самым делом исполнить в непродолжительном времени, за что и высочайшей Е. и. в. милости за вашу верность оставлены быть не можете, кто же имяны и в которых родех русских и протчих пленников побрано, и скота, и всякаго пажити пограблено, о том приложен регестр, причем паки представляю, чтоб ваше почтенство изволили ко оказанию вашей и всего вашего народа к Е. и. в. верности все то исполнить и пленников со всеми пажитками прикажите в Оренбург привести в непродолжительном времени, которое и самим вам и в лутчую ж вашу пользу ко ожидаемой от Е. и. в. высочайшей милости служить немало может. А затем при сем первом к тому случаи посылаю калмыка Бойбока, у котораго взята в плен и ныне имеется дочь ево родная в кипчацком роду у киргисца Гле-батыря, от коего благоволите взять и с ним при вашем письменном уведомлении в Оренбург отправить». Под-

линное подписано рукою бригадира Тевкелева, а с регистра копия приложена при посланном письме.

Августа второго числа Меньшей орды табинского роду знатной старшина Тюлебай-бий отправлен от бригадира Тевкелева в их в семиродную х киргисцам для збирания, что есть в тех родах российских пленников и взятой скот, и за ево верность и к российской стороне доброжелательство дан ему от него, бригадира, с прочетом указ, понеже оной Тюлебай-бий, как ныне при комиссии бригадира Тевкелева употреблен был секретно ко многим нужным делам, так и прежде в бытность бригадира Тевкелева в 1731 и 732 годах, многие добродетели ему, бригадиру, и х команде ево делал, и за то дано ему, Тюлебаю, алого сукна, по два рубли по пятнатцати копеек аршин, четыре аршина; да немецкой бобр в четыре рубли, кармазину мяснаго цвету на шапку четверть, зеленого чаю фунт, табаку пять фунтов, и впредь обнадежен за такие ж верные услуги Е. и. в. милостию.

Того ж числа послано с вышепоказанным Тюлебай-бием ко Исеть-тархану алого сукна, по два рубли по пятнатцати копеек аршин, четыре аршина; да с ним же, Тюлебаем, послано на роздел семи родов старшинам, а имянно: ему, Тюлебай-бию, Сююндюку, Баймбетю, Ачитаю, Ходжагилде, Чиндевлею, Басману, Алею-батырю восемь кож, сукна, по семидесят копеек аршин, гвоздишневаго три аршина с четвертью; зеленого — четыре аршина, да ханскому шурина Мурзакаю-батырю дано помянутого ж алого сукна по два рубли по пятнатцети копеек четыре аршина, да половина семиланной красной камки, шесть кож, табаку два фунта.

Августа второго ж числа Байбеку дано за ево многие верные и прилежные службы секретно пятьдесят рублей, а за ево усердные и секретные труды оная дача ему весьма мало всемерно; по мнению бригадира Тевкелева, ево, Байбека, надлежит еще наградить, чтоб он и впредь в таких имел в высочайших Е. и. в. интересах охотно свои верные службы оказать, понеже в коммисии бригадира Тевкелева многие полезные способы чрез него сысканы; да ему ж, Байбеку, дано перцу полфунта да две кожи; да Джанебек-тарханову брату ево Турдагулу — перцу ж осьмуха фунта.

Августа второго числа бригадир Тевкелев приказал присланному от Нурали-салтана с письмом человеку ево Укубашу выдать одну красную кожу.

Того ж числа дано присланному от Абулмаметь-салтана с письмом посланнику Байназару Бекбулатову красного сукна, по семидесят копеек, четыре аршина, да ему же и товарищу ево киргисцу Чиндеветю — по одной коже.

Того ж **августа второго числа** получено бригадиром Тевкелевым от Нуралы-салтана письмо, в коем написано: «Вначале как богу, так и всемилостивейшей государыне угодному, высокопочтенному и превосходительному господину бригадиру, а моему дядюшке мурзе желаю премножество лет здравствовать. Потом доношу вам, хотя было я к генералу в Оренбург ехать и обещался, точию уже ныне у нас случились с родителем моим некоторые дела, которых для я ныне и отменил, а когда оные дела совершены будут, тогда я к вам с кочующаго нашего места со известием пришло. Еще я прошу, ежели вам не противно будет, чтоб пожалованное по милости вашей в бытность мою у вас мне, а имянно: черную лисицу, голь, на два кафтана кармазинного сукна, чаю, перцу, табакерку, да два бобра и две кожи, с сим посланным моим прислать. До услуг ваших послал человека своего Укубаша, которого прошу за благо принять». На подлинном татарском письме ево, Нуралы-салтана, чернильная печать приложена.

Августа третьяго числа по приказу бригадира Тевкелева дано Средней орды чарджитим-кипчацкого роду киргисцу Шамаметю, которой посылан был из Оренбурга от бригадира Тевкелева с письмом к Барак-салтану и к Абулмаметь-салтану, за ево труд красного сукна, по семидесят копеек аршин, четыре аршина по цене на два рубли на восемьдесят копеек.

Сего **августа третьяго числа** Айчювак-салтану и при нем обретающимся в аманатах старшинским детям и приставленным к ним дяткам — кормовые деньги, и в прибавок провизия прибавлено для удовольствия хана и ханши и Нурали-салтана и всего киргис-кайсацкого народа, понеже он, Айчювак-салтан, всему народу любим; а паче для удовольствия ево, Айчювак-салтана, для того, что он весьма умной и добраго разсуждения человек, не токмо, что он ныне в аманаты з довольным основанием пришел, но как он и сменен будет, усматривается в нем к добрым поступкам путь, и будучи в орде, уповательно, с пользою находиться будет, понеже будучи в Орской крепости, многия полезные слова к отцу своему и братием и всему киргис-кайсацкому народу многократно со всеми приказывал, чтоб жили добропорядочно и

некаких продерзостей делать киргис-кайсацких дураков не допускали; и по всему можно примечать достойной ево ум, не з злостию смешан. К тому же и старшина напред будущей год з другим ханским сыном на смену со всякой своею охотою каждой своих детей в аманаты отдавать будут, а при них трое: Байбек, Юлумбетъ и Исергап. Они взяты не в аманаты, но яко дятъками; хотя он, Айчювак-салтан, от природы не глуп, однако он, как человек молодой, в степе взрос, не всего может вдруг разсудить, а оные трое — люди добраго состояния и довольно в России бывали, станут ево наставлять, для того и взяты. И тех ради резонов брегадир Тевкелев ему, Айчювак-салтану, и при нем старшинским детям и приставленным к нему дятъкам, и той ради притчины прибавлено к прежним кормовым деньгам провизию, а имянно: ему, салтану, по четыре барана, пшеничной муки и круп пшенных по два пуда, масла коровья, по десяти фунтов двойного вина по полуведру; при нем старшинским детям четырем и дятъкам трем, итого семи человекам: всем по три барана, да каждому — просенного пшена по два пуда и по шести фунтов коровьего масла; да всем — простого вина по ведру; да имеющимся при нем же, Айчювак-салтане, двум кощею — деньгами по два рубли на месяц и по два пуда пшена; старшинскому одному — по рублю по пятьдесят копеек и пшена по тому ж, с тем разсуждением, что ежели б деньгами прибавить, то б они и больше требовать стали. А брегадир Тевкелев им объявил, что он деньгами им прибавить не может, а провизиею, сколько кому возможно, прибавить может. Однако они и за ту провизию пожелали деньгами взять, брегадир Тевкелев им на то и позволил, а Айчювак-салтан брать обещал вотку да баранов.

Августа четвертого числа отправлен от брегадира Тевкелева Киргис-кайсацкой орды к Нурали-салтану присланной от него человек ево Укубаш с письмом, в коем написано следующее: «Высокодостойной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Нуралы-салтан, любезной брат и древней друг. По высочайшей воли Е. и. в. всемилостивейшей государыни нашей присланному указу уже о всех ваших ординских делах с отцом вашим Абулгаир-ханом и с вами и со всею знатною старшиною ко исполнению обезались. Имеется в вашем владении берчьского роду у Сагындыка красноярскаво казака Алексея Вереина сын ево Василей, того для, как ведая вашу к Е. и. в. верность, чрез сие представ-

ляю оного Василья у Сагандыка немедленно приказать взять и прислать с нарочным в Оренбург». Подлинное письмо подписано рукою бригадира Тевкелева.

Р. С. «Еще вам объявляю по письму вашему: из имеющихся здесь вещей с вашим человеком Укубашем послал черную лисицу, четыре аршина кармазинного красного сукна, да новоманерная конфа з золотыми травами, четыре аршина алого красного хорошего сукна, два фунта чаю, бес четверти четыре фунта сахара, один фунт перцу, а которых здесь не нашлось, тех пришлю из Оренбурга, а здесь бобры и табакерка не ссыскались, в том прошу не сомневаться, и я от вас, кроме души моей, ничего сожелеть не имею».

Августа четвертого числа уведомился бригадир Тевкелев, что едущих купцов кашкарцов на шести верблюдах киргис-кайсаки ограбили, и для того бригадир Тевкелев наскоро отправил без письма к Абулгаир-хану Байбека и приказал ему говорить, что киргис-кайсаки чрез несколько дней обезались письменно у бригадира Тевкелева, чтоб никаких шалостей не делать, хотя оные кашкарцы Е. и. в. и не подданные, однако купцов, едущих в Оренбург или куды в другие места в российские городы, то он, Абулгаир-хан, таких купцов не только раззорить, но по подданнической своей верности должен от других окружных неприятелей охранять и, дав доброй и надежной канвой, до российских крепостей препроводить. Ежели зюнгорской владелец будет на киргис-кайсаков, яко на подданных Е. и. в., просить о сотисфакции, тогда кто пришлется о том следовать, большое затруднение; он, Абулгаир-хан, зделает себя и слова примет, сверх же того он, зюнгорской владелец, пошлет от себя войска для отмщения, тогда не будет ли им раззорения за те товары, киргисцы жен и детей потеряют, того для бригадир Тевкелев, подлинно о том не ведая, и письмо не писал, а достовериться послал Байбека, чему бригадир Тевкелев по обязательству их мало и верил; а ежели же, паче чаяние, оное будет правда, бригадир Тевкелев ему, Абулгаир-хану, яко сущей друг, советует, чтоб в даль оглашаться, не допуская (немедленно), велел тех купцов кашкарцов (ежели они разбиты), в одно место их товары собрав, немедленно отправить в Орскую крепость.

Августа четвертаго числа отправлено от бригадира Тевкелева к Абулгаир-хану с вышеписанным старшиной Байбеком письмо, в коем написано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-

кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и сущей благодетель. Присланные от вашего высокостепенства всеподданнические два письма, адресованные на высочайшее имя Е. и. в., и притом письма: одно — к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву, а другое — ко мне, я получить удостоился и на высочайшее Е. и. в. имя два доношения к Е. и. в. всеподданнейше отправлю немедленно, такожде и тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву отошлю, и в том изволите быть благонадежны, токмо же вашего высокостепенства прошу, чтоб во всех родах находящиеся русские пленники, как вы обязались, собраны были, и все они, також их скот, и пажить в Оренбург прислано было немедленно, чем ваше высокостепенство Е. и. в. всемилостивейшей государыне и наивыше верность свою можете подтвердить, и за оное несомненно на высочайшую Е. и. в. милость уповать. В прочем же прошу меня появляемой прежней вашего высокостепенства дружбе непременно содержать, которого желая и пребываю наивсегда». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Р. S. «С сыном вашим Ходжа-Ахметь-салтаном послал до вашего высокостепенства новоманерную канфу, кармазинного красного сукна четыре аршина, три выдры и зеленого сукна четыре ж аршина, и на обертку того одна кожа».

Августа пятого числа брегадир Тевкелев приказал по прошению Айчювак-салтана выдать прибывшим к нему киргисцом старшине Кошкулаку Кудай-биеву сыну да чюмекейского роду ясаулу Кангилде, которые в верности и доброжелательстве находятся, два конца лазоревой китайки да одну кожу, да на довольство их же простого вина одну четверть; ему ж, Айчювак-салтану, табаку смолатаво отпущено один фунт, да на клажу того табаку куплено Пензенского гарнизонного пехотного полку у фельдшера Никиты Иванова, железная табакирка, дана пятнатцать копеек.

Августа шестаго числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Меньшей орды от Абулгаир-хана письмо, в коем написано: «Высокостепенному превосходительному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю господину брегадиру мурзе желаю благополучного здаровья. По вашему благоразумию присланному от вас регестру о трех и о прочих пленниках, о которых я совершенно выразумил, оное очень изрядно, а купца Ганюшкина, ежели подлинно он есть, которой с Арасланом был и у нас, с ним было слово положено,

чтоб ему когда-нибудь еще к нам побывать, а ежели ныне он сам ко мне будет, то я ево со удовольствием отпущу, верблюдов и пять лошадей да дватцать баранов паки ему возвращу, только б он сам приехал. А которой принял из своей воли мухаметанской закон именем Усман, и как услышал, что мы хотели ево отдать, отчего он в Хиву и бежал, откуда и известие есть, что он тамо подлинно умре, а большаго ево сына в бегах убили. Про меньшаго сына ж ево, Ибрая, слышно было, что он из Оренбурга ушел точию в окресности, у нас не находится, и ежели, где об нем услышу или ево получю, то ево точно к вам пришлю. Калмыцкаго владельца дочери имелся здесь в плену калмыцкой же владельческой сын именем Усю и назывался ей ближним родственником, и он было, договорясь, отдал ее, разсуждая то, что-де и тамо ей замужества не миновать, почему было у нас и калым приготовлен был, чего для я ее, яко дочь свою, и содержал; оные калмынки признаваются, те которые проданы в Бухарию, а двух малиньких калмынак, осердясь на наш народ, так и учинил. О протчих же калмыках ко все милостивейшей нашей государыне от нас всеподданнейшее прошение послано, и об них каким образом указ впоследствии, до того времени изволите пообождать, а потом по обстоятельству нашего народа разсмотреть можем, и в касающихся до меня делах остановки не будет. А ныне уже я зарекся, что после сего от меня ничего худова не будет; что же пять верблюдов и сорок красных кож, да шесть канцов китайки и один ковер, да двести папуш табаку, кому в руки отданы, от оных отобрав, возвращу хозяевам, чтоб они, хозяева, сами приехали, а калмык Бойбок здесь с калмыком же Дюшебаем братьями назывались, и в небытность мою в орде до прибытия моего оное между ими учинено было. Калмык же Дюшебай ныне каракалпаками убит, токмо оное по смерти ево, Дюшебая, з братьев ево ж доправим и отдадим, ежели хозяин сюда сам будет, також и Араслановых лошадей возвратно отдадим же. Месяца августа 1748 году». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Августа шестаго ж числа послано от бригадира Тевкелева ко Абулгаир-хану с старшиною Байбеком письмо, в коем написано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой истинной друг и сущей благодетель. Понеже с вашим высокостепенством и со всею вашего народа знатною

старшиною положено и утверждено всех русских пленников и скот, и пажить, собрав, возвратить, о чем при письме моем вашему высокостепенству и регестр дан, а ныне нарочно для того сюда приехал Астраханской губернии красноярской купец Федор Ганюшкин с товарищем, которой и наперед у вашего высокостепенства бывал, и как о пленных и о скоте ис под Красного яру, так взятых и у него в бытность ево в орде у вашего высокостепенства пажите, просить вашему же высокостепенству почтенно сим представляю, дабы ваше высокостепенство по заключению своему благоволили приказать при первом случае взятых ис под Красного яру пленных и скот, и отнятую пажить немедленно приказать отвести в Оренбург, которое с вашею верностию и присяжною должностию немало имеет быть сходно, и к вашей пользе весьма впредь служить может. И какое вашего высокостепенства на сие будет исполнение учинено, о том прошу с посланным с сим меня уведомить».

Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Августа седьмого числа бригадир Тевкелев приказал послать с Байбеком-батырем для отдачи секретно Меньшей орды чюмекеева роду Аллаяр-бию, да чюмеке-алдарского роду Атаю алого сукна, по два рубли по пятнадцати копеек аршин, по четыре аршина; итого восемь аршин по цене на семнадцать рублей на дватцать копеек.

Августа седьмого ж числа послано от бригадира Тевкелева Киргис-кайсацкой орды к Нуралы-салтану с старшиною Юлумбетем письмо, в коем написано: «Высокодостоинной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Нуралы-салтан, а мой любезной брат и древней друг. За бытность вашего высокодостоинства и за обращаемое со мною при Орску свидание я весьма доволен, котораго и впредь от вас желаю, и напротив того, и с моей стороны изволите быть всегда благонадежны. А понеже в бытность здесь отца вашего Абулгаир-хана и старшин я представлял о беглых гундровских ногайцах, чтоб их немедленно возвратить, как отец ваш, так и старшина, мне в ответ объявили, что оные ногайцы обретаются во владении вашего высокодостоинства в бержском роду, того для положились на вас, потому в бытность вашу здесь я вам и представлял, и ваше высокодостоинство изволили мне обещать по прибытии вашем в ваше владение и собрав своих старшин, со общего согласия пришлите в Оренбург

немедленно. Однако я донине от вас известие о том не имею, того ради в том уповании вашему высокодостоинству и представ-ляю, и прошу по вашему к Е. и. в. усердию и верности приказать, как возможно, тех ногайцов немедленно сыскав, прислать в Оренбург, в чем на вашу к тому благосклонную ревность и остаюсь надежен и прошу на сие меня уведомить». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Августа осьмаго числа по приказу брегадира Тевкелева послано по прошению к ханше Попай разных шелков с присланным от нея человеком киргисцом Аралбаем за взаем восемь золотников с половиною.

Августа осьмаго ж числа брегадир Тевкелев приказал сакмарскому старшине Кубеку Байназарову за многие ево в Киргискайсацкую орду посылки и за вернейшие и усерднейшие труды, и добрые поступки, в которых он, будучи во всю бытность при Орску брегадира Тевкелева, служил на своем коште и ездил в орду на своих лошадах, выдать ис казны Е. и. в. денежнаго награждения дватцать рублев.

Августа осьмаго ж числа послано от брегадира Тевкелева Киргис-кайсацкой орды к Абулгаир-хану с орским атаманом Исмаилом Абдрязяковым письмо, в коем написано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаирхан, а мой истинный друг и сущей благодетель. Хотя я к вашему высокостепенству сего августа 7-го дня с Байбеком-батырем и писал о собрании, и о скорейшей присылке всех находящихся в плену русских, и об отогнанном скоте и пажите, о чем я вашему высокостепенству ныне еще сим представляю и прошу по вашей являемой к Е. и. в. верности во всем вышеписанном о возврате пленных и пажите в самом деле немедленное исполнение учинить, а для собрания тех пленников и скота в алчинские роды, кого от себя нарочных вы послали, о том меня пожаловать уведомить, а в семи роды как от вас, так и от меня для такого ж збирания посланы Тюлебай-батырь и Исеть-тархан. Нынешнего числа ввечеру получил я от тайного советника и ковалера и Оренбургской губернии губернатора господина Неплюева на имя вашего высокостепенства запечатанное письмо, которое при сем и отправил до вас с орским атаманом Исмаилом, коего прошу обратно отпустить, и меня о том уведомить же». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Августа девятого числа кашкарцов на двух верблюдах с караван-башою, называемого Караягды, к бригадиру Тевкелеву Абулгаир-хан с ясаулом Айчювак-салтана Кангилдою и з Байбеком прислал, и оной караван-баши Караягда бригадиру объявил, что Абулгаир-хан, собрав их в одно место, с товарами отпустил, токмо осталось в руках киргиских товару на трех верблюдах, и что и сколько, подали регестр, а имянно: с собственного ево имеющагося ныне в Орску верблюда шестьдесят четыре зендени, пятьдесят косяков выбойки — чюмекейского роду у Аллаяр-бия, да другова собственного ж ушедшаго с товарищами ево в Оренбург верблюда деветнатцать мерлушек, сорок пять зенденей, двенатцать лисиц, один волк, один полушубок мерлушетай — в кюникском роду; товарища ево Ярымбетя с имеющагося в Орску верблюда восемьдесят шесть косяков выбойки — в чюмякейском роду у Аллаяр-бия; товарищай же ево с имеющихся ныне в Оренбурге верблюдов, а имянно: Мяргенева три пары стремян, две узды с пахьями, два волка — в кунякском роду; Ниязова в одном мешке шестьдесят мерлушек — в кунякском роду; Абдулина пятнатцать зенденей — у ханского человека Темирбая. К подлинной скаске означенной кашкарец Караягда тамгу свою приложил такову.

Августа девятого числа получено бригадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Средней орды от Барак-салтана письмо, в коем написано: «Всепресветлейшая державнейшая великая государыня, безчисленное войско имеющая и многих земель победительнейшая и прехрабрейшая монархиня, превеличайшая, преизбраннейшая императрица, самодержица всероссийская, над которою всевышний бог государствование Ея да утвердит вовеки невредимо, Ея ж и. в. во услугах верно пребывающему превосходительному господину бригадиру и существу другу мурзе желаю многолетнего здаровья. Я здесь по милости всемилостивейшей государыни, слава богу, со всею нашею ордою благополучно нахожусь, да и вам от всещедрого бога того ж желаю, и всякого благополучия усердно получить вам радостно видеть хочю. При том же вам, благодетелю моему, доношу: от Айджан-хана [55], купеческие люди посланы были ко мне и несколько время здесь будучи, торг производили, ныне уже их отправил до ваших услуг, дабы в нынешние текущие времена обще с вами добрые наши имена прославляться могли, и прошу в случающихся их нуждах

не оставить, а из них первым купцом Мярган-Кашка и, что он увидит или услышит, о том верно донести может, о котором и Айджан-хану приятно быть имеет, да и к вашей хвале, и к нашему удовольствию сходно и полезно служить может. Словесно вам донести могут Бигилдей-батырь, Ишдавять, Мярган, Тюкибай-мурза». И на обороте того татарского письма Барак-салтана чернильная печать приложена.

Августа девятого числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Меньшей орды от Абулгаир-хана чрез киргисца Кангилду письмо, в коем написано: «Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю господину брегадиру мурзе желаю благополучного здаровья. Ваши дражайшие два письма я здесь со всяким моим удовольствием и с крайним усердием получил. И в прежних ваших письмах с приложенным регестром упоминаемо было, чтоб обретающихся у нас всех пленников со всем скотом и пажитью их отыскивать, за которыми по всем родам уже и послали. По нашему ж обещанию, как мы вначале богу, так и всемилостивейшей государыне, по подданнической нашей должности и во всяких повелениях, не щадя своего живота, служить должны, в чем и стараемся и усердное попечение имеем, только я о непостоянстве нашего народа более на себе стыд несу и в великом сумнении нахожусь, а ныне я, не хотя того, чтоб в высочайших Е. и. в. делах никакого помешательства не было, того ради и владения зюнгорских калмык купеческих людей, не допуская ни до каких обид, пропустил, и где они обижены, отобрав от них, к вам отослать за благо разсудил для того, что я с вашим превосходительством, яко моим благодетелем, господином брегадиром мурзою, изустно обещание в том дал и довольно того, что по подданнической нашей к Е. и. в. должности и в прежних наших делах каемся.

А в нынешних порядках уже немалое попечение имея, на вас полагаемся, о купцах же ведомства верхних калмык вас прошу, ежели впредь от своего владения ездить будут, то б прямо ко мне приезжали, да и обратно также б чрез меня ездили, то б ежели кто их обидил или какой вред учинил, о том бы известно быть могло. Прежде сего, не почитая меня, Средней и Большой орд владельцы и подлой народ без согласия со мною, сами собою с калмыками обходились, а ныне уже, слава богу, и их дорогу

пресекаем, чтоб в подданство Е. и. в. склонились. Ныне же во всем том на вас полагаем, каким трактом их отправлять изволите, а мои слова с вашими согласны бывают. С вышеписанными ж купцами послал я Кангилдея и Тойгула, мне же от вас словесно доносили Юлубеть з Байбеком; и тако остаюсь всегдашний вам верны друг. От кочевья по Орь-реке, августа 1748 году». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Августа девятого ж числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Меньшей орды от Нурали-салтана чрез Елумбетя письмо, в коем написано: «Высокоблагородны превосходительны господин брегадир, а мой истинны и искренны дядюшка мурза, вашего превосходительства дражайшее писание я здесь со всяким моим удовольствием получил и за оное, что вы меня наставлением своим не оставили, всепокорно благодарствую, и весьма мне то приятно, которое я вечно и запаметовать не могу, я уже уповаю, что тех слов не имеется, которые б я от вас не слышал, а сверх того еще вы о достольных делах мне к памяти моей приказать изволили, и оное не только за благо принимаю, но всегда рано и поздно о многолетном здравии всемилостивейшей нашей государыни всеусердно бога молю, а потом и вам здравствовать желаю, яко вы есть нам утверждение, и языку нашему поправитель, чрез что мы получаем себе и вразумение немалое. Что изволите казать усердие, а паче к жизни нашей принадлежащее, для чего мы даже и скончание жизни нашей розноты не имеем, да и впредь о том просим, в чем я, признавая вас за сущаго дядю, себя вам во всем и подвергаю. Ежели вам непротивно будет, то совет мой приношу о состоянии нашего лехкомысленного народа. До приезде нашего кундровские ногайцы, хотя и сыскивали способ к побегу, но уйти не могли, и каким образом умысленно их достать, того не умею, однако всячески стараюсь, как бы их достать. По приезде в свои улусы я, с своими биями согласуясь, тех ногайцов принимать и к своим улусам прикочевать, ежели ж к нам прикочуют, то уже изволите быть благонадежны, что уже ваших рук не приминуют, только вышеписанным ли образом сходно будет учинить, или в прежние их жилища оттуда выслать, где они ныне живут, об оном вы, как изволите разсудить. Ныне же они в котором роде живут; то сумнительно, как бы они куды-нибудь их не скрыли и затем в самом деле вам

ответствовать не можем, а обстоятельно впредь и в Оренбург к вам писать будем, чему прошу и верить, ибо не только мы их, но и скровных своих не сожалеем, только о том и думаем, чтоб каким образом их достать; однако когда ни на есть всех двенадцети родов байулинские дела принужден я не для кого иного, но для себя совершить, изволите ж в том быть благонадежны. Ежели ж, паче чаяния, совершить будет мне невозможно, то о чем с вами было говорено, принужден чинить, но и тому прошу поверить же. А словесно вам донести имеет Юлумбетъ-батырь, которому прошу верить. От кочевья по Орь-реке 1748 году». На подлинном татарском письме ево, Нуралы-салтана, чернильная печать приложена.

Августа того ж девятого числа приехавшей от Нуралы-салтана старшина Юлумбетъ словесно объявил, что Нуралы-салтан от отца своего Абулгаир-хана вчерашнего числа в свои улусы поехал и словесно приказал брегадиру Тевкелеву объявить: уже ево улусы будут ближе к Оренбургу, ежели к нему в чем будет писать, чтоб писал из Оренбурга, а из Орской крепости к нему посылать будет далеко; еще же Нуралы-салтан приказывал дяде своему брегадиру Тевкелеву донести, о чем они двое говорили, и о том он, Нуралы-салтан, и письменно к нему подал. Ежели о том по необходимости потребно будет поступать и просить, как он о том к нему, брегадиру, или высокопревосходительному генералу Ивану Ивановичу, будет писать, и по тому поступить не оставлен был.

Августа десятого числа брегадир Тевкелев за оставшими товарами паки к Абулгаир-хану отправил Байбека и ясаула Кангилду и от себя с письмом Орской крепости татарскаго казачьего атамана Исмаила Абдызакова и с ним послал к нему, Абулгаир-хану, письмо тайного советника и ковалера господина Неплюева, но токмо ево, Абулгаир-хана, оные Байбек и ясаул Кангилда и Орской крепости татарской атаман не застали, и Орской крепости атаман поехал за Абулгаир-ханом с письмами. Байбек да Кангилда к брегадиру Тевкелеву возвратились и объявили: «Он, Абулгаир-хан, поехал многолюдным войском х каракалпакам, которые, нестерпя от киргис-кайсацких нападеней, из Каракалпацкой орды выехали з две тысени кибиток з женами, з детьми и с пожитками, и просят у него, Абулгаир-хана, чтоб их не приказал киргисцам раззорить, и жить им в Киргис-кайсацкой орде своими домами под ево владением. И он, Абулгаир-хан, с оными каракалпаками

что учинит, они не знают, а их ханша Попай, что ныне могло отыскаться кашкарских купцов товару, на двух верблюдах с ними и прислала; да тут же приехал один кашкарец Караягда, хозяин тем двум верблюдам, которой киргизцами был ограблен и в орде жил. И по прибытии в Орскую крепость брегадир Тевкелев приказал, чтоб при ханском сыне Айчювак-салтане и при хозяине тех верблюдов, кашкарце, переписать сколько на тех верблюдах товару, и что не явилось, и по тому осмотру не явилось еще несколько, однако о том и о прочем писано к Абулгаир-хану, и он, брегадир, ожидать принужден чрез посланного своего Орской крепости атамана от него, Абулгаир-хана, ответу.

Августа десятого числа брегадир Тевкелев приказал выдать на делание двух халатов зеленой китайки три конца да один халат же темновоздниковой — два конца, да куплено к ним на подкладки у орскаго атамана Исмаила Абдрязякова белой бязи два конца по шестидесят по пяти копеек, у него ж — синей крашенины по пяти копеек два аршина на шитье того платья, ниток зеленых на четыре копейки, белых на шесть копеек и ниток же синих на пуговицы на три копейки, замок висячей, которой по прошению отдан Айчювак-салтану дан десять копеек.

Августа десятого ж числа послано от брегадира Тевкелева к Абулгаир-хану с ясаулом Кангилдою письмо, в коем написано следующее: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней друг и сущей благодетель. Сего числа прибыли в Орскую крепость кашкарцы, едущие в Оренбург для купечества, приносили жалобу, что в проезд их орды вашего высокостепенства киргисцы побрали у них насильством их товару на несколько, и хотя для прозбы о возврате того остался-де от них в орде и товарищ их, только-де того получить не упоают, а понеже по всем Е. и. в. высочайшим правам надлежит, нежель таковых проезжающих за купечеством обижать, но повелено их охранять и всякое им вспоможение чинить. Ваше же высокостепенство и сами и все вашего народа знатные старшины обязались, дабы впредь отнюдь никаких никому обид и грабительства не чинить, которого от вас уже без сомнения и не уповаемо, но как больше видно, что оное учинено народа вашего киргисцами от их своевольства, что же они у тех кашкарцов товару побрали, и у кого ныне остался, о том при сем посылаю регестр и прошу вашего высокостепенства по вашему являемому

усердию и верности все то приказать сыскать и с оставшим их товарищем прислать ко мне в Орск неумедля, и о том меня уведомить, и впредь от таких продерзостей ваш народ удержатъ, и не допускать, и тем высочайшему Е. и. в. указу, и вашему обязательству, и своей присяжной должности нарушения не учинить. Сего же числа от вашего высокостепенства чрез Байбека я письмо получил и содержание оногo выразумил, которое изволите изъяснить зело изрядно, только прошу вас оногo действительно исполнять, в чем бессумненно и надеюсь. При сем же вашему высокостепенству объявляю, что вы писали в своем письме красноярского купца Ганюшкина пожитки, ежели он будет сюда, обещали отдать, он ныне здесь в Орской крепости обретается и ожидает от вас присылки его пожитков». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева, и регистр приложен.

Августа третьяго на десять числа бригадир Тевкелев приказал Байбеку-батырю при посылке ево в орду дать в награждение две красные кожи и перцу четверть фунта.

Августа третьяго ж на десять числа приехал в Орск для свидания с бригадиром Тевкелевым Меньшей орды каракисяцкoгo роду старшина Собак-би, которой в бытность Абулгаир-хана, за болезнию не был, и приводил к бригадиру Тевкелеву в подарок киргиских четырех баранов, но тех он, бригадир, не принял и отданы ему обратно, а оной Собак-бий человек надобной и впредь всякой пользы от него быть уповаемо, того ради дано ему ис казенного в подарок покупки июля 27-го числа красного сукна, по семидесят копеек аршин, четыре аршина; и с тем он, Субак-би и отпущен.

Августа четвертаго на десять числа бригадир Тевкелев приказал по прошению Айчувак-салтана отослать к нему для подарков прибывшему к нему духовному Кудайгулу три конца китайки, две красные кожи, перцу четверть фунта.

Августа пятого на десять числа бригадир Тевкелев приказал прибывшему ис Киргис-кайсацкой Меньшей орды содержащегося ныне в оманатах при Айчувак-салтане дятки Елумбетя сыну ево Умурзаку для уваживания отца ево и ради ожидаемых и от самага от него, Умурзаки, добрых услуг выдать лазоревой китайки два конца, одну кожу, табаку фунт, простого вина полведра.

Августа седьмаго на десять числа бригадир Тевкелев приказал прибывшему ныне из Оренбурга Букумбаю-батырю выдать черного чаю фунт да одну кожу.

Августа седьмого на десять числа бригадир Тевкелев приказал отослать к ханше Попай перегнатой из двойного вина и подслащенной вотки полведра, а сахару на оную употреблено два фунта с половиною.

Августа седьмого ж на десять числа посланной от бригадира Тевкелева Орской крепости атаман Исмаил Абдразяков от Абулгаир-хана возвратился и привез два письма: одно на имя тайного советника и ковалера господина Неплюева, а другое на имя бригадира Тевкелева. Притом оной атаман словесно бригадиру Тевкелеву объявил, что он наехал Абулгаир-хана по ту сторону реки Иргис, и близ реки Улкайяк, откуда он, Абулгаир-хан, ево и возвратил, а сам он, Абулгаир-хан, поехал к тем каракалпакам, а с ним, атаманом, от себя отправил к тем киргисцам, которые ограбили кашкарцов, достальное отобрать и отослать в Орскую крепость, а ежели из тех товаров, что истратили и не същится, велел за каждой халл заплатить по одному барану; и как он, атаман, возвратясь назад, приехал к ханше Попай; також-де и она от себя с теми же посланными от Абулгаир-хана послала двух человек, чтоб тех кашкарцов достальной товар отобрать поскорая.

Августа седьмого ж на десять числа получено бригадиром Тевкелевым от Абулгаир-хана чрез помянутого орского атамана Исмаила Абдразякова письмо, в коем написано: «Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю господину бригадиру мурзе. Письмо ваше я здесь чрез Исмаила-муллу получил, в котором вы изволили писать с требованием от меня ответу о собрании и о возвращении находящихся в нашей орде всех российских пленников со всем скотом и пажитью их в алчинской и в протчие роды, кого-де послали; и оное ваше требование мне весьма достойно, ибо я против прежних годов за такими делами по всем улусам сам не ездил и от себя никого не посылал для того, что по приезде моем в орду, учиня собрание, и присланной высокоповелительной указ прибывших в ваших услугах знатных биях, також-де и при оставших здесь наших добрых людех прочитал, и о вышеписанном деле всей нашей орды народ несколько усумнились. А я еще сверх того словесно им подтверждал, что-де мы сами по совершении дел в скором времени пленников и отдать обещались, а по совету нашего народа мне в ответ сказали: за волю-де вашу ханскую, и ежели-де вам самому

ездить, а хотя вы и поедете, только в одном роде ездить будете, то-де когда такие дела совершены быть могут, да хотя-де и людей пошлете, токмо произойти может жалоба, яко бы-де вы для своей корысти то учинить имеете.

Но лутче-де всякой своего роду дела сам собою окончат, как пленников, так весь скот и пажитки, у кого сколько чего имеется, отдаст, а чего-де не имеется, о том бы он сам себя мог очищать и в том состоять; что-де в нашем роде более не имеется. А за Среднюю-де орду ответственал бы Джанебек-тархан, а байулинского роду окончали бы обретающиеся при сыне моем Нуралесалтане старшины Байсав-бий и Утятляу-бий, и все-де семиродские дела окончат могут Ишетъ-батырь и Тюлебай-бий, чего для я к ним и печать свою послал. А алчинского роду все знатные бии, быв у вас, сами видели, а ныне уже не осталось того, чтоб они сами чего не ведали, и не токмо им, но всей нашей орде об оном известно есть, а оное дело больше зависит в семиродском и байулинском родах; я же для совершения вышеписанных дел послал в джагалбайлинской род сына своего Адиль-салтана к Серке-батырю и приказал ему, чтоб он, согласясь з Джантака-бием и з Набаем, да с Шамбулатом, того роду дела окончали. Ныне вас прошу за то не погневаться, что я далеко от вас отбыл, а хотя некоторые киргисцы ко исполнению дел старание и имеют, точию за моею отлучкою на несколько время может быть, что и замедлится, однако в том прошу ж не сомневаться, что якобы я по приезде в орду, оное все запаметовать мог, и аще бог благоволит, то свободным временем оные дела окончат имею, в чем наше намерение состоит, о чем и вы изволите быть благонадежны. А кашкарских купцов двух человек, ис которых одного взял с собою Ходжанай-биев сын Айдарбек и обещал ему отдать товар ево, которого сколько налицо имеется, за дастальной же обещал додать баранами, и как же возможно будет, только для вашей чести оное исполнить он обязался, чего для с ним, кашкарцом, и послал Собак-бия с помянутым Айдарбеком, и ежели имеется записка, то б они сами при том, разобрав, отдали; да еще другова кашкарца, придав к Байбеку и к Алдияр-бию, отправил, и оной бы кашкарец, которой з Байбеком отправлен, взял свой товар, сам бы по записки ж мог разобрать, и слышно, что уже тот товар ему Аллаяр-бий возвратно отдал. Да еще же вам доношу о имеющихся в киргисцах и у меня Красноярского городка

Ганюшкина пажитках, изволите быть без суждения, оное все сполна совершить имею, и ежели ему самому за тем приехать невозможно, то б кого ни есть, вместо себя из добрых людей прислал, ибо он тамо у вас бытием своим дело свое окончатъ не может, а того бы он не думал, как прежде сего бывало, и ныне бы приехал бес товару, и совершенно б к нам приехав и оказав себя, и потом скоро и возвратиться мог.

Я же к его высокопревосходительству господину тайному советнику ковалеру и Оренбургской губернии губернатору Неплюеву, еще бог благоволит, сам поеду, а ежели, паче чаяния, самому туда ехать будет невозможно, то з добрыми словами Ходже-Ахмет-салтана отправлю, а Нуралы-хан к их стороне уже и поехал. Ныне же вам, благодетелю моему, господину брегадиру мурзе, доброжелателем пребываю, как пред единым богом, в одном слове и состою. 1748 году месяца рамазана четвертого дня в среду, то есть августа 17 числа». На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Августа седьмого на десять числа майор Кублицкой репортном своим брегадиру Тевкелеву объявил, что ис крепости Урдасимской присланы к нему киргис-кайсацкие дватцетъ лошадей, а за теми лошадьми приехали хозяева Средней орды кипчацкого роду Кинзебай Ингулов, Танат Кулбараков под ведением старшины Исеняли-бия, и просили брегадира Тевкелева, что те лошади несколько дней назад ночью шарахнулись и ушли, а явились здесь в Орской крепости, чтоб им тех лошадей отдать; и оные киргисцы, еще не видав тех лошадей, объявили в шерсти приметы и в леты, да и тамги, и он, брегадир, послал о том объявить ханскому сыну Айчувак-салтану, чтоб он послал от себя кого о том достоверить, и послан был от Айчувак-салтана достовериться Юлумбетъ, и по свидетельству явились их от брегадира Тевкелева, им и отданы. И при той отдаче им, киргисцам, от брегадира Тевкелева довольно толковано, что от крепостей российских, какие им чинятся благоденствию и справедливости, чтоб и они также Е. и. в. противу того чинили верные услуги, продерзостей не делали. И оные киргисцы сказали, уже они действительно Е. и. в. себе милость получили и знают, что их содержат за верных Е. и. в. подданных, и не токмо какие продерзости они делать будут, но должны они за то свои верные услуги оказывать и о всем киргисцам будут о том объявлять. И с роспискою им те лошади отданы и отпушены, и о том

бригадир Тевкелев и Айчювак-салтан многим и Меньшей орды приезжающим старшинам объявили.

Августа седьмого ж на десять числа в Орскую крепость прибежала одна калмынка, которая была в плену у киргисца роду чюмекей у Култая Булгатаева, и оной киргизец за нею же в Орскую крепость того же часу прибежал и просил бригадира Тевкелева, чтоб он ту бабу калмынку отдал ему назад, представляя то, что положено от них до получения указа от них калмыцких ясырей не отбирать.

На то бригадир Тевкелев ему говорил, что хотя по прошению их, киргисцов, до получения Е. и. в. указа он, бригадир, не отбирать от них калмыцких пленников дал и сроку, но токмо когда она калмынка прибежала к нему, бригадиру, уже ее отдать ему невозможно, для того, ежели б ево пленник из другой орды был полонен и ушел бы в российские города, то б тот час ему назад отдали, а она — подданная Е. и. в. так, как и он, и до получения указа она будет у него, бригадира, а в какой силе от Е. и. в. указ воспоследует, по тому и исполнения будет, и Айчювак-салтан оному киргисцу то же толковал.

И потом оной киргизец просил, на которой лошади она ушла, просил ему с седлом и с уздою назад возвратить, и Айчювак-салтан о том же просил. И бригадир Тевкелев уже за то не стал стоять, чтоб от него как ни есть отвезаться, и для удовольствия Айчювак-салтана оную лошадь с седлом и с уздою отдал, и тот киргизец с тем удовольствием от него, бригадира, и отъехал.

Августа девятого на десять числа получено бригадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой орды от Абулгаир-ханской жены Попай чрез киргисца Юрмата письмо, в коем написано: «Высокоблагородному превосходительному, истинному и искреннему дереверю моему, господину бригадиру мурзе. Я, Попай-ханша, а ваша сноха, желаю вам на безчисленные лета доброго здоровья.

Я же ныне прошу не погневаться, хотя и несмело вам доношу, токмо прежде оказанные ваши ко мне благодеении я и доньне запомнить не могу, а я бы о всецелом вашем здравии уведомляться всегда желание имела, точию за несмелостию моею к вам писать не имела, а хотя к вам когда и писать мне случалось, токмо все с позволения ханского, и ныне прошу ж не погневаться, хотя я и в небытность в орде хана к вам писать имею с таким упованием, хотя вы чином и возвышены, точию меня от усердия

своего отринуть не изволите, но я желаю, дабы вам бог даровал, но и более того получить, чрез чтоб и мы возвышены ж быть имели. Я же ныне с вами не так, как прежде сего в разговоры вступала, а ныне уже столько и отважиться не посмела для того, что когда хан в своем присутствии, то уже наша и женская мочь не в состоянии, да и стыдно есть, а однако по вашей ко мне приятной любви того преминовать не могла, да и все наши дела полагаем вначале на бога, потом и на вас. Что же наше детище Айчювак-салтан ныне уже не наш, но стал быть ваш, которого прошу забавлять и всячески увещевать, чтоб ему было не скучно, да и во всех наших прозъбах не оставить, мы же чрез ваши старания всякое благополучие и счастье, то есть желаемо наше, все получить удостоились, и оное богу весьма угодно, и мы уже чрезвычайно довольны. Ваше же некоторое слово мне было зело полезно, что вы изволили говорить, я-де кроме хана ни на кого не смотрю, только-де мне надобен он, хан, от которого вашего слова и киргисцы уже страх имеют, к тому же и хану бес помощи вашей одному никакого дела совершить невозможно, ибо вы степное обыкновение ведать изволите. Ныне же я о здравии вашем рано и поздно бога молю и всегда того желаю, чтоб между нами бесперерывно люди ездили. 1748 году». А позади листа ее, ханши, чернильная печать приложена.

Августа двадесятого числа послано от брегадира Тевкелева Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-ханше Попай с киргисцом Ерматом письмо, в коем написано следующее: «Высокостепеннейшая и высокопочтеннейшая и моя дражайшая невестушка Попай-ханша. Вашего высокостепенства мне неизреченно приятнейшее письмо чрез посланца вашего Юрмата с крайним моим радованием получил, за оное и за содержание меня всегда в вашей памяти премного благодарствую; и вашего ж высокостепенства и дражайшую мою невестушку усердно прошу пожаловать меня, как изволили прежде, так и ныне, и впредь в вашей памяти незабвенно содержать и дражайшими вашими письмами всегда меня снабдить, которые мне неизреченно всегда приятны быть имеют. А я от своей стороны как высокостепенному искреннему другу моему, а вашему любезнейшему супругу Абулгаир-хану, так и вашему высокостепенству и любезнейшим вашим детям всегда неотменной друг и сердечной доброжелатель. Что же касается до любезного вашего сына Айчювак-салтана, об нем ни малейшаго сомнения

иметь не извольте, что он у нас во всяком удовольствии, в веселиях содержан будет, и я ево по ево уму и доброму состоянию имею, яко родного своего племянника или сына, и ево порядочными и разсудными поступками я весьма доволен, и как приеду в Оренбург, не примину об нем и к его высокопревосходительству тайному советнику и ковалеру Ивану Ивановичю господину Неплюеву усердно рекомендовать. Понеже его высокопревосходительство господин тайной советник человек зело умной и знатной, тотчас изволит ево добропорядочные поступки и постоянство усмотреть и без моей рекомендации любезному вашему сыну всякие добродетели и благодеянии оказывать не оставит, и о том изволите без всякого сомнения быть благонадежны». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Августа двадесятого числа послано от бригадира Тевкелева ко Абулгаир-ханскому сыну Ходже-Ахметь-салтану с вышереченным же киргисцом Ерматом письмо, в коем написано: «Высокодстойной и высокопочтенной, а мой любезной племянник Ходжа-Ахмет-салтан. В бытность здесь вашего высокодостоинства добрыми поступками я был доволен, прошу меня в своей любви всегда неотменно содержать, а я от своей стороны вас обнадеживаю, всегда я вам благодетель и доброжелатель. Вашего высокодостоинства мне приятнейшее письмо я чрез Байбека с радостию моею получил; премного благодарствую, прошу оными мне приятнейшими вашими письмами меня всегда не оставлять. Что же изволили оным письмом от меня требовать пшеничную муку, и что у меня здесь имелось, себе ничего не оставляя, к вам послал. Ежели впредь потребно будет, изволите ко мне в Оренбург прислать, я вам немедленно отправлю; я ведаю, что вы, несколько лет в России живучи, к хлебу привыкли, паче же для вашей болезни оное вам потребно, и желаю вам добраго здаровья и всякого благополучия, и всегда Е. и. в. ваши верные услуги оказывать несумненно будете, за что вы Е. и. в. милостию никогда оставлены не будете». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Августа двадесят второго числа послано от бригадира Тевкелева Киргис-кайсацкой орды к Абулгаир-хану с орским атаманом Исмаилом Абдрязаковым да Юлумбетям письмо, в коем написано: «Высокостепенной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан, а мой древней и истинной друг. Вашего высокостепенства сего августа от 17 числа писанное мне много-

приятнейшее письмо я здесь чрез посланного от меня орской крепости атамана Исмаила Абдрязкова с приятностию моею получил; в котором изволите изъяснять, что по обезательству вашему для отбирания российских пленников и их пожитков, и скот, от вашего высокостепенства определены в каждые роды тех же родов старшины, чтоб они до возвращения вашего высокостепенства в орду немедленно собирали; также и по возвращении вашем в свою орду обещаете о том усердное старание иметь, и оное ваше по присяжной своей должности обещание зело изрядно, понеже как вам самим известно, оное весьма время не терпит. Что вы со всею вашею ордою на высочайшее Е. и. в. имя всеподданнейшим вашим доношением обязались, чтоб российских подданных, у вас имеющихся в орде пленников с пожитками, собрав, немедленно отвести в Оренбург, а впредь киргис-кайсаков ни до каких предерзостей делать не допускать, и оное ваше обязательство с вашим делом, чтоб было сходно, и за оные, ваше высокостепенство, по подданнической верности оказуемые добрые дела можете от Е. и. в. милостивно похвалены быть и милость получить. А что же касается до гундровских нагайцов, как вам самим известно, что вы сами об них со мною имели разговор, и старшина ваши ко отдаче тех нагайцов положили на сына вашего, Нуралы-салтана, понеже-де они в ево владении живут, о чем Нуралы-салтан при свидании со мною снял оное на себя; как ваше высокостепенство, так и сын ваш Нуралы-салтан просили меня, чтоб тем нагайцом оную вину упустить и ничем их не наказывать. И на то я как вашему высокостепенству, так и Нуралы-салтану, обещал и на себя снял, что я их вину у тайного советника и ковалера Ивана Ивановича Неплюева упрошу, и они отнюдь ничем наказаны не будут, того для по дружбе моей вам советую, чтоб вы изволили по прибытии своем в свою орду немедленно послать к сыну вашему Нурали-салтану от себя одного доброго человека нарочно наскоро, чтоб он немедленно имел старание их поскорее отправить в Оренбург, понеже оные нагайцы и татара, и протчие иноверцы, такие ж Е. и. в. подданные, как и руские, в чем вы и сами письменно обязались всех российских подданных, собрав, отдать. А что же вы обещаете по возвращении в свою орду ехать в Оренбург для свидания с господином тайным советником и ковалером Иваном Ивановичем Неплюевым, а по моему вам дружескому совету оной ваш приезд в Оренбург ко

многим вашим делам к лутчей пользе немало воспоследовать имеет. И во оном же письме своем упомянули, что ограбленные киргисцами у кашкарцов оставшие товары для забрания отправили от себя нарочных киргисцов, и оное ваше нарочных отправления весьма с честью вашею и вашей орды с пользою сходно. Как вам от меня и прежде о купеческих караванах довольно толковано, весьма надобно вам киргис-кайсацких худых людей воздержать и до продерзостей не допускать, а ежели таких худых людей до продерзостей будете не допускать, и от того всячески Киргис-кайсацкая орда несумнительно может жить во всяком благополучии и с покоем; а письмо ваше к господину тайному советнику и ковалеру отправил, и о получении от его высокопревосходительства я и ответ получил. При сем вашему высокостепенству известую сей день, я и при мне сын ваш отъезжаем в Оренбург, прошу письмами вашими меня не оставить. При сем же я отправил к Нурали-салтану за гундровскими ногайцами нарочно от себя Орской крепости атамана Исмаила Абдрязаква и Елумбетя с моим письмом». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Августа двадесят второго числа послано от бригадира Тевкелева Киргис-кайсацкой орды к Нурали-салтану с вышеупомянутыми ж Орской крепости атаманом Исмаилом Абдрязковым да Юлумбетям письмо, в коем написано: «Высокодостоинной и высокопочтенной Киргис-кайсацкой Меньшей орды алчин-байулинских родов владелец Нурали-салтан, а мой любезной племянник и искренней друг. Вашего высокодостоинства присланное мне многоприятнейшее письмо я со всяким моим удовольствием чрез Юлумбетя исправно получил, в котором вы упоминаете о кундровских ногайцах, о высылки их из вашего владения, якобы ищите способу, где они ныне живут, оттудова выслать или ис того роду вы возьмете к себе и от себя их в Оренбург отправите, и о том по приезде своем в ваши улусы обещаете крайнее иметь старание. На оное вашему высокодостоинству сим ответствую, что о высылки тех гундровских ногайцов таким ли или другим способом, усмотря по вашим обращением, изволите учинить, оное состоит в вашей воле, токмо я вам, яко совершенно друг, советую необходимо, как оных гундровских ногайцов, так и протчих российских подданных, вам всемерно надлежит прислать в Оренбург; и в том Е. и. в. свою подданническую верность оказать.

Как вам самим известно, что в бытность вашу в Орской крепости при свидании со мною как отец ваш его высокостепенство Абулгаир-хан, так и все ваши старшина, об отдаче их положили на ваше высокодостоинство, и вы то сняли на себя, той ради притчины оные ногайцы живут во владении вашем и для того уже вашему высокодостоинству надлежит о высылки тех гундровских ногайцов крайнее и усердное старание иметь для вашей собственной чести и для спокойного жития вашего владения. А что же в бытность вашу здесь в Орской крепости вы просили меня, чтоб оным гундровским ногайцом никакого наказания за то не учинить и не мстить, и я на то вам обещал, что оное снял на себя и никакого им наказания не будет, так и ныне вашего высокодостоинства в том обнадеживаю, и его высокопревосходительство господин тайный советник и ковалер Иван Иванович Неплюев, мою прозбу никогда не изволит отвергнуть, егда ныне в его силе, а когда в даль донесено будет, в то время и его высокопревосходительству и мне вспомоществовать будет трудно. Того ради, яко своему любезному племяннику, вторично советую, чтоб их немедленно выслать, чтоб о том в даль никто б не знал; и с сим письмом отправил я от себя к вашему высокодостоинству Орской крепости казачьего атамана Исмаила-муллу Абдрязкова и Юлумбетя, и оные вашему высокодостоинству в протчем донесут словесно». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Августа двадесят третего числа получены брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой орды от Абулгаир-ханского сына Ходжа-Ахметь-салтана чрез киргисца Култая-батыря два письма, в коих написано:

в 1-м:

«Высокоблагородному и превосходительному господину брегадиру, а моему премного милостивому и любезному дядюшке мурзе я, Ходжа-Ахметь-салтан, желаю вам благополучного здаровья и прошу, чтоб то поздравление приятно было принято. Письмо вашего превосходительства я здесь чрез родственника нашего Юрмата получил и о содержании того выразумил, за которое покорно и благодарствую. При сем же вашему превосходительству доношу, что я прежде сего к вам не писал, прошу в том не погневаться, понеже того за болезнью моею не имел, точию я с моей стороны по прежнему моему усердию всегда вам доброжелателем пребываю и в надлежащих моих к вам услугах

никогда не премину. А я необходимо вас прошу, чтоб я от вашей отеческой милости отринoven быть не мог, да еще милостивой государыне моей матушке госпоже брегадирше, а вашего превосходительства дражайшей супруге и благодетелю моему Осипу прошу поклон объявить. Вас же, дядюшку моего, прошу пожаловать прислать вина, которое б я мог пить, аще бог благоволит за здаровья ваше». На подлинном татарском письме ево, Ходжи-Ахметь-салтана, чернильная печать приложена;

во 2-м:

«Высокоблагородному и превосходительному господину брегадиру, а моему премногомилостивому и любезному дядюшке мурзе. Доношу вашему превосходительству, чюмекейского роду Култая-батыря два пленника якобы к вам бежали, о которых он вам и доносил, а ныне просит, хотя б-де уже они и при вас находились, только б-де, что последним человеком пленником уведенных двух серых лошадей возвратили, о чем он и у родительнице моей просил же, чтоб к вам писать, о чем она и просит, дабы то возвратить да и сила к тому есть, что те лошади не собственные ево, Култая, но чюжие, которых у него с принуждением и просят, и ежели бы вы оных ему изволили возвратить, то б весьма было изрядно. Которого киргисца и родитель мой изволит жаловать, а за лошадьми тех пленников хозяина Култая-батыря, дав ему от себя письмо, самого послал». На подлинном татарском письме ево, Ходжа-Ахметь-салтана, чернильная печать приложена.

Сего **августа двадесят четвертаго числа** при речке Елангуберле наскоро прибежал к брегадиру Тевкелеву Абулгаир-хана собственной человек Итчемес и на словах объявил, что ево послали старшина к брегадиру Тевкелеву с тем, что Абулгаир-хан убит до смерти от Барак-салтана [56], и подал письма на имя тайного советника и ковалера господина Неплюева и на имя брегадира Тевкелева, которое писано, якобы Абулгаир-хан пред смертью завещательные слова говорил. Но брегадир Тевкелев тотчас он-му присланному заказал, чтоб он о смерти Абулгаир-хана сыну ево Айчювак-салтану не объявлял, токмо из свиты ево ведал один дятька ево Байбек; и он, Байбек, просил брегадира весьма ево, Айчювак-салтана, беречь и до Оренбурга не объявлять для того, что он весьма военнова сердца, как услышит, что отца ево Барак-салтан убил, он не о смерти отца своего будет тужить, но от

досады может себя изорвать за то, что отец ево от такого человека убит, а ему невозможно мстить. И бригадир Тевкелев оное письмо бес переводу отослал к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву [57], а того ханского человека Итчемьяса бригадир Тевкелев того же дни отправил к тем же старшинам с тем приказом, чтоб они немедленно объявили о смерти Абулгаир-хана ханше Попай, понеже она человек умной, с разсуждением будет печалиться, а потом станет иметь свое попечение о детях своих и о ардинских делах, ибо в такой сумятице, чтоб худого чего не произошло, она еще поправить может. И чтоб те старшина ей были послушны, и ее б до приезде ее детей не оставляли, с тем и отправил.

Августа двадесят четвертаго числа послано от бригадира Тевкелева из Елангуберли к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву с оренбургским казаком Каменским письмо, в коем писано следующее: «Милостивый государь Иван Иванович, вашему высокопревосходительству доношу, что сего маamenta приехал ко мне Абулгаир-хана собственной человек Итчемес и привез ко мне письмо, писанное на имя ваше и на имя мое, в котором значит, что Абулгаир-хан убит до смерти от Барак-салтана. Как я к вашему высокопревосходительству прежде писал, что по отбытии он, Абулгаир-хан, от меня из Орской крепости поехал к каракалкам, и по прибытии туда съехались-де они Средней орды з Барак-салтаном, где зделался у них спор, а потом и драка; у него, Абулгаир-хана, людей было меньше, а у Барак-салтана — больше, и тако-де он, Абулгаир-хан, с ним, Барак-салтаном, хотя дрался немало, однако убит до смерти. И что в письме написано, и оное значит, якобы он те слова говорил раненой пред смертью и вышеписанной Итчемес мне словесно объявил, что о смерти Абулгаир-хана ево ханша Попай и сын Ходжа-Ахметь-салтан еще не ведают, и им не объявляют. Токмо-де ево, Абулгаир-хана, ко всем детям старшина на все стороны послали наскоро: Нурали-салтану, Иряли-салтану и Адиль-салтану, чтоб ево дети все, как возможно, поспешали к ханше Попай и собрались б вместе. А при том же роду чекти, многолюдно собравшись, поехали убить до смерти Батырь-салтана, понеже-де киргис-кайсацкие старшина узнали, оная интрига учинена от него, Батырь-салтана, потому что ево, Батырь-салтана, сын Гаип-салтан был у персидскаго шаха, и от персидскаго шаха учинен он в Хиве ханом, а он, Гаип-салтан,

сосватал за себя дочь Барак-салтана, а у того Гаип-салтана с родным Абулгаир-хана племянником Досали-салтаном [58] смертельная ж ссора, и потому подлинно-де старшина знают, что по ево, Батырь-салтана, интригам сват ево Барак-салтан ево, Абулгаир-хана, убил до смерти. И как оной Итчемес мне от себя объявил, что как Абулгаир-хана дети все в одно место соберутся, великая у них будет рубка, и все-де старшина тужат о Айчювак-салтане, что на такой случай тамо ево нет, понеже-де он, Айчювак-салтан, изо всех детей Абулгаир-хана воен и доброва сердца. Я же вашему высокопревосходительству доношу, сие дело весьма немалое, не о смерти Абулгаир-хана, но нам крайне надобно по здешним обращением наблюдать к пользе высочайшаго интереса о порядках при таком их несогласии, что сделать. По всему видно, киргис-кайсацкие старшина станут трудиться, Средняя орда у себя из своих владельцев, а Меньшая орда — из своих же владельцев, главного хана выбирать; а по моему б мнению, лутче б домогаться указом сделать, понеже ежели кто из них указом сделан будет, тот может и милость помнить, а по их обычию, отнюдь без одного главного хана быть невозможно. А когда однажды главной хан делается указом, то и впредь тот порядок во обычии войдет, а потом и другие полезные порядки чрез то делать будет способнее, я хотел сам к вашему высокопревосходительству бежать на почте, токмо мне Айчювак-салтана оставить без себя невозможно; и он о смерти отца своего не ведает, и старшина-де ему, Итчемесу, наказывали о том Айчювак-салтану не объявлять, и как он ко мне приехал, для того по всему видно, что он, Айчювак-салтан, имеет сердце военное, ежели он о смерти отца своего узнает, от сердца своего сам себя умертвит или что худое сделает над собою, того для принужден я ево при себе вести, однако завтра оставя, я свою команду и всю тягость поруча майору Филитову, взяв с собою нерегулярное войско, как возможно ноискоряе, буду поспешать, надеюсь к вашему высокопревосходительству к 28-му числу прибыть. Я же приношу вам мое мнение: понеже сие дело весьма немалое, не соизволите ль отправить наскоро нарочного на почте в Государственную Коллегию иностранных дел для того, хотя не ведая здешнего обращения сюда оттудова, а все наставление будет дать трудно, однако, что до материи дела будет касаться, дадут; а ведая ту материю, каким образом способ изыскивать, здесь будет знаемо. Однако оное отдаю на разсуждения вашего высоко-

превосходительства, а как приеду в Оренбург, изволите увидеть из моего журнала, а потом по разсуждению общему может быть усмотрится о том, что и к лутчему донести, понеже и по прибытии моем в Оренбург потребно отправить курьера. А полученное мною о Абулгаир-хане письмо бес переводу при сем к вашему высокопревосходительству посылаю, а здесь я не велел перевести для того, толмачи или копеист с простоты, чтоб не проговорились». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Августа двадесят пятого числа бригадир Тевкелев, оставя все тягости и регулярное войско назаде и взяв с собою несколько нерегулярного войска, с ханским сыном налехке поехал в Оренбург.

Августа двадесят шестаго числа получено бригадиром Тевкелевым от тайного советника и ковалера господина Неплюева письмо с приложенною копиею с посланного от него, тайного советника и ковалера, Киргис-кайсацкой Меньшей орды к Нурали, Эрали, Ходжа-Ахметь и Адиль-салтанам, детям Абулгаирхановым, письма ж, в которых написано, а имянно:

в 1-м, к бригадиру Тевкелеву: «Высокоблагородный и высокопочтенный господин бригадир, государь мой. Сего утра получил я ваше почтенное письмо со уведомлением о смерти Абулгаирхана, а понеже о новом хане, чтоб он со апробацию или и, точно, от Е. и. в. пожалован был, давно от меня представлении были, и в тот вид при всяком случае умершему Абулгаир-хану внушения чинены, потому отправил я к детям ево с письмом, с которого при сем копия, переводчика Якова Гуляева да сакмарскаго старшину Кубека, и хотя письмо мое генерально, как то мне, имянно писать несходно, однако сосланось на изустное их сообщение, которым приказано на вышеписанном основании внушать и склонять, дав им к тому довольное наставление, и приказал заехать к вашему высокоблагородию, чтоб вы и от себя изволили генерально писать, ссылаясь на них же и обнадежа их Е. и. в. высочайшею милостию и увещевая, чтоб оне во всем своем будущем порядке положились на высочайшее Е. и. в. милосердное соизволение, и тако прошу, где б вас ни встретили, нимало их не удерживая, в путь их отпустить, нежели заблагоразсудите, как то мне мнится, за лутчее того человека, которой к вам приехал, отпустить, а отпустя их сюда, поспешить и Айчювака при себе иметь, да толмача Прасолова ко мне прислать, яко в нем есть особливая нужда. Я о сем отправлении и как к вашему высокоородию писал

обстоятельно в Государственную иностранных дел Коллегию доносил, а в протчем есмь со особливым почтением». Подлинное подписано рукою реченного тайного советника и ковалера Неплюева;

во 2-м, к ханским детям: «Всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския, и прочая, и прочая, и прочая, Киргискайсацкой Меньшей орды верноподданным и почтенным Нурали, Эрали, Ходжи-Ахметь и Адиль-салтанам, детям Абулгаирхановым.

Сего числа, получа я чрез господина брегадира Тевкелева известие, коим образом родителю вашему Абулгаир-хану чрезвычайное бедство и смертельная напасть случилась, не мог приминуть, чтоб повсегда к нему и к вам, яко же и ко всей вашей фамилии имевшемуся доброжелательному моему усердию не отправить к вам того же дня нарочных с моим сердечным сожалением о том крайнем ево и вашем несчастьи, я нарочно для того здешняго переводчика Якова Гуляева и с ним известного вам сакмарскаго старшину Кубека посылаю, которые в состоянии родительнице вашей Попай-ханше и вам обще при такой вашей печали добрым разговором и советам ко облегчению оной вспомощи, я же с моей стороны вас, почтенных салтанов, купно же и мать вашу и братьев высочайшею Е. и. в. милостию обнадеживаю, и как ваш всегдашней друг и доброжелатель, крепко уверяю, что вы за службы и верность помянутого вашего родителя и по особливому вашему доброжелательству и достоинству в той Е. и. в. милости равномерно, как и родитель ваш, содержаны и никогда оставлены не будете. И понеже все вы, почтенные салтаны, еще при жизни помянутого вашего родителя купно с ним народные дела управляли, следственно, и паче ныне должно вам ко всему тому исполнению обще приступить, что на родителя вашего по высочайшим Е. и. в. указом положено, и что он сам по силе тех указов исполнять обязался, и не только о том, но и о сем, что ныне и добропорядочному и к спокойному содержанию народа потребно, о всем обще с биями и старшинами вашими рассуждать, и на каком основании усуетуете и положитесь, о том с сими нарочно посланными поскорее меня уведомить, а притом себя высочайшей Е. и. в. милости подвергнуть, почему я ко двору Е. и. в. всеподданнейше донести и о вашей верности засвидетельствовать, також и о вашем и всей вашей фамилии благополучии стараться и пользам вашим

споспешествовать всегда не премину и паки милостию Е. и. в. обнадеживая вас, ссылаюсь на изустное доношение посланных с сим; также, что и впредь у вас происходить будет, о том прошу меня почасту уведомлять; и остаюсь, как и всегда, со всяким моим доброжелательством, Е. и. в. тайный советник ковалер и Оренбургской губернии губернатор». Подлинное за подписанием и печатью реченного тайного советника и ковалера Неплюева.

Августа двадесять седьмого числа послано от бригадира Тевкелева к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву письмо, в коем написано: «Милостивый государь Иван Иванович. Вашего высокопревосходительства ко мне письмо от 26-го сего августа, притом Абулгаир-хана к детям с посланного письма копия, я сего же августа 27 числа пополудни в четвертом часу под Везовым редутом, едучи на дороге, чрез переводчика Гуляева получил. Что же изволите приказать, чтоб и я к ним генерально писал, ныне по тамошним обращениям мне не х кому писать, для того Нурали и Эрали-салтаны отнюдь скоро к матери прибыть не могут, понеже Эрали-салтану от старшин приказано, чтоб он ордою не ехал, а ехал бы подле реки Яик городками, понеже и об нем, Эрали-салтане, опасность есть. А Гуляева с Кубеком отнюдь до ханши и до детей ныне не допустят или убьют до смерти, а по меньшей мере нагих их отпустят, понеже Кубек в лугчее время едва спасся; для того я и спешил чтоб, к пользе высочайшего интереса по тамошним знаемым мне обращением с вашим высокопревосходительством туды со общего совета послать. Я к вашему высокопревосходительству и писал, что я к 28-му числу сего августа прибуду, того для я вашему высокопревосходительству при сем доношу, не лугче ль их со мною, увидевшись, отправить; мне хотя и все владельцы пропадут, нужды нет, я для высочайшего интереса доношу. Однако, что надлежало до меня, я донес, оное уже состоит в воле вашей, ежели изволите приказать отпустить, я их завтра и отпущу, а мне писать с ними не х кому, а их кош и киргисца я велел низом провести до Везового редута, чтоб Айчювак-салтан ево не видал, а я до получения на сие от вашего высокопревосходительства ответу здесь буду стоять; того ради прошу на меня не прогневаться, я приказал казаку, хотя вы изволите и опочивать, чтоб донести о сем, прошу хотя на одной строке для скорости дать знать, а салтан ни о чем о том не знает». Подлинное подписано рукою бригадира Тевкелева.

Августа двадцят седьмаго ж числа получено брегадиром Тевкелевым от тайного советника и ковалера господина Неплюева письмо, в коем написано: «Государь мой Алексей Иванович, меня ни в какой час не беспокоют ваши почтенные письма получать, как то во исходе перваго часа пополуночи от 27-го вашего высокоблагородия писание принял, и по означенным окресностям прошу Гуляеву и Кубеку и с киргисцом в Везовом редуте остановитца, буде оне не при вас, а буде при вас, то в Нежинском, и определить, чтоб они до будущаго определения далее не ездили, а затем буду вашего высокоблагородия ожидать. А караул как вам, так и Айчювак-салтану, поставлен будет завтра или, лутче сказать, сего дни. Прощения прошу, что кратко пишу, ярко ночью, и сыскать скоро никого неможно, а мешкать не хотел, того ради сие не запечатано вручить приказал, и тако со особливым почтением». Подлинное подписано рукою реченного советника и ковалера Неплюева.

И того ж **августа двадцят осьмаго числа** брегадир Тевкелев поутру с Айчювак-салтаном и с командою от Студеного ключа отправился в Оренбург, и для представленных от него к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву резонов и переводчика Гуляева и старшину Кубека взял с собою ж до свидания с ним, тайным советником, в Оренбург.

Августа двадцят осьмаго числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Меньшей орды от Нуралы-салтана чрез посланника ево Укубаша, с товарищи письмо, в коем написано: «Высокоблагородному и превосходительному, вначале как богу, так и всемилостивейшей государыне угодному и под пратекцию Е. и. в. верно служащему господину брегадиру, а моему дядюшке мурзе желаю премного лет здравствовать. Притом объявляю, что уже между нами довольно разговаривано, да и ныне в том же состоим, и всякие наши дела вам небезизвестны, за то прошу не прогневаться, что я по обещанию моему не все еще окончал, но по возможности моей старание прилагать буду. Я же по приказу родителя моего к вам хотя ехать и намерен был, точию ныне со стороны находящагося при Аральском владении от племянника нашего Достали-хана известие получил, чтоб мне к нему в поход выступить, потому к вам и ехать поотложил, за то прошу ж не погневаться; еще ж вам объявляю, что мы невозможные нашего народа плутовские дела положили было на высочайшую Е. и. в. волю, а протчие хотели обще с вашим превосходительством ко

окончанию привести, токмо ис крайних наших улусов калмыки отогнали триста лошадей, и ежели б таковых самих плутов, поймав, сковать и взятых ими лошадей всех возвратить изволили, то б другие плуты того чинить опасались, а ежели от вас какое приказание имеется, то прошу чрез Укубаша и Кутибока объявить, коих и послал до ваших услуг, буде же что приказать изволите, то прошу их поскорее отпустить». На подлинном татарском письме ево, Нуралы-салтана, чернильная печать приложена.

Августа двадесят осьмого ж числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-Кайсацкой орды от Абулгаир-ханской жены Попай и от сына их Ходже-Ахметь-салтана чрез орсага атамана Исмаила Абдрязякова и Елумбетя письмо, в коем написано: «Высокоблагородному и превосходительному, высокопочтенному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю господину брегадиру мурзе. Мы, сноха ваша Попай-ханша и племянник ваш Ходжа-Ахметь-салтан, желаем вам премножество лет здравствовать. Почтеннейшее и многоприятнейшее ваше письмо мы с крайним нашим удовольствием получили и о содержени того выразумили, что вы писание наше за благо принимать желаете, за что всепокорнейше благодарствуем. Уже сим вам представлять ничего не знаем, ибо начального нашего вольного человека хана умышленно воры убили, ревнуя против ханского намерения особливим обхождением Барак-салтан, сыскав себе иное владение, уже вы нам какой можете разум дать, оное ни одним нам, но и вам болезно есть, и вы можете печаль нашу избавить, которая уже вам известна, и впредь уповаем от вас надежду, чтоб от неприятелей оборонять и отмщать для того, яко душе любезного дитя своего вам и отдали, и никакой от вас отменности не имеем. Ныне уже нам такая злая притчина приключилась и при таком случае просим нас в затмении не оставить, а хан уже от своей жизни лишился, и прежде сего бывало он приказывал, ежели-де, паче чаяния, мне какая притчина приключится, то-де по смерти моей останутся дети, ис которых, когда еще он сам жив был, по наследию приказывал быть на месте своем ханом Нуралею, и прежде каким образом в бытность свою с вами обходился, тако и мы уповаем к службе готовыми быть. А ежели б единое наше прошение пожаловать изволили принять, то б мы отмщение получить и со всею Меньшею ордою немало удовольствоваться могли, да и чрез то б народ наш в страх пришли, чтоб вы хана изследовать не премину-

ете. И ваше превосходительства прошу поехавших для торгу в препровождении кашкарцов четыре человека киргисцов, а имянно: Ильголдеева брата, Намас Дюшебаева сына Исыналея, Ходжена-зарова сына, да Наралеева брата Бичилдея, да еще поехавших для торгу в Оренбург с лошадьми Сырымбетев брат с товарищи, которых изволите приказать удержать затем, что они хана убили, и об них вам обстоятельно донести может Кидай-биев сын Кош-кулак, понеже он при том был и видел. И ежели б тех людей приказали удержать, то б они Барака, поймав, отдали. Ежели ж вам не противно, пожалуй изволите вспомоществовать в нынешнем таком случае, да и уповаем от вас отщение получить, и за тем я Нурали-хана и в орду призывала, и когда он сам приедет, то, поговоря с ним, вас уведомить не преминем; как единому богу известно есть, о чем вы с ханом разговаривали, мы и ныне в том состоим, только мы ныне от ума своего отстаем, и дабы нам вы совет свой приложить изволили, чтоб нам притти в разум и его высокопревосходительству господину генералу пристойным образом о нашем несчасти донести. И прежде сего с Итчемясом к вам для ведома было писали и истинным словесным приказом тогда ево отправили, и ваше превосходительства, яко старателя нашего мурзу, прошу Е. и. в. всемилостивейшей государыне всеподданнейше донести, чрез что и покойного смерть отмстить и намерение свое получить уповаем, да и в знак нашей печали прошу прислать знамя, понеже вы об нашем обхождении сами известны. Которое б знамя, слезно плачучи обняв, и кочевать бы имела, хотя у нас то и имеется, только от вас, мурзы, желаем большего знамя, чтоб неприятели, видя тое, славу произнести могли, да и протчих вещей немало потребно, то есть сто деревянных блюд, и оное, я уповаю, что обо всем том вам самим известно. Да мне, вашему племяннику Ходже-Ахметь-салтану, обещали дать один сайдак, оное ж и протчее намерение наше от вас получить уповаем, и все то имеется в ваших руках. Вы же нас возвышать и уничтожать можете, и тако прекротя, остаюсь. До услуг ваших послали Кошкулака да Раимберду, которые вам словесно донести могут, а атамана Исмаилмуллу и Юлумбетя нарочно к вам обратно отправили». На подлинном татарском письме ханши Попай и сына ее Ходжа-Ахметь-салтана две чернильные печати приложены.

Августа тритцать первого числа послано от брегадира Тевкелева Киргис-кайсацкой Меньшой орды к ханше Попай с пере-

водчиком Яковом Гуляевым письмо, в коем написано: «Высокопочтенная и высокостепенная госпожа ханша Попай, а моя драгая невестушка, вы сами изволите понять и разсудить, сколь горестно и печально было мне усмотреть ис писма вашего о чрезвычайной и несчастливой кончине вашего любезного сожителя и моего древняго друга и брата Абулгаир-хана, от великаго и сердечного моего сожаления истинно не в состоянии сейчас и описать, как мне чувствительно сие нечаенное ему и нам приключение, то только по моему к вам и детям вашим совершенному доброхотству доношу: первое и главное теперь дело повиноваться воли божией и так ваши домашние и народные дела учредить, чтоб они во всем сходственны были с высочайшими Е. и. в. повелениями, о которых я с покойным супругом вашим, а моим братом, також с Нурали-салтаном и с протчими детьми вашими говорил, и все то так постановить стараться, чтоб вам от всемилостивейшей нашей государыни при нынешнем вашем случае высочайшую апробацию получить, ибо вы сами понять и знать изволите, что совершенное и общее ваше и детей ваших благополучие от единой Е. и. в. высочайшей милости зависит, в которой вы и дети ваши за службы и верность покойного супруга вашего никогда оставлены не будете, чем я, как ваш всегдашней и сущею доброжелатель, твердо уверяю и обнадеживаю, о чем до вас и его высокопревосходительство тайный советник и ковалер Иван Иванович Неплюев писал, и на словах с отправленным переводчиком и старшинами Кубеком и Байбеком, как к вам, так и к детям вашим, обстоятельно приказывал; которые, а особливо Байбек, и мое доброжелательное мнение изустно вам донесут, почему и исполнять советую, свидетельствуя и уверяя вас, что его высокопревосходительство к вам и к детям вашим пребывает с совершенным доброжелательством и о кончине сожителя вашего, а моего брата, сердечно сожалеет. Что же у вас произойдет, о том прошу поскорая меня уведомить и с тем Байбека ко мне возвратить, в протчем я во всем на слова Байбековы ссылаюсь и еще советую, чтоб вы сию великую вашу печаль великодушно понесли и положили б во всем надежду свою на высочайшую Е. и. в. милость, о которой я вас и детей ваших паки уверяю и остаюсь с моим совершенным к вам доброжелательством и почтением.

Р. S.: Ходже-Ахметь-салтану сайдак промышляю и как достану, то отправляю, а при сем требованные вами блюда послал.

А что вы изволили писать о присылке для учинения вам печального знака, на то посылаю к вам при сем черную канфу косяк».

В такой же силе послано письмо к Нурали-салтану с переменною приличных речей; при том же подскрыптом приписано тако: «Письмо ваше чрез Кубашая получил, и что касается до ответу моего, на оное о том наказывал с Байбеком, на которого в том и ссылаюсь». Подлинные — за рукою брегадира Тевкелева.

Сентября десятого числа от тайного советника и ковалера господина Неплюева чрез ассесора Рычкова [59] брегадиру Тевкелеву объявлено яицкого атамана доношение и при том присланное к нему, яицкому атаману, от киргис-кайсацкой старшины Исетя-тархана письмо, в котором писано о угонных от них воровскими калмыками лошадях, и во оном же письме несколько и угрозы написано, что он, Исеть, и сам калмыкам может отомстить, ежели угонных лошадей, сыскав, ему не отдадут; и тайной советник требовал ево, брегадира, совету, чтоб кого послать к нему, Исеть-тархану, с тем, чтоб он таких непристойных писем впредь не писал, а что у него воровскими калмыками отогнаты лошади, о том изследовано, и справедливость надлежащая оставлена не будет.

Сентября первого на десять числа приехали в Оренбург от него, Исеть-тархана, брат ево родной Трумбеть-батырь и сын ево Юлбулда и объявили брегадиру Тевкелеву, что они присланы к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву от него, Исеть-тархана, с письмом просить о возвращении отгонных лошадей воровскими калмыками, и его, брегадира Тевкелева, просили, чтоб и он в том вспомоществовал, понеже он, брегадир, о таких делах разбирать Е. и. в. указом к ним прислан. И брегадир Тевкелев ему объявил, что он о отгоне от них лошадей и о содержании Исеть-тархана письма еще не знает, а как он увидится с тайным советником и ковалером господином Неплюевым, имея о том совет, яко и они Е. и. в. подданные, справедливость показать оставлены не будут, и хотя брегадир и ведал, что он, Трумбеть, от Исетя-тархана к яицкому атаману с угрозами привез письмо, однако тот день ему о непристойном письме выговор не учинил, с тем от него, брегадира, и пошли в свою квартиру.

Того ж числа тайной советник и ковалер господин Неплюев к нему, брегадиру Тевкелеву, вышепомянутого Исеть-тархана письмо прислал с толмачем Мансуром, в котором значить между прот-

чими от него, Исеть-тархана, к нему, господину тайному советнику, на брегадира Тевкелева некоторая жалоба, якобы он, брегадир Тевкелев, в бытность в Орской крепости при свидании Абулгаир-хана и всей Киргис-кайсацкой орды старшин принел ево не так, как Средней орды знатного старшину Джанебек-тархана, а он-де, Исеть-тархан, Джанебека-тархана ничем не меньше и не хуже, и надлежало б-де почтение ему, Исеть-тархану, з Джанебек-тарханом равно.

Сентября втораго на десять числа оного Исеть-тархана брат Трумбеть-батыр и сын ево у брегадира были и паки о возвращении об отогнанных калмыками лошедях ево, брегадира, просили. И брегадир Тевкелев оным Исеть-тархана брату и сыну выговаривал, что он, Исеть-тархан, такие пишет письма и говорит слова, которые весьма непристойные, и не токмо не надлежит, но и опасно, и страшно, ибо Киргис-кайсацкие все орды Е. и. в. подданные, а хотя воровскими калмыками отгон лошедям и зделался, токмо в полон людей ничего не взяли и до смерти не побили, и то оной подбег был калмык самое малое число, одне воришки, а не так, как большим числом войском войною формально ходили раззорять, и за такие малинькие шалости им самим собою и управляться не надлежит, понеже оная Киргис-кайсацкая орда состоит под дирекциею Оренбургской губернии, где надобно и жалобу приносить и ожидать время, а им справедливость учинить оставлено не будет. А ежели по-прежнему поступить в продерзость, и управляться сами собою, то они уже подвигнут на себя Е. и. в. тяшкой гнев, в таком случае уже им упущено не будет, да и те, которые пойдут на калмык и чрез реку Яик переедут, оттоль уже назад и не придут. А что же он, Исеть, жалобу приносит тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву на него, брегадира Тевкелева, якобы он, Исеть, от брегадира Тевкелева при Орской крепости не так принет, как Средней орды знатная старшина Джанебек-тархан, но понеже, как ему, Исетю-тархану, самому известно, что брегадир Тевкелев как Меньшей, так и Средней орды состояние, которые старшина в знатии или средственны, довольно знает, разве он, Исеть, о себе позабыл, что Средней орды аргинской род, а Меньшей орды алчинской род, их называют всегда «семиродными беднячками», а ему сравняться з Джанебек-тарханом отнюдь невозможно. А при Орской крепости при всем собрании Киргис-кайсацкой орды

старшин Абулгаир-хан ево, Исетя, за такие же ветерные поступки весьма ругал и бранил, ему же, Исетю, еще так скоро и забыть неможно, как при Орской крепости все собрание киргис-кайсацкие старшина письменно обязалися никаких продерзостей не делать, в том знатная старшина с ханским сыном и детей своих в оманаты дали. Ежели он, бедняшка, что зблудит, тогда алчинской род, не допуская до гнева Е. и. в., сами ево могут раззорить, так как и каракалпак; и брегадир Тевкелев брату ево и сыну, довольно изъясняя, учинил пристойной выговор. И на оное Исетя-тархана брат и сын ему, брегадиру Тевкелеву, приносили извинение, что они такое письмо привезли от него, Исетя-тархана, а что тут было писано, не знали, и он им в орде не объявлял; да ежели б они знали в орде, что оное письмо на него, брегадира Тевкелева, писано жалобою, то б они ево, Исетя, от того отговорили или б оное письмо от него не взяли.

На то брегадир Тевкелев им сказал, что он о том нимало не сомневается и, ево скорость зная, не сердится, и брегадиру ево жалоба не стоит ничего; но брегадир о том сожалеет, что он писал к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву, и к яицкому атаману весьма не в пристойных терминах, показуя свое худое намерение, от которого он не токмо тарханство, но и живота потерять может. Что он, брегадир, помня ево прежние некоторые в бытность ево в Киргис-кайсацкой орде добродетели, ему советует, чтоб он, Исетя, таких продерзливых писем вперед не писал и непристойных слов не говаривал, от чего он великой себе вред получить может.

И оные Исетя-тархана брат и сын, услыша от брегадира Тевкелева вышепомянутые речи, очюствовались, и брат ево Трумбеть zelo добрым намерением изъяснялся, притом говорил, что брат ево Исетя-тархан человек старой, к тому же и скор, не разсудя, писал, о том просил прощения, впредь он, Трумбеть, ево от таких непристойных писем писать унимать будет и до того отнюдь не допустят; притом прилежно просил о взыскании и возвращении от калмык отгонных ево лошадей, чтоб брегадир у тайного советника имел старание, и что он, Трумбеть, получил от него, брегадира Тевкелева, наставления и о том брату своему Исетя-тархану все подробно скажет. И паки он, Трумбеть, усердно брегадира Тевкелева просил о возвращении отгонных лошадей калмыками, понеже-де оные лошади были ево собственные.

И на то брегадир Тевкелев ему, Трумбетю, объявил, что ежели оне всегда с такою покорностию, как Е. и. в. подданные, станут просить, и им никогда справедливость показать оставлены не будут, и он, брегадир, их обнадежил, что он о лошедях ево старание иметь не оставит. И он, Трумбетъ, и Исетъ-тарханов сын от брегадира Тевкелева зело со удовольствием поехали.

А брегадир Тевкелев по нынешним здешним обращением разсуждает весьма за полезно о том представить в Государственную Коллегию иностранных дел со мнением всепокорнейшее доношение, а к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву сообщение в такой силе, что ныне в бытность при Орской крепости Абулгаир-хан из обеих орд старшина подали брегадиру Тевкелеву на высочайшее Е. и. в. имя всеподданнейшее прошение, чтоб им русских пленников всех и их скот возвратить, а впредь никаких продерзостей не делать, а о калмыцких пленниках просили до указу сроку, как уже то действительно зачели было и исполнять, понеже несколько лошадей красноярских жителей и привели, а и протчих ис каждого роду збирали, но знатно смерть Абулгаир-хана оное остановила. А по примечанию брегадира Тевкелева сия Киргис-кайсацкая орда большим числом ныне к продерзостям не отважились бы, да и калмыцких пленников, как указ прищется, хотя вдруг всех собрать и отдать по их известной самовольности не могут, а помаленьку отдавать стали б.

Но токмо ныне воровскими калмыками от киргис-кайсаков отгон лошадей зело бесполезно, уже они несколько станут тем и выправляться и отговорки представлять. А по мнению брегадира Тевкелева, к лутчему привести, что все их отговорки пересечь, и что надлежит ко исполнению принудить, а к тому ж и им справедливость показать; отгонных настоящих киргисских сто две лошади немедленно возвратить, а тех калмык велеть сыскать и в Оренбурге при меновном дворе при всех киргисцах наказать, и их Калмыцкого ханства наместнику послать указ и накрепко запретить, чтоб такие воровские подбеги чинить отнюдь не допускать, отчего они, киргисцы, получат себе справедливость, зело будут довольны, и, видя тяшкого калмыкам наказания, наивяще могут притти в крайней страх и в подданническую покорность. И тогда и им объявить, ежели и у них такие плуты явятся, в таких воровствах и им тоже учинится без упущения, и тогда на то смотря, и сами они уже будут безответны и страхом наполнены, паче же справедливость

их может заслепить и к отдаче калмыцких пленников никаких отговорок иметь не могут. Хотя она орда зверское обычие имеет, токмо весьма знает и пильнует, что справедливость есть, а ежели сие малое дело уничтожить и так упустить, то после и к большому полезному делу будет помешательство.

Хотя киргисцы по нынешним обращением уповательно большим числом на калмык итти дерзать не будут, однако, как калмыки всегда такие маленькие им делать станут досады, но тогда и они, яко лехкомысленной и самовольной народ, паки на продерзости поступят и большой вред зделают, а потом их от того удерживать или унять зделается великое затруднение. И для убегания впредь больших затруднений, по вышеобъявленному мнению брегадира Тевкелева, тех лошадей весьма надлежит возвратить, а воровских калмык наказать в Оренбурге. А ежели впредь от калмык киргисцам, а от киргисцов калмыкам показаны будут какие продерзости, в таком случае оренбургскому губернатору, яко главному командиру и над Киргис-кайсацкою ордою имеюще главную дирекцию, разсуждается за полезное иметь попечение калмыцкую обиду возвратить, а киргисцам зделанную обиду ж от калмык отыскать, и затем от себя и нарочных к наместнику ханства и астраханскому губернатору посылать; и тою справедливою пакосные их ссоры можно разорвать и пересечь, от чего и дальние затруднения будут меньше (о чем в Государственную Коллегию иностранных дел доношением и писано, тако ж и к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву сообщено).

Сентября третьяго на десять числа получено брегадиром Тевкелевым бывшего Абулгаир-хана от жены ево Пупай-ханши и детей ее Ирали и Ходже-Ахметь салтанов, чрез киргисца Кудайбердея с товарищи письмо, в котором написано: «Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему нашему благодетелю господину брегадиру мурзе желаем мы, дабы вам бог даровал продолжительный век и на премножество лет здравствовать. Приятнейшее письмо ваше к нам печальным, к родительнице нашей, и брату Ирали, и мне, Ходже-Ахметь салтаном, присланные от вас ваши люди, во всяком благополучии прибыв, нам вручили, ис которого слышев мы ваши речи, за благо и приняли; я же, Ирали-салтан, сам из онога усмотря, выразумил, о чем вседушевно и радовался, и слова ваши обо мне пере-

водчик Яков Гуляев мне объявил, точию изволили-де вы по всем городам послать письма и приказали, ежели-де где меня получат, то б отвезли в орду к родительнице моей, за что б дари вам всещедры бог, а мы уже всем довольны, не только сердце наше, но и суставы все растаили, а я только хотел было к вам со известием послать, но от вас уже к нам присланные и приехали. Однако хотя я от вас и в дальности нахожусь, но сердцем моим к вам вблизиности, и от радости нашей ныне вскорости вам доносим, что же мы, сообщась с Аблаем-салтаном и с собраниями, выступили было в поход, и там по приказу родителя моего, когда еще он здравствовал, на верхних каракалпак, тогда будучи мы в пути по реке Сары-тургай, оное дело Барак-салтановым умышлением чинено, точию и меня было послал он убить шпионов своих ко Аблай-салтану. Но оной Аблай-салтан, слышев то, и по общему нашему с ним обещанию, от своего войска меня препроводил, а Барак-салтан аргин-каракисяцкого роду только с одною фамилиею, называемой маинитанашем, отделясь от Средней орды, бежал, а окроме реченного роду от всей Средней орды и от главного Джанебек-тархана всегда добрые известия произносятся; так же Меньшей орды, как байулинского, каракисяцкого и семиродского родов, добрые ж известия имеются. Когда же нашей орды народ в собрании будет, тогда по окончании нашего совету со обстоятельным известием к вам пришло, а ныне печальные родительницы нашей слова тако, что згорающее и поляющее сердце мое яко вы водою залить изволили, за что и благодарствую, что вы, крайне сожалея нас, и з добрым письменным наставлением прислали переводчика Якова Гуляева и старшину Кубека и Исмаила-муллу, ис которых переводчик Яков словесной ваш приказ мне словесно ж зело изрядно изъяснили, чему мы и радовались. А ныне уже в нас какое есть чюство, понеже мы всегда в слезах и в печали находимся, и никакого тому лекарства не имеем, да и никакой доктор вспомоществовать не может, понеже горящей огонь водою залить возможно, а что же мое сердце не токмо залить, но и воду может сжечь, и пользу тому разве тогда и получу, когда Барак-сарта голову снимут и кровь ево прольют; а хотя б таковых Бараков тысячу убить, токмо против Абулгаир-ханской чести единой не стоят, ибо он, благодразумны хан, сам изыскал, что же Е. и. в. милостивейшей нашей государыни высочайшим повелением и вашим благодразумным

наставлением, яко вы онаго хана оживите, а оной Барак-салтан и одного вашего изустного слова не стоит же. Наши же дела все состоят в воли вашей мурзы, господина брегадира, и мы сами отдаемся на разсуждение ваше и совет свой уже давно вам предложили, понеже у вас с ханом кроме душ все единственно было, а ныне он, хан, божием повелением уже и жизнь свою окончал. Обиды же наши окончать, когда ни есть, вы же имеете, в чем на вас и уповаем и богу благодарение приносим, что вы по приезде с ханом свиделись и последними разговорами уверились, в чем и прекратились; а мы за ваше здравия, всеусердно уповая к богу, и моление приносим, дабы вам бог умножил ваши лета, и не дай боже, чтоб мы от вас отвергнуты быть имели, ибо вы все наше состояние сами ведать изволите. До услуг ваших с сим послали Кудайберду, Итчемьяса и Сунака, я же прошу прислать пшеничной муки для поминовения, которое б весьма приятно было. Сентября 7 ч[исла] 1748 года». На подлинном татарском письме ее, ханши, Ирали-салтана две чернильные печати приложены.

Сентября четвертаго на десять числа получено брегадиром Тевкелевым Киргис-кайсацкой Средней орды от Джанебек-тархана чрез ясаула Каипа с товарищем письмо, в коем написано: «Из дальних мест ближним сердцем вам, господину мурзе, премного лет здравствовать желаю, а о себе объявляю, что еще в здравии находимся. Барак-салтан, ссорясь в каракалпаках, Абулгаир-хана убил, и какое от вас на то пристойное к совету мнение будет, то о том прошу меня уведомить, с сим до услуг ваших послал ясаула Каипа и с ним Кудайбергана-батыря. Прошу мне бумаги пожаловать прислать». На подлинном татарском письме ево, Джанебек-тархана, чернильная печать приложена.

Сентября шестаго на десять числа послано от брегадира Тевкелева Киргис-кайсацкой Средней орды к Джанебек-тархану с ясаулом Каипом письмо, в котором написано: «Почтенной господин Джанебек-тархан, ваше, почтенного тархана, письмо чрез Каипа я получил, и что вы по здорову находитесь, оное мне весьма приятно и надобно. Что же до смерти Абулхаир-хановой принадлежит, то как от его высокопревосходительства тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, так и от меня по первым известиям к высокостепенной Пупай-ханше и к детям ее не только о том, что до них, но и о всем том, еже к народному благосостоятельству принадлежит, довольно уже писано, и на

словах с отправленными отсель переводчиком Яковом Гуляевым, також и с Байбеком, обстоятельно приказано, на что уже от помянутой ханши и от детей ея и ответ получил, чим их доброе в том понятие довольно свидетельствуется. А понеже я ваше почтение и усердие к покойному Абулхаир-хану, следственно, и ко всей ево фамилии совершенно знаю и уповаю, ежели вы по сие время к ханше не поехали, то, получа сие, не оставите туда поспешить, где будучи, о всем том, что ко всенародной пользе и к общему благополучию принадлежит, ис писем, от меня и от его высокопревосходительства отправленных, також и от помянутого переводчика, обстоятельно уведомлены будете, чего я сим не повторяя, ссылаюсь на оные, и желая вам здравия и всегдашняго благополучия, остаюсь». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Сентября осьмага на десять числа послано от брегадира Тевкелева Киргис-кайсацкой Меньшой орды к Попай-ханше и к детям ее Нурали, Эрали, Ходже-Ахметь и Адиль салтанам с киргисцом Итчемясом письмо, в коем написано: «Высокостепенная и высокопочтенная госпожа ханша Попай, а моя дорогая невестушка, и высокопочтенные Нурали, Эрали, Ходжи-Ахметь и Адиль салтаны. Письмо ваше мне весьма приятное чрез Кудайбердея с товарищи я получил и радуюсь тому, что вы в добром состоянии находитесь, а особливо приятно было усмотреть мне из онаго, что все мои к вам доброжелательные советы не только вам довольно понятны, но и приятны явились, наипаче ж то, что вы, высокостепенная ханша, со всеми вашими детьми во всем подвергаетесь высочайшему Е. и. в. соизволению, что я, где надлежит, засвидетельствовать не премину и обнадеживаю вас, купно же и детей ваших и весь ваш народ высочайшею Е. и. в. милостию, в которой по верности вашей никогда оставлены не будете. Между тем же вы, высокодостойной Нурали-салтан, уповаю, к вашей родительнице, прибыли и мое письмо, с людьми вашими особо к вам посланное, получили, также и то все, что я к вашей родительнице писал и с переводчиком приказывал, видеть и слышать изволили. Ваши добросостоятельства и достойные разсуждени, давно уже мне ведомыя, совершенно уверяют меня, что вы при нынешних обстоятельствах паче всего уважите, дабы вам во всех порядках так поступить, чтоб все ваши поступки согласовали с высочайшими Е. и. в. соизволениями, о которых вам отправленной переводчик

и человек ваш Байбек могут обстоятельно донести, ведая, что ваше совершенное и прочное благополучие от высочайшей Е. и. в. апробации и милости зависят. Я же, получа от вас о всем том окончательное постановление, не премину как о ваших собственных, так и о народных пользах истинное мое усердие употреблять, как то и должен есмь, в чем на меня как на вашего друга и доброжелателя извольте благонадежны пребывать.

Что до вас, высокопочтенного Эрали-салтана, принадлежит, то я и вашими поступками не иначе, как равномерно ж и всегда доволен был, а особливо ныне с немалым моим удовольствием усматриваю хвалы достойные ваши резоны, согласные з добрым мнением высокостепенной вашей матери, то наипаче, что вы все то, яко же и самих себя, подвергаете высочайшему Е. и. в. соизволению, и потому я совершенно на вас благонадежен, что вы по прибытии к вам брата вашего высокодостойного Нурали-салтана все ваши дела на таком основании положите, что они будут с моими сообщенными уже к вам доброжелательными мнениями и с высочайшим Е. и. в. изволением и с вашею пользою во всем сходственны, следовательно, и к благополучию вашему прочны. В протчем как высокопочтенным Ходже-Ахметь и Адиль салтанам изъявляю равномерное ж мое усердие и почтение, так и во всех ваших благоповедениях наивсегда, особливо же при нынешних ваших обстоятельствах, доброго предупреждения охотно желаю и остаюсь с моим почтением и доброжелательством». Подлинное подписано рукою брегадира Тевкелева.

Р. S. «По вашему, высокостепенной ханши, требованию, чрез Байбека ко мне сообщенному, что здесь сыскаться могло, отправлено к вам при письме от его высокопревосходительства тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, что чрез вручителя сего и получить имеете, да еще Ходже-Ахметь-салтану на рыбей коже, вышитой серебром, один сайдак посылаю».

АВПРИ.Ф. 122/1. 1748 г. Д. 4. Л. 54—319. Подлинник; ОВА МОН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 220. Л. 95—200; Д. 218. Л. 201—400, Д. 222. Л. 401—600, Д. 221. Л. 601—624. Фотокопия с оригинала.

**[Доношение бригадира А. И. Тевкелева
Коллегии иностранных дел о составлении им
родословных казахских ханов и султанов
и описания родоплеменного состава
Младшего, Среднего и Старшего жузов
от 24 сентября 1748 г.]**

По присланному ко мне из оной высокоучрежденной Государственной Коллегии иностранных дел Е. и. в. указу велено о всех трех киргис-кайсацких орд о ханах и салтанах учинить родословие и означить в том живых одними, а умерших двойными крушками, и при случае прислать во оную Государственную Коллегию. И по тому Е. и. в. указу при свидании моем в Орской крепости с Абулхаир-ханом о вышеписанных киргис-кайсацких в двух ордах, Средней и Меньшой, ханах и салтанах и все фамилии их, сколько они помнить могли (понеже у них письменных записок нет), что с начала владетельных даже до сего времени произошло, и кто помре и ныне в живе, о том поколенную роспись обеим ордам, елико мог наведаться, учинил, которые с нижайшею моею покорностию и прилагаю при сем.

А о Большой орде нижайше доношу, какие прежде были владетельные ханы и салтаны, о том никто ис киргисцов обстоятельно, за неимением у них письменных гисторей, показать не могли. Да и в Средней и Меньшой ордах кроме владетельных ханов и салтанов безместных есть довольно, токмо тех салтанов киргисцы не токмо претков, но и самих мало знают.

Сверх же того нижайше доношу, описал я всех трех орд, сколько киргис-кайсацких родов по званием и как друг от друга разделились и между теми, которые роды сильны и посредственны или безсильны, учиня им обстоятельную опись, при сем же всепокорнейше прилагаю. А для известия впредь и ради знания

владельцев ханов и салтанов и сильных родов ко всяким случаям сообщил и в Оренбургскую губернскую канцелярию.

О сем всепокорнейше доносит Алексей Тевкелев.

Ч[исла] 24 сентября 1748 года из Оренбурга.

Канцелярист Василей Седов

АВПРИ. Ф. 122/1. 1748 г. Д. 4. Л. 11–11 об. Оpubл.: КРО-1. Док. № 154. С. 405–406.

[Поколенная роспись династий казахских ханов и султанов и описание родоплеменного состава трех жузов]

Поколенная роспись Киргис-кайсацкой Меньшей орды ханам и салтанам и всем фамилиям их, сколько от известного начала даже до сего времени произошло, и кто помре, и ныне в живые, об оных значит ниже: о умерших — в двойных, о живых — в одинаких кружках.

Два брата родные: Усяк и Джадик, а от кого они произошли и были ль ханами, и сколько тому лет померли, о том никто не знает [60].

Усяков сын Булякай-Куян. У Булякая сын Айчювак-салтан. У Айчювака сын Ирыш-салтан. У Ирыша сын Ходжа-салтан. У него дети: Токтамыш-салтан, Абулгаир-хан, Булгаир-салтан [61].

У [Токтамыш-солтана] у него дети: Шемай-салтан, Мамай-хан [62], Кучлак-салтан* [63].

[У Абулгаир-хана] от ханши Попай: Нуралы-салтан*, Ирали-салтан*, Ходжаахмет-салтан*, Айчювак-салтан*, Адиль-салтан*. От побочных жен: от калмычки — Чингиз* [64], от башкирки — Карагай* [65]. А кто именем у Нуралы и Урали салтанов дети***, о том киргисцы никто не знает [66].

У Булгаира сын Дунали-солтан*.

У Джадика сын Шегай-хан. У Шегая сын Ишим-хан. У него дети: Джангер-хан, Сырдак-салтан [67].

---

* Здесь и далее по тексту звездочкой помечены имена тех лиц, которые были живы во время составления этой родословной схемы и, соответственно, заключены А. И. Тевкелевым в одинарные кружки (прим. составителей тома).

** Одинарными кружками без указания собственных имен А. И. Тевкелевым обозначены в этой схеме три сына у Нуралы-султана и два сына у его брата Ералы-султана (прим. составителей тома).

У Джангера сын *Тявкай-хан* [68]. У Тявкая сын *Булат-хан* [69]. У Булата сын *Абулмамет-хан** в Туркистанте. У него сын *Булат-салтан** [70].

У Сардака сын *Ксрав-салтан*. У Ксрава сын *Каип-хан* [71]. У Каипа сын *Батыр-солтан**. У него дети: *Каип**, которой живет в Хиве ханом [72]; *Хадаймейте-солтан**.

Канцелярист Василий Седов

Поколенная роспись Киргис-кайсацкой Средней орды ханом и салтаном и всей фамили их, сколько от известного начала даже до сего времени произошло и кто помер и ныне в живые, об оных значит ниже: о умерших — в двойных, о живых — в одинаких кружках.

Букей-хан. У Букея сын *Кучак-салтан*. У Кучака сын *Худаймадай-салтан*. У Худаймадая сын *Турсун-хан* [73]. У Турсуна дети: *Кучак**, *Барак-салтан**. У Барака сын *Шегай-салтан** [74].

Вяли-салтан. У Вяли сын *Аблай-салтан*. У Аблая сын *Вяли-салтан*. У Вяли сын *Аблай-салтан**, который ныне в живые [75].

Канцелярист Василий Седов

АВПРИ. Ф. 112/1. 1748 г. Д. 4. Л. 13, 15, 20, 21; Оpubл.; КРО-1. С. 404—405 (факсимиле рукописи); *Ерофеева И. В.* Символы казахской государственности. С. 116, 120 (факсимиле рукописи).

Опись киргис-кайсацкого народа Меньшей орды, сколько в той орде родов, и им какие звания, и которые роды сильны и посредственные и малосильные, значит ниже сего [76].

Сильной род алчин, а алчин разделяется надвое, то есть каракисяк и байулы.

Каракисяк всех сильнея, и щисляется шесть родов, а имянно: чекли, каракисяк, чюмекей, дюрткара, каракете, карасакал. В сих шести родах владельцем был Абулхаир-хан.

Байулы против каракисяк посредственные, а щисляется двенадцать родов, а имянно: адай, джаббас, алача, байбакты, берч, маскар, тазлар, исентемир, алтин, шихляр, черкес, тана. В сих двенадцати родах Нурали-салтан.

Жедтиру, то есть семь родов, в Меньшей орде самые безсильные роды, а имянно: табын, тама, кердары, керейт, джагалбайлы, тияу, рамадан.

В вышеупомянутой жедтиру, то есть семь родов, соединены вместе при *Тевке-хане*, по такой притчине оные семь родов были поодиночку. А алчинцы, которые разделяются надвое, каракисяк и байулы, и их родов множество, и были пред ними сильны, и алчинцы тех семь родов поодиночку всегда обижали, а тем поодиночке у алчинцов, по их киргис-кайсацкому обычаю, для возвращения своей обиды от них брать баранту были не в состоянии, и всегда они от алчинцов раззорены бывали. И для того вышепомянутые роды просили оного Тевке-хана (которой Тевке-хан тогда жил в Туркестанте), чтоб их от алчинцов каким ни есть способом оборонить. И он, Тевке-хан, был человек умной и у киргисцов в великом почтении: однако хотя почитали, а никакого от него по их обычаю страху не имели, и ево никакой власти не было, и по своему уму тем мелким и адинаким родам иного способу их освободить от алчинцов от раззорения сыскать не мог, но тех всех вышеписанных одинаких родов соединил в одно место и назвал жедтиру, то есть семь разных родов соединены в одно место. И егда от алчинцов из них, хотя одному роду, учинена будет обида, чтоб они все семь родов, соединясь вместе, от алчинцов брать баранту были в состоянии и от того времени и звание они имеют жедтиру, и баранту берут, соединясь, у алчинцов все вместе. Однако, хотя и семь родов в одно место соединены, пред алчинцами весьма безсильны.

А у киргисцов настоящих никаких прав нет и письменного ничего не производится, ежели что и случится, то третейским судом на словах по натуральным правам разводится, и того третейскаго суда выбирают из обеих стран, кого пожелают; токмо тот суд того и пильнует, от кого неправильная обида зачнется, того винным и делают, а неволею никто никого ни же хан в суд привести не может, и в таком случае, ежели кто кого обидел, а добровольно разделаться не хочет, тогда за обидимаго ево род весь вступится и станут брать баранту. А ежели кто обижен и ево род смелея и больше баранту берут, от того, кто обидел, и тою силою привлекают скорей к прекращению ту ссору, и потом тот, кто обидел, принужден будет со всем своим родом искать третейскаго суда, кого из обеих сторон изберут прекратить ту ссору, и обидимое возвратят, а иногда за наглость и штраф наложат; и того суда уже из них никто провергать не может. А больше у них никаких других прав нет, только разводятся третейским судом, и то на словах; а ежели тот обитчик третейским судом добровольно

разделаться не захочет, тогда, кто обижен, ево род весь восстанет, обидимое возвратить барантой принудят.

А Меньшая орда кочует на двух Бурсуках, на вершинах реки Орь и реки Илек и по реке Енбы и ниже Яицкого городка на впадающих речках в реку Яик и даже до Гурьева-городка и до Каспийского моря.

Опись киргис-кайсацкого народа Средней орды, сколько в той орде родов, и им какие звания, и которые роды сильны и посредственны и малосильны, значит ниже сего [77]:

В Средней орде — сильной род *аргин*, щисляется шеснатцать родов, а имянно: *каракисьяк-аргин*, *сарчетем-чакчак-аргин*, *караволкисьяк-аргин*, *атаган-аргин*, *тобоклы-аргин*, *басантеин-аргин*, *канджигал-караул-аргин*, *джанджар-аргин*, *тюртувол-аргин*, *алтай-аргин*, *тебеч-аргин*, *борчи-аргин*, *карпак-аргин*, *агин-калкаман-аргин*, *козуган-аргин*, *кокиал-аргин*. В сих родах владельцами *Барак-салтан* и *Аблай-салтан*.

В Средней же орде — *найман*, щисляется одиннатцать родов, против аргинского роду средственной, а имянно: *ак-найман*, *буранайман*, *булатчи-найман*, *карагирей-найман*, *терстамгалы-найман*, *дюртувол-найман*, *кук-джарлы-найман*, *иргенчкли-найман*, *семиз-найман*, *баганалы-найман*, *садыр-найман*. В сих родах владельцем *Карасакал*, токмо имя ево ныне время от времени меньшеится.

В Средней же орде — *кипчак*, щисляется девять родов и пред найманском роду безсильнея, а имянно: *торы-айгырь-кипчак*, *кук-борон-кипчак*, *туючка-кипчак*, *кытабак-кипчак*, *бултун-кипчак*, *карабалык-кипчак*, *танабога-кипчак*, *кундялян-кипчак*, *узун-кипчак*. В сих родах владельца нет.

В Средней же орде в трех родах *увак*, *гирей* так же соединены от Тевке-хана, как и в Меньшей орде семь родов, и токмо сии три рода, хотя в Средней орде всех родов безсильнея, да всех богатея, а имянно: *увак*, *гирей*, *тараклы*. В сих трех родах владельцем *Абулхаир-хана* сын *Ирали-салтан*, которой, во-первых, был взят в аманаты; к сим вышепомянутым трем родам сами собою пристали один род, называемой *тюлянгут*, а *тюлянгут* значит — ханского двора служители.

И Средняя орда кочует по реке Тобол и по реке Ишим, и на вершине реки Иртыш, и на урочище *Куктав*.

В *Большой орде* десеть родов, все генерально называются *оуйсюн*, а от оногo звание разделилося, и имянуются, а имянно: *ботбой-оуйсюн*, *черм-оуйсюн*, *джанес-оуйсюн*, *сикам-оуйсюн*, *адбансуван-оуйсюн*, *сары-оуйсюн*, *слы-оуйсюн*, *чанечклы-оуйсюн*, *канлы-оуйсюн*, *чалаер*. А владеет ими ташкенской хан [78].

В оной же *Большой орде* один весьма сильной род *конград*, и оной род принадлежит к *Средней орде*, ибо из давных лет от *Средней орды* отстал и кочует з *Большую ордою* вместе, и оной род *конград* разделяется на деветь родов, а имянно: *байлар-джанджар-конград*, *оразгелди-конград*, *кулджегач-конград*, *бочман-конград*, *токбулат-конград*, *яманбай-конград*, *каракуся-конград*, *етимляр-конград*, *куюш-кансым-конград*.

А в *Большой орде* ханов выбирают ис киргис-кайсацких салтанов; а хан у них жительство имеет в *Ташкенте*; ныне у них хана нет, и ханы у них не наследные, но выборные, потому и прежних ханов никто не знает, понеже у них письменной гисторей не имеется.

Канцелярист Василей Седов

АВПРИ. Ф. 122/1. 1748 г. Д. 4. Л. 16–20 об. Огубл.: А. Б. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. 1938. № 2 (87). С. 153–156; КРО-1. Док. № 155. С. 406–407; № 156. С. 407–440.

Экстракт брегадира Тевкелева в бытность ево в Орской крепости о двух киргис-кайсацких Средней и Меньшей ордах по многим с киргисцами разговорам

Меньшая орда, хотя волским калмыкам и руским городам несколько продерзости и делали, однако ныне из них многие оное за весьма худое признавают, рассуждая, что ежели Е. и. в. за их продерзости изволит прогневаться и повелит указом изо всех сторон их раззорять, то-де они до основания могут пропасть. Брегадиру же Тевкелеву и самому о состоянии Меньшой орды и прежде знаемо, ежели оная Меньшая орда хотя одно лето отдалена будет от вершин впадающих речек в реку Яик, то весь скот могут потерять и в убожество притти, и той ради притчины и подращением их нынешним Меньшая орда большим числом к продерзостям ныне, уповательно, дерзать не отважатся, а хотя между тем от нечувствительных людей малинькие шалости, может быть, и произойдут, однако оное не так, как многим числом вредительно будет, да и пресечь вскоре таких издревля замерзлых народов во всем еще невозможно, ибо не токмо в таких необузданных народах, но хотя где и под страхом, но и там такие небольшие шалости довольно бывают; токмо же оная Меньшая орда весьма уже чувствует, и от российского войска страх имеют, и по большей части в Оренбург и торговать ездят. И потом может статья, что та Меньшая орда и впредь с покоем жить уповаеся, к тому же они при нынешней комиссии и сами от брегадира Тевкелева ко своему утверждению немалое себе наставление приняли и стали рассуждать доброе, и по указу Е. и. в. многое исполнять обещали, в чем на высочайшее Е. и. в. имя во всеподданнейшем их прошении значит, а к тому же из сильных родов знатная старшина дали с Айчувак-салтаном детей своих и в оманаты.

А ежели старшина Меньшой орды на каждой год станет с российскими командирами видиться для разговоров о их ординских порядках и притом и наставлении ж и поправлении себе от командиров примут, то потом год от году полутчее будут и установятца и вяще жить с покоем, а ежели на каждой год с российскими командирами видиться не будут, то год от году, дичая и холоднея, быть имеют.

Средней орды кочует малая часть на вершине реки Тобола, а протчие все в урочищах Улутав, Кичитав и Коирчетав, по реке Ишим и на вершине реки Иртыш, от Оренбурга весьма в отдаленных местах, так что дальные не могут в Оренбург и в два месяца поспеть; и за тою дальностию оная Средняя орда в Оренбург и торговать не идет, и тем от российской стороны отдаляются, и от часу на час холоднея становятся для того, что той орды каждого роду старшина с оренбургским командиром на каждой год видиться не могут, а когда, яко дикой народ, с российскими командирами не часто могут видиться, то оная орда не токмо от российской стороны будет холоднея становиться и чуждаться, но и совершенно отстать или отпасть может. А хотя знатная старшина Джанебек-тархан и брат ево Букембай-батырь к российской стороне и доброжелательны, но токмо оне двоя всю Среднюю орду удерживать не в состоянии быть могут, да хотя б случится необходимая нужда и с ними видиться и призывать их к тому нарочно, но и они за дальностию не приедут.

Ныне же в бытность брегадира Тевкелева в Орской крепости ото многих слышать случилось, что зюнгорской владеец Среднюю орду весьма себе собит и посылает своих купцов у россиан товары покупать, и те товары приказывает своим купцам киргисцам продавать без всякой прибыли, чтоб тем киргисцов приласкать и к себе приманить; также аргин-каракиясцкокого роду Котыр-батыр, которой провожал до Оренбурга ташкенской и кашкарской караван, да посланец Абулмамет-салтана аргин-атагайского роду Байазар ему, брегадиру, говорили несколько подобно и тем вышеупомянутым речам, о чем явствует в журнале ево, брегадира Тевкелева, июля 20 числа с ними в разговорах. По тому видно, что зюнгорской владеец той Средней орды крайне домогается, чтоб их к себе привлечи, да уже и аманатов от их владельцев брал, и потому по всем обстоятельствам Средняя

орда от российской стороны время от времени и отдаляться может. И ежели еще несколько также оной Средней орды старшина с оренбургским командиром или с первым членом никогда свидания иметь не будут, или ретко станут видиться, то безо всякого сумнения от российской стороны отстать могут и пристанут к зюнгорскому владельцу, а как оной зюнгорской владелец их чем обяжет и укрепит, тогда трудно или весьма невозможно их будет оттудова оторвать.

А ежели же, паче чаяния, впредь для какой самой необходимой нужды, или возмерится зюнгорской владелец и зделается с ним какая ссора, и разсудиться для высочайшаго Е. и. в. интереса к неупущению весьма позовет нужда, тогда и здешней стороны киргисцами ему, зюнгорцу, никакого вреда зделать будет невозможно, для того Средняя орда людняя, нежели Маленьая, к тому же киргизец с киргисцом рубиться не будут, и тако оная Киргискаая орда вся останется бесполезна.

К тому же ныне Средней орды Барак-салтан убил до смерти Абулхаир-хана, и от страху своего он, Барак-салтан, Средней орды из аргин-каракиясцкоа роду с небольшими людьми ушел к Туркестанту, понеже ему уже от детей Абулхаир-хана в Средней орде жить будет весьма трудно, для того у Абулхаир-хана много детей, а Барак-салтан один, к тому же почти весь Киргис-кайсацкоа Маленьой орды народ Абулхаир-хана детей любят, и той ради притчины он, Барак-салтан, принужден будет Среднюю орду, сколько возможно, домогаться, интриговать от российские стороны отдалять, и к себе туда привлекать, или уже по необходимости будет искать протекцию зюнгорского владельца, ибо он и прежде зюнгорскому владельцу сына своего в аманаты давал.

Ежели же Среднюю орду до того не допустить, чтоб зюнгорской владелец чем их не обязал и не укрепил, и обеим ордам быть на одном основании, то в таком случае уповательно, сия Киргис-кайсацкая орда многими полезными обстоятельствами в подданстве Е. и. в. находиться могут.

Каким же образом сию Среднюю орду до того не допустить и от зюнгорской стороны оторвать и отдалить, на оное бригадир Тевкелев свое нижайшее и всеподданническое мнение приносит следующие.

Понеже иным никаким образом от зюнгорской стороны Средней орды киргисцов и их владельцев отлучить ничем не можно,

кроме того, что сделать в Орской крепости другой торг, а их того какая к высочайшему Е. и. в. интересу может воспоследовать польза, значит ниже сего:

1-е. Когда в Орской крепости учрежден будет торг, тогда что ныне в Оренбург збирается пошрины, тамо добрым смотрением соберется гораздо больше по тому резону, что Средняя орда людством больше и богатея Меньшой орды, и лошадей и пушных зверей в Средней орде больше же и лутчее, следственно, и пошлина збираться будет более, а в Оренбург из Средней орды для торгу ни один киргизец за дальностию не ездит, разве по самой необходимой крайней нужде, и то пять или десять человек, а большим числом своею волею отнюдь никто с торгом не приедет; а в Оренбурге торгует только Меньшая орда, да и та не вся, но те, которые вниз по впадающим в реку Яик по рекам кочуют, а от дальных мест и Меньшой орды ездят не все.

2-е. А как делается в Орску торг, то Средняя орда вся в прочие места никуды не пойдут и до одного человека в Орскую крепость торговать придут, как о том Средней орды и знатная старшина Джанебек-тархан при свидании с бригадиром Тевкелевым в Орской крепости июля 21 числа между прочим при многих Средней орды старшинах говорил: егда торг был в Орской крепости, тогда не только мужеской пол, но и женщины на торг ездили, почему не сумнительно можно и надеяться, что Средняя орда всегда торговать и ближе кочевать к Орской крепости будет, а хотя б их Средней орды владетельные салтаны для некоторых их интересов оттудова сами б отстать и не хотели, но когда в Орской крепости торг учрежден будет, тогда их владетельные салтаны туда неволею киргисцов отвратить власти не имеют и не могут, ибо как киргис-кайсацкой народ свой интерес увидят, в то время своих владельцев нимало они не послушают, и тем Средняя орда от зюнгорской стороны и отдалиться может.

Сверх того, егда же в Орской крепости повелено будет учредит торг, то по всепокорнейшему и слабейшему мнению же бригадира Тевкелева усматривается таким порядком установить.

3-е. На первой год сделать квадратной деревянной гостиной двор неподалеку от крепости, а в нем в каждой стене по сту, а всего четыреста б лавок было, а на четырех углах сделать башни и поставить на них по две пушки, а за те лавки с купцов кругом по десяти рублей полавочных денег брать, и того будет по четыре

тысячи рублей на годе, а на другой год зачать делать каменной гостиной же двор и тако, ежели каменной гостиной двор, зделается, то в пять лет окупится, а купцы безо всякой опасности и зимою в том гостином дворе жить и торговать будут, чего ради и киргисцы Средней и дальные Меньшой орды от Орска зимою недалеко кочевать принуждены быть имеют и торговать станут.

У киргисцов же всегда такие обычаи, когда они к которому городку близко будут зимовать, то уже никакой шалости не делают, но еще от других от дальных воришков от кражи лошадей сами берегут, токмо для всяких притчин необходимо нужно зделать каменной гостиной двор, которой не только для протчих случаев, но и от огня безопасно быть может, а российским купцам в Орск с товарами ездить нимало и никакой опасности не будет, для того купцы все станут ездить с товарами по последнему пути зимою или весною в водополие, тогда от киргисцов никакого нападения быть не может, да и канвой давать от крепости до крепости нетрудно, к тому ж по нынешним обстоятельствам от них явных продерзостей и быть неуповательно.

4-е. Егда же в Орской крепости торг учредится, в таком случае потребно многих ради резонов несколько и военных людей тут прибавить, а имянно Казанского гарнизонного драгунского половина полка, понеже оной полк нигде и дистанции не имеет, а хотя б и всему полку тут быть, но за неизлишней для того, ежели при торгу с киргисцами может случиться у русских купцов за что ни есть ссора, и от того драка, а как в крепости гарнизон будет людной, тогда киргисцы столько нахалливо поступать отвагу иметь не посмеют, також-де ежели нужда будет держать баранту и в таком времени, что больше гарнизона, то им, киргисцам, страшней будет. К тому же Орская крепость имеется за рекою Яиком в киргиской стороне, ежели от чего, боже храни, паче чаяния, от киргисцов какое злое намерение будет, тогда оной народ прежде других всех крепостей могут на оную Орскую крепость напасть, а когда в той Орской крепости будет гарнизон довольной и дадут достойной отпор, тогда от того страху не токмо на другие крепости, но и на редут напасть отвагу не будут иметь, да и сами они, киргисцы, от Орской крепости будут великой страх иметь, зная то, что егда за их продерзости, ежели указом повелено будет российскому войску их раззорять, тогда ни откудова так не способнее и не ближе, как из Орской крепости на них иттить; и то ради притчины в Орской крепости,

которая имеется артилерия со всем снарядом, всемерно полезнее и впредь ей быть при том месте.

5-е. Да в бытность бригадира Тевкелева в Орской крепости июля 6 числа Киргис-кайсацкой Меньшой орды роду чекли доброжелательны старшина Кара-батыр бригадиру Тевкелеву между протчих разговоров объявил, как он, Кара-батыр, своим улусом зимовал на реке Ембы, не весьма далеко от Гурьева-городка и в том-де Гурьеве-городке киргисцы очень изрядно торговали и привезенные из Астрахани товары весьма покупали дешево, сверх же-де того наилучшей был торг: меняли на скотину, на лисиц и на корсаков калмыцких робят — девочек и мальчиков человек с сорок, и знатно-де калмыцких робят продавать запрещено, ибо отвозили от городка далеко и отдавали тайно; а на предыдущую-де весну киргисцы великую охоту имеют в Гурьев же городок торговать ехать, а паче-де для калмыцких робят.

И на оное бригадир Тевкелев приносит свое мнение ж, хотя в Орской крепости торгу быть будет велено или не повелено, оное состоит в вышнем разсуждении, однако для высочайшей Е. и. в. интересной пользы в Гурьевом городке торгу быть не токмо полезно, но и вредно, потому: 1-е — немалое число пошлины пропадает, 2-е — оренбургскому большому числу товару цену испортят, из чего российским купцам может приключитца и раззорение; 3-е — ежели они в Гурьевом городке будут торговать, то калмыком детей своих тайно продавать отнюдь никак будет унять невозможно; 4-е — как они приметят, что скудные калмыки близко их живут, на них нападут, от того зделается с калмыками ссора, и ту ссору разбирать немалое нанесется затруднение, того ради не соизволено ль будет ради вышепоказанных резонов в Гурьевом городке с киргисцами иметь торг весьма запретить, и о том послать в Астраханскую губернскую канцелярию указ.

6-е. По учреждении ж в Орской крепости торгу всемерно надлежит Оренбургской губернии первому члену тамо каждой год до осени быть, чтоб Средней орды со владельцами и старшинами свидание и обо всех делах разсуждение иметь, и о торгу попечение, и порядок учинить, тогда киргис-кайсацкие старшина частыми свиданиями время от времени будут лутче чувствовать и знать российские порядки, а особливо сами старшина привыкать и с российскими людьми помиляе обращаться, а потом и простой народ мало по-малу от зверских своих поступок, хотя и

не вдруг, однако станут отвыкать и к добрым порядком приступать. А ежели ж необходимо случится нужда с ханом и со всеми владетельными салтанами и обоих орд старшинами оренбургскому главному командиру видиться, а всех их вдруг в Оренбург собрать отнюдь невозможно, в таком случае и оренбургскому главному командиру и самому в Орскую крепость ехать его чести будет непредосудительно, для того и объявляя сей резон, что оренбургской главной командир свою губернию не всегда, хотя со временем везде самому ездя, все порядки должен освидетельствовать, ежели, что усмотришь попорчено или чего не достанет, и он, яко полномочной главной командир, усмотря, может поправить и пополнить, а она вся Киргис-кайсацкая орда состоит под дирекциею Оренбургской губернии, следственно, и Орскую крепость, и учрежденной торг, також и Киргис-кайсацкую орду осмотреть и к лутчим порядком наставление дать должен же, как и в бытность брегадира Тевкелева в Орской крепости при свидании Киргис-кайсацкой орды с старшинами во многих разговорах, подобно тому других губерниях случалось изъясняться.

7-е. Сколькo б не трудиться киргис-кайсацкого народа от продерзостей удерживать и в подданническое послушание скорым временем привести, никак неможно, а именно без удержания баранты, о чем в Орской крепости при свидании Нуралы-салтан, в разговорах с брегадиром Тевкелевым довольно изъясняя, говорил и письмом своим подтврдил, что киргис-кайсацк без баранты унять и от зла удерживать никак ничем невозможно, ибо и у них судебных учрежденных мест нет, по указом исполнять и по челобитчиков делам призывать некуда, да и посылать неково, и не послушаются, а егда будут ослушны, то для таких ослушников у них нет же тюрьмы и приказа, и за ослушание наказать нечем, и оттого и страху не имеют, а понеже-де оная баранта им, киргис-кайсаком, отнюдь не дика, для того у них у самих издревле в обычае есть и всегда употребляется, ежели кто от кого обижен будет, только в том у них людей не ловят потому, что под караулом держать негде, но вместо того отгоняют довольно число скота и тем способом барантоу сатисфакцию сыскивать и обиды возвращают, о чем у Нуралы-салтана з брегадиром Тевкелевым о баранте довольно разговоров было, и значит в журнале 31 числа июля.

8-е. Когда же киргис-кайсаков за какие ни есть продерзости или за неисполнение потребно будет удержать баранту, то в

одном Оренбурге удержать будет неспособно, для того в Оренбург киргис-кайсаки не изо всех родов торговать ездят, ежели в одном Оренбурге станут баранту удерживать, то уже в Оренбург торговать никто не приедет. Для того весьма надлежит и полезно есть в Орской крепости другой торг учредить, как и прежде тамо было, и по учреждении в Орской крепости того торгу Средней орды ни одного роду не минуют, чтоб торговать не ездили, да и из Меньшой орды, которые за дальностию в Оренбург торговать не ездят, и ныне все поблизости в Орскую же крепость будут торговать приезжать; а когда потребно будет которого роду баранту удержать, то во обеих местах можно, где способ даст, удержать — в Оренбурге или в Орской крепости, а хотя б в Орской крепости и всегда баранту удерживали, но затем торговать ездить не перестанут, ибо для близости отстать не могут, яко им к тому тут и место придано. А ежели у киргисцов баранты не держать, то в послушание их привести и к надлежащему исполнению принудить, и от продерзостей удержать, и ни в какой порядок привести без баранты будет невозможно, да и то не всегда случится, разве когда самая крайняя нужда дозволит, однако и то с резонем. Да не токмо владельцы ту баранту желают, но и все доброжелательные старшина сами на то склонны, к тому же несколько и брегадир Тевкелев мог примечать, что старшина, хотя сами о том не зачинают говорить, а когда владельцы говорят о баранте, то нимало за противность не принимают, но еще к тому себя склонными видом показывают, ибо у них у самих то и право, что баранта, и чем меж собою развесть ссоры или обидимое возвратить, кроме баранты, у них других никаких прав нет; а когда баранту у них удерживать будут, то уповательно, и шалости они делать перестанут, потому что баранта не токмо в таком необузданном и в самовольном народе весьма потребна, но и необходимо нужна.

Понеже Аюка-хан калмыцкой был почти самовласной хан, и что хотел, над калмыками то и делал, и отнюдь никто не противился, и тут без баранты и он, Аюка-хан, обойтись не мог и своею властью не все ж дела у себя разрешал, но многим челобитчикам калмыкам давал за печатью своею письма того улусу, в котором ни есть городе, на базар праваго б калмыка в баранту одержать, тогда правые немедленно виноватаго сыскивали и скорейшей роздел деловали; коль-ми же паче в таком самовольном и

необузданном киргис-кайсацком народе, где владельцы нима-лой силы и власти не имеют, необходима баранта и быть по-требна.

9-е. Понеже ныне Абулхаир-хан убит до смерти Средней орды от Барак-салтана, а вместо ево главным ханом по их обычаю одному быть из солтанов, необходимо надобно, а для высочайшей пользы Е. и. в. и весьма надлежит, да и немало служить может, чтоб оной главной хан указом Е. и. в. определен был, а не их киргис-кайсацкого народа мирским выбором. Ежели же при таком нынешнем способном случае в Киргис-кайсацкой орде главным ханом однажды Е. и. в. указом определить, то и впредь тот порядок нерушимо быть имеет, и оттого многие и государственные полезные дела происходить могут, и каким образом таких издревле к самовольству обыклых народов на оные порядки склонить или принудить, понеже таких степных необузданных народов ежели силою к тому привести, и оное с немалым ущербом и с великим трудом совершиться будет. И хотя в бытность брегадира Тевкелева в Орской крепости со многими старшинами о салтанах и о ханах были разсуждении, а между теми Абулхаир-хана с шурином, а ханши Попай с родним братом Мурзатай-батырем (которой к брегадиру Тевкелеву приезжал посланцом от Нурали-салтана) о том были довольные разговоры, о чем значит брегадира Тевкелева в журнале июля 23 дня. К тому же по смерти Абулхаир-хана ханша Попай и письмами своими дала знать о смерти мужа своего к тайному советнику и ковалеру господину Неплюеву и брегадиру Тевкелеву, и на оные ее письма и ответы посланы и с тем протекстом отправлены с письмами тайного советника и ковалера господина Неплюева и брегадира Тевкелева переводчик Яков Гуляев, сакмарской старшина Кубек Байназаров и Орской крепости казачей атаман Смаил Абрезяков, да к ним придан особо верной и доброжелательной киргизец Байбек-батыр, которым дано на словах довольное наставление, а особливо Байбек-батырю секретно приказано, чтоб Байбек, яко от себя, внушал ханше Попай и Нурали-салтану и всем знатым старшинам, дабы они, хотя сами и назначат Нурали-салтана ханом, однако б в народ ханом ево не объявляли и чтоб просили о том Е. и. в. за верные службы Абулхаир-хана со всею ордою вместо ево пожаловать большего сына Нурали-салтана в ханы, понеже по их обычаю вместо отца старшого сына выбирают, и

хотя оное, может быть, и зделается, киргис-кайсацкие старшина ево, Нурали-салтана, в ханы назнача, в ханы и будут Е. и. в. просить, однако и оное еще не весьма довольно, что таких ветерных народов их застарелое самовольство из головы тем выбить скоро неможно.

И на оное брегадир Тевкелев всеподданнейше приносит свое рабское мнение ж, ежели всемиловстейше повелено будет ныне указом учиненному хану определить годовое жалованье с таким порядком, когда указом Е. и. в. оному хану жалованье на каждой год определится, тогда ему объявить письменно, что он, хан, должен сам для принятия Е. и. в. жалованья каждой год приезжать в Оренбург или в Орскую крепость (ежели тамо торг зделается) и отдавать ему самому роспискою, а которой хан писать не умеет, вместо ево росписаться писарю, а он чтоб печать свою приложил; и то народу объявить, что оное жалованье определяется токмо на ханскую персону, и потому он, хан, будет знать, что он действительно в ханы указом определен. А когда он, хан, зделается больным и за жалованьем ехать в показанные места не может, и то жалованье ему в орду отнюдь не посылать, и как выздоровеет, хотя на другой год, чтоб сам, приехав, за два года получил. А как он, хан, от той болезни не взяв своего заслуженного жалованья, умрет, и после смерти его оное жалованье выдастся жене или наследником ево, и то разсуждается, что весьма к пользе высочайшаго Е. и. в. интереса немало служить может, понеже новой хан будет иметь добрую надежду, а умершаго хана фамилия останется благодарна, а впредь ханов без указа сами собою выбирать уже у них такие самовольные регулы могут оставляться. А егда хан приезжать будет на повеленное место для принятия жалованья, и от него, хана, киргис-кайсацкие знатная старшина отнюдь не отстанут, с ним все несумненно приедут; и когда ж хан и старшина за жалованьем приедут, и тогда и об ординских делах рассуждать будет способней.

10-е. Киргис-кайсацкие ж ханы от своих народов регулярных положенных никаких доходов не получают, потому они и бедны и неправду делать принуждены, для того никакого пропитания не имеют, а когда он, хан, жалованье будет получать и по их обычаю старшинам роздаст, то уже те старшины должны сами быть ево кормить, и во всем снабдевать, и отчасти ево и слушать, а он, хан, может Е. и. в. такую высокою к нему милость чувствовать

и со всякою ревностию служить верно; и тако за полезно рассуждается, чтоб во всех в двух ордах указом определенной был один хан, было б на ком чего спросить, а владетельных салтанов, как они и прежде у себя определили и впредь будут в которые улусы определять, оное за противно не признается, только им хана самим собою выбирать, ежели возможно будет, отнюдь не надлежит допустить, а от того их ничем удержать невозможно, как определением главному хану жалованья.

А ежели же указом определенной хан каким-либо ни есть образом злое намерение себе возмут, и когда достоверно оное окажется, и ево достать или поймать будет невозможно, в таком случае Е. и. в. определенное ему жалованье, объявляя резоны, от него отрешить, и из владетельных солтанов одного достойного и доброжелательного можно на ево место учинить ханом и жалованье тому определить.

11-е. Буде же прежней хан, которой будет отрешен, явится весьма злодеем и будет оное продолжать, и тогда, если милостию рассудится, сей способ употребить: на место того злодея хана, которой из салтанов указом определен будет ханом же, тогда, когда надобно ему, объявить указом ханство кроме определенного ему жалованья; ежели милостию Е. и. в. некоторою суммою в то время ево при всех старшинах, чтоб они видели, наградить, для того оной суммы у него ничего не останется, ибо он принужден всю роздать старшинам, а потом старшина уже и сами принуждены будут ему помогать и ево сторону держать. Тогда оной вновь зделанной хан для получения ханства и жалованья почтится и будет в состоянии, того злодея поймав, отдать в российские оренбургские крепости, где способнее; или постарается убить до смерти, а по последней мере в дальние места прогонять, откудова никакова вреда делать не может; потом уже оной вновь учрежденной главной хан впредь сам, а по нем и другие указом определенные ханы, видя того такие зломысленные дела, делать уповательно не отважатся.

Токмо весьма того потребно в тонкость наблюдать и подлинно достовериться, что не напрасно ль ревнуй на ево жалованье и желая ево место себе получить, ради ненависти из салтанов, или которые старшина в своем улусе держать какого солтана будет и интриговать, якобы он делает противно указом, чтоб ис того безвинно и напрасно доброй человек от пасквилев не пропал.

А ежели же суще явится плутом и злодеям, тогда не токмо ево не жалеть, но надобно все способы употребить, дабы ево искоренить до основания.

12-е. Киргис-кайсацкой же весь народ Абулхаир-хана не возлюбили, когда он по прошению ево в 1731 году принят в подданство Российской империи, а после принятия их в подданство, как стали жить з благополучием, то оной же киргис-кайсацкой народ крайне ево любили и почитали, а как ныне Абулхаир-хан убит от Барак-солтана до смерти, толь тяшко об нем сожалеют и тужат, и многих видеть случилось, об нем рыдаючи, неутешно плачют и толь на Барак-салтана за то злобствуют, видно из них, что ежели б ево, Барак-салтана, они могли достать, всемерно б убили до смерти, и многие в разговорах представляют те резоны, что сие неизреченное благополучие киргис-кайсацкому народу достал и нашел Абулхаир-хан, и при том же и то разсуждают, что по смерти ево, Абулхаир-хана, ежели киргис-кайсацкой народ отстанут от детей ево, то-де им будет от бога грех, а от людей стыдно.

И по всему видно, что Меньшей орды генерально весь киргис-кайсацкой народ и несколько из Средней орды склонны вместо Абулхаир-хана выбрать в ханы большого сына ево Нуралы-салтана, как в том и уповательно, что по домогательствам тайного советника и ковалера господина Неплюева и брегадира Тевкелева, и по наставлением их, посланным от них к ханше и детям ее, и всему киргис-кайсацкому собранию как ханша, так и дети ея и вся старшина склонятся ж и к Е. и. в. послать с прозьбою всеподданнейшее доношение, чтоб вместо Абулхаир-хана всемиловитвейше пожаловать в ханы помянутого ж Нуралы-салтана.

А хотя ныне оное и зделается, что по прошению киргис-кайсацких старшин он, Нуралы-салтан, указом и пожалован будет, однако по прозьбе киргис-кайсацкого народа так твердо не будет, как определится ему жалованье для того, ежели впредь зделается Нуралы-салтану смерть, в то время какие конюкторы происходить будут и станут ли впредь старшина о том просить или нет, ныне знать невозможно.

А как определено будет жалованье, тогда хотя б и всем народом пожелали сами собою без указу выбирать в ханы, но тот салтан и сам без указу от них ханства уже не примет, разсуждая о том, что ежели примет он от народа без указу ханство, то может

лишиться Е. и. в. милости и получаемого прежними ханами жалованья, да и сами старшина не захотят, чтоб хан их от жалованья отрешен был, для того что собственной их интерес, понеже у киргис-кайсацких старшин издревле обычай есть, что хан откуда мог себе получить пожиток, то он, хан, принужден оной пожиток всем старшинам разделить.

13-е. К тому же разсуждается, оное и еще с немалою пользою произойти может, ежели, паче чаяния, когда с зюнгорцами или с какими с другими народами зделается какое сражение, то уже тому хану, которой жалованье станет получать по указу, итти в поход с войском своим отрекаться ему будет трудно, да и старшина ево, егда от границы их неподалеку будут, от того уповательно отговариваться не весьма станут, а ежели вдаль, то необыкновенному народу сперва несколько, пока они к тому привыкнут, покажется тягостно.

14-е. Ежели когда по прошению киргис-кайсацкого народа указом Е. и. в. Нурали-салтан пожалован будет ханом, тогда не соизволено ль будет побочных детей Абулхаир-хана в аманаты брать отменить, ибо после Айчувак-солтана возмется Адиль-солтан, а на место Адила-солтана уже взять на смену Нурали-солтанова сына, понеже Нуралы-солтан кровного своего сына, а ево родные братья по крови ж своего родного племянника всегда сожалеть будут, да и знатная старшина своих детей с сыном Нурали-солтана с охотою в аманаты дадут. А ныне Абулхаир же хана побочных детей рожденные от Попай-ханши дети по их обычаю хотя братьями и будут признавать, только они не столько им будут сожалетельны и по смерти Абулхаир-хана со оными побочными детьми знатная старшина своих детей в аманаты не отдадут; у Нуралы же солтана дети хотя невелики, однако трое сыновей и Адиль-солтана годится сменить большой сын, а к тому и те дети без нужды поспеют сменяться.

15-е. А когда соизволено будет в Орской крепости другой торг учредить, то немалой денежной доход имеет быть, да и с того и ханское жалованье давать никакова убытка не будет, но и кроме того Е. и. в. высочайшему интересу многие полезны дела воспоследовать могут.

И брегадир Тевкелев по присяжной своей должности и по всеподданнической верности, сколько мог примечать и усмотреть, и выразуметь к пользе Е. и. в. высочайшему интересу, на то

сим всеподданнейше и доносит, и оное повелено ль будет Е. и. в. указом в действо произвести или оставить, все то состоит в мудром разсуждении высоко учрежденной Государственной Коллегии иностранных дел.

АВПРИ Ф. 122/1. 1748 г. Д. 4. Л. 36–49 об. Подлинник; 1722–1755 гг. Д. 1. Л. 45–67. Копия; ОВА МОН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 220. Л. 60–87. Фотокопия с оригинала; Д. 172. Л. 87–131. Фотокопия с копии.

**Сначала какое высокое разсуждение было
и с пользою признано киргиз-кайсацкие орды
в потданство Российской империи о принятии
способы искать**

В 1722 году при Е. и. в. блаженнии и высокой славы достойня памяти государе императоре Петре Великом был я, нижайшей, в Персицком походе [79] старшим перевотчиком в секретных делах, и по возвращении ис Персицкого похода Е. и. в. государь император Петр Великий изволил иметь желание для всего отечества Российской империи полезное намерение в приведении издревле слышимых и в тогдашня время почти неизвестных обширных Киргиз-кайсацких орд в российское потданство и высокою своею монаршею особою меня, нижайшего, к тому употребить намерение имел с тем, буде оная орда в точное потданство не пожелает, то стараться мне, несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона держать, но токмо, чтоб только они одним листом под протекцыею Российской империи быть обязались; ибо как Е. и. в. государь император Петр Великий, в 722 году будучи в Персицком походе и в Астрахани, чрез многих изволил уведомиться об оной орде, хотя-де оная Киргиз-кайсацкая орда степной и лехкомышленной народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная-де орда — ключ и врата [80]; и той ради притчины оная-де орда потребна под российской протекцыей быть, чтоб только чрез их во всех азиатских странах комоникацью иметь и к российской стороне полезные и способные меры взять. И ежели же моими трудами оная орда приведена будет в российское потданство, то соизволил Е. и. в. изусно мне милостиво объявить, за то я, нижайшей, от Е. и. в. к немалому награждению удостоен буду; но токмо оное за кончиною Е. и. в. тогда в действо не произведено.

А в 1730 году при жизни блаженнии памяти государыни императрицы Анны Иоанновны последовал к произведению по-

ложенного государем императором Петром Великим намерения хорошей случай, ибо Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан сам прислал посланцев с прошением о принятии их в российское потданство, к которому случаю ко исполнению его монаршего намерения употреблен и отправлен был я, низжайшей, з грамотою ко оному хану для принятия их в российское потданство, где по приезде моем Абулгаир-хану, салтанам и всем знатным старшинам вручил грамоту. Но знатные старшины, уведав о приезде моем для принятия их в потданство Всероссийской империи, на онога хана и на меня, низжайшего, востали в защищения той вольности, которою оне пользовались с начала их народа и без наималейшей притчины оные лишатся, и приписывая безрассудно оному хану и мне то в вину, устремлялись меня, низжайшего, и Абулгаир-хана лишить неоднократно жизни. Но я, низжайшей, не щадя своего живота, единственно желая отечеству своему верную услугу показать, подвергая близ двух лет всегда себя смертельным опасностям и голодному терпению, и неусыпными трудами свыше данной мне, низжайшему, инструкцы, ведая их обычаи и нравы, к тому все возможные способы употребляя, всю орду склонил таким щастливым успехом и в такое точное подданство привел, что в потребном случаи против неприятелей Российской империи готовым быть, а во время военного случая в тамошних краях, сколько возможно, и войска дать. И в верности хан, салтаны и старшина присягою по их обычаю утвердили, и из детей ханских и старшинских в аманаты взял, кои и поныне с переменою в Оренбурге находятся.

Ведая ж я, низжайшей, означенных степных народов древные лехкомышленные обычаи и нравы, и к вольности привыкших, и чтоб такая новость их не возбудила и впредь поколебать, представлял хану, салтанам и знатным старшинам о постройке по близости их кочевья города, от чего, толкуя им, многие разные ординские их пользы в торгу и протчие последовать могут (а в самом деле, чтоб положить на них узду, чтобы они впредь всегда непоколебимо в верности и в послушании были), на что он, хан, со всею ордою склонясь и признавая оное представление мое полезным, просил Е. и. в. государыни императрицы Анны Иоанновны письменно о постройке на устье реке Орь города. А при отправлении моем в Киргиз-кайсацкую орду на дорожной мне, низжайшему, проезд из Государственной Коллегии иностранных дел дано

только пятьсот рублей, да хану и всем киргизцам в подарки на тысячу на пятьсот рублей товару, да издержанных мною, будучи в орде, заплачено ис казны-з девятсот рублей, а всего мною издержано в орде казенных денег и с теми, что мне на проезд дано, пятистами рублями, две тысячи девятьсот рублей.

Будучи же там в Киргис-кайсацкой орде, я, нижайшей, взятых в плен ими, киргизцами, и каракалпаками русских и иноверцов потданных российских не менее осмисот человек освободил и еще при себе ис Киргис-кайсацкой орды в Россию отослал. И по оному ханскому прошению город Оренбург по возвращении моем из Киргиз-кайсацкой орды построить в 1733 году проектировал статской советник Кирилов, которому тогда еще, будучи тайным советником, что ныне граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, признавая к Российской империи полезным о постройке города Оренбурга, ево, Кирилова, подкреплял и руководствовал, почему уже построили оной город Оренбург и протчие крепости мы со оным Кириловым двоя.

А по построении города Оренбурга чрез короткие годы от приезжих изо всей Российской империи на знатских купцов таковой произрос плод, что каждой год в Российскую империю немалое число золота и серебра входит, и немалая же сумма пошлин збирается, а потом и целая губерния учреждена, и чрез то российские границы от набегов означенных орд и протчих народов, от которых в прежних давних годех, пока оныя Киргис-кайсацкие орды были в российское потданство не приведены, и город Оренбург не построеных, хотя тогда армейских не менее четыре полка на фарпостах содержалось ежегодно, Казанского уезду из Закамских мест от пяти до десяти тысяч и более российских потданных в плен брали, приведена в безопасность, так что ни единая душа ныне не пропадает, но напротив того взятые в полон в прежние годы пленники выбегают, к тому же, что часто и бунтующим башкирцам в узду служат, как то уже и действительно оказалось.

А в 1741 году Киргиз-кайсацкой орды Абулгаир-хан по ссоре с Неплюевым восемь лет не отдавал на смену сыну своему в аманаты других детей своих, и сам он, хан, в Оренбург не приезжал с ним для свидания; и от того многие затруднения, беспокойства и опасности тогда происходили, и той ради важной притчины по представлению тогдашнего канцлера графа Бестужева-Рюмина,

а по именному указу в 747 году посылан я, нижайшей, был для увещевания онго хана с тем, чтоб он отдал в аманаты на смену сыну своему другова сына своего, почему тогда он, Абулгаир-хан, мною чрез немалые труды и уговорен, и потом он, Абулгаир-хан, в 748 году на смену своему сыну другова любимова сына своего, да с ним знатных старшинских детей в аманаты и отдал; и потому после того ежегодно со сменою в аманаты детей ханских и старшинских в Оренбурге отдавали.

А оная Киргиз-кайсацкая орда состоит в трех званиях, то есть: Большая, Средняя и Меньшая орды, ис которых Средняя орда больше, сильнея и богатея тех двух орд, а кочуют по Сибирской дистанцы до Иртыша-реки, в степях в дали за Тоболом-рекою; а владельцом у них Аблай-солтан, от которого ныне здесь имелися посланцами двоя солтанов, и от оной Средней орды, и от Аблая-салтана тогда за скоростию аманаты были не взяты и ныне не имеется.

А Меньшая орда поменьше Средней орды, а гараздо больше Большой орды, и оныя кочуют по Яику-реке, от Гурьева-городка даже до устья Сыр-Дарьи-реки, коя впала в Аральское море, а владельцом у них Абулгаир-хана сын Нуралы-хан, которой ханом после смерти отца ево в 749 году вашего императорского величества указом пожалован, которого отец Абулгаир-хан изначала российское потданство принял.

Сие обе орды генерально все в потданство российское мною, нижайшим, приняты и присягою утверждены. А в двух ордах, Средней и Меньшей, на конь сядут в нужное время вдруг со сто с тридцать тысяч человек, а в резерве останется в запас и еще столько же военных людей.

А Большая орда меньше гараздо и Меньшей орды, кочуют оныя от России в дали между Туркустана и Ташкента, но токмо оной Большой орды не все в потданство приведены, однако несколько, которые близ Средней орды кочуют, те к присяге приведены; а оных Большой орды не бодея на конь сядут дельных людей к войне только з дватцеть тысяч человек.

И по возвращении моем из оной орды в 734 году Е. и. в. государыней императрицей Анной Иоанновной пожалован я, нижайшей, ис перевотчиков в полковники с армейским полным жалованием. А хотя мне, нижайшему, и от Е. и. в. государыни императрицы Анны Иоанновны за вышеписанные мои верные

труды и смертельные страхи немалое награждение было милос-
тивно и обещано, но только же за кончиною Е. и. в. то безо всего
так же осталось. А в 742 году за прикращение башкирского бунта
и за труды мои, что я определен был приставом при персицком
полномочном после, пожалован я, низжайшей, Е. и. в. государыней
императрицей Елисавет Петровной ис полковников в брегадиры,
а в 755 году Ея же и. в. государыней императрицей Елисавет
Петровной пожалован я, низжайшей, из брегадиров в генерал-
майоры.

АВПРИ Ф. 122/1. Д. 1. 1722–1755 гг. Л. 2–5. Подлинник;
ОВА МОН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 172. Л. 4–10. Фотокопия с оригинала.

Журнал генерала-майора Тевкелева по Киргис-казацкой комиссии 1757 года

1757 года Журнал по порученной в Оренбурге генерал-майору Тевкелеву Коммисии по делам Киргис-Кайсацким с приложением приходных и расходных книг деньгам и вещам, употребленным по оной Коммисии под литерами К.Л.М.Н.О.

Генералом-майором Тевкелевым по порученной ему коммисии учинены нижеследующия определения.

1-е. **Генваря 20-го числа**, что прошлого 755 года сентября 25 числа при указе Е. и. в. из Государственной Коллегии иностранных дел прислан к нему, генералу-майору, с инструкциею о порученной ему коммисии той Коллегии подканцелярист Данила Бахматов, которой им, генералом-майором, потребности ево при той коммисии и удержан, при коей будучи он, Бахматов, находился с ним, генералом-майором, в отдаленных степных и протчих местах безотлучно и по должности своей употреблял себя с ревностным усердием порядочно, и тако быв он, Бахматов, всегда в отлучках не без крайней нужды и принужден был себе иметь, следственно, и излишней убыток нести. По состоянию же ныне порученной ему, генералу-майору, коммисии дальней потребности в нем, Бахматове, уже не настоит, почему он, Бахматов, и отпускается обратно в Государственную Коллегию иностранных дел при доношении; того ради и дабы он, Бахматов, в крайнем недостатке себя иметь не мог, за понесенную им нужду выдать ему, Бахматову, в награждение не в зачет третное, поскольку ево жалованье, а имянно, дватцать шесть рублей шездесят шесть копеек, две трети с вычетом по указу на госпиталь по копейке с рубля дватцети шести копеек дву третей, и о той выдаче, яко же и о записке оных денег в расход, а вычетных в приход к обрета-

ющемся при казенных вещах и денежной казне щетчику сержанту Белоусову дать приказ, о чем и Государственной Коллегии иностранных дел в посланном о нем, Бахматове, доношении всепокорнейше донести.

2-е. **25-го числа**, чтоб отправляющимся ныне от него, генерала-майора, с нужнейшими представлениями в Правительствующий Сенат и в Государственную Коллегию иностранных дел, а именно: в Правительствующий Сенат находящемся при порученной ему, генералу-майору, Пограничной киргиз-кайсацкой комиссии в толмаческой должности отставному салдату Уразаю Абдулову в Государственную Коллегию иностранных дел той Коллегии подканцеляристу Даниле Бахматову выдать на платеж прогонных денег в один путь, каждому на две почтовые, а обом — на четыре подводы из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, казенных денег, а именно: от Оренбурга до Казани на пятьсот на двадцать на одну версту — по денге на версту — десять рублей сорок две копейки; от Казани до Москвы на семьсот на тридцать на пять верст — по денге ж на версту — четырнадцать рублей семьдесят копеек, а от Москвы до Новагорода на пятьсот на сорок на восемь — по копейке — двадцать один рубль девяноста две копейки; от Новагорода до Санкт-Петербурга на сто на восемьдесят на шесть верст — по две копейки на версту — четырнадцать рублей восемьдесят восемь копеек, итого шездесят один рубль девяноста две копейки, записав в расход с росписками их, Абдулова и Бахматова, о выдаче коих обретающемуся при казенных вещах и денежной казне щетчику сержанту Белоусову дать приказ. Почему оному щетчику сержанту Белоусову приказы и даны.

Того ж числа послано в Государственную Коллегию иностранных дел доношение, при котором присланной к нему, генералу-майору, в прошлом 755 году с инструкциею о порученной ему киргиз-кайсацкой комиссии той же Коллегии подканцелярист Данила Бахматов обратно во оную Коллегию отправлен, и притом донесено, что он, Бахматов, будучи при нем, генерале-майоре, всегда в отлучках, не бес крайней нужды принужден был себя иметь, следственно, и излишней убыток нести, то дабы он, Бахматов, в крайнем недостатке быть не мог. За понесенную им нужду и труды выдано им, генералом-майором, ему, Бахматову, из имеющихся при порученной ему комиссии денег в награжде-

ние не в зачет третное по окладу ево жалованье и не соизволено ль будет ево, Бахматова, за понесенные им будучи здесь нужды и прилежные труды, в поощрение того хотя прибавкою жалованья милостиво наградить.

Февраля 15 числа получены Яицкого войска от войсковых атамана Бородина и от старшины Митрясова письма. От Бородина: что киргиз-кайсацкой-де Нурали-хан присланным к тому Яицкому войску письмом объявляет, что для чего посланной к нему от того войска войсковою старшина Митрясов у него, хана, был, оное он, хан, с ним, Митрясовым, все окончали, а понеже-де послан от него, хана, ко двору Е. и. в. Джанебек-салтан [81] с товарищи, того ради просит, дабы послать с ними помянутого старшины Митрясова сына Алексея и при нем дву старшинских детей, ибо-де, когда они с ними пошлются, то им, киргисцам, будет вернея, да еще-де он, хан, требует о присылке к нему от их Яицкого войска одного старшины для разобраня всяких дел, которой-де при нем, хане, продолжался до весны, токмо-де по одному ево ханскому требованию реченного старшины и старшинских детей при помянутом Джанебек-салтане войско Яицкое без особливаго указа послать не смеет, но для препровождения оного салтана до Оренбурга нарочной старшина послан, а к Нурали-хану для розобраня при нем дел старшина Уфинцов отправлен. От Митрясова: что бывши он, Митрясов, у реченного хана, что касалось в перегоне киргисцами табунов оные по ево с ним, ханом, согласи все на степную сторону перегнаты, с чем-де он, Митрясов, от него, хана, и возвратился, причем також представлял, что он, хан, просил об отпуске со отправленным от него в Санкт-Петербург солтаном, сына ево Алексея, и что присыланной от него, генерала-майора, к оному хану толмач Арапов находился при нем, хане, весьма порядочно, и он, Митрясов, им доволен.

Учинены им, генералом-майором, нижеследующие определения:

1-е. **Февраля 18 числа**, что находящейся при порученной ему, генералу-майору, Пограничной киргиз-кайсацкой коммисии толмачь Матвей Арапов по возвращении ево, генерала-майора, из Санкт-Петербурга, как тогда с письмом от него, генерала-майора, в Киргиз-кайсацкую орду к хану ездил со известием о том ево, генерала-майора, сюда приезде и с требованием условия по прошлогодскому положению о нынешнем с ним свидани, також и

для объявления и истолкования во всех улусах и всем по тракту находящимся киргиз-кайсакам о безопасном на здешнюю ярмонку приезде, так и после того уже сколько по оной комиссии толь не меньше и по Оренбургской губернской канцелярии неоднократно в ту Киргиз-кайсацкую орду к реченному хану и к брату ево Айчювак-салтану послан был, да и ныне по самонужнейшему делу из Оренбургской губернской канцелярии употреблялся в посылке же и к нему ж, хану, в орду, в которых будучи находится по немалому времени? Положенные же дела исправляет все с прилежным тщанием исправно, как то бывшей у одного хана от войска Яицкого войсковой старшина Митрясов присланным к нему, генералу-майору, письмом о ево, Арапова, тамо искусном и добром поступке засвидетельствовал, и для того б за те ево, Арапова, прилежные труды, и что он против протчих всегда употребляется в таких дальних посылках и по немалому времени от дому своего бывает отлучен, и дабы чрез то, как он человек небогатой и маложалованной, не мог притти в крайнее истощание, выдать ему, Арапову, в награждение из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, казенных денег десеть рублей.

2-е. 26 числа о выдаче присланному от киргиз-кайсацкого Нурали-хана с письмами на общее имя господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева и ево, генерала-майора, теленгугу [82] ево Палванкулу во удовольствие ево, хана, в награждение на кафтан салдатского сукна трех аршин с половиною, по пятидесят по девяти копеек аршин, на два рубли на шесть копеек с половиною.

Марта 5 числа подан от находящагося при комиссии генерала-майора Тевкелева в казначейской должности капитана Ружевского репорт, что со употребленных в прошлом 756 году при трактовани хана, салтанов с киргисцами в бытность ево, генерала-майора, в Ылецкой крепосце казенных пятидесят четырех, и по возвращени отголь здесь, в Оренбурге, двенатцати, а всего шестидесят шести баранов снятые овчины проданы здесь, в Оренбурге, по той же цене, как и напредь сего со употребленных для такого ж трактования баранов овчины проданы, а имянно: каждая по одиннатцати копеек, а за все шездесят шесть взято семь рублей дватцать шесть копеек, и требовал о записке оных денег в приход резолюцию. Почему того ж числа учинено определение и к помянутому капитану Ружевскому наслан ордер, чтоб за пока-

занные проданные им шездесят шесть овчин взятые деньги семь рублей дватцать шесть копеек записал в приход.

Марта 21 числа подано от находящагося при коммисии генерала-майора Тевкелева армейского Азовского драгунского полку поруччика Есипова доношение, что он, Есипов, находится при порученной ему, генералу-майору, коммисии с начала прошлого 1756 году, при которой будучи за отлучением от полку и за отправлением ево по оной коммисии от него, генерала-майора, в Петербург на почте за весь тот 756 год рационных денег, да сентябрьскую треть оног ж году, денежного жалованья не получал и просил, чтоб о выдаче ему за означенной 756 год надлежащих по рангу ево рационных денег и за прошедшую сентябрьскую треть денежного жалованья, куда надлежит сообщить. По которому доношению о выдаче ему, Есипову, за 756 год рационных денег в Оренбургскую губернскую канцелярию, а за сентябрьскую треть того ж году денежного жалованья надлежащаго числа главного камисариата в коммиссию ведомства обер-кригс-камисара Левашова сообщении посланы.

Марта 29 числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение о выдаче присланным сюда от киргиз-кайсацког Нурали-хана с письмом на общее имя господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева и ево, генерала-майора, киргисцам Баймурзе да Кутею во удовольствие ево, хана, в награждение из имеющихся при коммисии ево, генерала-майора, казенных сукон, салдатского — каждому по три аршина с половиною, а обoим — семи аршин ценою по пятидесят по девяти копеек аршин, на четыре рубли на тринацать копеек, да для покупки им на дорогу пищи денег дватцати копеек.

Апреля 9 числа подан репорт Оренбургской пограничной таможни от коллежского камисара Седекова, что по ордеру, данному ему от генерала-майора Тевкелева прошлого 756 году ноября от 22-го числа, велено ему, будучи в Екатеринбурге, для коммисии ево, генерала-майора, на данные и потом присланные к нему при ордере казенные деньги двести рублей, и скупить канф и голей, почему-де он, Седеков, будучи на Ирбицкой ярмонке, и купил, а имянно: две голи большей руки — коришневую да голубую, ценою каждая по семнатцати рублей на тритцать на четыре рубли; канф большей же руки две — голубую да алую — по дватцати по пяти рублей на пятьдесят рублей, да две ж черные —

малой руки — по семнатцати рублей на тритцать на четыре рубли, а всего — на сто на семнатцать рублей, которые голи и канфы и оставшие от покупки оных деньги восемьдесят два рубли при том репорте объявил.

Почему учинено им, генералом-майором, определение и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер, чтоб от помянутого камисара Седекова показанные покупные им голи и канфы, також и оставшие деньги восемьдесят два рубли в комиссию ево, генерала-майора, принять и записать в приход.

Того ж **апреля 29 числа** учинено определение, и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер о покупке на расход в комиссию генерала-майора Тевкелева, приторговав настоящею ценою без передачи сальных свеч тысячи, да чернил орешковых полведра.

Мая 1-го да 5-го чисел послано в Оренбургскую губернскую канцелярию два сообщения: истребовано о выдаче находящемуся при комиссии генерала-майора 1-го Оренбургского гарнизонного драгунского полку капитану Осипу Тевкелеву с прибытия ево из отпуска, а имянно: сего 757 году за март и апрель месяцы как денежного жалованья, так и за рационы; и на денщиков 2-го Азовского армейского драгунского полку порутчику Петру Есипову сего ж 757 году за прошедшую генварскую треть рационных денег.

Мая 6 подано от находящагося при порученной генералу-майору Тевкелеву Пограничной Киргиз-кайсацкой комиссии в толмаческой должности отставного салдата Уразая Абдулова доношение, которым он просил о выдаче ему сего 757 году за прошедшую генварскую треть определенного им, генералом-майором, денежного жалованья, и по учиненной справке учинено им, генералом-майором, определение и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер. Велено ему, Абдулову, по силе учиненного им же, генералом-майором, прошлого 755 году декабря 22 дня определения выдать за прошедшую генварскую треть шесть рублей, записав в расход с роспискою.

Мая 31 числа получено от господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева сообщение, в котором написано, каков о командировании отсель для нынешних летних фор-

постов вверх и вниз по Яику казаков и по сколько, где из них на оные фарпосты расположить и на каком основании их иметь, и как в недопущении ни киргис-кайсака, ни башкирцов чрез Яик, кроме идущих ис Киргис-кайсацкой орды назад с повинною башкирцов, поступать, из Военной походной ево, господина действительного тайного советника, канцелярии войсковому атаману Могутову указ дан, яко они командированы чрез него ис команды ево, и в какой силе; потом в дополнение того к командиром дистанцей — ордеры, и к нему — указ же от него ж, господина действительного тайного советника, посланы; со оных к нему, генералу-майору, сообщены копии. И хотя-де все сие, как дело воинское, и до воинских людей принадлежащее, так по воинской команде и чинится, но понеже-де те наставления в том елико принадлежит, до пуступак их киргис-кайсаками в случае их к Яику приходу и до киргисских дел касаются, которыхя он, господин действительной тайной советник, по указом Е. и. в. из Государственной Коллегии иностранных дел обще с ним, генералом-майором, производит, того ради и ево, генерала-майора, на сие мнения требует, а в копиях написано, а имянно:

В указе из Военной походной ево, действительного тайного советника и кавалера, канцелярии Оренбургской губернии нерегулярных войск войсковому атаману Могутову по нынешнему летнему времени нужно есть по Яику места вверх до Орска, а вниз до Переволоцкой крепости и ниже фарпостами умножить, яко по жалобам киргис-кайсацким известно, что башкирцы начали уже у них лошадей красть, и ежели сего не прекратить, то от того могут со обеих сторон худья следствии быть, того ради определяется вам из имеющихся здесь команды вашей оренбургских и ногайбацких казаков учинить командирование вверх при казачком полковнике Хошоутове шести стам, а вниз по Яику при войсковом ясауле Уанчукове двум стам человеком с принадлежащими к ним ротными чинами, ис которых велесть расположить вверх по Яику. Во-первых, доколе армейской Троицкой драгунской полк сюда прибудет при Везовом редуте и то потом между Красногорска и Озерной крепости при Гирьялском — другое сто, между Озерной и Ильинской при Никольском — третье сто, а между Ильинской и Губерлинской при Подгорном редуте при полковнике Хошоутове — двести, да между Губерлинской и Орской крепостей при Разбойном редуте — шестое сто человек, дабы

они, тако будучи при тех рядутах, и лутчее себе пристанище и в конских кормах большей простор иметь, и между теми крепостями, и редутами розъезды удобнее чинить могли, а вниз по Яику, доколе армейской Азовской драгунской полк сюда прибудет, на общем Сырту при войсковом ясауле — сто, да ниже Переволоцкой к Нижней Озерной крепости, на том же общем Сырту — другое сто человек, и тако в той командировке восемьсот шездесят семь, да на здешних (азиатских) заяицких фарпостах сверх внутренних употребленей — сто тритцать три, а всего тысяча человек во употреблении быть имеет, причем оным вверх и вниз по Яику командирваемым предписать, как в походе так и на местах, будучи от воровских набегов, лошадиных отгонов и протчих злодейств не только со степной, но и со внутренней стороны ежечастную и крепкую предосторожность иметь, и чрез реку Яик ни киргис-кайсака, ни башкирцов, ни тайно, ни явно, отнюдь не перепущать, и для того от лагиря надлежащия караулы иметь, лошадей же в поле сколько можно ближе к лагирю под достаточным караулом содержать, а для всякого незапного случая по нарочитому числу и в лагире из них оставлять, так чтоб в случае какой тревоги можно было над ворами на них без потеряния времени поиск учинить, для смотра же в пустых местах воровских следов каждым от своего редута, а имянно от Вязоваго к Нежинскому редуту и к Красногорской крепости, а з другой стороны от Гирьяльского х Красногорской же и к Озерной крепости, потому ж и от протчих, от каждого на обе стороны, по три раза в сутки, то есть, по утру как свет, да в полдни, и в вечеру, как солнце сядет, бденные разъезды чинить, посылая во оныя человек по шести, а не менее в каждой и о дву конь каждого, так что доколе одни возвращаются, дотоле бы другия на места их вперед в выступлении уже были, дабы в тех пустых местах беспрестанное движение было, и тако воров, яко же и их следов всячески высматривать, и ежели где они, воры, усмотрятся, то их стараться ловить, и не только на внутренней стороне вверх по Яику к Уральским горам, а вниз по Яику, к вершинам реки Сакмары, но и за Яик за ними погоню и неупущаемые поиски над ними чинить, а ежели станут противиться, то с ними, яко со злодеями поступать, только за Яик на такое разстояние гоняться, чтоб здешние команды опасности подвержены не были, яко то так высочайшими Е. и. в. указами из государственных военной от

25-го числа июля и иностранных дел Коллегей от 2-го числа сентября минувшаго 756 году повелено. И которыя пойманы будут, тех и с лошадыми, кои с ними взяты будут, не отбирая их от них, для отсылки сюда в ближния крепости отдавать, а буде где воровская партия при перелазе чрез Яик появится или поход ее инуда куда на здешней стороне по следам усмотрится, такая, что самим им фарпостовым без подмоги ненадежно будет с ними управиться, в таком случае им от них сколько возможно воинской отпор чинить, а между тем из других команд, как из регулярных, в крепостях гарнизонами имеющихся, так из нерегулярных, отколь скоряе получить удобно сикурсу требовать, буде сие одним разьездным случится, то в таком случае стараться им к командам своим от них ускорять, и знать давать, почему оныя и должны, не упущая их, воров, по следам догонять, а сверх того и в другия ближния места знать же давать, потому ж от каждого фарпоста и другия команды и крепости в случае требования в самой скорости по крайней возможности и без всякого упущения времени сикурсовать, токмо которыя ис Киргис-кайсацкой орды из беглых туда бунтовщиков башкирцов назадъ с повинною выходить будут, тех, не чиня им никакой обиды, и не отбирая от них ничего, для учинения с ними надлежащаго, в ближние ж крепости отдавать, ибо как с ними поступать, о том во всех крепостях точныя указы и определении отсель имеются, что ж когда у них будет происходить, о том о всем им к командиром дистанцей репортовать, а сверх того и в протчия ближния крепости знать давать, також и особливо сюда с недельною почтою, сверху Яика сюда бываемою, а в случае знатнаго какого приключения и чрез нарочных репортовать, токмо без знатной нужды нарочных в посылки с репортами не задолжать, впротчем же им, будучи на тех фарпостах, быть в команде тамошних дистанцей командиров и по их ордерам поступать, причем и провиант им по прошествии наступающаго июня месяца, на которой здесь выдан ис тамошних крепостей, близъ которых они будут, и где онаго без-оскудно требовать и получать. Однако ж сверх того всех тех казаков и самим вам, ежели возможно, то каждой месяц осматривать, все ль они в надлежащем порядке исправности будут.

В ордере к полковнику Родену коликое число для умножения летних фарпостов вверх по Яику на станцию вашу и до Орска послано отсель при казачьем полковнике Хошоутове казаков, и

поскольку, где из них велено на оные фарпосты расположить, и на каком основании их иметь, и в недопущении киргис-кайсак и башкирцов чрез Яик, кроме идущих ис Киргис-кайсацкой орды назад с повинною башкирцов, поступать, о том з данного здесь из Военной походной ево, господина действительного тайного советника, канцелярии войсковому атаману Могутову, чрез которого ис команды ево то командирование учинено указу, для ведома, и по дистанции ево, полковника Родена, исполнения к нему копия сообщена, токмо все то чинить, елико до киргис-кайсак касается, с крайним осмотрением, разве бы многолюдная партия чрез Яик усиливаться стала переходить и инако увещеванием отвратить бы было невозможно, чтоб не ходили, то в таком случае уже, яко противникам, оружием препятствовать, токмо бы за Яик вдаль весьма не гонялись и тем себя опасности не подвергали, а особливо бы к улусам киргисским в близость не подъезжали, ибо ежели неосмотрительно будут поступать, то к напрасным ссорам притчину подать могут, а и за башкирцами бы, идущими на воровство, во время их возвратного побегу далее Сакмары-реки не гонялись, а инако в том ответственны будут, о чем во все крепости и на фарпосты казакам накрепчайше подтвердить ему, Родену, определено, а и войсковому атаману Могутову дополнительной указ дан. В указе из Военной походной ево ж, действительного тайного советника и кавалера канцелярии Оренбургской губернии нерегулярных войск войсковому ж атаману Могутову, каковы о командированных вами по Яику на фарпосты ис команды вашей казаках и о учреждении тех фарпостов, в дополнение данного вам указа посланы ордеры к командиром дистанций; со оного вам для непременного тем казакам исполнения прилагается при сем копия, по которому вам и от себя на те фарпосты, которыя учреждаются, ис команды вашей как вверх, так и вниз по Яику, о том подтвердить, получа, токмо вниз по Яику то, что написано, к полковнику Родену о погоне за ворами башкирцами во время возвратного их побегу не далее реки Сакмары.

Подскрыптом написано, для учреждения доброго порядку весьма потребно, дабы вы перваго числа наступающаго июня сами вверх по Яику до Орска ехали.

Июня 3-го числа учинено им, генералом-майором, определение на вышеозначенное сообщение господина действительного тайного советника, кавалера и Оренбургской губернии губернатора Неплю-

ева, которым объявлял, что каков о командировании отсель для нынешних летних фарпостов вверх и вниз по Яику казаков, и поскольку, где из них на оные фарпосты расположить, и на каком основании их иметь, и как в недопущении ни киргис-кайсака, ни башкирцов чрез Яик, кроме идущих ис Киргис-кайсацкой орды назадъ с повинною башкирцов, поступать, из Военной походной ево канцелярии войсковому атаману Могутову указ дан, и в какой силе потом в дополнение того к командиром дистанцей ордеры и указ же посланы с оных, сообщил, притом копии, и хотя-де все сие как дело воинское и до воинских людей принадлежащее, так им господином действительным тайным советником, по воинской команде и чинится, но понеже-де те наставлении в том, елико принадлежит до поступок их с киргис-кайсаками в случае их к Яику приходу и до киргисских дел касается, которые он по указом Е. и. в. из Государственной Коллегии иностранных дел обще с ним, генералом-майором, производит, того ради требовал от него, генерала-майора, на то мнения, а понеже реченному господину действительному тайному советнику надлежало было тогда, когда еще оным казакам командировки и отправления не было, с ним, генералом-майором, яко воинским человеком, надлежащим образом согласия и иметь общее, на каком основании их, казаков, командировать, и что им, будучи на тех фарпостах, чинить надлежит разсуждение и по тому учинить определение, а не по командировании их требовать мнения, ибо когда уже они действительно от него, господина действительного тайного советника, командированы и как им, будучи на фарпостах, поступать, точное наставление дано и с командиром и дистанцей от него ордировано, то уже ему, генерал-майору, затем своего мнения и давать стало быть не к чему, и для того определил сие определение приобщить к тому ево, господина действительного тайного советника, сообщению впредь для ведома.

Июня 23-го числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер, чтоб приезжавшему на здешней азиатской меновой двор для мены Киргис-кайсацкой Меньшей орды салтану Солтанзяну, которому по прозьбе ево дозволено было для свидания с ним, генералом-майором, в город приехать, а по свидании и по надлежащей с ним, генералом-майором, конференци был у него, генерала-майора, трактван и в знак высочайшей Е. и. в. милости, и чтоб он, салтан, мог о здешней

стороне удовольствие свое в сем, будучи в орде, изъявлять и чрез то киргис-кайсак к вящим услугам уверять, выдать в награждение из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, казенных сукон полуэкстроваго по рублю по дватцати копеек аршин три аршина с половиною на четыре рубли на дватцать копеек, да приехавшим с ним двум старшинам по одной коже в рубль в восемьдесят копеек, всего на шесть рублей.

Июня 30 числа приехал к генералу-майору Тевкелеву в Оренбург Киргис-кайсацкой Меньшой орды семирод-табынского роду киргизец Итпул Тайбагаров и объявил ему, генералу-майору, что он, по приказу владельца своего Айчювак-салтана во исполнение высочайшаго Е. и. в. повеления живущую у отца ево Тайбагара из беглых в прошлом 755 году Уфинского уезду Ногайской дороги Тамъянской волости деревни Ямантаевой бывшего башкирца Кулдубая Кузьякаева жену Ряшу, Утягулову дочь, привез сюда к нему, генералу-майору, за что ево, Итпула, он, генерал-майор, похвалил.

А оная башкирская женка в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросом показала, что в прошлом 755 году летним временем, когда разных волостей башкирцы, возмуться, уклонились на побег в киргиз-кайсаки, тогда и она, так как сирота, неимущая себе нигде пристанища, принуждена была обще с ними ж туда следовать, и увезена во оную Киргискую орду деревни своей жителям и, а как во оную в семирод-табынской род приехали, то их киргисцы всех разграбили, и ее, Ряшу, притом взял киргизец Тайбагар и содержал у себя поныне, а ныне по прозьбе ее, отпустя ее, прислал сюда в Оренбург с сыном своим Итпулом.

Того ж числа привезена в Оренбург и объявлена к нему, генералу-майору, Киргиз-кайсацкой Меньшой орды семирод-табынского роду киргисцом Джуланом из беглых в прошлом 755 году со здешней стороны жившая во оной Киргиской орде того ж семирод-табынского роду у киргисца Янкузака, Уфинского уезду Ногайской дороги Бурзенской волости деревни Кутановой башкирская женка Юпара, Кулшарыпова дочь, которая в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросом показала, что в прошлом 755 году летним временем при возмущении башкирском с мужем своим Алтагуватом, со свекром и со свекровью, и с их тремя сыновьями бежали в киргис-кайсаки, и как в оную орду

пришли, то их всех киргисцы порознь разграбили, причем ее с мужем взял семирод-табынского роду киргизец Янкузак, а свекра с семейством кто взял, она не знает; у которого она и с мужем поныне жили, а ныне как оной их хозяин вознамерился мужа ее убить, а ее за себя в замужество взять, то она, разведав то, оставя своего мужа, бежала к Айчювак-салтану, а он, Айчювак, по усердию ее к здешней стороне прислал сюда, в Оренбург.

Почему оные башкирки Ряша и Юпара з данными билеты отпущены для пребывания в прежнее их жительство: Ряша — в Тамянскую волость в деревню Ямантаеву, а Юпара — в Бурзенскую деревню Кутанову с подтверждением, чтоб жили добропорядочно, на злодейства умыслу не имели и без ведома тех волостей старшин никуда не отлучались, и оные б старшины за Яик их не отпускали, и для того велено явиться им у тех старшин немедленно, а напредь того — в Оренбургской губернской канцелярии.

Июля 2 числа приехал к генералу-майору Тевкелеву в Оренбург Киргиз-кайсацкой Меньшой орды алчинского роду киргизец Тирбичалей Бардыбаев и объявил ему, генералу-майору, по приказу владельца своего Нурали-хана привезенного с собою, живущаго у него из беглых в прошлом 755 году в их Киргиз-касацкой орде Уфинского уезду Ногайской дороги Тамянской волости деревни Месегутовой башкирца Касима Епасова с двумя женами и с тремя сыновьями, и со снохами, и со внучатами, всего в четырнатцати душах, а для безопасности-де в пути в препровождение, дабы от него, реченного башкирца, их киргисцы отнять не могли, взяв он с собою дву дядей своих родных Нурдубая да Кузебака, да брата двоеродного Мярзяна, за что он, генерал-майор, их похвалил и притом дано в награждение Тирбичале сукна береславского три аршина с половиною по рублю по дватцати по пяти копеек аршин на четыре рубли на тритцать на семь копеек с половиною, корноваго — три аршина с половиною по шестидесят по шести копеек аршин на два рубли на тритцать на одну копейку, китайки два конца по шестидесят по семи копеек с половиною, конец на рубль на тритцать на пять копеек, кожа в девяноста копеек; Нурдубаю — корноваго три аршина с половиною по шестидесят по шести копеек, аршин на два рубли на тритцать на одну копейку, Кузябаку — салдатского три ж аршина с половиною по пятидесят по девяти копеек аршин на два

рубли на шесть копеек с половиною, Мурзяну — салдатского ж три аршина с половиною на два рубли на шесть копеек с половиною, всего — на пятнадцать рублей на тридцать на семь копеек с половиною. А оной башкирец в порученной ему, генералу-майору Тевкелеву, комиссии допросом показал, что в прошлом 755 году, когда разных волостей башкирцы, возмуться, уклонились на побег в киргиз-кайсаки, тогда и он, Касим, при родственниках своих, не хотя от них отстать, в собрани при старшине их волости, Месегуте Тебясева со всем своим семейством, а имянно: з двумя женами, с тремя сыновьями, да з дочерью, з двумя снохами, и с пятью внучетами бежали, и как пришли в Киргизкайсацкую Среднюю орду, то их киргисцы всех разграбили и по разным рукам розобрали, и ево, Касима, притом взял киргизец Баймурат и держал у себя не более дву недель, а потом со всем вышеписанным семейством, оставя у себя скот и пажить, в Меньшую Киргискую орду в алчин-аккитинской род в подарок свату своему киргисцу Тирбичале Бардыбаеву отдал, которой в то время приезжал к нему в гости, почему он доньне у него, Тирбичали, жил, и ныне по прозьбе ево со всем семейством привезен им, Тирбичалей, с товарищи сюда в Оренбург. Почему оной башкирец со всем ево семейством отпущен в дом ево в Тамянскую волость з данным билетом.

Прибывшей в Оренбург Киргиз-кайсацкой Меньшей орды владетельной Айчювак-салтан, **7-го числа июля** по трактовани у господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева заезжал к нему, генералу-майору, для свидания, и хотя он, генерал-майор, весьма болен, однако ж по крайней возможности с ним, Айчювак-салтаном, виделся, и не распространяя ничего за тою своею тяжкою болезнию, говорили только об одном здорovie как ево, салтана, так и братьев ево, Нурали-хана и Эрали-салтана, причем он, Айчювак-салтан, ему, генералу-майору, объявил, что брат ево помянутой Эрали-салтан ныне с зимнего своего кочевья приехал и находится у брата их Нурали-хана. Причем и находящихся в его улусах у киргисцов беглых башкирцов по прошлогдскому с ним, генералом-майором, условию привез з женами и з детьми и с имеющимся при них скотом немалое число. Да и он, Айчювак-салтан, находящихся ж владения ево, у семиродцов, как ему, генералу-майору, в прошлом году обещал, так сколько можно было по присяжной ево должности и рабской Е. и. в.

подданнической верности, в том же году, також и нынешнею весною из улусов киргисских сюда со всем же семейством, их, башкирцов, отпускал и ныне с собою привез, и в порученную ему, генералу-майору, комиссию отослал, да и достальных в их улусах находящихся прикажет всех сюда потому ж отпускать и отвозить, токмо не ведает он, салтан, о тех ево верных и усердных по подданнической ево должности службах донесено ли к высочайшему Е. и. в. двору, ибо-де никакого высочайшего знаку он еще получить не удостоился, и если б-де у высочайшаго Е. и. в. двора о тех верных и усердных ево службах было известно, и он, хотя малой знак высочайшей Е. и. в. милости оттоль получить удостоился, то б-де отраднее ему было наивяще к рабской Е. и. в. верной службе ревнительно усердствовать.

На что он, генерал-майор, ему, Айчювак-салтану, объявил, что елико принадлежит до верной ево Е. и. в. рабской службе, то оную ему по присяжной своей и подданнической должности с рабским усердием и продолжать надлежит, яко в том ево звание и должность состоит, понеже о сказуемых ево, Айчювак-салтана, рабских и верных службах, как прежде к высочайшему Е. и. в. двору нижайше донесено, так и еще ныне без донесения о тех ево усердных и верных Е. и. в. службах оставлено не будет, почему он и высочайшею Е. и. в. милостию оставлен быть не может, ибо Е. и. в. всемилостивейше всех подданных своих рабов высочайшею своею милостию жаловать изволит, чем и ево, Айчювак-салтана, он, генерал-майор, обнадеживает.

Затем он, генерал-майор, просил ево, салтана, чтоб он завтрашнего дни, то есть **8 числа сего июля**, с находящимися при нем старшинами, хотя он, генерал-майор, и болен однако ж приехал к нему, генералу-майору, на обед, почему он, Айчювак-салтан, быть и обещал и для того по утру оногo 8 числа в 10 часу послана была до него, салтана, от него, генерала-майора, карета, заложенная цугом, с переводчиком Усманом Араслановым, в которой он, салтан, по полудни в 2-м часу и прибыл, и при нем приехало старшин и киргисцов дватцать три человека, и тако в том же часу сели за стол, причем и обретающейся здесь в аманатах салтан, ево племянник, с находящимися при нем киргисцами ж был, и трактованы довольным кушаньем и разными он, салтан, и знатные старшины, виноградными напитками, а протчие водкою, вином и медом; причем продолжали он, генерал-майор, с ним, Айчю-

вак-салтаном, между собою разговоры токмо свойственные, ибо ему, генералу-майору, за болезнь в разпространение оных вступать было невозможно, яко с великою нуждою мог он тот обед додержать, по окончании ж оного пополудни в 4-м часу паки он, салтан, им же переводчиком Араслановым провожен в ево лагирь.

10-го числа июля помянутой Айчювак-салтан от вышепомянутого господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева, пополудни в 2-м часу заезжал к нему, генералу-майору, для посещения ево в болезни, причем между прочаго объявлял и о своей прискорбности, что у него, салтана, ныне две жены померли, и тако-де он по притчине того имеет нужду в лисице черной хорошей и просил, чтоб оною ево снабдить для зделания хорошей шапки, почему, он, генерал-майор, для приласкания ево и в поощрение по нынешним конукторам к наивящей верности и услуге по той ему потребности черную лисицу дать и обещал, что он, салтан, признав за знак к себе высочайшей Е. и. в. милости ево, генерала-майора, благодарил и хотел для взятья ее прислать по отбытии отсюда нарочного надежного своего человека, почему июля 18 числа и прислал живущаго у него киргисца Ильмурзу, с которым того ж числа черная лисица в дватцать четыре рубли и послана.

А 11-го числа еще от него ж, действительного тайного советника, к нему, генералу-майору, он, салтан, заезжал для объявления о себе, что он того числа отсюда имеет отъехать и заехал с ним, генерал-майором, проститься, причем приносил жалобу, что с здешней стороны многие башкирцы, воровски подбегая под их киргиз-кайсацкие владения, ево улусы отгоняют немалым числом лошадей и верблюдов и чинят, будучи там, великие продерзости, и хотя б-де они, киргисцы, могли их, башкирцов, следом догонять и с ними управиться, только-де он, салтан, по ево присяжной должности и подданнической верности, дабы между тем не подать дальней какой притчины в противность Е. и. в. указов, до того их, киргисцов, всеудоб возможным образом уговаривая, яко народ дикой, не допускает, а здесь-де зато с теми ворами, башкирцами, кто оные шалости делает, ничего не чинится, и лошади их многие и почти не все пропадают без возвращения им, а сверде того ныне весьма много от них, киргиз-кайсак, бегают персиан и прочих пленников, которья им, киргисцам, достаются за не-

малой кошт, на здешнюю ж сторону, причем уводят с собою лутчих лошадей и сносят их киргиской багаж, только-де ни оных беглых, ни сносной пажити им, киргисцам, не возвращается, и тако-де они, киргисцы, принуждены нести великие себе убытки и огорчени так, что иной чрез то почти и вовсе раззоряется; и просил, чтоб по справедливости их, киргисцов, надлежащим образом не лишать их собственного, дабы-де они не вовсе были тем огорчены.

На что он, генерал-майор, ему, Айчювак-салтану, объявил, что которые башкирцы воровски под их улусы бегали, оные все здесь сысканы и поныне для лутчаго их воздержания и страху содержатся под караулом, а напоследок и жестокого наказания избегнуть не могут, а сколько б ими киргиз-кайсацких лошадей и верблюдов отогнано не было, оные все до последнего жеребенка (как то и сам он, Айчювак-салтан, знает) возвращены обратно им, киргисцам, да и последние ныне им же уже в бытность ево, салтана, здесь отданы; следственно, им не только какого малого попущения здесь не чинится, но всякия к пресечению оных удобные меры употребляются, чего ради безвыездно в Башкирии в тех волостях, которые окрест Ялика и Сакмары состоят, нарочно для разведывания о таковых ворах и изыскания их киргиских лошадей находится, и доднесь переводчик Гуляев, чрез которого, где бы кто хотя один приличился, то того ж времени иманы и сюда присылаемы бывают, а здесь, как выше упомянуто, содержатся без выпуска под караулом. Что же касается до уходимых сюда от них, киргиз-кайсац, пленниках, то из оных здесь оставляются только одни те, которые пожелают креститься, а прочие нежелающие, також и сносная всеми ими киргиская пажить и уведение лошадей возвращаются обратно им, киргисцам, как то уже довольные тому примеры свидетельствуют. И тако окончав то, он, генерал-майор, по слабости своего здоровья не мог больше уже с ним разговаривать, но простясь, отпустил в ево лагерь.

Июля 8 числа получено от господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева сообщение, которым в силе состоявшаго высочайшаго Е. и. в. указа и по представлению к нему бригадира князя Путятина, требовал об отпуске находящагося при порученной генералу-майору Тевкелеву комиссии армейского Азовского драгунского полку порутчика Есипова к команде в реченной Азовской полк, по которому оной порутчик

Есипов, от него, генерала-майора, отпущен и данным ордером определено ему, Есипову, явиться у помянутого господина бригадира князя Путятина.

Июля 10-го числа посланной из Оренбургской губернской канцелярии к киргиз-кайсацкому Нурали-хану находящейся при порученной ему, генералу-майору, комиссии толмач Матвей Арапов объявил при репорте данного ему от хана для объявления в реченной порученной ему, генералу-майору, комиссии находящегося в их Киргиз-кайсацкой орде увезенного в прошлом 755 году возмутившимися башкирцами Казанского уезду деревни Верхней Курсы, татарина Мухамметя Абдулова, а письменного-де виду о том никакого не дал. А оной татарин в порученной генералу-майору комиссии допросом показал, что в прошлом 754 году осенним временем по прозьбе ево, Мухамметя, дан ему ис Казанской адмиралтейской канторы, ибо он приписной к адмиралтейству для карабельных работ, паспорт, по которому дозволено ему быть в Казанской и Оренбургской губерниях с сроком прошлого ж 755 году октября до 27 числа, почему он по взятию того паспорта наступающую тогда зиму прожил в доме своем, а весною 755 году из дому своего поехал сюда, в Оренбург, для работы по бедности своей в наем, где погодится, а понеже-де надлежало ему взять долговых денег Уфинского уезду Ногайской дороги Усергенской волости деревни Куватовой на башкирцах, то он для взыскания оных вознамерился к ним захватить и будучи в пути на Новой Московской дороге, из деревни Бекпуловой и поехал, только не доезжая до одного их башкирского жительствова, будучи на степе, наехал незапно на многолюдное башкирское собрание, которых при том было человек со сто, и увидав ево, Мухамметя, взяли, а какой у них умысел был, он не знал, и ни откого не слышал, только-де как уже к ним в руки попал, то уведал злое их намерение к побегу в киргиз-кайсаки и слезно у них просился, чтоб отпущен был, но они-де ево не только отпустить, но намерялись еще убить, отчего-де их разговорил бывшей в том их собрании Кипчацкой волости деревни Игимбетевой башкирец Игимбетъ и к себе ево, Мухамметя, взял и содержал под присмотром, чтоб он дорогою побегу от них учинить не мог, и потому поехали они, объявляя, что они бегут в Киргискую орду и ево с собою увезут. Будучи ж в пути, никаких от российских войск нападеней на них не было, а как Яик-реку переправились, то на другой день и в Киргиские улусы в семирод-

таминской род пришли, где их киргисцы, приняв, всех разграбили по разным рукам, а ево, Мухаммея, взял живущей между киргисцов духовной человек Муса-ходжа, у которого он доньне жил и по неотступной ево прозьбе отпущен был, и явился к их киргиз-кайсацкому Нурали-хану с прошением, дабы он им высвобожден был в российские жительство, почему он для вывозу ево в Оренбург з бывшим у него посланным отсюда толмачем Матвеем Араповым и прислан. В бытность же-де во оной Киргиской орде никаких он к российской стороне худых замыслов не слышал, и в ту Киргизскую орду не самовольно и ни по каким умышленным согласиям и подсылкам бегал, також и в прежнем своем жительстве в Казанском уезде никаких скотов и обращеней к злым башкирским замыслам ни с кем не имел и не знает, и ни от кого не слышал же, но, как выше значит, увезен был насильно предписанными башкирцами. Почему оной татарин з данным билетом отпущен в прежнее ево жительство и велено по прибытии в дом явиться в Казанской адмиралтейской канторе.

Июля 10 числа получены от киргиз-кайсацкого Айчювак-салтана три татарские письма, в которых значит следующее.

В 1-м:

Высокородному и превосходительному господину генерал-майору и дяде нашему Алексею Ивановичу Тевкелеву желаю многолетнего здравия со всею вашею превосходительною фамилиею.

К вашему превосходительству посылаю с киргисцом табынского роду з братом знатного старшины Худай-Назара Кичюбаем Акмановым из башкирцов одну семью в пяти душах Исмагила Урузбая, Аргунбая с матерью их Алтыной и з женою Смаиловой Акдеветей, во уверение сего я, Айчювак-салтан, собственную свою печать приложил.

В 2-м:

При сем к вашему превосходительству с киргисцом таминского роду Турумбетем-батырем и с тремя ево сыновьями послал башкирцов восемь человек, а имянно: Ярыша з женою, с сыном Янбаем да з дочерью Сахибой; Килимбетя, Исанбая* с женою Гаурой з дочерью Умитбикой. Во уверение сего я, Айчювак-салтан, собственную свою печать приложил.

---

* Оной Исанбай прежде и с той орды сам выбежал и по прошению отпущен был с прочими для забранья семейства.

В 3-м:

При сем к вашему превосходительству посылаю Бурзенской волости башкирца Кармыша з женою с Сулукаей и с имеющимися при них тремя лошадьми, а при них послал табынского роду Худайназарова брата Акназара. Во уверение я, Айчювак-салтан, собственную свою печать приложил.

На подлинных всех трех письмах ево, Айчювак-салтана, на каждом порознь, чернильные печати приложены.

А оные присланные башкирцы, а имянно: Бурзенской волости деревни Кулумбетевой Смаил Муллагулов, Усергенской — деревни Азнакаевой Ярыш Сюлейменев, Килимбетъ Толубаев в порученной генералу-майору Тевкелеву Пограничной киргиз-кайсацкой комиссии допросами показали, что они в прошлом 755 году летом с протчими башкирцами в собрани при старшинах Кувате и Сатлыке в Киргиз-кайсацкую Меньшую орду бежали и находились во оной разграбленныя в разных руках, и услыша всемиловестивейшие Е. и. в. об отпущении их вин указы, неотступно от тех киргисцов просили себе обратного отпуску, и тако-де по многой уже их прозьбе с некоторым своим оставшим от разграбления семейством всего в четырнатцати душах привезены были теми хозяевами, у кого жили, к владельцу их Айчювак-салтану, а им, салтаном, с теми ж их хозяевами присланы сюда в Оренбург, почему оные башкирцы со всем их семейством и отпущены з данными им билетами и с надлежащим подтверждением в дома их.

Июля 11 числа приехал к генералу-майору Тевкелеву в Оренбург Киргиз-кайсацкой Меньшой орды находящейся при Айчювак-салтане теленгут ево Кузябай и объявил ему, генералу-майору, что он по приказу оногo Айчювак-салтана во исполнение высочайшаго Е. и. в. повеления живущаго у брата ево Душебая из беглых в прошлом 755 году Уфинского уезду Ногайской дороги Бурзенской волости деревни Нурумбетевой башкирца Якупа Тлавкеева привез сюда в Оренбург к нему, генералу-майору, за что он, генерал-майор, ево, Кузябая, похвалил. А оной башкирец в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросом показал, что он возмутившимися башкирцами в прошлом 755 году з женою и с сыном женатым в собрани при сотнике Айсуле в Киргиз-кайсацкую орду бежал и находился в Меньшой орде в семиродтабынском роду у киргисца Кунурбая, а потом Айчювак-салтана у теленгута ево Дюшебая, и им, Дюшебаем, по прозьбе ево отпу-

щен и сюда в Оренбург братом ево Кузябаем привезен, а жена ево с сыном и со снохою в прошлом 755 году в прежнее свое жительство уже выбежали. Почему оной башкирец з данным билетом и надлежащим подтверждением отпущен в дом ево в Бурзенскую волость.

Того ж числа по учиненному в оной комиссии определению означенным присланным от него, Айчювак-салтана, с письмами к нему, генералу-майору, киргисцам за привоз и объявление живущих у них из беглых в прошлом 755 году башкирцов Кичюбаем — пяти, Турумбетем-батырем — семи, Акназаром — двух, всего четырнадцать душ, выдано из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, казенных сукон на кафтаны Кичюбаю, Акназару, понеже они знатного старшины Худай-Назара брата, да Турумбетю-батырю — береславского ценою по рублю по дватцати по пяти копеек аршин каждому по четыре аршина, а всем — двенатцать аршин на пятнатцать рублей, да показанного Турумбетя трем сыновьям — салдатского по пятидесять по девяти копеек аршин семь аршин на четыре рубли на тринацать копеек, да кожу в девяноста копеек, а помянутого Айчювак-салтана теленгута ево Кузябаю — салдатского ж по вышписанной же цене три аршина с половиною на два рубли на шесть копеек с половиною, а всего — на дватцать на два рубли на девять копеек с половиною.

Июля 14 числа получено от киргиз-кайсацкого Нурали-хана на имя ево, генерала-майора, письмо следующего содержания:

«Высокородному и превосходительному господину генералу-майору, моему истинному и искреннему благодетелю и дяде Алексею Ивановичу Тевкелеву.

Присланное от вашего превосходительства рвотное лекарство мною здесь получено, которое весьма полезно показалось, да и Эрали-салтану, яко недавно возвратившему ис походу. Оного, також хорошей сладкой водки, и сочинения плова изюма потребно, коих прошу пожаловать приказать прислать. В чем для уверения к сему чернильную свою печать приложил, при сем же до услуг ваших послал Мергень-Кашку и Мининкула».

На подлинном татарском письме ево, Нурали-хана, чернильная печать приложена.

На оное от него, генерала-майора, к нему, хану, того ж **14 числа июля** послано письмо следующего содержания.

«Высокостепенной и высокопочтенной Киргиз-кайсацкой орды Нурали-хан, мой любезной брат и древней друг, письмо вашего высокостепенства чрез служителей ваших я исправно получил, и что ваше высокостепенство о искреннем усердстве меня уверяете, тому я сердечно радуюсь, и по оному требуемое вами лекарственную сладкую водку полведра и изюму три фунта с теми ж вашими служителями Мярмян-Кашкою и Мининкулом при сем посылаю, а впротчем пожелав вашему высокостепенству и со всею вашею фамилиею здравия и благополучия, есмь и пребуду, так как и всегда был с совершенным приятством и доброжеланием». Да подскрыптом написано тако: «При сем же к вашему высокостепенству посылаю на первой случай и для пробы чистой пшеничной муки один пуд, а естли понравится, то с переводчиком Усманом и еще пуда с три прислать имею».

Того ж числа учинено им, генералом-майором Тевкелевым, по присланному к нему, генералу-майору, от киргиз-кайсацкого Нурали-хана письму определение, дабы посланной к нему, хану, изюм три фунта по осьми копеек фунт на дватцать на четыре копейки, и за взятую к нему ж, хану, посланную со здешняго кружечного двора водку полведра по указной цене деньги два рубли дватцать три копейки с половиною и за покупной для подслащения оной мед три фунта по четыре копейки с половиною тринатцать копеек с половиною выдать и все то записать в расход и о том к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслать ордер.

Июля 16 числа послано от генерала-майора Тевкелева киргиз-кайсацкому Нурали-хану письмо следующего содержания:

«Высокостепенной и высокопочтенной Киргиз-кайсацкой орды Нурали-хан, мой любезный брат и древней друг.

При сем к вашему высокостепенству посылаю с переводчиком Усманом Араслановым водки сладкой в стоянке, да собственной моей чистой крупитчевой пшеничной муки для вашего употребления три пуда, в протчем пожелав вашему высокостепенству и со всею вашею фамилиею здравия и благополучия, есмь и пребуду, так как и всегда был с совершенным приятством и доброжеланием».

Того ж числа учинено им, генералом-майором Тевкелевым, два определения.

1-е. Что издержанные во время бытности здесь, в Оренбурге, Киргиз-кайсацкой Меньшей орды Айчювак-салтана за покупную и употребленную в кушанье свежину деньги восемьдесят пять копеек, також и посланную киргиз-кайсацкому Нурали-хану с переводчиком Усманом Араслановым имеющуюся при комиссии ево, генерала-майора, наличную водку полведра по прежней цене на рубль на восемьдесят на восемь копеек с половиною и для подслащения оной употребленной сахар два фунта по дватцети по две копейки с половиною фунт на сорок на пять копеек, да гвоздику два золотника по три копейки, по три чети золотник на семь копеек с половиною, всего — на три рубли на дватцать на шесть копеек записать в расход.

2-е. Дабы приезжавшему сюда от киргиз-кайсацкого Нурали-хана зятю ево ханскому Клыськаре-салтану при отпуске ево обратно к нему, хану, выдать в награждение сукна корнового на кафтан четыре аршина по шестидесят по шести копеек аршин на два рубли на шездесят на четыре копейки. По которым определениям находящемся в казначейской должности капитану Ружевскому ордеры насланы.

18 числа июля получено от киргиз-кайсацкого Айчювак-салтана письмо следующего содержания:

«Превосходительному господину генералу-майору, дяде моему мурзе Кутлumu-хамметю Тевкелеву многолетно и благополучно желаю здравствовать и доношу. Я с моим изволением в вашем предложении, какое ни будет, в покорности моей нахожусь, и тако, что мне предложить изволите, чего ради я с сим до вас Ильмурзу послал». Под оным письмом ево, Айчювак-салтана, чернильная печать приложена.

Того ж числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение, а к находящемся в казначейской должности капитану Ружевскому ордер наслан, чтоб посланную к киргиз-кайсацкому Айчювак-салтану черную лицицу втораго номера в дватцать четьре рубли записать в расход.

21 числа июля получено от киргиз-кайсацкого Эрали-салтана на имя ево, генерала-майора, письмо следующего содержания:

«Превосходительному господину генералу-майору Кутлumu-хамметю-мурзе Тевкелеву, моему устинному и древнему доброжелателю и дяде.

Прошлого году по состоявшемуся высочайшему указу высо-

чайшим Е. и. в. именем ваше превосходительство в бытность вашу в Илецкой крепосце башкирцов от нас требовать изволили, почему также и по приказу брата моего Нурали-хана и по прошлогодскому уговору нашему из оных старшину Кувата да сотника Игибая с протчими я до вас, дяди моего мурзы, послал, по верности моей к Е. и. в., а понеже вашему превосходительству самим известно, с какою верностию и добросердечием я, как во время покойного отца моего, так и по нем, Е. и. в. службу мою продолжаю, да и впред также служить намерение имею, только вы, дядя мой мурза, о сей нашей башкирцов выдаче Е. и. в. донесли, а буде не донесли, то благоприятно б быть могло, ежели вы донести изволите, ибо от прошлого году с стороны Е. и. в. никакого знаку высочайшей милости мне еще не было, а я всегда, ведая ваше достоинство, и что вы прозьбы наши доносите, на вас надеюсь, почему для донесения и сей моей прозьбы и до услуг вашего превосходительства Дулмаметя да Уруса салтанов с находящимися при них тремя человеки, а имянно: Лукеем, Дурманом, да Амангилдеем и четырех башкирцов до вас отправил. И во уверение сего я, Эрали-салтан, печать мою приложил». Под оным письмом ево, Эрали-салтана, чернильная печать и приложена.

Того ж числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение, дабы присланным от следующего сюда киргиз-кайсацкого Эрали-салтана с письмом к нему, генералу-майору, и с четырьмя башкирцами Дулмаметю, да Урусу салтанам, и при них трем киргисцам Лукею, Дурману, да Амангилдею во удовольствие ево, Эрали-салтана, и в поощрение их к наивящей верности выдать в знак высочайшей Е. и. в. милости в награждение из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, казенных сукон, а имянно: солтанам — корноваго по четыре аршина, а обоим — восемь аршин по шестидесят по шести копеек аршин на пять рублей на дватцать на восемь копеек, а киргисцам трем — салдатского каждому по три аршина с половиною, а всем — десять аршин с половиною по пятидесят по девяти копеек аршин на шесть рублей на девятнадцать копеек с половиною, всего на одиннадцать рублей на сорок на семь копеек с половиною. А из помянутых присланных от него, Эрали-салтана, башкирцов четырех двоя: Чамкин-Кипчацкой волости деревни Ташевой, Чермыш Кусекеев да Бушмас-Кипчацкой волости деревни Буракаевой Рафик Алакаев в порученной ему, генералу-майору, комиссии

допросами показали, что они в прошлом 755 году, когда разных волостей башкирцы, возмуться, уклонились на побег в Киргиз-кайсацкую орду, тогда и они обще с ними с семейством своим бежали и находились во оной в разных руках у киргисцов, и сожалея своего жительствова, оставя свое семейство, от них бежали и явились к Эрали-салтану и просили, дабы им, Эрали-салтаном, высвобождены были в прежнее их жительство, почему им сюда в Оренбург и присланы. Почему оные башкирцы с надлежащим подтверждением и с данными билетами отпущены в дома их. А другия двоя явились прежде вышедшие и отпущенные из Оренбургской губернской канцелярии с билетами для высвобождения своего семейства, зачем и не допрашиваны.

Получены от киргиз-кайсацкого Эрали-салтана на имя генерала-майора Тевкелева два письма следующего содержания:

1-е. Июля 24 числа.

«Высокородному и превосходительному господину генералу-майору, истинному искреннему благодетелю и дяде нашему Алексею Ивановичу Тевкелеву.

Как с вашим превосходительством в бытность вашу при свидани в Илецкой защите о башкирцах с нами условлено, так во исполнение оногo и в знак моего усердия к Е. и. в. старшину Кувата и сотника Игибая со всем семейством башкирцов мужеска полу, больших — пятьдесят один, малолетних — тридцать семь, женска полу больших — тридцать девять, да девок девятнадцать, всего всех — сто сорок шесть душ при сем к вашему превосходительству послал с салтаном Дербишалеем. В чем для уверения чернильную свою печать приложил». На подлинном татарском писме ево, Эрали-салтана, чернильная печать приложена.

2-е. Июля 25 числа.

«Высокородному и превосходительному господину генералу-майору, истинному и искреннему благодетелю и дяде нашему Алексею Ивановичу Тевкелеву.

Прежде присланные от меня к вашему превосходительству башкирцы, кем приведены, об оных вашему превосходительству имянной список прилагаю, а имянно: чиклинского роду Бажданам-бием, з женами, з детьми дватцать девять душ: Акманом — десеть, Улждуем — пять, Карадваном — две, Мимбаем — одна, Сигизбаем — одна, Шахназаром — одна, а сверх вышеписанных башкирцов, не имеющих собственных лошадей, пеших людей на

своих лошадях от моего улуса, даже да ех мест, везли и пищею довольствовались киргисцов числом дватцать пять человек, и о вышеписанном вашему превосходительству донеся, остаюсь. В чем для уверения я, Эрали-салтан, чернильную печать свою приложил». На подлинном татарском письме ево, Эрали-салтана, чернильная печать приложена.

Прибывшей в Оренбург киргиз-кайсацкой Эрали-салтан **23 числа июля** пополудни в 7-м часу от господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева заезжал к нему, генералу-майору, для свидания и посещения в болезни с находящимися при нем салтанами ж Дусали и Урусом, и хотя он, генерал-майор, и болен, однако ж по крайней возможности с ним, Эрали-салтаном, виделся, и не распространяя ничего за тою своею болезнию, говорили только об одном здоровье, как ево, салтана, так и брата ево Нурали-хана, однако ж притом он, Эрали-салтан, ему, генералу-майору, объявил, что по присланному от него, Эрали-салтана, пред приездом ево письму о ево верной и подданнической Е. и. в. рабской услуге к высочайшему Е. и. в. двору он, генерал-майор, имел ли случай доносить. На что он, генерал-майор, ему, Эрали-салтану, объявил, что он на то ево письмо ныне к нему не отвечал, ожидая самого ево, Эрали-салтана, сюда, а что касается до ево рабской верности и услуге, о том он, генерал-майор, тогда же как еще прошлого году в Илецкой крепосте с ними виделся с засвидетельствованием всего того, как ими при том свидании было чинено, к высочайшему Е. и. в. двору рабски донести не оставил, а как ныне он, Эрали-салтан, самым делом во исполнение высочайшего Е. и. в. указу по рабской и подданнической должности показал свою услугу, то потому ж к высочайшему двору Е. и. в. и ныне в свое время рабски донести не преминет. Что же касается до высочайшей к нему за те верные и ревностные ево службы милости, то Е. и. в. всех подданных рабов каждого по заслуге всемилостивейше награждать не оставляет, почему он, генерал-майор, и ево, Эрали-салтана, тою высочайшею Е. и. в. милостию обнадежил, дабы он и впредь оказывал свою верность и услугу с наивящим усердием.

При том же он, Эрали-салтан, стал говорить, что он как господину действительному тайному советнику доносил о поведении брата ево Нурали-хана с яицкими казаками, которые-де так непорядочно с их киргиз-кайсаками поступают, что они нималого

удовольствия получить не могут, что-де и ему, генералу-майору, объявляет, а затем-де тем многия башкирцы с здешней стороны, подбегая воровски под их киргисские улусы, отгоняют у киргиз-кайсака немалым числом лошадей и верблюдов и чинят, будучи там, великия продерзости, и хотя б-де они, киргисцы, могли их, башкирцов, следом угонять и с ними управиться, только-де как брат ево Нурали-хан, так и они, салтаны, по их присяжной должности, дабы между тем не подать дальней какой притчины в противность Е. и. в. указов, до того их, киргисцов, всеудобвозможным образом уговаривая, яко народ дикой, не допущают.

На что он, генерал-майор, ему, Эрали-салтану, объявил, что какия происходили прошлаго году между киргисцами и яицкими казаками ссоры и протчие неприятели, о том тогда же там следовано и между ими надлежащее разбирательство и удовольствие обидимым учинено, почему так и осталось, а что касается до башкирцов, то которые под их улусы воровски бегали, оные все здесь сысканы, и поныне для лутчаго их воздержания и страха содержатся под караулом, а напоследок и жестокого наказания избегнуть не могут, а сколько б ими киргиз-кайсацких лошадей и верблюдов отогнано ни было, оные все до последнего жеребенка (как то и сам он, Эрали-салтан, знает) возвращаются обратно им, киргисцам; следственно, им не только какого малого поущения здесь не чинится, но всякие к пресечению оных удобные меры употребляются, чего ради безвыездно в Башкирии в тех волостях, которые окрест Яика и Сакмары состоят, нарочно для разведывания о таковых ворах и изыскания их киргизских лошадей находится и доднесь переводчик Гуляев, чрез которого где б, кто хотя один приличился, то того ж времени иманы и сюда присылаемы бывают, а здесь, как выше упомянуто, содержатся безвыпускно под караулом.

24 числа июля помянутой прибывшей сюда киргиз-кайсацкой Эрали-салтан трактован был у господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева, отколь пополудни в 3-м часу заезжал к нему, генералу-майору, для посещения ево в болезни, и притом объявил, что он по прошлагодскому с ним, генералом-майором, в Илецкой крепосце условию и положению во исполнение высочайшаго Е. и. в. повеления по присяжной своей и верно-подданнической должности имеющихся во владении ево из беглых башкирцов, собрав, с собою привез бывшего старшину Кувата и

сотника Игибая, да башкирцов со всем их семейством и ныне имеющимся скотом всего мужеска и женска полу сто сорок шесть человек, которых к нему, генералу-майору, и отослал.

На что он, генерал-майор, ему, Эрали-салтану, объявил, что оное с подданныческою ево верностию и присяжною должностию, яко же и с собственною ево честью весьма сходно и изрядно, и что означенные башкирцы в порученную ему комиссию приняты, а притом просил ево и с находящимися при нем салтанами и старшинами завтрешняго дня, то есть 25 числа сего июля, на обед, как то он, салтан, быть и обещал.

Посему **того числа** по полуночи в 10-м часу послана была за ним, салтаном, карета, заложенная цугом, с переводчиком Усманом Араслановым, в которой он, салтан, з двоюродным своим братом Дусали-салтаном пополудни в 1-м часу и прибыл, а при нем приехало еще салтанов же Урус, Клысь, Кара, Тимметет, Дербишали, Пирмаммет и бывшего в Хиве Юлбариса-хана внук Шиггази-солтан, да старшин и киргисцов сорок три человека; и тако в том же часу сели обедать, причем и обретающейся здесь в аманатах Аблай-салтан, племянник ево, с находящимися при нем киргисцами был, и трактованы довольным кушаньем и разными как он, Эрали, так и вышеписанные салтаны и знатные старшины, виноградными напитками, а протчие воткою, вином и медом, причем продолжали он, генерал-майор, с ним, Эрали-салтаном, между собою разговоры, токмо свойственные, ибо ему, генералу-майору, за болезнь в разпространение оных вступать было невозможно, яко с нуждою мог он тот и обед додержать; по окончании ж оного пополудни в 5-м часу паки он, салтан, им же, переводчиком Араслановым, провожен в ево лагерь.

А **30 числа** еще от него ж, господина действительного тайного советника, к нему, генералу-майору, он, салтан, заезжал для объявления о себе, что он того числа отсюда имеет отъехать, и заехал с ним, генералом-майором, проститься, причем он, генерал-майор, паки ему, Эрали-салтану, подтверждал, чтоб он во всем по подданныческой и присяжной должности верность и рабскую услугу Е. и. в. непоколебимо продолжал и всячески к тому ж народ свой приводить чтился, и старался во всех Е. и. в. высочайших повелениях с крайним усердием рабские свои и верные услуги с наивящею ревностию оказывать, за что потому ж обнадеживал ево особою Е. и. в. милостию; с чем он, Эрали-салтан, от него, генерала-майора, и отбыл.

А помянутые, присланные от Эрали-салтана старшина Куват и сотник Игибай с товарищи в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросами показали, а имянно:

1. Бывшей старшина Куват Кинзегулов, от роду ему сорок четыре года, родиною он Уфинского уезду Ногайской дороги Усергенской волости, в которой был старшиною, и в прошлом 755 году как находящагося в Уфинском уезде на Ногайской дороге в Бурзенской волости каменотесца Брагина убили, того он, Куват, не знает, и сам при том не был, только слышал оной Бурзенской волости от башкирцов, что он, Брагин, той волости башкирцам нестерпимые причинял обиды побоями и взятками, а особливо, что-де у многих жен и хороших дочерей отнимал и содержал при себе для блудодействия, за что-де и убили. Почему-де он, как скоро про то ево, Брагина, убийство услышал, то того ж дни написав репорт к господину брегадиру Бахметеву (которой тогда по притчине убийства помянутого каменотесца Брагина, выступя из Оренбурга, был уже в Воздвиженской крепости) с писарем своим Мавлюшем Якуповым, и послал, на которой от него, господина брегадира, и ордер получил, чтоб ему, Кувату, самому во сте человеках следовать в поход на озеро Талкас, где оной каменотесец Брагин убит, почему он, собрав своей команды то определенное число, в поход выступил и прибыл на озеро Талкас, где уже находились подполковник Исаков и капитан Бардовской, и следовали в побег ушедших предписанного каменотесца Брагина убийцов, которые бежали в Киргискую орду, почему команды ево башкирцами и самим им, Куватом, поймано приезжавших из Киргиской орды для забрания пажита реченных убицов означенного Брагина башкирцов три человека, да при них киргисцов двоя и объявлены помянутому подполковнику Исакову, а затем находились для предосторожности в караулах и розъездах, то-чию-де неведома по какой притчине означенной подполковник Исаков ночью порою, призвав ево к себе из лагиря и ничего не роспрашивая, посадил под караул, а команды ево башкирцов всех поручил под смотрение бывшему старшине Шарыпу Мрякову, почему он и содержался восемь дней, а потом, как ис того караула свободился, то находился при оном подполковнике с месяц, и по прозьбе ево отпущен был в дом свой с сроком на десеть дней, и быв в доме, паки возвратился, и к нему, подполковнику, явился и жил еще дней с пятнатцать, и потом уже совсем в дом свой

отпущен, а команды ево башкирцы за тем ево отпуском поручены в команду капитану Моисееву. А как Бурзенской волости башкирцы малое число уклонились к побегу в киргиз-кайсаки и следовали уже к Яику-реке, то по приказу прежде помянутого господина брегадира Бахметева посыланы были ис команды ево выбранные самые добрые люди пять человек для уговору и возвращения их в жительства свои, почему они ездили и оных бурзенцов склоня, их добродетельми от самого Яика возвратили было, коим попался уже встречу посыланной за ними ж с командою капитан Моисеев, и их всех, яко злодеев, побил кроме женскова пола, которых отослал к команде, а притом и с посыланных помянутых команды ево башкирцов для возвращения их пяти человек, трех побил же, а двоя ожили. И тако услыша оное, их башкирской народ стал приходить по своему лехкомыслию в робость и устрастие, к тому ж, как еще получили известие, что находящейся в Кизылской крепости майор князь Назаров бывших при оной крепости на службе башкирцов, всех не оставивая ни одного, без всякой притчины побил, то и вяще пришли в великой страх, а особливо, как по убивстве реченного каменотесца Брагина бывшие на Ногайской дороге самые лутчие и верные старшины, которые не только к тогдашним беспутствам, но и прежде к бывшим башкирским замешаниям не приставали, а имянно: Юмагузя Бердыгулов, Сабыр Уразгулов, Янали Апаков, Базан Кашаков и с ними сотники и выборные забраны в Оренбург, и известно учинилось, что они по привозе в Оренбург умершчлен. И тако с того уже времяни они, башкирцы, стали между собою весьма иное толковать, не зная что с собою и делать, ожидая того, что когда-де уже самые главные в их народе старшины и сотники умершчлены, то и им едва того миновать ли будет, почему все и взволновались, положи, чтоб в спасение своего живота итти им в Киргискую орду, где их киргисцы, яко с ними едино верные, могут (их) принять и вкупе с ним житьствовать. То тому сообщась, он, Куват, команды своей з башкирцами, и еще к ним совокупясь окрестных около их волостей башкирцами, всего стах в семи со всем своим семейством, скотом и пажитом, пошли и Яик-реку выше Орской крепости переправились, а притом на них никакого нападения от российских войск не было, и того ж дни по переправе чрез Яик пришли всем тем собранием в киргиские улусы Меньшой орды в семирод-таминской род, где

их киргисцы, приняв, во-первых, не грабя их, разделили по родам, а потом скот их, и пажить, и семейство разграбили с немалой между собою ссорой, а ево, Кувата, со всем семейством с тремя женами, с семьёю сыновьями, с тремя дочерми взял киргизец Турумбет-батыр, и не держа у себя, отпустил ево по ево прозвбе к Эрали-салтану, к которому он явился, и до отпуску при улусе ево находился. Скот же ево и пажить ограблен приезжавшим в небытность ево, Эрали, при улусе салтаном Карабашем Ниязовым, как же ис тех, кои с ним, Куватом, бежали, також и после ево прибежавших в Киргискую орду башкирских собраниев, сожалея своего отечества, стали выбегать в прежния жительства с кражею у киргисцов лошадей, то оные, негодовав на них, коих могли достигать на дороге, а других по тому их огорчению оставших в улусах своих, а иных, у ково жена молода или дочь есть, побивали до смерти, и жен и дочерей брали за себя в замужество, а других, видя такая побеги, в разсуждении, чтоб и оставшие к таковым жа побегам не отваживались, мужеск пол больших побивали, и некоторых они, киргисцы, распродали в Бухарию, в Хиву, и в другие в той стороне состоящие азиатские города. А за всем тем и еще в той орде их, башкирцов, находится довольное число, в бытность же ево в той орде, как у него, Эрали, так и у придержащихся при нем знатных старшин, слыша последовавшие всем бежавшим в орду башкирцам всемиловитейшие о упущении вин их указы, многократно просился, чтоб он ими был высвобожден во отечество свое, почему он, Эрали, и при нем знатные старшины ту ему свободу учинить и обещали, и тако со всем ево вышеписанным семейством, да притом з двумя племянниками, со снохою и ея сыном всего в восмнатцати душах привезли сюда в Оренбург. Будучи ж во оной Киргиской орде от киргисцов он, Куват, к российской стороне никаких худых замыслов не слыхал, и содержан он у них был не так, как пленной, но особо своим кошом и имел хлебопашество.

2. Сотник Игибай Кудайгулов, родиную он Уфинского уезду Ногайской дороги Сугун-Кипчацкой волости деревни Игибаевой, в прошлом 755 году, как находящагося в Уфинском уезде в Бурзенской волости каменотесца Брагина убийство учинилось, того он, Игибай, не знает и к тому согласию не приставал, только по убийстве уже ево, Брагина, чрез неделю или дней с шесть о том чрез подкомандующих своих башкирцов услышали и старши-

ною своим Шаилой Кулумбетевым и с прочими хорошими людьми много о том убийстве от беспутного их народу сожалели, а потом по указу Оренбургской губернской канцелярии выслали они в поход к бригадиру Бахметеву ис команды своей башкирцов сто человек, причем он, Игибай, вместо себя сына своего Биккиню посылал, которые чрез все лето с переменою там и находились. Убийству же ево, каменотесца Брагина, притчина между их башкирским народом носится та, что он, Брагин, придержащихся около ево башкирцов употреблял в тяжкие работы и бил немилостивно, а за всем тем брал немалые взятки, что-де все от их народа было терпимо, но как уже он, Брагин, начал их башкирских хороших жен и девок насильно отнимать и содержать при себе для блудодействия, то-де пришед в такое огорчение, ево, Брагина, Бурзенской волости башкирцы Иткул Чюраш, да Мрат с товарищи убили, и те убицы, и к тому с ними в согласии и во обществе находящиеся башкирцы с семейством своим уклонились на побег в киргиз-кайсаки, и как по притчине того убийства, во-первых, знатные и главные их Ногайской дороги старшины Юмагузя Бердагулов, Сабыр Уразгулов, Янали Апаков с товарищи забраны в Оренбург и умерщвлены, то как скоро их народ о том услышал, так стал приходиться в робость и страх и впадать в разные толкования, что-де и им не миновать того же; к тому же из посланных из команды их в Кизылскую крепость на службу тридцати шести человек, возвратясь один к ним в жительство, сказывал, что не токмо-де оные одни команды нашей находящиеся башкирцы тридцать пять человек, но все которых волостей при той крепости их, башкирцов, на службе не было находящимся при оной, командиром майором князем Назаровым без всякой притчины побиты, а он-де, видя себе смерть, один едва уйтить мог, почему и наипуще народ их в великое сумнение стал приходиться, и как услышали, что старшина Куват с собранием бежал в Киргиз-кайсацкую орду, то и они, взволновався, как их, так и окрестных волостей башкирцы, толкуя, что и им неминуемая гибель приходит, а ежели с российскими войсками воспротивляться, то наипуще могут подвергнуть себя в тяжкие Е. и. в. гнев; и тако за лутчее признали, чтоб не наводя народу своему гибели, в спасение своего живота бежать со всем семейством в Киргиз-кайсацкую орду, с тем разсуждением, что киргисцы, яко с ними единоверные, могут их принять добродетельно, и сообщаясь с

старшинами волости своей Шаилою Кулумбетевым и Бушмас-Кипчацкой волости Сатлыком Явкеевым, да Чамкин-Кипчацкой волости Тляумбетем Явгостиным, всего по примеру около трех тысяч дворов, приняли путь к побегу в киргиз-кайсаки. И будучи у реки Ику, имели всем тем собранием роздых, где означенной старшина Шаила дворах стах в четырех остался, а они следовали, и будучи при одном начлеге, стали разсуждать, дабы по спопутности им новозаводимой графа Шувалова завод раззорить, и хотя он и другие оттого разговаривали, но как известной своевольной и лехкомысленный их народ, не послушая, отобрався партию, поехав, и оной завод сожгли, точию он, Игибай, при том раззорении оногo завода, как сам не был, так и из родственников своих никого не допускал, а потом еще при одном наслеге на свету напали на них российского войска, а сколько их было, не знает, почему было у них с ними до самых полдней сражение, и со обеих сторон народу побито довольно. Но только они, усилясь против того российского войска, следовали к реке Яику, и Яик-реку ниже Кызылского устья переправились на Киргискую степь, и на другой день пришли они в киргиские улусы Меньшой орды в семирод-табынской род, где их киргисцы, приняв, и некоторых по разным рукам розобрали, а потом и разграбили, а он, Игибай, со всем семейством, с матерью, с тремя женами, с осмью сыновьями, с тремя дочерми и с протчими башкирцами, не останавливаясь в том Меньшой орды улусе, прошли Средней орды бузункипчацкой род, где то пришедшее их во оной род собрание киргисцы приняли, и по разным рукам розобрали и разграбили, а ево, Игибая, со всем вышеписанным семейством взял того роду киргизец Бигайдар, у которого он жил только десеть дней, а потом как приехал в тот род Эрали-салтан, то он, Игибай, явился к нему, Эрали-салтану, и просил, чтоб он при улусе ево находился, почему он ево и принял, только из семейства ево реченного киргисца Бигайдара брат Юзубай жену ево Зюгуру Бурагулову с сыном четырехлетним Бардой да з двумя дочерьми — тринадцатилетней Ишбикой, десятилетней Кышбикой, отняв у него, оставил у себя. С которого времени до-ныне он, Игибай, и находится при улусе ево, Эрали-салтана, один же ево сын Кумышка в том 755 году бежал из оной Киргиской орды и пропал безвестно, а другой, Биккия, находится ныне при Нурали-хане, и во всю ту свою бытность у означенного Эрали-салтана и у придержащихся

при нем знатных старшин, сожалея своего жительствова и слышав последовавшие всем башкирцам, бежавшим в Киргисскую орду всемилостивейшие о прощении вин их указы, многократно просился, чтоб и он с семейством ево высвобожден был по-прежнему в ево отечество, почему он, Эрали, с семейством ево: с матерью, з двумя женами, с пятью сыновьями, з дочерью и з двумя племянниками и привез сюда в Оренбург, а бежавшие с ним старшины Сатлык Явкеев и Тляумбет Явгостин, слышал он, что Средней орды киргисцами убиты; будучи же во оной орде никаких худых замыслов к российской стороне от киргисцов не слышал.

А протчие присланные со оными старшиною Куватом и сотником Игибаем башкирцы Усергенской, Сувун-Кипчацкой, Бушмас-Кипчацкой, Карагай-Кипчацкой, Чамкин-Кипчацкой, Тамянской, Тенгаурской и Бурзенской волостей в допросах показали, что они с семействами своими всего во сте пятнатцати душах в прошлом 755 году разными партиями за Яик в Киргиз-кайсацкую орду при означенных старшине Кувате, сотниках Игибае, Асянке и Айсуле, с протчими уклонившимися башкирцами бежали, и будучи в оной, киргисцами семейство их, також скот и пажить разграблен без остатку, а они-де, сожалея своего отчечества, и слыша всемилостивейшие Е. и. в. в упущени вин их указы, непрестанные чинили происки, чтоб им в жительствова свои возвратиться, и тако по неотступной их прозьбе привезены сюда в Оренбург Эрали-салтаном. Будучи ж во оной орде от киргисцов они никаких противных к российской стороне замыслов не слышали и не знают.

Да в том же числе один Казанского уезду Зюреской дороги Смайловой сотни деревни Нижних Шитцу есашной татарин Анофия Курбанаев в допросе показал: в прошлом 755 году вешним временем, а в котором месяце и числе, не упомнит, по прозьбе ево, Анофия, дан был ему ис Казанской губернской канцелярии для прокормления печатной пашпорт с сроком на год, с которым того ж вешняго времени, как сошел снег и скрылись воды, пришел он для работы в Уфинской уезд на Ногайскую дорогу в Усергенскую волость в деревню Байшеву, где и нанялся было в работу к башкирцу Байшу Мавлетову на два месяца за пять рублей, почему и жил у него с месяц, а потом, как Ногайской дороги разных волостей башкирцы, возмуться, уклонились на побег

в Киргиз-кайсацкую орду, тогда у ево, Анофия, вышписанной башкирец Байш, взяв с сенокосу насильно с собою в собрани при старшине Кувате (с коих было семей с тысячу), увез, и пришли со всем собранием в Киргискую орду в каракиятской род, где их киргисцы, разграбя, розобрали по разным рукам, а ево, Анофия, взял того ж роду киргизец Казибек, у которого он и поныне жил, и всегда сожалея своего жительство, при котором имеет отца и мать, жену и детей, просился, чтоб отпущен был, но только он, ево, Анофия, не отпускал, но как сведал о нем Эрали-салтан, яко он не башкирец, но Казанского уезду татарин, то от реченного киргисца взял он, Эрали-салтан, к себе и с протчими ведущими башкирцами прислал сюда в Оренбург. Имеющейся же у него предписанной данной ему и с Казанской губернской канцелярии паспорт при разграблении их киргисцы, отняв у него, изодрали; будучи ж в оной орде от киргисцов к российской стороне никаких он худых замыслов не слыхал, и до побегу в Башкири находился ни по какой засылке, но как выше значит, что был во оной для работы.

Тогож **25 числа** приехав к генералу-майору Тевкелеву в Оренбург Киргиз-кайсацкой Меньшой орды семирод-табынского роду киргисцы Танас з братом Ишимом да Урус и объявили ему, генералу-майору, что они по приказу владельца своего Айчювак-салтана во исполнение высочайшаго Е. и. в. повеления живущих у них из беглых в прошлом 755 году Уфинского уезду Ногайской дороги Усенгенской волости деревни Сабыровой башкирцов Чинкыза Юсупова, Туржея Таирова с семейством их, всего в восьми душах, да деревни Ярышевой башкирскую женку Айсултану привезли сюда в Оренбург к нему, генералу-майору, за что он, генерал-майор, их, Танаса с товарищи, похвалил, и в знак высочайшей Е. и. в. милости дано им в награждение: Танасу — сукна корноваго по шестидесят по шести копеек аршин восемь аршин на пять рублей на дватцать на восемь копеек, брату ево Ишиму-кожа — в девяноста копеек, да Урусу — сукна ж солдатского на кафтан по пятидесят по девяти копеек аршин три аршина с половиною на два рубли на шесть копеек с половиною, а всем — на восемь рублей на дватцать на четыре копейки с половиною.

А оные башкирцы в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросами показали: что в прошлом 755 году, когда прот-

чих волостей башкирцы, возмущаясь, уклонились на побег в Киргиз-кайсацкую орду, тогда и они, Чингыз и Торжей со всем своим семейством, в ту Киргиз-кайсацкую орду бежали и находились во оной семирод-таминского роду у киргисца Танаса, которой ныне по прозьебе их, Чингыза и Торжея, оставя у себя две Чингизовых дочерей, привез сюда в Оренбург.

Женка Айсултана Иштерекова: что она в Киргиз-кайсацкую орду в собрани при старшине Кувате з детьми своими четырьмя сыновьями, с одною снохою и с тремя внуками бежала и находилась в семирод-таминском роду у киргисца Уруса, которой ныне по прозьебе ее сюда в Оренбург привез; дети ж ее три сына и сноха выбежали из той орды в прежнее жительство, а четвертой сын и внуки при разграблении взяты киргисцами, а кем имянно, и у кого ныне находятся, не знает. Почему оные башкирцы и башкирка з данными билетами и надлежащим подтверждением отпущены в дома их.

Того ж числа получено от киргиз-кайсацкого Эрали-салтана на имя ево, генерала-майора, письмо, при котором алчин-шиклярского роду с киргисцом Кияком прислал башкирскую женку Кызыкаю Кугавинову с сыном, которая в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросом показала то ж, что в прошлом 755 году с возмутившимися тогда башкирцами при муже своем Мрате Пукаеве, и з детьми — двумя сыновьями и с одною дочерью в собрани при старшине Кувате в Киргиз-кайсацкую Меньшую орду бежала, и находилась во оной в шиклярском роду у киргисца Кыяка, которой по прозьебе ее, оставя у себя дочь ее с меньшим сыном, привез ныне сюда, в Оренбург, а муж ее, будучи у одного киргисца, помер, а большей сын находится в том же роду у киргисца Кузябая.

26 числа июля получены от него ж, Эрали-салтана, два письма при которых прислал аккитинского роду с киргисцами Азибай-бия, братьями башкирцов, а имянно с Елумбетем — двух, з Баймурзою — двух, с Шахмурзою — двух же, с Кадыром — одного, с Улждубаем — одного, с Калдыбаем — шесть, всего четырнатцать душ, а оные башкирцы в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросами показали:

1-е. Уфинского уезду Ногайской дороги Тамянской волости деревни Кудайбердиной Аскар Максютов в прошлом 755 году обще с возмутившимися и бежавшими в Киргиз-кайсацкую орду

башкирцами в собрани при знатном башкирце Салавате со всем своим семейством: з женою, з двумя сыновьями и с одною дочерью бежал и находился в Меньшой орде в аккитинском роду у киргисца Юлумбетя, которым по прозьбе ево з женою и с находящимся у него племянником ево Янибеком Игимбетевым привезен сюда, в Оренбург, а дети ево остались во оной орде в разных местах.

2-е. Ногайской же дороги Тамянской волости деревни Рагузиной Бердыбай Кардыбаев в прошлом 755 году, сообщась он с возмутившимися тогда башкирцами, со всем своим семейством: з женою, с сыном и з двумя дочерьми в Киргиз-кайсацкую орду в собрани при знатном башкирце Салавате бежал и находился во оной в аккитинском роду, у киргисца Иртая, которым по всегдашней ево и неотступной прозьбе с женою, и с сыном, и с родившеюся во оной орде дочерью годовою привезен сюда в Оренбург, две ж дочери ево остались у одного киргисца Иртая.

3-е. Тое ж Ногайской дороги Усергенской волости деревни Муталаповой Елдаш Абдрахманов показал тож, что и означенные башкирцы, что он в Киргиз-кайсацкую орду с протчими башкирцами в собрани при старшине Кувате з женою и з дочерью бежал и во оной находился в аккитинском роду у киргисца Алыбая, которым по прозьбе ево ныне сюда в Оренбург и привезен, а дочь ево оставил у себя, жена же ево выбежала в прошлом 755 году в прежнее свое жительство.

4-е. Уфинского уезду Ногайской дороги Бурзенской волости деревни Бекбулатовой Булгаир Усеинов в прошлом 755 году, сообщась он с возмутившимися тогда башкирцами, в собрани при старшине Кувате в Киргиз-кайсацкую орду с семейством: з женою и з двумя сыновьями бежал и, во-первых, находился в семирод-таминском, а потом в чиклинском родах у киргисца Калдыбая, и ныне по прозьбе ево з женою, и с одним сыном, да з другим, в той орде рожденным, привезен им сюда, в Оренбург, а другова сына оставил он, Калдыбай, у себя.

5-е. Тое ж Ногайской дороги Усерганской волости деревни Аслыевой Яхия Ишкуватов с возмутившимися-де башкирцами в прошлом 755 году в собрани при сотнике Асянке в Киргиз-кайсацкую орду с отцом своим, с матерью, двумя малолетними братьями и с сестрою бежал и находились, во-первых, в табынском роду, отколе отец ево и мать с одним ево братом и с сестрою

выбежали в прежнее жительство, а он, Чхия, ис того роду продан был в шиклярской род киргисцу Чакатаю, а брат ево в китинской род киргисцу, как зовут, не знает, от которого по прозьбе ево он, Яхия, отпущен, и едучи сюда мимо того китинского роду, и брата своего выпросил и пристал на дороге к едущему сюда киргисцу Калдыбаю, и с ним обще в Оренбург приехал.

29 числа июля получено от киргиз-кайсацкого Эрали-салтана письмо, при котором прислан китинского роду с киргисцами Чакатаем и Тюгалбаем Уфинского уезду Ногайской дороги Усергенской волости деревни Кучюковой башкирец Янбек Купаев с семейством в четырех душах, а оной башкирец в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросом показал, что в прошлом 755 году с протчими возмутившимися башкирцами бежал он в Киргиз-кайсацкую Меньшую орду и находился во оной аржай-китинском роду, у киргисца Арасланбека и по прозьбе ево им з женою ево и с одним сыном, да з дядею ево родным Кулуем отпущен и отдан для отвозу к Эрали-салтану киргисцам Чакату и Тюгалбаю, а от него, Эрали-салтана, со оными ж киргисцами прислан сюда, в Оренбург. Почему вышеписанные башкирцы со всем их семейством з данными билетами и надлежащим подтверждением отпущены в дома их.

Июля 31 числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение, что понеже в приезд сюда Киргиз-кайсацкой Меньшой орды владеющего Эрали-салтана как при трактовании ево и находящихся при нем салтанов, старшин и киргисцов, здесь у него, генерала-майора, так и для посылки к нему, Ерали-салтану, в лагерь, куплено и употреблено разных съестных и протчих припасов, а имянно: баранов девять, каждой по семдесят по пяти копеек, на шесть рублей на семдесят на пять копеек; пшена сорочинского один пуд двенатцать фунтов, по два рубли по пятидесят копеек пуд, на три рубли на дватцать на пять копеек; яиц двести на сорок копеек, пять куриц, каждая по семи копеек, на тридцать на пять копеек; цыплят дватцать три, каждой по три копейки, на шездесят на деветь копеек; молока два ведра на десять копеек, свежины три пуда на один рубль на десять копеек, муки пшеничной сееной семь пудов, по тридцати по пяти копеек пуд, на два рубли на сорок на пять копеек; вотки ведро по указной цене (на четыре) на четыре рубли на сорок на семь копеек, меду два пуда восемь фунтов, по рублю по осмидесят

копеек пуд, на три рубли на девяноста на шесть копеек, луку на двенадцать копеек; итого на дватцать на три рубли на шездесят на четыре копейки. Да наличных прежней покупки, имеющихся при комиссии припасов же: масла коровьева один пуд на два рубли, перцу полфунта на пятнатцать копеек, инбирию полфунта на пять копеек, гвоздики десеть золотников, по три копейки по три чети золотник, на пятьдесят на две копейки с половиною; изюму один фунт на восемь копеек, сахару два фунта, по дватцати по две копейки с половиною фунт, на сорок на пять копеек; табаку два фунта на восемь копеек с половиною; итого на три рубли на тритцать на четыре копейки, а всего притом употреблено на дватцать на шесть рублей на девяноста на восемь копеек. Да выдано в награждение за привод и объявление беглых со здешней стороны башкирцов из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, казенных вещей, а имянно: по письму от Эрали-салтана, с которым он прислал к нему, генералу-майору, первых башкирцов сто сорок шесть душ, солтану Дербешале да алчин-чюмекейского роду старшине Маметю сукна береславского по четыре аршина, а обоим восемь аршин по рублю по дватцати по пяти копеек аршин на десять рублей, да киргисцам, у которых те башкирцы содержаны были, смотря по числу семейства, а имянно: Баждан-бию сукна кармазинского, по три рубли по тритцати копеек аршин, четыре аршина на тринадцать рублей на дватцать копеек; Акману и Улжую береславского по четыре аршина, а обоим восемь аршин, по рублю по дватцати по пяти копеек аршин, на десять рублей; Карадвану, Мныбаю, Сигизбаю, Ширназару, каждому корновога по четыре аршина, а всем четверем шеснатцать аршин, по шестидесят по шести копеек аршин, на десять рублей на пятьдесят на шесть копеек; да сверх оных киргисцам дватцати пяти человеком, которые помянутых присланных от Эрали-салтана башкирцов, не имеющих лошадей, везли на своих и пищею довольствовались, каждому сукна салдатского по три аршина с половиною, а всем дватцати пяти — восемьдесят семь аршин с половиною, по пятидесят по девяти копеек аршин, на пятьдесят на один рубль на шездесят на две копейки с половиною; да за привод и объявление башкирцов девяти душ семирод-табынского роду киргисцам Танасу сукна корновога по шестидесят по шести копеек аршин, восемь аршин на пять рублей на дватцать на восемь копеек; брату ево Ишиму-кожа — в девяноста

копеек, Урису — сукна салдатского на кафтан по пятидесять по девяти копеек аршин, три с половиною аршина на два рубли на шесть копеек с половиною; а всем на восемь рублей на дватцать на четыре копейки с половиною. Еще по письмам же ево, Эрали-салтана, с коими прислано было от него башкирцов четырнатцать душ, Кыяку, Елумбетю, Баймурзе, Шахмурзе, Кадыру, Улжду-баю, каждому корновога по четыре аршина, а всем шестерым дватцать четыре аршина, по шестидесят по шести копеек аршин, на пятнатцать рублей на восемьдесят на четыре копейки; Чакат-баю и Тюгалбаю — салдатского по три аршина, а обоим шесть аршин по пятидесять по девяти копеек аршин, на три рубли на пятьдесят на четыре копейки да Калдыбаю за шесть душ — береславского четыре аршина, по рублю по дватцати по пяти копеек аршин, на пять рублей; а за означенное ево, Эрали-салтана, по прошлогодскому в Илецкой крепосце положению в самом деле исполнение и ревностное усердие в знак высочайшей Е. и. в. милости, и дабы он впредь, будучи с здешней стороны удовольствован, мог ревностнее и со тщанием усердствовать, дано ему, Эрали-салтану, деньгами сто рублей, да находящемуся при нем салтану Дусалию, о котором он, Эрали-салтан, просил, что он во всяких делах ему, Эрали-салтану, с отличностию против других помогает и к здешней стороне усердствует, тритцать рублей, да послано с ним же, Эрали-салтаном, к матере ево Пупай-ханше, понеже он, Эрали-салтан, объявил ему, генералу-майору, что и она в положенных на них отсюда делах участницею бывает, голь красная малой руки в четырнатцать рублей в пятьдесят копеек, китайки тюнь в шесть рублей в восемьдесят пять копеек, кожа одна в девяноста копеек, итого на дватцать на два рубли на пятнатцать копеек, да сверх того отослано к нему, Эрали-салтану, для роздачи находящимся при нем старшинам и киргисцам, кому он, салтан, по услугам за способно сам признает, сукна корновога, по шестидесят по шести копеек аршин, семдесят пять аршин на сорок на девять рублей на пятьдесят копеек; салдатского, по пятидесять по девяти копеек аршин, семдесят пять же аршин на сорок на четыре рубли на дватцать на пять копеек; итого на девяноста на три рубли на семдесят на пять копеек, всего же употреблено в награждение как ему, Эрали-салтану, так и приезжавшим с ним салтанам, старшинам и киргисцам и з деньгами на триста на семдесят на три рубли на девяноста на

одну копейку, итого б ради как за помянутые покупные и употребленные при трактовани припасы дватцать три рубли шездесят четыре копейки выдать, так и прежней покупки имеющихся при комиссии припасы, також деньги и вышеозначенные вещи записать в расход, и о том к находящемуся с казначейской должности капитану Ружевскому наслать ордер. Почему ко оному капитану Ружевскому того ж числа ордер и наслан.

Августа 3 числа приехал к генералу-майору Тевкелеву в Оренбург Киргиз-кайсацкой Меньшей орды чиклинского роду киргизец Итзимас и объявил по приказу владельца своего Нурали-хана: живущаго в их Киргиз-кайсацкой орде из беглых в прошлом 755 году Уфинского уезду Ногайской дороги Бурзенской волости деревни Кйгулиной башкирца Унгара Киздикеева с семейством в четырех душах, а оной башкирец в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросом показал, что в прошлом 755 году бежал он с возмутьившимися тогда башкирцами в Киргискую Меньшую орду и находился во оной в ужрай-китинском роду у киргисца Идиги, которым по прозье ево з женою, с одним сыном да с родственником малолетным Мусою Абулгайровым отпущен и сюда, в Оренбург, предписанным киргисцом Итзимасом привезен.

Того ж числа учинено им, генералом-майором Тевкелевым, определение и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер, чтоб за привод и объявление помянутого башкирца Унгара Килдыкеева предписанному киргисцу Итзимасу выдать в знак высочайшей Е. и. в. милости в награждение сукна корноваго, по шестидесят по шести копеек аршин, три аршина с половиною на два рубли на тритцать на одну копейку да кожу в девяноста копеек, итого на три рубли на дватцать на одну копейку.

Августа 5 числа получено от киргиз-кайсацкого Эрали-салтана письмо, при котором с киргисцом Мамутом-батырем присланы Уфинского уезду Ногайской дороги Бушмас-Кипчацкой волости две башкирские женки: деревни Аптраковой Алтын Куллубердина, деревни Япаровой Сявря Арасланбекова. А оные башкирские женки допросами показали, что они в Киргиз-кайсацкую орду при мужьях своих бегали и находились в Средней орде, откуда мужья их в прежние свои жительства выбежали, а они по прозье их присланы сюда от киргиз-кайсацкого Эрали-салтана.

Почему вышеписанной башкирец с семейством и оные башкирки з данными билетами и надлежащим подтверждением отпущены в дома их.

Того ж числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер, чтоб помянутому присланному от Эрали-салтана з двумя башкирскими женками киргисцу Мамуту в знак высочайшей Е. и. в. милости и во удовольствие ево, Эрали-салтана, выдать в награждение сукна корнового три аршина с половиною, по шестидесят по шести копеек аршин, на два рубли на тридцать на одну копейку; да кожу в девяноста копеек, итого на три рубли на дватцать на одну копейку.

Августа 9 числа присланная со знатного меновнаго двора, привезенная на оной киргисцом маскарского рода Нуралыем Уфинского уезду Ногайской дороги Тамянской волости деревни Мусиной башкирская женка Фатма Япанова в порученной генералу-майору Тевкелеву комиссии допросом показала, что она в прошлом 755 году при родственниках своих бежала в Киргиз-кайсацкую Меньшую орду и находилась во оной в маскарском роду у показанного киргисца Нуралы, которой ныне по прозьебе ее, привезя на Оренбургской азиатской меновой двор, оставил, почему она башкирка з данным билетом и надлежащим подтверждением отпущена в прежнее ее жительство.

Августа 9 и 12 чисел учинены генералом-майором Тевкелевым два определения и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому насланы ордеры о выдаче присланным от киргиз-кайсацкого Нурали-хана с письмами на общее имя господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева, и ево, генерала-майора, киргисцу Утямышу да теленгуту Сарайкулу. Которые обратно к нему, хану, отправлены во удовольствие ево, хана, Утямышу сукна салдатского трех аршин с половиною, по пятидесят по девяти копеек аршин, на два рубли на шесть копеек с половиною; Сарайсулу — кожи в девяноста копеек, а обоим на два рубли на девяноста на шесть копеек с половиною.

Августа 19 числа привез к генералу-майору Тевкелеву в Оренбург присланного от киргиз-кайсацкого Нурали-хана при печате максарского роду с киргисцом Дюняном живущего у него, Дюняна, из беглых в прошлом 755 году Уфинского уезду

Ногайской дороги Усергенской волости деревни Аслаевой башкирца Янибека Исянгулова з женою да з дочерью, да объявил к нему ж, генералу-майору, чиклинского роду киргизец, ханской зять Кузей з братом своим Досаем означенной же деревни Аслаевой башкирца Солтангула Зиянгулова з женою ж, да с сыном, за что он, генерал-майор, их похвалил и в знак высочайшей Е. и. в. милости дано им в награждение из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, казенных сукон, а имянно: Дюняню и Кузею — корноваго, по шестидесяти по шести копеек аршин, по четыре аршина; а обоим восемь аршин на пять рублей на дватцать на восемь копеек; Досаю — салдатского, по пятидесят по девяти копеек аршин, три аршина с половиною на два рубли на шесть копеек с половиною, итого на семь рублей на дватцать на восемь копеек, а оные башкирцы в порученной ему, генералу-майору, комиссии допросами показали, что они в прошлом 755 году с протчими возмутившимися башкирцами в Киргизкайсацкую Меньшую орду бежали и находились во оной: Янибек у Дюняня, а Солтангул у ханского зятя Кузея, и у брата ево Досая, коими-де по многой их прозьбе и сюда, в Оренбург, привезены. Почему оные башкирцы и с тем их семейством з данными билетами и надлежащим подтверждением отпущены в прежнее их жительство.

Августа 20 числа послано в Государственную Коллегию иностранных дел доношение следующего содержания:

«В Государственную Коллегию иностранных дел генерала-майора Тевкелева покорнейшее доношение.

При указе Е. и. в. оной Государственной Коллегии от 22 февраля сего году приложена с поданного Правительствующему Сенату 14 числа генваря из оной Коллегии доношения копия, которым по представлению моему о выданных киргиз-кайсаками башкирцах требовано, чтоб за оказанную в склонении киргисцов, яко народ дикой и издревле в самовольствии закоснелой, на добровольную оных башкирцов з женами и з детьми отдачею и отпуск киргизкайсацким Эрали и Айчювак салтанами, дабы они к здешней стороне так, как и брат их Нурали-хан, которой ежегодное Е. и. в. жалованье по шестисот рублей получает, к здешней стороне обязанными были, при нынешнем случае дать по сабле да товарами рублей на двести каждому и о том отправить к ним от его сиятельства канцлера графа Алексея Петровича Бестужева-Рю-

мина письма, дабы оное награждение они за такое, которое им от высочайшаго Е. и. в. двора чинится, принять могли, а в тех письмах отчасти их похвалить и за возвращение беглых к ним башкирцов и притом требовать, чтоб они и оставшихся у них також-де возвратили, и что когда на оное требуемая резолюция воспоследует, то и надлежащая о сем от его сиятельства канцлера письма, также и сабли отправлены ко мне быть имеют, точию и поныне еще оных в присылке не имеется.

А понеже как в прошлом году во время свидания моего с ними — ханом и салтанами, они положили и утвердили, чтоб находящихся в их владениях башкирцов з женами и з детьми и с оставшими после разграбления их пожитками по-прежнему сюда высвободить, коих успеют тогдашним летом, а коих за дальностию невозможно, то нынешнюю весною, чего ради Айчювак-салтан нарочно для лучшаго и скорейшаго их сюда отпуску употребил знатных своих старшин Исеть-тархана, Худайназара, Тюлебай-бия и Юлан-батыря, а Эрали-салтан в дали имеющих ныне весною обещал сам сюда привести, почему так самым делом и учинили, ибо еще того ж лета и осенью немалое число их, башкирцов, со всем семейством от них, хана и Айчювак-салтана, было как самими ими привезено, так и прислано владения их с киргисцами, о чем оной Государственной Коллегии тогда ж, то есть сентября от 21 числа 1756 году, низжайше с приложением журнала от меня донесено. А Эрали-салтан по тому прошлогодскому положению ныне из своего владения с собою привез и ко мне в порученную комиссию прислал их, башкирцов, со всеми их семействами и со скотом, всего мужеска и женска полу сто шездесят девять душ, в том числе и бывшего старшину Кувата с сотником Игибаем, да Айчювак-салтан как с собою же привез, так и пред тем прислал оба его полу дватцать шесть, от хана — дватцать шесть же, а всех двести дватцать одна душа, а за всем тем и ныне почти всегда от них присылаются, только они, Эрали и Айчювак салтаны, как присланным ко мне из них Эрали-салтан письмом, так и оба они в бытность свою здесь мне представляли и усильно просили, чтоб о той их службе и особливо к здешней стороне усердности представить к высочайшему Е. и. в. двору, объявляя при том, чтоб о той их службе у высочайшаго Е. и. в. двора было известно и протчее, что пространнее значит в держанном при конференциях с ними журнале, с кото-

рого також и что еще по порученной мне комиссии происходило, копию при сем всепокорнейше прилагаю. Во время же их, Эрали и Айчювак салтанов, здесь бытности как при трактовании в городе, так и в их лагире, употреблено от порученной мне комиссии для Эрали-салтана с старшинами на дватцать на шесть рублей на девяноста на восемь копеек, а для Айчювак-салтана — только на восемьдесят на пять копеек, да дано им, салтанам, в поощрение того, дабы они при таком случи вовсе не почли себе неудовольствия в знак высочайшей Е. и. в. милости, а имянно: Эрали — деньгами сто рублей, да приехавшим с ним брату ево двоюродному Дусали-салтану тридцать рублей, старшинам и киргисцам, у кого те башкирцы пребывание имели — сукнами и кожами на двести на дватцать на восемь рублей на дватцать копеек, да послано с ним, Эрали-салтаном, к матери ево Пупайханше по ево прошению голь малой руки в четырнатцать рублей в пятьдесят копеек, тюнь китайки в шесть рублей в семдесят пять копеек, кожа в девяноста копеек; Айчюваку — черная лисица в дватцать четыре рубли, да старшинам и киргисцам владения ево — на тридцать рублей на тридцать на четыре копейки, а всего для них, салтанов, и их старшин, и киргисцов при трактовании и на подарки употреблено на четыреста на шездесят на два рубли на пятьдесят на две копейки, сверх того присыланым от хана зятю ево, Клыськаре да Солтанзяну салтаном и ево ж ханским теленгутам и киргисцам, которые привозили сюда вышепоказанных башкирцов дватцать шесть душ — на сорок рублей на девяноста на шесть копеек с половиною, да к нему, хану, отослано вотки сладкой с специями ведро на четыре рубли на семдесят на две копейки, да изюму три фунта на дватцать на четыре копейки, итого на пять рублей на две копейки; и тако всего сочиняет на их, киргиз-кайсацкое, употребление на пятьсот на восемь рублей на пятьдесят копеек с половиною, о чем Государственной Коллегии иностранных дел всепокорнейше доношу, а притом нижайше представляя, не соизволит ли оная Государственная Коллегия вышеозначенные им, салтанам, сабли по вышеозначенному моему прошлого году нижайшему представлению милостиво повелеть ко мне прислать, кои я и с повеленным им сверх того товарами награждением, если соизволено будет, с пристойным изъяснением отправить бы мог, чим при нынешним случи весьма нужно их, Эрали и Айчювак салтанов, для наивыщаго о высочайшей к ним

Е. и. в. милости уверения наградить, дабы они, будучи долговременно знаком от высочайшего Е. и. в. двора не удостоверены, по своему состоянию не могли б в дасца в какое размышление, на что от оной Государственной Коллегии имею ожидать повелительного Е. и. в. указа.

Того ж числа учинены генералом-майором Тевкелевым два определения и по оным к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому насланы ордеры.

1-е: о выдаче отправляющемуся от него, генерала-майора, по порученной ему Пограничной киргиз-кайсацкой комиссии с нужнейшими секретными в Правительствующий Сенат и в Государственную Коллегию иностранных дел представлениями Оренбургского гарнизонного драгунского полку капитану Осипу Тевкелеву и при нем одному салдату на платеж до Санкт-Петербурга в один путь на три почтовые прогонных денег, а имянно: от Оренбурга до Казани на пятьсот на дватцать на одну версту, и от Казани до Москвы на семьсот на тритцать на пять верст, по деньге на версту, осьмнатцать рублей осмидесят четырех копеек; а от Москвы до Новагорода, на пятьсот на сорок на восемь верст по копейке, шеснатцати рублей сороки четырех копеек; от Новагорода до Санкт-Петербурга на сто на восемьдесят на шесть верст, по две копейки на версту, одиннатцати рублей шеснатцати копеек; итого — сороки четырех рублей сороки четырех копеек з запискою в расход и с роспискою ево, Тевкелева.

2-е: о выдаче оному ж капитану Тевкелеву на покупку в порученную ему, генералу-майору, комиссию самого хорошаго чистого сургуча трех фунтов, да галанской хорошей же бумаги одной стопы и протчаго денег тритцати рублей.

Того ж **августа 20 числа** приехав в Оренбург, Киргиз-кайсацкой Меньшой орды киргисцы аккитинского роду Чалдик, да семирод-дабынского Сюяр да Тлеш, объявили в порученной генералу-майору Тевкелеву комиссии из беглых в прошлом 755 году со здешней стороны башкирцов, а имянно: Чалдик — Уфинского Уезду Ногайской дороги Тюнгаурской волости деревни Мамутовой Сиксанбая Тлявгулова з женою и двумя сыновьями; Сюяр да Тляш — означенной же деревни Мамутовой Акмурзу Кадырметева з женою да с сыном да Усергенской волости деревни Кучюковой Мавлюта Юлашева з женою с сыном, да з дочерью, за что они пристойным образом похвалены, и дано в награждение каждо-

му сукна корнового по три аршина с половиною, по шестидесяти по шести копеек аршин, а всем — десять аршин с половиною, да сверх того из них показанному Чалдику, яко он пред ними знатнее, кожа в девяноста копеек, всего по цене на семь рублей на восемьдесят на три копейки. А оные башкирцы допросами показали, что они по побеге отсюда находились в Киргиз-кайсацкой Меньшой орде у предписанных киргисцов и ныне по прозьбе их привезены ими сюда, в Оренбург. Почему они з данными им билетами и отпущены в прежние их жительства.

Того ж **20 числа** получено от киргиз-кайсацкого Нурали-хана на имя ево, генерала-майора Тевкелева, письмо следующего содержания:

«Высокородному и превосходительному господину генералу майору и дяде моему Алексею Ивановичу Тевкелеву.

Доношу Вашему превосходительству, что я нужду имею в бумаге и сургуче и прошу оной дести с три, яко же и сургуча с сим посланным Минликулом прислать. Во уверение сего я, Нурали-хан, чернильную свою печать приложил». На оном письме ево, Нурали-хана, чернильная печать приложена.

На которое от него, генерала-майора, к нему, хану, писано тако:

«Высокостепенной и высокопочтенной Киргиз-кайсацкой орды Нурали-хан, мой любезный брат и древней друг.

При сем к вашему высокостепенству по требованию вашему посылаю с присланным от вас Минликулом бумаги пять дестей-да сургучу три палачки».

Сентября 3 числа послано от него, генерала-майора, в Оренбургскую губернскую канцелярию сообщение, коим требовано о выдаче находящемуся при комиссии ево, генерала-майора, Оренбургского гарнизонного драгунского полку капитану Осипу Тевкелеву сего 1757 году за майскую треть денежного жалованья и наденщиков.

Сентября 9 числа подано от находящегося при порученной ему, генералу-майору, Пограничной киргиз-кайсацкой комиссии в толмаческой должности отставного салдата Уразая Абдулова доношение, который просим о выдаче ему сего 1757 году за прошедшую майскую треть определенного им, генералом-майором, денежного жалованья. По которому доношению и по учиненной справке учинено им, генералом-майором, определение и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер, чтоб ему, Абдулову, заслуженное им сего 1757 году

за прошедшую майскую треть денежное жалованье шесть рублей выдать, записав в расход с роспискою.

Сентября 10 числа приехав в Оренбург Киргиз-кайсацкой Меньшой орды чиклинского роду киргизец Акзюль и объявил в порученной ему, генералу-майору, комиссии из беглых в прошлом 755 году башкирцов Уфинского уезду Ногайской дороги Усергенской волости деревни Айсулевой башкирца Солтангула Чюраева, за что дано ему в награждение сукна салдатского на кафтан три аршина с половиною, по пятидесят по девяти копеек аршин, на два рубли на шесть копеек с половиною.

А оной башкирец Солтангул Чюраев, також и присланной от киргиз-кайсацкого Нурали-хана с теленгутом ево Айярыком башкирец же Ногайской дороги Тюнгаурской волости деревни Киикбаевой Ишкузя Токаев с малолетним сыном Кутлумягдой допросами показали, что они по побеге со здешней стороны находились в Киргиз-кайсацкой Меньшой орде, и ныне по прозвбе их Солтангул привезен предписанным киргисцом Акзулем, а Ишкузя прислан от киргиз-кайсацкого Нурали-хана, которые з данными им билетами отпущены в прежние их жительства.

Сентября 14 числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому наслан ордер, чтоб приезжавшему сюда Киргиз-кайсацкой Средней орды атагайского роду известному старшине Кулсаре-батырю, которой в той орде называется святышею и от всех киргиз-кайсаков отлично почитается, к российской же стороне особое имеет усердие и верность, ибо когда он, генерал-майор, был во оной орде для принятия их в подданство, то тогда еще он, Кулсара, изъявляя свое усердие и верность, довольное ему, генералу-майору, чинил вспоможение, почему он, как знатной во всей их орде и почитаемой всеми ими киргисцами, и впредь не беспотребен по случаю бытъ может, в знак высочайшей Е. и. в. милости дать ему в награждение на кафтан сукна кармазинного четыре аршина, по три рубли по семидесят по пяти копеек аршин, на пятнадцать рублей.

Сентября 15 числа приехав в Оренбург Киргиз-кайсацкой Меньшой орды семирод-табынского роду киргизец Утяп, объявил в порученной ему, генералу-майору, комиссии из беглых в прошлом 755 году Уфинского уезду Ногайской дороги Усергенской волости деревни Аслаевой башкирца Абзана Исянгулова с матерью, за что он пристойным образом похвален.

А оной башкирец допросом показал, что он по побеге находился в Киргиз-кайсацкой Меньшой орде у помянутого киргисца Утяпа, которым по прозьбе ево и сюда в Оренбург привезен. Почему он и с оною ево матерью з данным билетом отпущен в прежнее ево жительство.

Того ж **15 да 18 чисел сентября** учинены генералом-майором Тевкелевым два определения и к находящемуся в казначейской должности капиталу Ружевскому насланы ордеры.

1-е — о выдаче присыланному от киргиз-кайсацкого Нурали-хана и отправляющемуся ныне к нему, хану, обратно с переводчиком Усманом Араслановым алчин-кзылыгургского роду киргисцу Аммамбетю во удовольствие ево, хана, в награждение сукна корнового три с половиною, по шестидесят по шести копеек аршин, на два рубли на тритцать на одну копейку

2-е — о выдаче же еще присыланному сюда от него ж, хана, с переводчиком Усманом Араслановым служителю ево ханскому Айярыку, которой особливо во всех ево ханских бываемых исправлениях употребляется, и все что до него хана принадлежит, чрез него, Айярыка, происходит, во удовольствие ево, хана, и дабы он, Айярык, по тому ево при нем, хане, случаю и в верности больше к здешней стороне усердие имел, в награждение при обратном ево отсюда к нему, хану, отъезде на кафтан полужкстроваго сукна четыре аршина, по рублю по дватцати копеек аршин, на четыре рубли на восемьдесят копеек.

Сентября 23 приехав в Оренбург Киргиз-Кайсацкой Меньшой орды чиклинского роду киргисцы Куенбай, да Тянгреберган, и объявили в порученной ему, генералу-майору, комиссии, живущаго у них из беглых в прошлом 755 году Уфинского уезду Ногайской дороги Усергенской волости деревни Муталлаповой башкирца Юнуса Купаева з женою, с сыном да з дочерью, за что он, генерал-майор, их похвалил и во удовольствие Нурали-хана, понеже оные ему, хану, Куенбай — дядя родной, а Тянгреберган — шурин родной же; дано им в награждение сукна полужкстроваго по четыре аршина, а обоим восемь аршин, по рублю по дватцати копеек аршин, на девять рублей на шездесят копеек. А оной башкирец допросом показал, что он з женою, с сыном и з дочерью по побеге находился в Киргиз-кайсацкой Меньшой орде у киргисца Кунбая, которым по прозьбе ево и сюда в Оренбург привезен, почему он с тем ево семейством з данным билетом отпущен в прежнее жительство.

К прибывшему сюда киргиз-кайсацкой орды Нурали-хану **25 числа сентября** послана была в лагерь с секунд-майором Страховым и переводчиком Араслановым карета, заложенная цугом, для приезде ево, хана, к генералу-майору Тевкелеву на обед, почему он пополудни в 1-м часу и прибыл, где по надлежащем комплементе имели между собою токмо о пребываниях своих разговоры, ибо он, хан, объявил, что нынешней день не такой, дабы о всех их ординских делах разговор иметь, а просил, чтоб уже о всем завтрашней день, то есть **26 числа**, возыметь, а уединенную конференцию, почему не вступая в оные, и сели за стол, причем были прибывшие с ним, ханом, салтаны Досали, Клыськара, Мамедели, Пюрюм, да дети ево ханские Ишим [83] да Перали [84] и ханской зять Алюша [85], да старшин и киргисцов пятьдесят семь человек, да находящейся в аманатах сын ево Аблай-салтан с киргисцами, ис коих познатнее были посажены обще в зале, а протчие в поставленной полатке, причем с ним, генералом-майором, были штап- и обер-афицеры, и трактованы все довольным кушаньем и разными виноградными напитками, а протчие киргисцы — воткою, вином и медом; по окончании ж обеда он, хан, провожен паки в ево лагерь предписанными же майором Страховым и переводчиком Араслановым.

А 26 числа поутру послана была с одним уже токмо переводчиком по него, хана, карета, в которой он в 12-м часу и прибыл к нему, генералу-майору, и имели аудиенно конференцию, причем во-первых, он, хан, представлял о прошлогоднем переходе за Яик на сю сторону скота их и приносил жалобу на яицких казаков, что они во время перегону на ту сторону оного их скота с киргиз-кайсаками так сурово и непорядочно поступали, что немалое число скота их от того чрезвычайного с ними поступка пропало, а за всем тем несколько и насильно от них, киргиз-кайсак, они, казаки, отнимали, а притом некоторых хороших киргисцов и до смерти побили. На что он, генерал-майор, ему, хану, объявил, что понеже когда здесь Е. и. в. высочайшей указ о непропуске скота их на здешнюю сторону получен, то тогда ж от господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева и от него, генерала-майора, благовременно ему, хану, знать дано с тем, чтоб уже как сами киргисцы на здешнюю сторону не переходили, так бы и скот свой отнюдь не перепущали, почему ему, хану, тогда и долженствовало всем по Яику кочующим старшинам и кир-

гисцам о том объявить и от себя подтвердить; и когда б они в противность того не чинили и скот свой не перегоняли, также и в перегоне оными яицкими казаками обратно на их сторону не противились, то б такого и затруднения произойти не могло, ибо сами они, киргисцы, когда их яицкие казаки не стали на сю сторону со скотом перепуцать, не только сильно скот свой перегонять, но и оружейно с ними, казаками, противитца отважились, почему может быть между тем, кто и убит зделался.

На то он, хан, объявил, что же хотя оной Е. и. в. указ он, хан, и получил, только-де же весьма уже поздно и в самую глубокую осень, а к тому ж-де в то время два брата, також и из детей ево ханских померло, то-де в таком печальном случи не мог он, хан, с придерживающимися при нем улусами в дальные теплые места убраться, и тако-де принужденным нашелся около уже Яика, сколько можно на той стороне держаться, но токмо-де как самые глубокие снега повыпали и большие стужи наступили, то необходимо принуждены были и на сю сторону перепуцать в надежде того, что как они подданные Е. и. в., никакого злаго намерения не имеют, то так спокойно и содержать там станут, но только-де с ними не так, как с подданными Е. и. в., поступлено; а что-де яицкие казаки сюда ни представляли, то все ложно, ибо если-де киргиз-кайсаки оружейно с ними, казаками, противились, то б-де невозможно было миновать, кто б из них, казаков, не был чем поврежден или до смерти убит, но за всем-де тем и сам он, хан, их, киргисцов, яко подданных Е. и. в. рабов, до такой отважности чувствуя, многую к себе высочайшую Е. и. в. милость не допустил, но сами-де они, яицкие казаки, все то починя и не зная, чем оное закрыть, уже сами себя вредя, и представляли сюда напрасно.

И на то паки он, генерал-майор, ему, хану, подтверждал, что если бы от них, киргиз-кайсак, такой противности задано не было, то б как могли и яицкие казаки с ними столь отважно поступить; что выслушав, он, хан, объявил, что-де не только одно прошлогодское им повреждение и гибель они, казаки, причинили, да и в нынешнем-де году немалое число лошадей воровски от киргиз-кайсак отогнали, только-де с них взыску не чинится.

На что ему, хану, от него, генерала-майора, сказано, что может быть оное их атаман не ведает, а ежели бы было представлено, то б по справедливости тем ворама никакого упущения от войска Яицкого и быть не могло.

Второе он, хан, представлял: понеже-де как известно всем здесь, что вся их Киргиз-кайсацкая степь от засухи и великих жеров выгорела, и також-де пришло, что уже им и кочевать ныне негде, а на погорелых местах от бездожжицы траф не вышло, отчего-де скот их может весь помереть, почему-де и высочайшему Е. и. в. интересу чрез то причиниться имеет убыток, ибо-де когда от них, киргиз-кайсак, довольно скота на мену прогоняемо будет, то столь больше и в казну Е. и. в. в зборе с того пошлин быть может, и просил, чтоб хотя на нынешнюю зиму им, киргиз-кайсакам, дозволено было на сю сторону скот перепустить и им по Яику кочевать, ибо-де если на погорелые места снег выпадет, то-де скоту их тут и ходить невозможно, а в даль он, хан, для многих резонов откочевать не желает.

На что он, генерал-майор, ему, хану, сказал, что когда киргиз-кайсаки беспокойно с калмыками между собою обращались и одни у других великия кражи чинили, как то калмыцкие владельцы и он, хан, неоднократно представляли, то может быть потому и указом Е. и. в. ни их, киргиз-кайсак, на сю сторону, ни калмык за Яик в пресечение того перепущать не повелено, и тако за силою того Е. и. в. высочайшаго указа как вышепомянутой господин действительной тайной советник, так и он, генерал-майор, такого дозволения ему, хану, дать уже не могут.

Почему он, хан, сказал, что-де елико касается до киргисцов, то сам он, хан, на себя снимает, ибо-де как он сам в верности находится, то и их, киргиз-кайсак, ни до каких самољств и шалостей не допустит и будет содержать в такой верности, как подданным Е. и. в. быть надлежит.

На что он, генерал-майор, ему, хану, объявил, что о нем, хане, Е. и. в. и они никакого в верности ево сумнения не имеют, но толь паче на него благонадежны, но что касается до киргисцов, то как он сам знает, что они самовольны, и он, хан, властью и силою их от шалостей удержать никак не может.

На то он, хан, сказал, что если-де от киргисцов какие будут происходить продерзости и он паче чаяния их от того сам собою удержать не возможет, в таком случае будет он, хан, в то ж время по способности куда надлежит представлять, только за всем тем усиљно просил, чтоб хотя уже по последней мере в нынешнюю зиму ево, хана, и фамили их скот на сю сторону перепустить было дозволено, объявляя притом, что-де если и он, хан, скотом опа-

дет, то определенным ему жалованьем ни месяца содержать себя будет не в состоянии.

Почему он, генерал-майор, ему, хану, объявил, что он, посоветовав о том з господином действительным тайным советником, и что можно учинить, то к ево пользе зделать они не оставят.

Третье объявляя он, хан, что-де при всем том за нужное признал, он, хан, и сие здесь объявить, что ныне на Среднюю орду нападает китайское войско и неоднократно уже сражени с Аблай-салтаном были, причем требуют выдачи калмыцкого владельца Амурсананя [86], куда-де прошлой осени и брат ево Эрали-салтан с войском своим ездил для помощи Средней орде, почему-де оных китайцов при сражении ж отбили и немалую от них, китайцов, добычь получили. А как-де ему, хану, было известно, то он, Амурсанянь, у него, Аблай-салтана, был, а ныне-де оного уже в их Киргиз-кайсацкой орде не имеется, и куда уехал, и жив ли или где пропал, о том-де у них неизвестно. Однако жде неотступно ево требуют, и как-де их уверили, что ево, Амурсананя, у них в орде нет, то-де от них, китайцов, объявлено было ему, Аблай-салтану, чтоб им, не имея уже больше между собою войны, жить в миру спокойно и торг в каких местах они, киргисцы, похотят, тут они, китайцы, учредить имеют [87]. На что-де Аблай-салтан им объявил, что он как там с войском находится, то помирится и назад возвратится, договор учинить в состоянии, а чтоб-де всею ордою тот с ними договор учинить, и где торг учредить, того он собою учинить не смеет, понеже-де у них в Киргиз-кайсацкой орде имеется большей хан, учрежденной от Е. и. в. самодержицы всероссийской, Абулхаир-хана сын Нурали-хан, и может ли-де он на такие договоры с ними поступить или нет, то-де в ево воле состоит. И с тем-де прислал к нему, хану, он, Аблай-салтан, нарочного с таким требованием, что естли-де они, китайцы, не будут уверятца, что у них оного Амурсананя нет, и будут за то чинить военною рукою нападение, или хотя и уверятца, да станут такого договору на предписанных кондициях требовать, то в таком случае отпор ли с ними, китайцами, чинить или договариватся и в каких местах торги учредить, чтоб о том ему, Аблай-салтану, прислать наставление и свое повеление; а ежели-де ево, Аблай-салтана, допустит время свободное от китайцов, то-де он и сам к нему, хану, для принятия того наставления приехать намерен, почему-де братья ево Эрали

и Айчювак салтаны, собрав всяк из своего владения войска по немалому числу, хотели было для вспомошествования в ту Среднюю орду ехать и с ним, Аблай-салтаном, соединиться. И уже совсем были готовы, только-де он, хан, получа вышеписанное от него, Аблай-салтана, известие, в близости находящагося Айчювак-салтана со всем тем собранным войском остановил, а к Эрали-салтану нарочного с ведомостью послал, дабы и он от того походу удержался, ибо он, хан, как подданны Е. и. в., не посоветовав здесь с господином действительным тайным советником и кавалером Неплюевым и с ним, генералом-майором, сам собою в такие важные договоры вступать не хочет, почему и требовал совету, ежели-де оные китайцы от той Средней орды не отступят и будут того договора от Аблай-салтана дамагаться, то на каких кондициях оной учинить, а естли-де они, китайцы, требовать будут только реченного Амурсаня, и не веря, что ево у них в орде не имеется, станут военною рукою нападать, то-де он, хан, для вспоможения реченному Аблай-салтану с довольным и от себя войском помянутых братьев своих Эрали и Айчювак салтанов пошлет, только б-де в случай нужды им, яко подданным Е. и. в., надлежащее по способности от российских команд вспоможение было чинено, причем он, хан, и сие объявил, ежели-де ныне у Е. и. в. с теми китайцами война есть, то и сам он, хан, по указу Е. и. в. с довольным войском и с братьями своими в службу на них, китайцов, туда итти не оставит, а когда-де он, хан, пойдет, то не менее тридцати тысяч войска при нем, хане, быть может, а иногда и гораздо более.

На что он, генерал-майор, объявил ему, хану, что весьма изрядно, то он, хан, учинил и с ними изъясняется как то по подданнической ево верности и присяжной должности и всегда ему чинить следует, что не только от них, господина действительного тайного советника и ево, генерала-майора, хвалы достойно, но, как уповает, и от высочайшаго Е. и. в. двора тем оставлен он быть не может. Что ж и Аблай-салтан требование от него, хана, учинил и китайцам так ответствовал и о всем от него, хана, наставления просил, что ежели правда оное, с ево честью и подданническою верностию весьма ж сходно, ибо как ему, хану, толь паче помянутому Аблай-салтану, яко верноподданным, не донеся Е. и. в. и не согласясь здесь, яко в пограничном месте, с реченным господином действительным тайным

советником и с ним, генералом-майором (понеже все здешние заграничные дела единственно оному господину действительно тайному советнику и ему, генералу-майору, поручены), самим собою с китайцами ни в какие договоры вступать не надлежит, а ежели они, китайцы, будут какое в их Киргиз-кайсацкой орде нападение чинить, то противу того и им, киргиз-кайсакам, надлежит чинить так, как неприятелю отпор, и до такого насильства не допускать; причем видя в том их справедливой отпор, и со здешней стороны надлежащее им, яко подданным Е. и. в., вспомоществование учинить оставлено не будет. Что ж касается до обещанного ими, китайцами, учреждения для их, киргиз-кайсак, торгу, то когда они, киргиз-кайсаки, находятся в подданстве Е. и. в., следственно, и земля Е. и. в., где они, китайцы, никакого участия не имеют, да и допущены отнюдь быть не могут, а понеже для торгу киргиз-кайсакам довольные учреждены по способности им, как сам он, хан, и все киргиз-кайсаки знают, из высочайшаго Е. и. в. к их народу милосердия ярмонки, а имянно: для Меньшой — здесь, при Оренбурге, а для Средней орд — в Троицкой крепости, где всяк с пользою и довольствуется. Ныне же между Российским и Китайским государствами по содержанию мирному трактату никакой войны нет, и состоит мирно, разве по каким нагlostям от китайской стороны задор задан будет, то в такое время как он, хан, намерен з довольным войском своим при том же быть, Е. и. в. всемилостивейше повелеть изволит ево, хана, с отличною похвалою к тому принять и высочайшею милостию не оставить пожаловать.

Затем уже он, генерал-майор, ему, хану, говорил об отогнанных ис Подгородного фарпоста команды сотника Углицкого казачьих лошадях ста семидесят четырех, чтоб оные приказал неотменно отыскать.

На что он, хан, объявил, что-де немедленно пошлет он з братом своим Айчювак-салтаном и обще с ним тех отогнанных лошадей будут усердно стараться отыскивать.

Потом еще от него ж, генерала-майора, ему, хану, было говорено о разграбленных киргиз-кайсаками пожитках у крестьян Шереметевых, чтоб он, хан, прилежнее о том постарался, дабы у оных воров киргисцов, отобрав, возвратили. Почему он, хан, также обещал с помянутым своим братом Айчювак-салтаном, стараться, дабы и оным надлежащая плата учинена была.

7 числа октября киргиз-кайсацкой Нурали-хан з братом своим Айчювак-салтаном заезжал от господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева в дом к генералу-майору Тевкелеву со объявлением, что он с ним, господином действительным тайным советником, простился и что надлежит о их ординских нуждах, надлежащим образом о всем представлял, и намерен отъехать в свои улусы, причем он, генерал-майор, объявил ему, хану, что с ним, генералом-майором, ныне ли он, хан, простится, точию он отозвался тем, что еще завтрешней день с помянутым братом своим Айчювак-салтаном и з детьми своими приедет к нему, генералу-майору, обедать, и о чем еще запотребно признает, о том изъяснится. Чего ради 8 числа и послана была за ним, ханом, с переводчиком Усманом Араслановым заложная цугом карета, в которой он, хан, с реченным братом ево Айчювак-салтаном и з детьми своими и прибыл, а при них несколько старшин и киргисцов приехало, и тако он, хан, с реченым братом ево и детьми трактованы были довольным кушаньем и разными виноградными напитками, а киргисцы — воткою, вином и медом. По окончани ж обеда взят был он, хан, особливо в другую камору и уединенно еще представлял он о происходимых им беспокойствах как от башкирцов воровскими их подбегами, так и об яйцких казаков, о чем-де он и реченному господину действительному тайному советнику довольно ж представлял, чтоб они от того воздержаны были. На что от него, генерала-майора, ссылаясь на прежние ему о том изъяснении, сказано, что сколько сам он, хан, может видеть и знает, каким образом здесь з башкирцами, явшимися в подбегах под их киргисские улусы, поступается, и ни один без тяжчайшаго наказания не отпускается, да и впредь кто б в том ни приличился, не инаково ж будет чинено, чего ради для лутчаго от того их воздержания в Башкири почти безвыездно находится переводчик и всеудоб возможным образом всегда о том наведывается, и потому их, башкирцов, сыскивает и сюда присылает, и с отогнанными их киргисскими лошадьми, почему оные лошади ему, хану, и отдаются, а башкирцы, как выше значит, наказываются. Что ж касается до яйцких казаков, то также о происходимых между ими ссорах без надлежащего разбирательства не оставляется, и кто в том из них, казаков, приличным окажется, оные без изъятия наказываются, ибо невозможно за всеми всего усмотреть и унять, яко между добрыми

людми, не бес плутов бывает, однако ж за всем тем надлежит и ему, хану, самому за киргисцами смотреть, дабы и от киргисцов шалостей не происходило, а когда что между ими, киргисцами, и яицкими казаками произойдет, о том изъяснитца с тамошним яицким войсковым атаманом, в чем надлежащее по справедливости разбирательство и удовольствие неотменно чинено быть имеет.

Потом стал говорить он, хан, об отправленном от них к высочайшему Е. и. в. двору Джанибек-салтане, что хотя б-де он и пять лет там продолжился, в том бы ему, хану, сомнения никакого не было, но как-де он послан за их ординским делом, то с тем так нужно и ожидается.

На что ему, хану, он, генерал-майор, объявил, что понеже Российское государство, как он знает, весьма велико и за множеством государственных нужных дел вскоре еще Жанбек-салтана оттоль отправить невозможно, однако ж как он там находится за делом, то может, что уже и не продолжится, в чем он, хан, не сомневался.

Сверх того подтверждал он, хан, еще о китайцах, что-де когда Аблай-салтан сам к нему, хану, приедет или нарочного с подлинным известием о нынешних с ними обстоятельствах пришлет, то-де тогда он, хан, не приминет как господину действительному тайному советнику, так и ему, генералу-майору, дать знать и потому будет уже о всех подробностях обще с ними разсуждать, как в том поступить, дабы-де чрез то как он, подданны Е. и. в. раб, свою усердную и рабскую верность засвидетельствовать мог.

Затем представлял еще прозьбу матери своей Пупай-ханши, что она ныне одежею обнасилась, а давно уже ниотколь снабдения не имеет, причем и сам стал усиленно просить, чтоб ее и детей, при ней имеющихся, награждением не оставить; почему он, генерал-майор, во удовольствие ево, хана, и что большею частию она их мать во всей орде по Абулгаир-хане почитается, объявил ему, хану, что он за службы мужа ея, а их отца и ево, хана, з братьями в знак высочайшей Е. и. в. милости имеет к ней, ханше, послать от порученной ему комиссии косяк голи, тюнь китайки и для детей хорошаго сукна четыре аршина и большую кожу, за что он, хан, будучи тем доволен, благодарил; и тако простясь с ним, генералом-майором, провожен паки в ево лагерь.

Сентября 27 да **октября 1-го чисел** учинены генералом-майором Тевкелевым по порученной ему комиссии два определения и к находящемуся в казначейской должности капитану Ружевскому насланы ордеры.

1-е. О выдаче приезжавшему сюда Киргиз-кайсацкой Большой орды уйсинского роду известному старшине Кунаю-мурзе, которой в той орде между ими, киргисцами, пред прочими почитается знатным старшиною; к российской же стороне особое имеет усердие и верность, почему оной Кунай-мурза, как знатной в их орде и почитаемой всеми ими, киргисцами, не беспотребен к здешней стороне и впредь по случаю быть может в знак высочайшей Е. и. в. милости в награждение сукна береславского, по рублю по дватцати по пяти копеек аршин, четыре аршина на пять рублей.

2-е. Понеже приезжавшей сюда Киргиз-кайсацкой орды Айчювак-салтан, объявляя ему, генералу-майору, что он ныне от предприявшаго походу для вспомоществования Средней орде удержался и не поедет, а имеет ныне жениться, только-де имеет крайней недостаток в потребностях при той свадьбе будущих, и для того усиленно просил, чтоб ево не оставить снабдением деньгами, почему хотя он и довольно их выпрашивал, однако ж совсем ему от того отказать было неприлично, но в знак высочайшей Е. и. в. милости и дабы он, будучи тем удовольствован, к наивящей верности поощрен был, дано пятьдесят рублей.

Октября 2 числа подано от находящегося при порученной генералу-майору Тевкелеву Пограничной Киргиз-кайсацкой комиссии казначеем капитана Ружевского доношение, которым он, Ружевской, объявляя, что-де находится он при оной порученной ему, генералу-майору, комиссии прошлого 755 году октября с 14 числа и неоднократно при нем, генерале-майоре, находился в походах, а ныне-де за долговременную ево по здешнему месту бытность содержанием себя по недостатку своему пришел не в состояние и просил, чтоб ево, Ружевского, отпустить к полку.

По которому доношению учинено им, генералом-майором, определение, чтоб как на место ево, Ружевского, в должность казначейскую капитана ж так и вместо отпущенного к полку армейского Азовского драгунского полку порутчика Есипова ис порутчиков же или прапорщиков требовать от господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева, о чем к

нему, господину действительному тайному советнику, послать сообщение; и когда на место ево, Ружевского, другой прислан будет, тогда имеющуюся на руках ево, Ружевского, денежную казну и казенные вещи велеть ему здать, а тому, на место ево присланному, принять, и что им, Ружевским, отдано, а другим принято будет, о том за общими руками в порученную ему, генералу-майору, комиссию подать репорт и потом ево, Ружевского, в приходе и росходе денежной казны и припасов счесть и, когда никакого по приходу и росходу бытности ево начету на нем не явится, то дав ему надлежащую квитанцию, отослать при сообщении ж к помянутому господину действительному тайному советнику и кавалеру Неплюеву.

По силе которого определения к господину действительному тайному советнику и кавалеру Неплюеву сообщение послано и требуется, чтоб на место показанного капитана Ружевского, та-кож и прежде отпущенного к полку поручика Есипова ис поручиков или прапорщиков благоволено было прислать. Почему от него, господина действительного тайного советника, на смену помянутому капитану Ружевскому прислан Пензенского полку капитан же Василей Гуляев.

И поданным они, Ружевской и Гуляев, в порученную генералу-майору Тевкелеву комиссию рапортом объявили, что по силе учиненного им, генералом-майором Тевкелевым, определения сменились и что у Ружевского на руках было — денежная казна, вещи и припасы, отданы, а им, Гуляевым, приняты, а что, чего имянно, за общими руками приобщили при том ведомость.

Почему генералом-майором Тевкелевым учинено определение, что означенной, находившейся при порученной ему, генералу-майору, комиссии казначеем капитан Ружевской в приходе и росходе денежной казны, казенных вещей и припасов щитан и по щету начету на нем, Ружевском, не явилось и как денежная казна, и казенные вещи, и припасы за расходом против поданной от него, Ружевского, обще с капитаном Гуляевым ведомости в остатке показано сходственно, и того б ради, дав ему, Ружевскому, в том квитанцию, отослать при сообщени к господину действительному тайному советнику и кавалеру Неплюеву. Почему ему, Ружевскому, квитанция дана и при сообщени к господину действительному тайному советнику и кавалеру Неплюеву отослан.

Учинены генералом майором Тевкелевым следующие по комиссии ево определения:

1-е. **Октября 9**, чтоб отосланное киргиз-кайсацкого Нурали-хана к матери ево, Пупай-ханше, сукно береславское четыре аршина, по рублю по дватцати по пяти копеек аршин, на пять рублей; голь красную в четырнатцать рублей в пятьдесят копеек, китайки тюнь в шесть рублей в семдесят пять копеек, да кожу в девяноста копеек, всего на дватцать на семь рублей на пятнатцать копеек, записать в расход.

2-е. **9-го ж октября**, что понеже приезжавшей сюда Киргиз-кайсацкой Меньшой орды Айчювак-салтан в бытность у генерала-майора Тевкелева просил, чтоб за отданную для починки им, Айчювак-салтаном, оренбургскому казаку Василию Полозову насеченную серебром узду с патфиями ряженные им за работу деньги восемьдесят копеек отдать от комиссии ево, генерала-майора, и того б ради во удовольствие ево, Айчювак-салтана, реченному казаку Полозову означенное число денег восемьдесят копеек выдать, записав в расход с роспискою.

3-е. **Октября 10 числа** понеже в приезд сюда киргиз-кайсацкого Нурали-хана и брата ево Айчювак-салтана как при трактовании ево и находящихся при них салтанов, старшин и киргисцов и в бытность же знатных старшин Киргиской Большой Куная-мурзы, да Средней орды Кулсары-батыря з бывшими при них киргисцами здесь, так и для посылки к хану и Айчювак-салтану в лагерь, куплено и употреблено разных съестных и протчих припасов, а имянно: баранов дватцать шесть, каждой по семидесят по пяти копеек, на девятнатцать рублей на пятьдесят копеек; кургашков семь, каждой по тритцати по пяти копеек, на два рубли на сорок на пять копеек; пшена сорочинского два пуда тринатцать фунтов, по два рубли по пятидесят копеек пуд, на пять рублей на восемьдесят на одну копейку с четью; луку на осмнатцать копеек, яиц на один рубль на одиннатцать копеек, муки пшеничной сееной два пуда на семдесят копеек, масла коровьева полпуда на один рубль, арбузов на восемьдесят копеек, цыплят сорок три, каждой по три копейки, на рубль на дватцать на деветь копеек; свежины на пятьдесят на пять копеек, два гуся, каждой по пятнатцати копеек, на тритцать копеек; восемь уток, каждая по десяти копеек, на восемьдесят копеек; меду сырцу два пуда, по рублю по восмидесят копеек пуд, на три рубли на

шездесят копеек; итого на тридцать на восемь рублей на девять копеек с четью. Да наличных прежней покупки, имеющихся при комиссии припасов же: масла коровьего один пуд тридцать фунтов, по два рубли пуд, на три рубли на пятьдесят копеек; перцу два фунта, по тридцати копеек фунт, на шездесят копеек; инбирию два ж фунта, по десяти копеек фунт, на дватцать копеек; гвоздики шесть золотников, по три копейки по три чети золотник, на дватцать на две копейки с половиною; сахару два фунта с половиною по дватцати по две копейки с половиною фунт, на пятьдесят на шесть копеек с четью; итого на пять рублей на восемь копеек на три чети, а всего при том трактовани употреблено на сорок на три рубли на осьмнатцать копеек, того б ради как за показанные покупные и употребленные при трактовани припасы тридцать восемь рублей девять копеек с четью выдать, так и прежней покупки имеющихся при комиссии припасы записать в расход, и о том к находящемуся в казначейской должности капитану Гуляеву наслать ордер. Почему оному капитану Гуляеву того ж числа ордер и наслан.

4-е. **Октября 13** числа понеже как в прошлом 756 году в бытность ево, генерала-майора, в Ылецкой крепосце при свидани с киргиз-кайсацким Нурали-ханом из имеющихся покупных при комиссии ево, генерала-майора, чаш и блюд деревянных, розданные теленгутам ево, ханским, а имянно: чаш — четыре, каждая по десяти копеек, на сорок копеек; блюд дватцать, каждое по две копейки, на сорок же копеек; да при трактовани, будучи тогда во оной крепосце и ныне приезжавших сюда при нем, хане, киргисцов разбито блюд дватцать на сорок копеек, а всего на рубль на дватцать копеек; того ради оные чаши и блюда ис приходу исключить.

5-е. **Октября 15** числа о записке в расход розданного в бытность ныне здесь киргиз-кайсацкого Нурали-хана и брата ево Айчювак-салтана приезжавшим при них киргисцам и их теленгутам табаку, оставшаго от прежней ему, генералу-майору, порученной же комиссии, дватцати шести фунтов по четыре копейки с четью фунт, на рубль на десеть копеек с половиною.

Октября 24 числа присланная от киргиз-кайсацкого Нурали-хана с теленгутом ево Айярьком из беглых в прошлом 755 году башкирская женка в порученной генералу-майору Тевкелеву Пограничной киргиз-кайсацкой комиссии допросом показала, что

она в прошлом 755 году при муже своем бегала за Яик в киргиз-кайсаки и находилась во оной в чиклярском роду у киргисца Курмана, от которого бежав, явилась к киргиз-кайсацкому Нурали-хану, а от него прислана ныне сюда в Оренбург; которая башкирка отпущена для пребывания в прежнее ее жительство.

З данным билетом и с надлежащим подтверждением учинены генералом-майором Тевкелевым нижеследующие определения:

1-е. **Октября 28** о покупке для топления казенной светлицы, где письменные дела по комиссии ево, генерала-майора, производятся и казенные вещи содержатся, на наступающую ныне зиму дров трех сажен, да свеч сальных тысячи и чернил простых одного ведра настоящими ценами бес передачи, употребляя на то деньги из имеющихся при комиссии ево, генерала-майора, записав в расход с росписками тех, у кого что будет куплено.

2-е. Того ж **28 октября** понеже усмотрено ис поданной при репорте за общими руками капитанов Ружевского и Гуляева при смене их ведомости, что имеется употребленных в нынешнем в бытность здесь киргиз-кайсацкого Нурали-хана и братьев ево Эрали и Айчювак салтанов при трактовани их с находящимися при них старшинами и киргисцами баранов тритцать три овчины, в которых по комиссии ево, генерала-майора, никакой надобности не состоит, и того б ради оные овчины с публичного торгу настоящею ценою продать и взятые за них деньги записать в приход.

Того ж **28 числа октября** послано к господину действительному тайному советнику и кавалеру Неплюеву сообщение, при чем отпущен находящейся при команде генерала-майора Тевкелева Оренбургского гарнизона Пензенского пехотного полку сержант Поляков со объявлением, что в нем, Полякове, по состоянию команды ныне потребности не настоит и рекомендовано, что он, Поляков, во всю ево при команде ево, генерала-майора, бытность как себя имел, так и по должности ево положенные дела исправляя добропорядочно и состояния доброго.

Октября 30 числа учинено генералом-майором Тевкелевым определение о выдаче присланным от киргиз-кайсацкого Нурали-хана с письмами на общее имя господина действительного тайного советника и кавалера Неплюева и ево, генерала-майора, теленгутам ево ханским Айярыку да Мергень-Кашке во удовольствие ево, хана, и за привоз присланной от него, хана, сюда беглой башкирки, из имеющихся при комиссии ево, генерала-

майора, казенных кож по одной, а обоим двух ценою на один рубль на восемьдесят копеек.

Ноября 23 числа посланы в Государственную Коллегию иностранных дел два доношения следующего содержания:

1-е. «В Государственную Коллегию иностранных дел генерала-майора Тевкелева покорнейшее доношение.

Оной Государственной Коллегии от 20 числа минувшаго августа, что в бытность здесь киргиз-кайсацких Эрали и Айчювак салтанов происходило, и сколько ими и киргиз-кайсаками из бежавших к ним башкирцов обратно сюда отпущено, и самими ими по прозьбе их, башкирцов, привезено, с приложением журнала всепокорнейше от меня донесено, а понеже и еще после того оных башкирцов от них, киргиз-кайсак, отпущено и самими ими по вышеписанному привезено, и в порученной мне комиссии объявлено мужеска тринадцать да женска восемь, итого дватцать одна душа, о чем, яко же и о протчем, что по порученной мне комиссии принадлежит, з держанного журнала при сем всепокорнейше копию прилагаю».

2-е. «В государственную Коллегию иностранных дел генерала-майора Тевкелева всепокорнейшее доношение.

Понеже, что в нынешнюю киргиз-кайсацкого Нурали-хана здесь бытность во время свидания моего с ним в конференции происходило, о том учиненной от меня журнал для сведения посылан был и к господину действительному тайному советнику кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Неплюеву с находящимся при порученной мне комиссии в должности секретарской коллежским регистратором Атаевым, ибо я за болезнь моею ни по губернской канцелярии не присудствую, ни с ним, господином действительным тайным советником по прибыти сюда ево, хана, во время конференций обще не был, следственно, и оные как у него, господина действительного тайного советника, так и у меня с ним, ханом, происходили порознь, почему и от него, господина действительного тайного советника, прислан же был ко мне обретающейся при Пограничной экспедиции в должности секретарской чином коллежского регистратора переводчик Чючалов со объявлением мнения на представлении оного хана ево, господина действительного тайного советника, и с таким изъяснением, дабы что ни происходило в конференциях с ним, ханом, как у него, господина действительного тайного советника, так и у

меня то б все, не прилагая особливых журналов, только краткими речми означить в том доношении, к чему я хотя со мнением ево, господина действительного тайного советника, был и согласен, однако ж приказал оному Чючалову ему, господину действительному тайному советнику, донести, что я, как выше значит по общему нашему разсуждению, [с] мнение[м] ево, господина действительного тайного советника, согласен; только чтоб о том, как с ним, ханом, в конференциях происходило, и что он, будучи у него, господина действительного тайного советника, и у меня говорил, и какия на то ему, хану, были изъяснены, каждого по числам журналы, при том были приложены, а затем бы уже сослався на те журналы, в доношени токмо мнение объяснить, ибо оное б было видняе и к справкам удобнее, точию для чего уже он, господин действительной тайной советник, к тому не согласился и с каким мнением во оную Государственную Коллегию иностранных дел единственно токмо от себя представление учинил, о том я неизвестен. А что у меня с ним, ханом, в конференции было, о том при сем всепокорнейше прилагаю копию. Чим и кончилось, Алексей Тевкелев».

Коллежской регистратор Степан Атаев, Василий Протопопов.

АВПРИ, Ф. 122/1. 1757 г. Д. 4. Л. 1–90. Подлинник; ОВА МОН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 247. Л. 1–177. Фотокопия с оригинала.

Известие о киргиз-кайсацком народе, и как оные в разделении, и о землях, на которых они качуют, и х каким народом те земли прилежат, и в чем их удобствие и торги состоят, то значит ниже сего

1-е. Места те, на которых они кочуют, есть центром великой Тартари, и были тут народы, живущие городами, как руяны оных и ныне свидетельствуют, но в третем на десеть веке по рождестве Христове был из них некто Чингис-хан, славной разбойник, собрав сильную партию зброднаго народу, разорил все места и грады опустошил от реки Яика до Хивы, и до Бухари, и до Иртыша-реки, и тут с тем народом кочевать, начел, как и доньне пребывает, не имея ни домов и никаких денег. Но все их имение состоит в лошадях и овцах, на которые потребные себе товары, яко то сукна, кожи и железные котлы, холст и протчую конскую збрую выменивают, и так в Россию вступает от них каждой год лошадей от пяти до десяти, а баранов же до сорока тысяч, руже оные народы имеют сайдаки и несколько огненного фитильнаго без замков. От них изгнанной татарской народ перешел к Черному морю на Нагайскую степь, а после и Крым овладели.

2-е. Умножась, оной народ разделился на трое, по званием: Большая, Средняя и Малая орды. Большая кочует от городов Туркистанта и Ташкента до Бухари и до зингорских калмык и довольство свое получает меною во оных городах и в Бухари, как бухарскому хану принадлежащей, так и бухарских же городов зингорскому владению подлежащих, того ради и в Оренбург торговать не ездют. В числе оная хотя и Большая называется, но не больше нижеписанных двух Средней и Меньшей, а в послушани оная Большая орда до нынешних времен была зингорскому калмыцкому владельцу [88], но по раззорени зингорцев от китайцев собою пребывает.

3-е. Средняя орда качевье свое имеет между рек Иртыша и Яика и Ори и касаетца зингорскаго кочевья, того ради она на оба колена храмала, хотя называлася с 739 году в российском подданстве, однако ж и зингорцов не меньше почитала, и с российской стороны на то индеферентно смотрели для того, что они зингорцов боялись и от них были воеваны [89]. На торг менять приезжают они по большей части на Уилскую линию в Троицкую крепость, в 744 году построенную, также и в Ямышеве, на Иртыше-реке лежащей, а иногда и в Оренбург.

4-е. Меньшая орда качует за рекою Яиком, как вниз по оной реке, так и прямо до Аральского моря, по рекам Эмбе, впадающей в Каспийское, да Сырдарье — в Аральское море, и по прочим рекам, между ими текущим. Она орда с своим ханом подданство российское принела в 735 году, однако народ самовластной, и настоящей хан, хотя вечной славы достойные памяти Е. и. в. подтвержден, однако ж только фигура в народе, а власти не имеет, разве советом и увещанием, что удасться, то есть от воровства отвратит, которые издревле иногда с Хивою, иногда с трухменцами за воровство в соре, а з башкирцами в бесперерывной злобе. Однако ж когда город Оренбург в 743 году застроен, и вверх и вниз по Яику и по реке Ую крепости поделаны, и военные регулярные и нерегулярные люди введены, которыми Башкирия окружаетца, а киргис-кайсаки отделяются, и оба народа удерживаются, поелику возможно, от продерзостей и бунтов, как и бывшей в Башкири же 754 году бунт скоро укрошен.

5-е. Елико ж до числа людей в тех ордах касается, того окуратно знать невозможно, но по всем долговременным примечанием мнится, что каждая орда до тридцети тысяч годных людей, кроме стара и мала и женска полу, иметь может, и Башкирия против одной из них подобна, токмо башкирцы храбростию превосходят киргис-кайсак.

6-е. Как с российской стороны начеты крепости по Яику строитца, так скоро мена с теми народы по малу зачелась и продолжалась, так в самом малом, ежели покуда город Оренбург основался, и торг тут установился, с того времени, то есть в 745 году, начели приезжать и доньне приезжают хивинцы, бухарцы, трухменцы и ташкенцы, а временем и кашкарцы, и привозят в Оренбург индейские свои товары, бумажные разные сортов, а отчасти и шелковые, а паче золото и серебро, в индейской и персической манете состоя-

щее, зовомые рупеем, которому, хотя окуротно щету иметь невозможно, яко с него пошлина не беретца, однако ж можно верно сказать, что с 745 году доныне серебра более пети тысяч пуда, а золота около петидесяти пуд в здешнее государство вступило. Напротив того берут такие ж товары, как и киргис-кайсаки; а сверх того и шелковые здешних фабричных матери, и краски кошенель, и брусковую и медную битъ, было бы тех народов купечества в Оренбурге весьма более, но путь их лежит чрез киргис-кайсацкие кочевья, которой народ к воровству и грабежу сроден, и неретко мимо ходящия караваны разграбляет.

7-е. Расстоянием же от Санкт-Петербурга Оренбург две тысячи, а от Оренбурга до Хивы, хотя не мерено, но по смете конской езды около тысячи верст, а от Хивы до Бухари толико ж, как от Оренбурга до Хивы, а можно и миновать Хивинское владение, прямо в Бухарию ехать, что и ближе еще будет. А от Бухар чрез Балх до первого индейского города Кабула около тысячи ж верст, и так Индия от Санкт-Петербурга в расстоянии не более пяти тысящ верст, токмо между Бухари Инди, яко то Балх и другие места, других владельцев.

8-е. Сверх вышеписанного в Оренбурге и в Троицкой крепости со входящих товаров, когда портовые таможни не отданы были на откуп, пошлин в год збиралось до семидесят тысяч, а ныне збирается около сорока тысяч, ибо портовые товары, с коих здесь пошлина беретца, яко то сукна и краски, за границу, в протчих местах отпускается беспошлино.

В здешнее ж Российское государство в 759 году в Оренбургскую пограничную таможду от азиатских народов вступило: золота — 10 фунтов 32 (1/4) зол., серебра — 54 пуда 20 фунтов 54 зол., пошлин — 40208 руб. 94 (1/4) к.

АВПРИ Ф. 122/1. 1722–1755 гг. Д. 1. Л. 18–19а. Подлинник; ОВА МОН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 172. Л. 34–37. Фотокопия с оригинала.

О происходящих непорядках киргизцам

Понеже во время ярмонки в Оренбурге, как обычайно, всегда киргиз-кайсацкие ханы, солтаны и знатные старшина приезжает ко оренбургскому губернатору для смены аманатов, об ординских делах для разговоров и для получения жалованья, а протчие киргизцы, також-де хивинцы и бухарцы для торгу. Первое, в 758 году по прибытии в Оренбург новаго губернатора Давыдова [90] еще в бытность мою в Оренбурге приезжал Нуралы-хан для смены сына своего и для разговоров об ординских делах, и при нем были из солтанов родные ево ханские братья, також-де и знатныя старшина; и как обычайно прежде всего хану, солтанам, старшинам и рядовым киргисцам давалося каждогодно вашего императорского величества жалованья из определенных для киргисцов трех тысяч рублей сукнами и товаром, а иным и деньгами, по состоянию дел и по усмотрению надобности каждому по пропорции. Той ради притчины им жалованье выдавать определено, чтоб хан, солтаны и знатныя старшина ко Оренбургу приезжали бы охотно, и когда они каждой год будут приезжать и з губернатором и с протчими свидание иметь и об ординских делах разсуждать; к тому же когда они с руским народом почаше обхождение иметь станут, то они к российской стороне поласковая, приютнея, вернея быть и спокойнее жить могут, но токмо того 758 году из оных определенных для киргизцов трех тысяч рублей как хану, солтанам, знатным старшинам и редовым киргизцам губернатор Давыдов неведомо по какому ево разсуждению ничего не дал.

И тогдашняя оная недача им, как ежегодно производилася товарами жалованье, весьма интересу вашего императорского величества бесполезно, но вредно, о том я, нижайшей, и советник Рычков спорили, что надлежит им то жалованье выдать, только губернатор Давыдов того нашего представления не принял и им

жалованье не дал, и для того хан, солтаны, знатные старшина и киргисцы с немалым огорчением и неудовольствием с ним, губернатором, не простясь, и уехали, от того многие беспокойствы зачелися делать. А он, губернатор Давыдов, от того излишние фарпосты уже учинил и на такие ненадлежащие расходы немало с порядком и с казенным интересом несходны, желея трех тысяч рублей, тем излишним фарпостом на жалованье, на правиянт и на фураж надеясь, издержано больше дватцети тысяч рублей, а по-неже хотя донские и яицкие казаки нутреннии и сами русские люди, и они в каждой год по три раза приезжают станицами в Военную коллегию для получения жалованья, а кольми паче киргизцы, степной и дикой народ, и вновь в подданство принеты, хотя бы и высшее определенных им трех тысяч рублей в привод их в Оренбург держать, смотря по надобностям, то бы то с пользою государственного интереса было сходно, и от того многие бы пользы и приращении произошли, ибо онья доходы чрез их же в казну приходят, то есть збираемая с торгу их пошлина, серебро и золота чрез их же орды, азиатскими караванами привозет.

А в 1759 году, после отъезду моего из Оренбурга, таможенной обер-директор, оставленной от Неплюева, вышепомянутой ево фоварит надворной советник Тимашев взял на откуп возить Илецкую соль в Оренбург, а прежде ево, Тимашева, к перевоске соли, хотя подрядчики ис купцов и были, но в то время канвой им всегда давался из солдат или из оренбургских казаков, и они канвовали только один обоз накладенной соли, а других шалостей и набегов х киргизцам не чинили.

А вышепомянутой надворной советник Тимашев, как слышно, что умышленно у оренбургского губернатора Давыдова выпросил в канвой уже одних башкирцов и, будучи у накладки Илецкой соли в Ылецкой защите, которая от Оренбурга в шестидесяти верстах, онья имеющие при нем в канвое башкирцы, едущаго обратно из Оренбурга киргизского солтана, которой-де был в Оренбурге для свидания з губернатором, а протчие знатные киргизцы для торгу з дватцет человек всех-де побили до смерти, а при них имеющие пожитки все ограбили.

И того же 759 году зимою, как слышно ж было, что от оного же надворного советника Тимашева по наставлению ево те же башкирцы, человек с четыреста, собравшись, в киргизские улуса ездили и два богатые улуса разбили, пожитки пограбили и мно-

жественное число лошадей и верблюдов отогнали, жен и детей в полон взяли, дву знатных доброжелательных к российской стороне киргизских старшин, да и протчих киргизцов довольно побили-де до смерти. А потом-де, уведав, губернатор Давыдов, хотя и посылал для отбирания киргиз-кайсацких пленников от тех башкирцов, и по взятье те-де пленники, как сказывают, в Оренбурге половинное число померли, а остальные отданы-де обратно киргизцам, а пограбленные пожитки — лошади и верблюды, куда девались — неизвестно, а им не возвращено, а те-де два улуса весьма были богатые, и мне, низжайшему, известно. Також-де слышно было, что и оные-де башкирцы, которые те улусы разбили, в Оренбурге без убытка не остались.

Також слышно было, что того же года калмыками у оных киргизцов отогнато лошадей тысяч с сорок, ис которых-де, как слышно, тысяч до десети было и собрано, а киргизцам не отдано, а куда-де оно девалось, неизвестно ж.

А о вышеписанных-де обидах Нуралы-хан оренбургскому губернатору неоднократно представлял, но только ж-де ни какого удовольствия на то не получил, однако со всем тем, хотя они такие дикие и степные народы и за такие им многие обиды генерально никакие важные продерзости до сего времени еще чинить не отважились, но послал-де хан с согласия киргизского народа в Санкт-Петербург посланцом с прозьбою из солтанов своего зятя, також-де принужден-де был за показанныя им, киргиз-кайсацким народам, обиды, что он, хан, в Оренбурге от губернатора никакова удовольствия не получал и сей способ употребить для своей осторожности со обстоятельством послать письмо чрез известного бухарца Ирназара к нынешнему канцлеру графу Воронцову, ибо оной бухарец Ирназар мне объявлял, что он ханское письмо х канцлеру графу Воронцову вручил еще при жизни бывшего императора Петра Феодоровича, а оной киргиз-кайсацкой посланец был из солтанов ханской родной зять из Меньшей орды и отправлен обратно Иностранной Коллегии ис публичной экспедицы одним-де только Бакуниным.

При отъезде у меня, низжайшего, был Нуралы-хана писарь и объявлял, что солтан их весьма печален и грустен, с крайним неудовольствием отसेлева поехал, что он не токмо о делах своих какое достойное удовольствие получить мог, но не исподобилса-де к высочайшим вашего императорскаго величества стопам, как

потданной, раз рабское свое поклонение принести и со слезами-де объявлял, что он может по приезде хану, солтанам и всем знатым старшинам объявить о возшествии вашего императорского величества на всероссийский престол, которой-де велико — дражайшей дар он получить не удостоился. Также мне оной ханской писарь объявлял, что-де он по всем словам и обстоятельствам примечал, что по прибытии оного солтана с неудовольствием отселева в Казачью орду всемерно-де Киргиз-кайсацкая орда вся намерение будет иметь от российской стороны отложиться и китайцам предаться. А когда ж китайской могул им место отведет зенгорских калмык, где им х кочевью весьма изобилиея. И как слышно, что китайцы в тех местах для торгу киргизцам и города зачели-де строить, а как они тамо все три орды расположатся своими кочевьями и скотом, и им оттудова всюду российским потданным набегами вред и раззорение по-прежнему чинить уже свободно будет, а о надобностях своих и с торгу из России получать нужды им не будет, понеже китайцы для удовольствия и ласкания их, киргизцов, и для торгу города в Зенгорской земле зачели-де строить.

А как степь пуста останется, где киргизцы кочевали, от того многие к российской стороне вредные обстоятельства природы может; и не зделать бы оного киргизского народа, так как мунгалским народам, ибо в прежних давних годех оной мунгалской народ, от нестерпимых тягостей отложась от зенгорского владельца, просили быть в российском потданстве, но тогда еще до зачатия первой шведской войны в небытность блаженный и высокой славы достойная памяти государя императора Петра Великого в Москве оной мунгалской народ по прошению их под российское потданство не принял, и пушками от российские границы отбит. В то время уже принуждены-де были оной мунгалской народ с плачем от России отойти и китайское потданство принять, а ныне оной мунгалской народ у китайцев — уже лутчее храброе войско, и оным мунгалским войском китайцы зенгорцов победили и до основания раззорили. Ими же и в Малой в Бухарии города уже обирать начинают, а понеже спустя многое время об оных мунгалских народах Е. и. в. государь император Петр Великий очень много сожалеть соизволил, что они от российских границ отбиты, но уже поворотить было невозможно.

Ныне здесь, в Москве, недавно имелися из Средней орды от Аблай-солтана посланцов из солтанов же двоя, один из них — Аблай-солтана племянник, а Абулмамбет-хана туркустанского — родной внук. Как я, низжайшей, слышел, что и оныя солтаны из Санкт-Питербурга отъехали, от Василья Бакунина крайне-де огорчены, також-де при них обретающейся оренбургской толмач мне объявлял, что и здесь в Москве сын ево, Бакунина, Петр Бакунин крайне их не в почтени и весьма-де ругательно содержал, а когда-де при отправлении их во дворец оныя солтаны привожены были на извощичьих роспусках и в грязи замараны, а по прибытии их во дворец увидел-де он, Петр Бакунин, из оных солтанов Абулмамбет-хана внука, что он одет был собственной своей богатой парчи шубой, и смотря-де на него самым грубым взором, оному солтану говорил, для чего он в такой парчевой шубе приехал во дворец, здесь-де в шубе во дворец не входят, и того же-де Маметя [91] послал он, Бакунин, имеющего при них того толмача, чтоб тому солтану принести ис простаго сукна ево кафтан. И как тот толмач кафтан ево, солтанов, принес, то оной Бакунин приказал-де, тое шубу с него снять, а надеть кафтан, почему-де оной солтан принужден был с великим огорчением оную шубу с себя скинуть и отдать оному толмачю, а кафтан на себя надел.

Оной же толмач при самом отъезде у меня, низжайшего, был и объявлял мне, что-де и оныя солтаны оба два несказанно с неудовольствием отсель отъезжают, и тот солтан, которой Абулмамбет-хана внук, крайне-де себе за обиду почитал, что ему производилось в Санкт-Питербурге на день кормовых денег только по сороку копеек, и то-де он говорил толмачю, что-де калмыцким владельцам самому худому кормовых денег производится по рублю на день, а они-де, киргиз-кайсацкие солтаны, не для голоду посланцами приезжают, для куска хлеба и для-де потданнической своей должности и вашему императорскому величеству рабского поклонения, и для донесения об ординских делах; и зачем-де они приехали, и с чем отъезжают, о том ничего они не ведают, понеже об ординских делах никаких разговоров-де с ними не было, и тако-де они немо отселева и отъезжают, и, приехав в орду, солтанам и знатным старшинам им объявить будет нечево, а им-де, киргиз-кайсацким солтанам, уже посланцами приезжать впредь никак невозможно, понеже-де их принимают и содержат здесь

подло и ругательно, и из их-де Средней орды впредь посланцами не точию, чтобы солтаны, но и знатныя-де киргизцы приезжать в Россию уже не будут. Оной же толмачь мне объявлял, что-де оным солтанам в торжественные дни никакой милостивой дачи не в зачет жалованья не было.

А прежде сего, когда был канцлером граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин [92], киргиз-кайсацких солтанов, кои приезжали от ханов посланцами, всегда во дворец возили их почтительно в казенных каретах и колясках, також-де в торжественныя дни им всегда ж выдаваемо было за месяц кормовые деньги не в зачет, и об ординских делах с надлежащею резолюцьею и удовольствием их отправляли, и тогда они весьма довольны были и з бдагодарностию отъезжали.

А по моему слабейшему рабскому мнению, по всему видно, что как Меньшей орды от Нуралы-хана присланной солтан возвратилса крайне печален с немалым неудовольствием, как о том и выше показано, а уже ныне отселева из Москвы и з Средней орды посланцы двоя солтанов отправлены ж, как мне, низайшему, оренбургской толмач объявлял, с великим огорчением и с крайним неудовольствием же, ибо как Средняя орда весьма блиско кочует к Зенгорской земле, то уже по вышеозначенным неудовольствиям весьма опасно, чтобы по приезде в орду оных солтанов по близости ж к китайской стороне Средняя орда предатся, и всею ордою на Зенгорской земле расположиться бы не могла, а Меньшая орда уже от Средней орды отстать никак не может. А паче и по ланкартам известно, что Сибирская губерния весьма великую обширность имеет, и на всю оную губернию защиту и закрытие иметь российским войском никак будет невозможно; к тому же большая часть Сибирской губернии жители — идолопоклонники, и когда киргизцы станут их беспокоить, по желанию китайскому не воспоследовало бы и от них худых следствий.

А по моему ж слабейшему мнению так рассуждается, ежели же от чего, боже храни, оныя киргиз-кайсацкие орды от российской стороны небережением потеряются, и ныне, как слышно, что китайской могул своим мунгалским войском из Малой Бухарии несколько городов себе отобрал под свое владение; а егда он киргиз-кайсацкие орды приманит к себе под свою протекцию, то китайцы ими уже безсумненно Малую и Большую Бухарию потданство китайское принять силою принудят, и тогда к россий-

ской стороне вящее труднее быть может, и все пользы российские отойти могут, а после уже оных киргиз-кайсацких орд к российской стороне паки никакими трудами и великими иждивениями возвратить будет невозможно.

Понеже мне довольно знакомо, когда я был в Оренбурге главным командиром, а особливо Пограничная киргиз-кайсацкая комиссия по именному указу поручена была мне, нижайшему, тогда как из Сибири, так и из Государственной Коллегии иностранных дел о китайских делах сообщались к моей Киргиз-кайсацкой Пограничной комиссии; и в тех ведомостях как от китайского трибунала в Правительствующий Сенат каково писано, с тех писем присылался ко мне копии, и в тех письмах довольно ясно показано, какие грубые в крепких терминах писано, требуя калмыцкого владельца Шерена [93] и о протчих, ежели оной владелец Шерен и протчие им возвратно не отдадутся, те почти вечной тракт нарушить объявляли, а егда сию сильную орду киргиз-кайсацких народов от России китайцы отлучат и к себе привяжут всемерно, они тогда и к стороне Российской империи тем уже неизреченно могут возмеряться.

Ежели сие вашему императорскому величеству всепотданническое мое рабское приношение, сами они господа, или собственники, или же приятели их узнают, то все возможные силы свои употреблять будут меня всеми мерами губить и искоренить, хотя на мою персону из имянного вашего императорского величества указу они сделать ничего не могут, но токмо все крайне и неусыпно стараться будут по партикулярным делам и по деревням моим, хотя моя будет и правость, стороною судьям прозьбою и письмами тайно, как ни есть язву и вред мне учинить станут тщиться, токмо моя надежда и все упование остается единственно на ваше императорское величество всемилостивейшей государыне моей, как ваше императорское величество справедливая государыня и всероссийская мать, под защищением вашего императорского величества вернопотданного раба своего и под покровом всемилостивейше меня, нижайшего, повелеть содержать.

Как моя присяжная и вернопотданническая должность вашего императорского величества дражайшим интересам о пользе и о вреде, не желея себя до капли моей крови и до последнего моего дыхания, нетерпеливо принудило меня донести, но токмо, яко я человек бедной, беспомощной и безродной, приводит меня в не-

малые сумнения, ибо я уже человек старой, чтобы после меня дети мои по мне безвинно не могли пострадать. Однако и в том всепотданнейше себя и детей моих вашего императорского величества всемилостивейшею волю под защищение, и под покров, яко богу, предаю.

АВПРИ. Ф. 122/1. 1722–1755 гг. Д. 1. Л. 12–17. Подлинник;
ОВА МОН РК. Ф. 11. Оп. 4. Д. 172. Л. 23–33. Фотокопия с оригинала.